



УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Челябинский государственный университет»

Главный редактор

Таскаев Сергей Валерьевич — доктор физико-математических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0001-6352-2816; Scopus Author ID: 55886287900;
ResearcherID: AAU-9890-2021

Ответственный секретарь

Майоров Андрей Владимирович — доктор юридических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0002-8629-9837; Scopus Author ID: 55629771300;
ResearcherID: AAK-3612-2021

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Болдырев Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Россия); **Бубнов Юрий Александрович**, доктор философских наук (Воронежский государственный университет, Россия); **Голованова Елена Иосифовна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Желтухина Марина Ростиславовна**, доктор филологических наук, профессор (Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия); **Качалов Роман Михайлович**, доктор экономических наук, профессор (Центральный экономико-математический институт РАН, Россия); **Невелев Анатолий Борисович**, доктор философских наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Нижегородцев Роберт Михайлович**, доктор экономических наук (Институт проблем управления РАН, Россия); **Питина Светлана Анатольевна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Попов Евгений Васильевич**, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Уральский институт управления — филиал РАНХиГС, Россия); **Эндер Демир**, Университет Рейкьявика (Рейкьявик, Исландия); **Ж. Ришар**, PhD, профессор (Университет Париж-Дофин, Франция); **Роберт Филлипсон**, PhD, почетный профессор (Копенгагенская школа бизнеса, Дания).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Е. В. Шелестюк, доктор филологических наук, доцент, председатель редакционной коллегии (Челябинск); **Т. В. Борисенко**, кандидат филологических наук, заместитель председателя редакционной коллегии (Челябинск); **Е. Н. Бекасова**, доктор филологических наук, профессор (Оренбург); **Г. К. Валеев**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **Т. А. Воронцова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Е. И. Голованова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **С. Ю. Двинина**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **М. В. Загидуллина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Л. А. Месеняшина**, доктор педагогических наук, профессор (Челябинск); **А. А. Миронова**, доктор филологических наук, доцент (Челябинск); **Л. А. Нефёдова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Н. С. Олизько**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **С. А. Питина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **О. Ю. Редькина**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **Ал. А. Селютин**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **А. А. Селютин**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **Е. М. Хакимова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Т. В. Чернышова**, доктор филологических наук, профессор (Барнаул); **Марьям Шафаги**, кандидат филологических наук (Университет имени Алламе Табатабаи, Иран); **Маджид Эстири**, кандидат филологических наук (Государственный университет Гонбад-Кавус, Иран).

Журнал выходит 12 раз в год

Адрес издателя:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции научного
направления
«Филологические науки»:
Россия, 454084, Челябинск,
пр. Победы, 162в
Тел.: (351) 799-70-26
e-mail: russlang@csu.ru

С требованиями к оформлению
статей можно ознакомиться на сайте
[http://journals.csu.ru/index.php/
BulletinCSU](http://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU)

Редакция журнала может
не разделять точку зрения авторов
публикаций

Ответственность за содержание
статей и качество перевода аннотаций
несут авторы публикаций

Журнал зарегистрирован
в Роскомнадзоре.
Свидетельство ПИ № ФС77-66312
от 01.07.2016
Индекс 33077
в каталоге «Пресса России»

Корректра С. В. Ястребовой
Верстка С. В. Ястребовой

Подписано в печать 27.05.25.
Выход в свет 30.05. 25.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 19,0.
Уч.-изд. л. 16,4.
Тираж 500 экз. Заказ 357.
Цена свободная

Отпечатано:
Издательство Челябинского
государственного университета
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 576

Журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов,
утвержденный ВАК Минобрнауки РФ, по отраслям:
экономические науки, филологические науки, философские науки.

Издание включено в базы данных: UlrichsWeb Global Serials Directory;
EBSCO's research collections.



Philological Sciences

Issue 140

FOUNDER

Chelyabinsk State University (CSU)

Editor-in-chief

S. V. Taskaev, Dr. Sci. (Physics and Mathematics), Prof. (Assoc.)

Executive secretary

A. V. Mayorov, Dr. Sci. (Law), Prof. (Assoc.), Member of ASEP

EDITORIAL COUNCIL

N. N. Boldyrev, Dr. Sci. (Philology), Prof. (G. R. Derzhavin Tambov State University, Russia); **Y. A. Bubnov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Voronezh State University, Russia); **E. I. Golovanova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **M. R. Zheltukhina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russia); **R. M. Katchalov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Russia); **A. B. Nevelev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **R. M. Nizhegorodtsev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Institute of Control Sciences of RAS, Russia); **S. A. Pitina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **E. V. Popov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Corresponding Member of RAS (Ural Institute of Management — branch of RANEP, Russia); **E. Demir**, PhD, University of Reykjavik, (Reykjavik, Iceland); **J. Richard**, PhD, Prof. (Paris-Dauphine University, France); **R. Phillipson**, PhD, Prof. Emer. (Copenhagen Business School, Denmark).

EDITORIAL BOARD OF SCIENTIFIC DIRECTION

E. V. Shelestyuk, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.), Chairperson of Editorial Board (Chelyabinsk); **T. A. Borisenko**, Cand. Sci. (Philology), Deputy Chairperson of Editorial Board (Chelyabinsk); **E. N. Bekasova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Orenburg); **G. K. Valeev**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **T. A. Vorontsova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **E. I. Golovanova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **S. Yu. Dvinina**, Cand. Sci. (Philology) (Chelyabinsk); **M. V. Zagidullina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **L. A. Mesenyashina**, Dr. Sci. (Pedagogical), Prof. (Chelyabinsk); **A. A. Mironova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **L. A. Nefedova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **N. S. Olizko**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **S. A. Pitina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **O. Yu. Redkina**, Cand. Sci. (Philology) (Chelyabinsk); **Al. A. Selyutin**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **A. A. Selyutin**, Cand. Sci. (Philology), Prof. (Assoc.) (Chelyabinsk); **E. M. Khakimova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk); **T. V. Chernyshova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Barnaul); **M. Shafaghi**, Cand. Sci. (Philology) (Allameh Tabataba'i University, Tehran, Iran); **M. Estiri**, Cand. Sci. (Philology) (Gonbad Kavous University, Iran).

The journal is included into the list of peer-reviewed journals, approved by the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, in the following branches of knowledge: Economic Sciences, Philological Sciences, and Philosophical Sciences.

This journal is currently listed in: UlrichsWeb Global Serials Directory; EBSCO's research collections.

The journal is published
12 times per year

Address of Publisher:
129 Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

Editorial office address:
129, Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

“Philological Sciences”
editorial office address:
162v, Prospect Pobedy,
Chelyabinsk, 454084, Russia
Telephone: + 7(351) 799-70-26
e-mail: russlang@csu.ru

All the requirements
are available on the web-site
[http://journals.csu.ru/index.php/
BulletinCSU](http://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU)

The Editorial Board may not share
the views of the authors

Authors are responsible
for the article content and quality
of abstract translation

Academic periodical
is registered
in Federal Supervision Agency
for Information Technologies
and Communications
Certificate ПИ № ФЦ77-66312
dated 01.07.2016

Index 33077
in the “Press of Russia” catalog

Proofreader *S.V. Yastrebova*
Imposition by *S.V. Yastrebova*

Approved for printing 27.05.25.
Date of publication 30.05.25.
Format 60×84 1/8. Litho paper.
Font Times.
Conventional print. sh. 19,0.
Ac.-publ. sh. 16,4.
Circulation 500 copies.
Order 357. Open price

Printed:
Publishing Office
of Chelyabinsk State University
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ В ДИСКУРСАХ РАЗНЫХ ТИПОВ

- Вдовиченко Е. А., Каменева В. А.* Политическая терминология в новостных текстах, ориентированных на детскую аудиторию 7
- Каргина Е. М.* Анализ структурно-синтаксических особенностей немецких диалогических единств 15
- Миниярова Д. Р., Уразметова А. В.* Лингвокультурологический анализ городских дримонимов Вашингтона и Лондона 26
- Суркова Е. В.* Истоки и источники фразеологических заимствований в военно-профессиональной коммуникации. 34
- Яркова В. В., Шустова С. В.* Непрототипическая категориальная ситуация инструментальности (на примере глагола русского языка «пилить») 42

ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ, ПРАГМАЛИНГВИСТИКИ, КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

- Иванова Ю. М.* Метаязыковые техники игровой диалогической реакции (результаты опроса респондентов) 50
- Тисленкова И. А.* Лингвопрагматическая репрезентация демонстративной тональности в педагогическом дискурсе 58
- Чернявская Н. А., Усачева О. А.* Лингвокогнитивная характеристика жертвы мошенничества 67

ИССЛЕДОВАНИЯ КОНЦЕПТОВ, КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕТАФОР И СИМВОЛОВ

- Ласынова Н. А., Сулейманова Л. Р.* Лексические единицы с компонентом *сәс* 'волос' в башкирском языке: семантический, этнолингвистический аспекты. 76
- Мифтахова О. В.* Когнитивные особенности метафоры в современном политическом дискурсе Германии. 84
- Румянцева М. В.* Глубинные смыслы концепта-колоратива *голубой* в художественной картине мира В. В. Личутина 92

ВЕРБАЛЬНО-СЕМИОТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

- Фомин А. Г., Бакланова Е. В.* Особенности построения поликодовой модели песенно-поэтического текста жанра «рок» на английском и русском языке. 100
- Хелал Я. Л., Шарафутдинова О. И.* Репрезентация России в курсе русского языка как иностранного: региональный компонент 111

ГОРИЗОНТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ДЕКОДИРОВАНИЯ

- Алексеева Е. М.* Хронологическая перспектива евангельского притчевого дискурса 120
- Лушников Г. И., Осадчая Т. Ю.* Лингвистические средства создания импликации в художественном тексте (на материале рассказов Дж. Макгрегора). 128

ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЯЗЫКОВОГО РАЗВИТИЯ

- Фахрутдинова М. Т., Озтюрк Л. И.* Роль лингвистического прогнозирования
в нормализации русского языка новейшего периода 138
- Крылова А. В., Кудинова Г. Ф.* Феминативы профессиональной деятельности в контексте
современных тенденций развития языка 148
- Тэнтэн Ч., Миронова А. А.* Дискуссии о квалификации терминологии как самостоятельной
лингвистической науки в китайском языкознании. 157

CONTENTS

LEXICAL SYSTEMS AND GRAMMATICAL STRUCTURES IN DISCOURSES OF DIFFERENT TYPES

<i>Vdovichenko E. A., Kameneva V. A.</i> Political Terminology in News Texts Aimed at Young Readers	7
<i>Kargina E. M.</i> Analysis of Structural and Syntactic Features of German Dialogical Units.	15
<i>Miniarova D. R., Urazmetova A. V.</i> Linguistic and Cultural Analysis of Urban Drimonyms of Washington, D. C. and London.	26
<i>Surkova E. V.</i> Origins And Sources Of Phraseological Borrowings In Military Professional Communication	34
<i>Yarkova V. V., Shustova S. V.</i> Non-Prototypical Categorical Situation of Instrumentality (Based on the Russian Verb <i>pilit</i> 'to saw')	42

QUESTIONS OF PSYCHOLINGUISTICS, PRAGMALINGUISTICS, COGNITIVE LINGUISTICS

<i>Ivanova Y. M.</i> Metalinguistic Techniques of Playful Dialogical Reaction (Survey Results)	50
<i>Tislenkova I. A.</i> Linguopragmatic Representation of Demonstrative Tonality In Pedagogical Discourse	58
<i>Chernyavskaya N. A., Usacheva O. A.</i> Linguistic and Cognitive Characteristics of a Fraud Victim	67

RESEARCH ON CONCEPTS, CONCEPTUAL METAPHORS AND SYMBOLS

<i>Lasinova N. A., Suleymanova L. R.</i> Lexical Meanings with the <i>cəc</i> 'hair' Component in the Bashkir Language: Semantic, Ethnolinguistic Aspects	76
<i>Miftakhova O. V.</i> Cognitive Features of Metaphor in Contemporary Political Discourse in Germany	84
<i>Rumyantseva M. V.</i> The Deep Meanings of the Color Concept <i>Blue</i> in the Artistic Picture of V. V. Lichutin's World.	92

VERBAL-SEMIOTIC SYSTEMS AND REPRESENTATIONS

<i>Fomin A. G., Baklanova E. V.</i> Peculiarities of Constructing a Polycode Model of Song-and-Poetry Text of the "Rock" Genre In English and Russian.	100
<i>Helal Ia. L., Sharafutdinova O. I.</i> Representation of Russia in the Course on Russian as a Foreign Language: Regional Component	111

HORIZONS OF INTERPRETATION AND DECODING

<i>Alekseeva E. M.</i> Chronological Perspective of Gospel Parable Discourse	120
<i>Lushnikova G. I., Osadchaia T. Iu.</i> Linguistic Means of Creating Implication in a Literary Text (Based on Short Stories by J. McGregor)	128

TRENDS, PROBLEMS AND PROSPECTS OF LANGUAGE DEVELOPMENT

Fakhrutdinova M. T., Ozturk L. I. The Role of Linguistic Forecasting in Normalization
of the Modern Russian Language 138

Krylova A. V., Kudinova G. F. Nomina Feminine of Professional Activity in the Context of Modern
Language Development Trends 148

Tengteng Zhao, Mironova A. A. Discussions on the Qualification of Terminology
as an Independent Linguistic Science in Chinese Linguistics 157

**ЛЕКСИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ
В ДИСКУРСАХ РАЗНЫХ ТИПОВ
LEXICAL SYSTEMS AND GRAMMATICAL STRUCTURES
IN DISCOURSES OF DIFFERENT TYPES**

*Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 5 (499). С. 7–14.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025;(5(499):7-14.*

Научная статья

УДК 811.133.1

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-7-14

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В НОВОСТНЫХ ТЕКСТАХ,
ОРИЕНТИРОВАННЫХ НА ДЕТСКУЮ АУДИТОРИЮ**

Елизавета Анатольевна Вдовиченко¹, Вероника Александровна Каменева²

¹ Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия, elizaveta90@mail.ru, ORCID 0000-0003-0227-3689

² Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия, russia_science@mail.ru, ORCID 0000-0001-8146-9721

Аннотация. В данной научной статье рассматриваются способы введения политических терминов в новостные тексты, ориентированные на детскую аудиторию в возрасте от 8 до 12 лет. Материалом исследования послужили термины с определениями из 50 новостных текстов политической тематики, отобранных приемом сплошной выборки из франкоязычного журнала «l'jourlactu» за период 2013–2022 гг. В исследовании были применены общенаучные (синтез, анализ) и частнонаучные методы (лексический анализ и элементы качественного контент-анализа). Согласно полученным результатам, термины были разделены на три группы: первая — политические деятели и политические группы; вторая — политическая деятельность; третья — лица, нарушающие закон. Анализ трех групп показал, что при введении политических терминов чаще всего применяется аналогизация, то есть перифраз с сохранением смыслового содержания толкования, имеющегося в словаре, а также замена терминов на эквиваленты и понятия, более знакомые детской аудитории. Кроме того, выявлено, что введение политической терминологии из первой группы происходит при помощи синонимии. Толкование терминов из второй группы осуществляется в виде перифраза определения, закрепленного во франкоязычном толковом словаре, с добавлением или удалением части информации для лучшего усвоения смыслового содержания юными читателями. Политические термины из третьей группы используются в новостных текстах с перефразированным словарным определением, то есть эквивалентом, понятным юной читательской аудитории. Таким образом, авторы новостных текстов, применяя аналогизацию, предположительно облегчают восприятие и понимание содержания статьи детьми и способствуют популяризации политической терминологии.

Ключевые слова: политические термины, новостной текст, дети

Для цитирования: Вдовиченко Е. А., Каменева В. А. Политическая терминология в новостных текстах, ориентированных на детскую аудиторию // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 5 (499). С. 7–14. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-7-14.

Original article

POLITICAL TERMINOLOGY IN NEWS TEXTS AIMED AT YOUNG READERS

Elizaveta A. Vdovichenko¹, Veronika A. Kameneva²

¹ Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, elizaveta90@mail.ru, ORCID 0000-0003-0227-3689

² Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, russia_science@mail.ru, ORCID 0000-0001-8146-9721

Abstract. This research paper examines the ways of introducing political terms in news texts aimed at children aged 8 to 12 years old. The material of the study was terms with definitions from 50 news texts with political themes,

© Вдовиченко Е. А., Каменева В. А., 2025

selected by continuous sampling from the French-language magazine “l'jourlactu” for the period 2013-2022. The study applied general scientific methods (synthesis, analysis) and specific scientific methods (lexical analysis and elements of qualitative content analysis). According to the results obtained, the terms were divided into three groups: the first - political figures and political groups; the second - political activity; the third - persons violating the law. The analysis of the three groups showed that when introducing political terms, analogisation, periphrasis with preservation of the semantic content of the interpretation available in the dictionary, as well as replacement of terms with equivalents and concepts more familiar to the children's audience, is most often used. In addition, it was found that the introduction of political terminology from the first group occurs by means of synonymy. The interpretation of terms from the second group is carried out in the form of a periphrasis of the definition fixed in a French-language explanatory dictionary, with the addition or deletion of part of the information for better assimilation of the semantic content by young readers. Political terms from the third group are used in news texts with a paraphrased dictionary definition, an equivalent that is understandable to young readers. Thus, authors of news texts, by using analogisation, presumably facilitate children's perception and understanding of the content of the article and contribute to the popularisation of political terminology.

Keywords: political terms, news text, children

For citation: Vdovichenko EA, Kameneva VA. Political Terminology in News Texts Aimed at Young Readers. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(5(499)):7-14. (In Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-7-14.

Введение

В настоящее время существует огромное количество различных текстов, которые можно классифицировать не только по стилям, но и по жанрам, и по таргет-группам (целевой аудитории), для которых они создаются. Целевую аудиторию можно выделить по сходным социально-психологическим характеристикам [5. С. 213]. Выделяют следующие признаки: демографический, географический, экономический, психологический, поведенческий [6. С. 114].

В зависимости от возраста аудитории какая-либо информация может быть изложена разными способами, чтобы удержать внимание читателей и правильно быть воспринятой ими. В связи с этим ученые заинтересовались не только формой подачи информации, но и тем, как различные профессиональные термины вводятся в тексты, например, О. Д. Вишнякова и Э. В. Маргания [2], Э. И. Гарифуллина [3], Е. А. Нечаева [7], С. А. Панкратова [8], И. В. Финикова [10], В. В. Шумай [13], Р. Р. Яхина [14] и др. Ведь согласно зарубежным исследованиям, проводившихся С. Нохом и др., молодые читатели, ознакомившись с текстом, делают выводы только по его содержанию. Следовательно, им должно быть все понятно из него: все лексические единицы должны быть известны. Но если взять более взрослых читателей, то их выводы будут складываться из известной им информации из текста и знаний, полученных ранее. Следовательно, даже если им будет что-то непонятно, они будут ориентироваться на общий смысл [19].

Совсем недавно начали появляться тексты политической направленности, предназначенные для детей. Данная тематика является новой

и не совсем понятной для детской возрастной группы. Но в то же время ученые отмечают, что молодые читатели стали интересоваться новостными фактами и читать новостные тексты [16], следовательно, политические термины нужно вводить в тексты, чтобы происходила социализация ребенка и он приобретал знания в таких областях, как экономика, политика.

Под введением термина ученые понимают «его определение, т. е. разъяснение его смысла или значения» [9. С. 7] таким образом, чтобы читатель и автор свободно оперировали им [4].

Большая часть терминов входит в общеупотребительную сферу благодаря средствам массовой информации, которые описывают достижения научно-технического прогресса. На сегодняшний день выделяют семь способов введения терминов: определение из словарной статьи, постепенное подведение, ориентирующее введение, способ попутного замечания, синонимизация, аналогия и этимологизация термина [1; 12].

В газете в основном применяются четыре способа введения термина — «описание термина; использование синонимов; описательно-синонимический способ; с помощью примечаний» [11. С. 5]. Таким образом, автор новостного текста упрощает семантическую структуру термина, чтобы он был понятен для непрофессионального читателя.

До настоящего времени ученые изучали введение терминов в рекламе, прессе, научно-популярном и новостном текстах для массовой аудитории. В поле их исследования не входили новостные тексты политической тематики для детской аудитории. Следовательно, данный материал является новым и актуальным.

Но проводились социологические исследования зарубежными учеными, изучалось то, как новости влияют на детей, их эмоциональная реакция на события, освещенные в новостях, их отношение к политическим партиям и избирательным системам, так как средства массовой информации играют важную роль для формирования гражданской позиции в демократических странах [15; 17]. Несмотря на то что средства массовой информации стараются привлечь, охватить более молодых людей, чтобы они следили за происходящими событиями в мире, ученые из Канадского педагогического сообщества отмечают негативное влияние новостей на детей, так как их внимание больше привлекает информация, где говорится о катастрофах, преступлениях, скандалах, что отражается на психике [18].

Цель данной работы — изучить, каким способом для неподготовленной детской аудитории в новостные тексты вводятся политические термины, а также выяснить, отличаются ли эти способы от ранее выявленных.

Материалы и методы исследования

В ходе исследования были использованы общенаучные (синтез, анализ) и частнонаучные методы (лексический анализ и элементы качественного контент-анализа).

Приемом сплошной выборки было отобрано 50 новостных текстов политической тематики за период 2013–2022 гг. из франкоязычного журнала «l'jourlactu», ориентированного на детей от 8 до 12 лет. Из 50 статей было выявлено 18 новостных текстов, в которых присутствует не только сам политический термин, но и его толкование.

Результаты исследования и их обсуждение

Выявленные политические термины во франкоязычных новостных текстах, ориентированных на детей, можно разделить на следующие группы:

- политические деятели и группы (*les députés, Le président de la République, la coalition, le Premier ministre, l'ONU, Édouard Philippe*);
- политическая деятельность (*la destitution, l'impeachment, l'abstention, primaire, débattre, la monarchie, un suffrage indirect, le Brexit, le Conseil des ministres*);
- лица, нарушающие закон (*un frondeur, un immigré*).

Рассмотрим для каждой группы, каким образом вводятся термин и его определение в текст.

Термины первой группы, названия политических деятелей и групп, представлены в новостных текстах с синонимичным толкованием в виде предложения, словосочетания или отдельного слова.

Например, в статье *Les Ukrainiens votent pour l'Europe et pour la paix* сообщается: *Dimanche 26 octobre, les Ukrainiens ont élu leurs députés: ils ont préféré les partis qui veulent développer un rapprochement entre l'Ukraine et l'Union européenne, plutôt que les partis qui veulent conserver une relation forte avec la Russie*¹ (В воскресенье, 26 октября, украинцы избрали своих **депутатов**: они предпочли **партии**, которые хотят добиться сближения Украины с Европейским союзом, а не **партии**, которые хотят сохранить прочные отношения с Россией). Здесь автор новостного текста уравнивал два термина: *députés* и *partis*, когда депутаты — *les membres d'un parlement, d'une assemblée régionale ou locale de droit public, élus pour une période donnée*² (члены парламента, регионального или местного собрания публичного права, избранные на определенный срок), то есть являются также представителями какой-либо партии. Можно предположить, что синонимичное использование термина *une parti* связано с тем, чтобы конкретизировать, к какой именно политической структуре они относятся.

К следующему политическому термину — *Le président de la République* — дается толкование в статье под названием *C'est sa majesté, le roi des pays-bas*³. Оно представлено в виде словосочетания главных членов предложения: *qui dirigera le pays, c'est-à-dire le Président de la République* (кто будет управлять страной, то есть Президент Республики). В данном толковании описывается главная функция политического деятеля. Также следует отметить, что в этом случае сначала дается определение, а потом сам термин.

Кроме политических терминов, было отмечено присутствие в новостных текстах пояснений, кем является конкретный политический лидер. Например, в статье *Le nouveau gouvernement a été désigné*⁴ сообщается, что *Édouard Philippe, jusqu'ici maire de la ville du Havre, une ville du*

¹ Les Ukrainiens votent pour l'Europe et pour la paix. l'jourlactu. 28.10.2014. URL: <https://www.ljourlactu.com/monde/les-ukrainiens-votent-pour-leurope-et-pour-la-paix-74951> (дата обращения: 20.12.2023).

² Député. Toupictionnaire: Le dictionnaire de politique. URL: <https://www.toupie.org/Dictionnaire/Depute.htm> (дата обращения: 20.12.2023).

³ C'est sa majesté, le roi des pays-bas! l'jourlactu. 03.05.2013. URL: <https://www.ljourlactu.com/monde/voici-le-nouveau-roi-des-pays-bas> (дата обращения: 20.12.2023).

⁴ Le nouveau gouvernement a été désigné. l'jourlactu. 17.05.2017. URL: <https://www.ljourlactu.com/france/le-nouveau-gouvernement-sera-designe-dans-la-journee-19594> (дата обращения: 20.12.2023).

Nord de la France (Эдуард Филипп, до сих пор мэр города Гавр, города на севере Франции), чтобы молодые читатели имели представление, кто он такой, и связывали его с городом Гавр, местом его работы.

В данной группе политическим терминам дается определение в виде аналогизации: авторы новостных текстов не дают точного определения, взятого из словаря, они используют эквиваленты, метафорический перенос, указание на основные функции с целью простого восприятия и усвоения.

Вторая группа терминов — политическая деятельность — является многочисленной по сравнению с двумя другими выявленными. Политическая терминология данной группы вводится перифразом.

Например, термин *Brexit* используется в статье *Qui est Theresa May, la Première ministre qui a signé le Brexit?*⁵, которому дается следующее определение: *la séparation du Royaume-Uni et de l'Union européenne* (разрыв Соединенного Королевства и Европейского союза). Данное определение является перифразом того, что представлено в словаре политических терминов «Toupictionnaire»: *Le Brexit est le scénario de sortie du Royaume-Uni de l'Union européenne*⁶ (Брексит — это сценарий выхода Соединенного Королевства из Европейского союза).

Следующий термин — *primaire* — в статьях *Présidentielle: Hollande renonce, Valls se présente*⁷ и *Nicolas Sarkozy ne sera pas candidat à l'élection présidentielle*⁸ имеет соответствующие толкования: *primaires de la gauche... pour départager tous ceux qui... ont envie de représenter la gauche à l'élection présidentielle* (праймериз левых... чтобы выбрать всех, кто... хочет представлять левых на президентских выборах); *une «primaire» est une élection qui se déroule au sein d'un parti poli-*

⁵ Qui est Theresa May, la Première ministre qui a signé le Brexit? ljournalactu. 06.04.2017. URL: <https://www.ljournalactu.com/monde/qui-est-theresa-may-la-premiere-ministre-en-charge-du-brexit-13879> (дата обращения: 20.12.2023).

⁶ Brexit. Toupictionnaire: Le dictionnaire de politique. URL: <https://www.toupie.org/Dictionnaire/Brexit.htm> (дата обращения: 20.12.2023).

⁷ Présidentielle: Hollande renonce, Valls se présente. ljournalactu. 06.12.2016. URL: <https://www.ljournalactu.com/france/presidentielle-hollande-renonce-valls-se-presente-77859> (дата обращения: 20.12.2023).

⁸ Nicolas Sarkozy ne sera pas candidat à l'élection présidentielle. ljournalactu. 22.11.2016. URL: <https://www.ljournalactu.com/france/nicolas-sarkozy-ne-sera-pas-candidat-a-lelection-presidentielle-38855> (дата обращения: 20.12.2023).

tique ou d'une même famille politique. Elle permet de demander aux sympathisants de cette famille politique quelle est la personne qu'ils préfèrent pour être candidat lors d'une élection nationale («Первичные выборы» — это выборы, которые проводятся в рамках политической партии или одной политической «семьи». Они позволяют спросить сторонников этой политической «семьи», какого человека они предпочитают выдвинуть на общенациональных выборах). Данные определения имеют одинаковое смысловое содержание, только отличаются формой подачи. В первом случае термин раскрыт в одном сложном предложении, а во втором случае — в двух. В толковом словаре «Toupictionnaire» политический термин *primaire* имеет следующее толкование — *un scrutin organisé par un parti politique afin de désigner son candidat à une élection*⁹ (голосование, организованное политической партией для выдвижения своего кандидата на выборах), согласно содержанию которого молодым читателям могло бы быть не ясно, или они могли бы понять неправильно, что кандидата выбирают среди членов своей же партии. Следовательно, автор новостного текста не только перефразировал определение, но и конкретизировал информацию.

Политический термин *Un suffrage indirect* упоминается в статье *Comment est élu le président des États-Unis?*¹⁰, где дается его толкование: *Les électeurs américains ne votent pas directement pour un candidat: ils doivent choisir une liste de «grands électeurs», qui voteront eux-mêmes pour un candidat* (Избиратели США не голосуют напрямую за кандидата: они должны выбрать список «великих выборщиков», которые сами проголосуют за кандидата). В толковом словаре читаем: *Un suffrage indirect est un suffrage dans lequel les élus sont désignés par un corps intermédiaire, nommé «collège électoral», dont les membres (les «grands électeurs») ont eux-mêmes été élus*¹¹ (Косвенное избирательное право — это избирательное право, при котором выборные должностные лица назначаются промежуточным органом, называемым

⁹ Primaire. Toupictionnaire: Le dictionnaire de politique. URL: <https://www.toupie.org/Dictionnaire/Primaire.htm> (дата обращения: 20.12.2023).

¹⁰ Comment est élu le président des États-Unis? ljournalactu. 13.10.2021. URL: <https://www.ljournalactu.com/monde/election-presidentielle-etats-unis-21690> (дата обращения: 20.12.2023).

¹¹ Suffrage indirect. Toupictionnaire: Le dictionnaire de politique. URL: https://www.toupie.org/Dictionnaire/Suffrage_indirect.htm (дата обращения: 20.12.2023).

«коллекцией выборщиков», члены которой («великие выборщики») сами были избраны). При сравнении двух определений видно, что автор статьи упростил, перефразировал толкование термина, сохранив его смысловое содержание, представленное в толковом словаре, чтобы молодым читателям было понятнее, а не вызвало больше вопросов. Также следует отметить, что в данном примере определение предшествует термину, в отличие от других, входящих во вторую группу политических терминов.

Итак, определения к терминам, составляющим вторую группу — политическая деятельность, в новостных текстах, ориентированных на детей, представлены в виде перифраза информации из толкового словаря таким образом, чтобы упростить восприятие содержания: отсутствует избыточная информация, которая усложняет понимание, или, наоборот, присутствует, благодаря чему автор новостного текста конкретизирует информацию.

В третью группу политических терминов входят термины со значением конфликта — лица, нарушающие закон. Данная группа является малочисленной, так как ее составляют всего два термина: *un frondeur* и *un immigré*. Рассмотрим ниже, какие определения используют авторы новостных текстов к ним.

В статье *Élection présidentielle: Benoît Hamon, élu candidat de la gauche* присутствует термин *un frondeur*, которому дается толкование: *ces membres du Parti socialiste en désaccord avec la politique menée par le gouvernement*¹² (члены Социалистической партии, которые не согласны с политикой, проводимой правительством). В толковом словаре дается следующее определение: *est une personne qui critique l'autorité, est encline à l'opposition*¹³ (человек, который критикует власть, выражает оппозиционную точку зрения). По смысловому содержанию определения совпадают, применяется перифраз.

В статье *États-Unis: pourquoi construit-on un mur à la frontière mexicaine?* используется термин *un immigré*, пояснение к которому дается в следующем предложении в виде понятия:

¹² Élection présidentielle: Benoît Hamon, élu candidat de la gauche. ljournalactu. 02.02.2017. URL: <https://www.ljournalactu.com/france/election-presidentielle-benoit-hamon-elu-candidat-de-la-gauche-31338> (дата обращения: 20.12.2023).

¹³ Fronde, frondeur. Toupictionnaire: Le dictionnaire de politique. URL: <https://www.toupie.org/Dictionnaire/Fronde.htm> (дата обращения: 20.12.2023).

*Chaque année, des milliers d'étrangers arrivent aux USA*¹⁴ (Каждый год тысячи иностранцев приезжают в США), который в данном случае выступает в качестве эквивалента.

Согласно представленным примерам, термины третьей группы, так же как и предыдущих групп, вводятся с помощью аналогизации: перифраза предложения и эквивалента.

Следует отметить, что детский журнал «ljournalactu» ориентирован на постоянных читателей, так как было установлено, что некоторые политические термины в ранних выпусках давались с толкованием, а в последующих уже использовались без определений.

Например, такой термин, как *le Premier ministre*, присутствует в статье под названием *Le nouveau gouvernement a été désigné*¹⁵ (Назначено новое правительство) со следующим определением: *qui sera son «bras droit»: le Premier ministre* (кто станет «правой рукой»: премьер-министром). Следует отметить, что определение, выраженное метафорическим переносом, предшествует самому термину. Данная статья была опубликована в мае 2017 г. В последующих статьях, например, *Le gouvernement fait un pas vers les gilets jaunes*¹⁶ (Правительство делает шаг в сторону «желтых жилетов») от 5 декабря 2018 г., *Qui est Élisabeth Borne, la nouvelle Première ministre?*¹⁷ (Кто такая Елизавета Борн, новый премьер-министр?) от 18 мая 2022 г. и других, термин *le Premier ministre* используется без определения, он только упоминается при указании должности политического деятеля. Пример: *Élisabeth Borne est la deuxième femme à être désignée Première ministre* (Элизабет Борн — вторая женщина, назначенная премьер-министром).

¹⁴ États-Unis: pourquoi construit-on un mur à la frontière mexicaine? ljournalactu. 19.01.2019. URL: <https://www.ljournalactu.com/monde/etats-unis-pourquoi-construit-on-un-mur-a-la-frontiere-mexicaine> (дата обращения: 20.12.2023).

¹⁵ Le nouveau gouvernement a été désigné. ljournalactu. 17.05.2017. URL: <https://www.ljournalactu.com/france/le-nouveau-gouvernement-sera-designe-dans-la-journee-19594> (дата обращения: 20.12.2023).

¹⁶ Le gouvernement fait un pas vers les gilets jaunes ljournalactu. 05.12.2018. URL: <https://www.ljournalactu.com/france/le-gouvernement-fait-un-pas-vers-les-gilets-jaunes> (дата обращения: 20.12.2023).

¹⁷ Qui est Élisabeth Borne, la nouvelle Première ministre? ljournalactu. 18.05.2022. URL: <https://www.ljournalactu.com/france/elisabeth-borne-premiere-ministre> (дата обращения: 20.12.2023).

Заключение

Итак, исследование политической терминологии в 50 новостных текстах для читателей 8–12 лет показало, что авторы статей при передаче новостной информации используют небольшое количество терминов политической тематики — 37 терминов на 50 статей, среди которых 20 терминов, упомянутых без определений в новостных текстах. Употребление терминов без определений в новостных текстах предположительно указывает на то, что незнание их значений не затруднит восприятие новостной информации.

Анализ трех выделенных групп с политической терминологией, используемой в новостных текстах с определениями, показал, что при их введении чаще всего применяется аналогия, то есть перифраз с сохранением смыслового содержания толкования, имеющегося в словаре, а также замена терминов на эквиваленты и понятия, более знакомые детской аудитории. Следует отметить, что в первой группе терминов, где представлены политические деятели и группы, даются определения в виде словосочетаний или отдельного слова с синонимичным, метафоричным значением или его эквивалент. Во второй группе — политическая деятельность — применяется перифраз определений из толкового словаря, при этом имеется конкретизация терминов: добавляется какая-либо информация или убирается ненужная информация для понимания.

В третьей группе терминов — лица, нарушающие закон, — используется перифраз, сохраняющий информацию из толкового словаря, или понятие, знакомое для молодого читателя. В последующих статьях, опубликованных позже, политические термины используются без определений, так как предполагается, что молодые читатели уже владеют их значениями.

Таким образом, для читателей в возрасте от 8 до 12 лет введение в новостные тексты политических терминов с их толкованием при помощи аналогии может способствовать облегчению восприятия и понимания содержания статьи и снижению вероятности отказа молодых читателей от прочтения текстов политической тематики, а также популяризации политической терминологии.

В перспективе дальнейшего исследования — изучить комментарии детей, оставленные под новостными текстами, в которых употребляются политические термины с определениями, чтобы установить степень их популяризации среди данной читательской категории. Кроме этого, следует выявить, влияет ли способ введения и место употребления терминов в новостном тексте на использование их в дальнейшем в речи (комментарии к тексту-стимулу) детей. Ведь в последнее время актуальны исследования, посвященные тому, как молодые люди, в том числе и дети, получают, оценивают, производят, делятся новостями в сети Интернет, а также реагируют на них.

Список источников

1. Ахмерова Г. А., Белая А. Г., Кузнецова Т. А. Лексико-грамматические особенности научно-популярного текста // Наука — образованию, производству, экономике: материалы 12-й Международной научно-технической конференции. Мн., 2014. Т. 4. С. 294.
2. Вишнякова О. Д., Маргания Э. В. Функционально-прагматическая адаптация терминологических единиц как отражение процесса взаимодействия научного и обыденного знания // Вестник Самарского государственного университета. 2011. № 1–2. С. 109–114.
3. Гарифуллина Э. И. Стилистическое использование терминов, иностранных слов, неологизмов в языке газеты // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2008. № 1. С. 207–217.
4. Даренская Н. А., Буянкина Н. Н. Культура научной и деловой речи: учебно-методическое пособие. Барнаул: АГАУ, 2008. 65 с.
5. Коваленко Е. С., Сергеев А. А. Механизмы воздействия на целевую аудиторию в сети Интернет // Форум. Серия: Современное состояние и тенденции развития гуманитарных и экономических наук. 2011. № 1. С. 213–216.
6. Красовская Н. Р., Гуляев А. А., Лахтин А. Ю. Способы разграничения целевых аудиторий и каналы коммуникации с ними // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 3. С. 114–115.
7. Нечаева Е. А. Способы адаптации англоязычных PR-терминов в русском языке // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2017. Т. 8, № 1. С. 76–81.
8. Панкратова С. А. Адаптация кинематографической терминологии в общепотребительной сфере // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22, № 3. С. 859–868. DOI 10.21603/2078-8975-2020-22-3-859-868.

9. Петров Ю. А., Захаров А. А. Практическая методология. Озерск: ОТИМИФИ, 2001. 107 с.
10. Финикова И. В. Специфика функционирования терминологических единиц в текстах научно-популярной направленности // Новое слово в науке: стратегии развития: сборник материалов IX Международной научно-практической конференции, г. Чебоксары, 07 июня 2019 г. Чебоксары, 2019. С. 97–103.
11. Ци Ванчжи. Термины в языке газеты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. М., 2006. 20 с.
12. Чинь Х. Х. Способы введения и раскрытия значения терминов в текст (на материале русского и английского языков) // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 5. URL: <https://human.snauka.ru/2017/05/23954> (дата обращения: 20.12.2023).
13. Шумай В. В. Использование неологизмов в новостном дискурсе англоязычных СМИ // Вопросы филологии и переводоведения в контексте межкультурного взаимодействия: сборник научных статей XXXV Международная научно-практическая конференция, посвященная 200-летию со дня рождения К. Д. Ушинского, г. Чебоксары, 19–20 октября 2023 г. Чебоксары, 2023. С. 90–95.
14. Яхина Р. Р. Языковая адаптация англоязычных технических терминов в русском языке // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2019. Т. 16, № 3. С. 18–24. DOI 10.14529/ling190303.
15. Akyüz M. H., Özmen M., Yalman D. The impact of the news on children and children's perception of the news // Akdeniz Üniversitesi İletişim Fakültesi Dergisi. 2024. № 45. P. 57–75. DOI 10.31123/akil.1426450.
16. Crispin S. Attracting young readers — tactics for engagement: A report for the Robert Bell Travelling Scholarship. Christchurch: University of Canterbury, 2011. 25 p.
17. Elvestad E. News, children, and young people // Oxford Research Encyclopedia of Communication. 23 Dec 2019. Available from: <https://oxfordre.com/communication/view/10.1093/acrefore/9780190228613.001.0001/acrefore-9780190228613-e-851> (accessed 27 Dec 2024). DOI 10.1093/acrefore/9780190228613.013.851.
18. Impact of media use on children and youth // Paediatrics & Child Health. 2003. Vol. 8, № 5. P. 301–317. DOI 10.1093/pch/8.5.301.
19. Noh S. R., Shake M. C., Parisi J. M., Joncich A. D., Morrow D. G., Stine-Morrow E. A. L. Age differences in learning from text: The effects of content preexposure on reading // International Journal of Behavioral Development. 2007. Vol. 31, № 2. P. 133–148. DOI 10.1177/0165025407073581.

References

1. Akhmerova GA, Belaya AG, Kuznetsova TA. Lexical and grammatical features of popular science text. In: Nauka – obrazovaniyu, proizvodstvu, ekonomike = Science — education, production, economics: materials of the 12th International Scientific and Technical Conference. Minsk; 2014. Vol. 4. P. 294. (In Russ.).
2. Vishnyakova OD, Margania EV. Functional pragmatic adaptation of terminological units as the reflection of the scientific and common knowledge interaction process. *Bulletin of Samara State University*. 2011;(1-2):109-114. (In Russ.).
3. Garifullina EI. Stylistic use of terms, foreign words, neologisms in the language of the newspaper. *Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University*. 2008;(1):207-217. (In Russ.).
4. Darenskaya NA, Buyankina NN. Culture of scientific and business speech: educational manual. Barnaul; 2008. 65 p. (In Russ.).
5. Kovalenko ES, Sergeev AA. Mechanisms of influence on the target audience on the Internet. *Forum Seriya: Sovremennoye sostoyaniye i tendentsii razvitiya gumanitarnykh i ekonomicheskikh nauk = Forum Series: Current state and trends in the development of humanities and economic sciences*. 2011;(1):213-216. (In Russ.).
6. Krasovskaya NR, Gulyaev AA, Lakhtin AYu. Methods of differentiation and channels of communication with target audiences. *The world of science, culture and education*. 2019;(3):114-115. (In Russ.).
7. Nechaeva EA. Methods of adaptation of English PR terms in Russian. *News of higher educational institutions. Series: Humanities*. 2017;8(1):76-81. (In Russ.).
8. Pankratova SA. Adaptation of film terminology in the general language. *Bulletin of Kemerovo State University*. 2020;22(3):859-868. DOI 10.21603/2078-8975-2020-22-3-859-868. (In Russ.).
9. Petrov YuA, Zakharov AA. Practical methodology. Ozersk; 2001. 107 p. (In Russ.).
10. Finikova IV. Specificity of the functioning of terminological units in popular science texts. In: Novoye slovo v nauke: strategii razvitiya = New word in science: development strategies: collection of materials of the IX International Scientific and Practical Conference, Cheboksary, June 7, 2019. Cheboksary; 2019. Pp. 97-103. (In Russ.).

11. Qi Wanzhi. Terms in newspaper language. Thesis abstract. 2006. 20 p. (In Russ.).
12. Chin HH. Methods of introducing and disclosing the meaning of terms in the text (based on the material of Russian and English languages). *Humanitarian scientific Researchers*. 2017;(5). Available from: <https://human.snauka.ru/2017/05/23954> (accessed 12 Dec 2023). (In Russ.).
13. Shumay VV. The use of neologisms in the news discourse of English-language media. In: *Voprosy filologii i perevodovedeniya v kontekste mezhkul'turnogo vzaimodeystviya = Issues of philology and translation studies in the context of intercultural interaction: collection of scientific articles XXXV International scientific and practical conference dedicated to the 200th anniversary of the birth of K. D. Ushinsky, Cheboksary, October 19-20, 2023*. Pp. 90-95. (In Russ.).
14. Yakhina RR. Language adaptation of English technical terms in the Russian language. *Bulletin of South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2019;16(3):18-24. DOI 10.14529/ling190303. (In Russ.).
15. Akyüz MH, Özmen M, Yalman D. The impact of the news on children and children's perception of the news. *Akdeniz Üniversitesi İletişim Fakültesi Dergisi*. 2024;(45):57-75. DOI 10.31123/akil.1426450.
16. Crispin S. Attracting young readers — tactics for engagement: A report for the Robert Bell Travelling Scholarship. Christchurch; 2011. 25 p.
17. Elvestad E. News, children, and young people. *Oxford Research Encyclopedia of Communication*. 23 Dec 2019. Available from: <https://oxfordre.com/communication/view/10.1093/acrefore/9780190228613.001.0001/acrefore-9780190228613-e-851> (accessed 27 Dec 2024). DOI 10.1093/acrefore/9780190228613.013.851.
18. Impact of media use on children and youth. *Paediatrics & Child Health*. 2003;8(5):301-317. DOI 10.1093/pch/8.5.301.
19. Noh SR, Shake MC, Parisi JM, Joncich AD, Morrow DG, Stine-Morrow EAL. Age differences in learning from text: The effects of content preexposure on reading. *International Journal of Behavioral Development*. 2007;31(2):133-148. DOI 10.1177/0165025407073581.

Информация об авторах

Е. А. Вдовиченко — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории и методики преподавания гуманитарных дисциплин.

В. А. Каменева — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики преподавания гуманитарных дисциплин.

Information about the authors

E. A. Vdovichenko — Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer at the Department of Theory and Methodology of Teaching Humanities.

V. A. Kameneva — Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and Methodology of Teaching Humanities.

Статья поступила в редакцию 09.01.2025; одобрена после рецензирования 10.02.2025; принята к публикации 30.04.2025.

The article was submitted 09.01.2025; approved after reviewing 10.02.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК81'33

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-15-25

АНАЛИЗ СТРУКТУРНО-СИНТАКСИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ НЕМЕЦКИХ ДИАЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНСТВ

Елена Михайловна Каргина

Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Пенза, Россия, kargina-elena@mail.ru,
ORCID ID 0000-0002-2630-6302, SCOPUS ID 56548929200

Аннотация. Разговорная речь любого языка обладает своими специфическими особенностями по сравнению с письменной речью, а диалогическая речь, обладая всеми особенностями разговорной речи, имеет, кроме этого, и свои отличительные стороны. Статья посвящена анализу структурно-синтаксических особенностей немецкой разговорной речи. Исследование выполнено на основе метода лингвистического наблюдения и описания с использованием методов контекстуального, сопоставительного и семантического анализа. Материалом исследования послужили произведения немецкой классической литературы. В статье подробно рассматривается структура предложений с неполной формой сказуемого, употребляемая во вторых репликах диалогических единств. Анализируются их функции, определяются причины раздельного употребления составных частей сказуемого, выявляются строевые закономерности таких предложений. Отмечается, что неполные предложения, употребленные во вторых репликах диалогических единств, находят свое структурное и смысловое завершение в первых репликах этих единств, связывая, таким образом, смежные реплики синтаксически. Выделяются и обосновываются четыре вида синтаксической соотнесенности сказуемых смежных реплик: 1) использование в сказуемом второй реплики одной из составных частей сказуемого первой реплики; 2) использование во второй реплике одной из частей сказуемого, не совпадающей с соответствующей частью сказуемого первой реплики по лексическому наполнению или по форме; 3) употребление во второй реплике соответствующей неизменяемой части сказуемого, которая соотносится со сказуемым первой реплики уже как со спрягаемой частью сказуемого; 4) лексическое наполнение грамматической формы неназванной во второй реплике неспрягаемой части сказуемого на основе соотнесения с соответствующим членом, употребленным в первой реплике. В заключение подчеркивается, что особенности предложений с неполной формой сказуемого, употребленных в качестве вторых реплик диалогического единства, обуславливаются сложным взаимодействием строевых закономерностей немецкого языка, с одной стороны, и характерных черт синтаксиса диалога — с другой.

Ключевые слова: диалогическое единство, немецкий язык, структурно-синтаксические особенности, предложение с неполной формой сказуемого, синтаксическая соотнесенность сказуемых смежных реплик

Для цитирования: Каргина Е. М. Анализ структурно-синтаксических особенностей немецких диалогических единств // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 5 (499). С. 15–25. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-15-25.

Original article

ANALYSIS OF STRUCTURAL AND SYNTACTIC FEATURES OF GERMAN DIALOGICAL UNITS

Elena M. Kargina

Penza State University of Architecture and Construction, Penza, Russia, kargina-elena@mail.ru, ORCID ID 0000-0002-2630-6302, SCOPUS ID 56548929200

Abstract. Conversational speech of any language has its own specific features compared to written speech, and dialogic speech, possessing all the features of spoken speech, has its own distinctive sides in addition. The article is devoted to the analysis of the structural and syntactic features of German colloquial speech. The study was carried out on the basis of the method of linguistic observation and description using methods of contextual, comparative

and semantic analysis. The research material was the works of German classical literature. The structure of sentences with an incomplete predicate form used in second parts of dialogical unity is considered in detail. Their functions are analyzed, the reasons for the separate use of the predicate components are determined, the structural patterns of such sentences are revealed. It is noted that incomplete sentences used in the second parts of dialogical units find their structural and semantic completion in the first parts of these units, thus linking adjacent parts syntactically. Four types of syntactic correlation of predicates of adjacent parts are distinguished and justified: 1) the use in the predicate of the second part of one of the constituent parts of the predicate of the first part; 2) the use in the second part of one of the parts of the predicate that does not coincide with the corresponding part of the predicate of the first part in lexical content or in form; 3) the use in the second part of the corresponding unchangeable part of the predicate, which correlates with the predicate of the first part already as with the conjugated part of the predicate; 4) lexical filling of the grammatical form of the non-conjugated part of the predicate unnamed in the second part on the basis of correlation with the corresponding member used in the first part. In conclusion, it is emphasized that the features of sentences with an incomplete predicate form, used as second parts of dialogical unity, are determined by the complex interaction of the structural patterns of the German language, on the one hand, and the characteristic features of the dialogue syntax, on the other.

Keywords: dialogical unit, German language, structural and syntactic features, sentence with incomplete predicate, syntactic correlation of predicates of adjacent dialogical parts

For citation: Kargina EM. Analysis of Structural and Syntactic Features of German Dialogical Units. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(5(499):15-25. (In Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-15-25.

Введение. Анализ лингвистической и методической литературы свидетельствует об актуальности исследования структурно-синтаксических особенностей немецких диалогических единств в аспекте их функций и строевых закономерностей (А. С. Бутусова [2], М. Я. Вайс [3], В. Т. Дмитриева [8], Т. Ф. Дубовцева [9], В. А. Ковин [14], В. А. Левин [17], Н. Г. Озерова [19] и др.). Рассмотрение данной проблемы находит отражение в работах исследователей в следующих концептах: «эллипсис» (А. А. Ларькина [16]), «эллиптизация» (В. Ф. Сиденко [20]), «эллиптические предложения» (А. С. Бутусова [2], Л. В. Косоножкина [15]), «эллиптические конструкции» (Т. Ф. Дубовцева [9], Т. В. Михайлова [18]), «эллиптические модели» (М. В. Зеликов [10]), «эллиптические высказывания» (М. Л. Касаткин [12]), «эллиптические структуры» (Е. В. Коваленко [13]), «неполные предложения» (В. А. Левин [17], В. А. Ковин [14]), «усеченные синтаксические конструкции» (Н. Г. Озерова [19]), «предложения с неполной формой сказуемого» (В. Т. Дмитриева [8]) и др. Изучение проблемы синтаксиса диалогической речи проводилось как в отношении русского языка (Т. Г. Винокур, Т. Н. Колокольцева, И. А. Попова и др.), так и в отношении европейских языков: английского (Г. А. Вейхман, Е. В. Коваленко, В. А. Юхт и др.), немецкого (В. Д. Девкин, И. Е. Езан, Л. Н. Неборская, Л. М. Михайлов и др.), французского (А. А. Ларькина, Ж. С. Павловская).

Объектом исследования данной статьи является немецкая разговорная речь и, прежде всего, ее основная форма — диалогическая речь, ха-

рактеризующаяся наличием и широкой употребительностью предложений с неполной формой сказуемого. Принимая во внимание вывод о недостаточной изученности ряда аспектов синтаксиса диалогической речи, полученный на основе анализа профильной литературы, в качестве цели исследования нами обозначен анализ структурно-синтаксических особенностей немецких диалогических единств и их классификация на основе синтаксической соотнесенности сказуемых смежных реплик.

Известно, что разговорная речь любого языка обладает своими специфическими особенностями по сравнению с письменной речью, а диалогическая речь, обладая всеми особенностями разговорной речи, имеет, кроме этого, и свои отличительные стороны. По сравнению с письменной речью разговорная речь изучена гораздо меньше. Еще меньше внимания привлекал к себе диалог. Незнание разговорной и в том числе диалогической речи отмечается исследователями различных языков. Не представляет в этом отношении исключения и немецкий язык.

В работах, так или иначе затрагивающих проблему изучения разговорной речи того или иного языка, разбираются обычно отличительные особенности последней по сравнению с письменной речью, а также производится анализ тех причин, которые обуславливают эти отличия. Гораздо меньше внимания уделяется конкретным языковым формам, в которых эти отличия воплощаются, языковой базе разговорной речи. Необходимость же такого исследования очевидна.

Так, например, часто указывается на распространенность в разговорной речи любого языка так называемых неполных предложений. Отмечается, что неполные предложения, употребленные во вторых репликах диалогических единств, находят свое структурное и смысловое завершение в первых репликах этих единств, связывая, таким образом, смежные реплики синтаксически [3]. Однако работ, исследующих конкретные формы такой синтаксической связи, закономерности построения «неполных» вторых реплик, особенности их в каждом конкретном языке, еще далеко недостаточно.

Основной задачей данной работы и является изучение одной из конкретных форм такой связи смежных реплик диалогического единства, а именно изучение употребленных во вторых репликах этих единств предложений с неполной формой сказуемого, анализ их функций, определение причин раздельного употребления составных частей сказуемого, выявление строевых закономерностей таких предложений.

Исследованный материал показал, что такие предложения возможны для вторых реплик диалога, находящихся в самых разнообразных смысловых отношениях с первыми репликами диалогических единств (обычно отмечают следующие смысловые взаимоотношения смежных реплик: вопрос — ответ; повествование (сообщение) — согласие, возражение, подтверждение, добавление, повторение, переспрос [5]).

Материалы и методы исследования

Основополагающим методом исследования стал метод лингвистического наблюдения и описания с использованием методов контекстуального, сопоставительного и семантического анализа. Материалом исследования послужили произведения немецкой классической литературы, в частности работы В. Бределя, Ф. Вольфа, Г. Вангенхайма, Э. М. Ремарка, Р. Леонгарда, Х. Мюллера, Х. Кайша, Х. Хаузера, Г. Циннера, А. Матуше, Б. Брехта и др.

Виды синтаксической соотнесенности сказуемых смежных реплик в немецких диалогических единствах

При употреблении предложений с неполной формой сказуемого в качестве вторых реплик диалога синтаксическая связь смежных реплик состоит в синтаксической соотнесенности сказуемых этих реплик.

Синтаксическая связь реплик, иначе — их синтаксическая соотнесенность (термин Т. Г. Винокур), выражаемая в формах второй реплики,

состоит: 1) в неповторении второстепенных смысловых звеньев первой реплики; 2) в повторе ее смыслового центра; 3) в дополнении второй репликой структуры первой реплики; 4) в семантико-синтаксической замене какого-либо члена словом местоименного характера [4].

Нами выделяется несколько видов такой соотнесенности.

1. Соотнесенность первого вида. В сказуемом второй реплики названа одна из составных частей сказуемого первой реплики. Незванная часть сказуемого «подхватывается» из первой реплики (часто со всеми членами группы сказуемого).

Соотнесенность первого вида универсальна, то есть возможна для сказуемого любого типа без каких бы то ни было ограничений, а также для диалогических единств с самыми разнообразными смысловыми соотношениями [11].

Особый интерес представляют аналитические глагольные формы, неразложимость, идиоматичность которых обычно отмечается авторами, изучающими эти «синтаксические формообразования» (термин В. В. Виноградова) [6]. Как правило, исследование аналитических глагольных форм ограничивалось рамками лишь одного предложения.

При всей неделимости аналитической глагольной формы можно наблюдать в речи раздельное употребление ее составных частей. Такое употребление показывает реальную выделимость компонентов аналитической формы глагола, функционирующих и в этом случае как части единого целого. Они имеют, однако, в таком употреблении свои специфические особенности.

Попытаемся проследить причины, обуславливающие раздельное употребление составных частей аналитической глагольной формы. Сопоставим два вопросно-ответных диалогических единства, во вторых репликах которых не названы различные части сказуемого, представленного в первой реплике полной формой перфекта.

„Mein Herr, *haben* Sie den Spiegel *zertrümmert*?“
„Jawohl, *hab* 'ich“ (W. Bredel, Die Väter)

Из приведенного примера видно, что употребление одного вспомогательного глагола в ответе на вопрос имеет тот смысл, что отвечающий подтверждает сам факт совершения действия, а употребление одного причастия II от смыслового глагола в ответной реплике подтверждает то обстоятельство, что совершилось именно это действие, а не какое-нибудь другое.

При сопоставлении вопросно-ответных диалогических единств, сказуемым первых реплик

которых является форма футурума I, мы наблюдаем аналогичное «распределение функций» между составными частями этой аналитической формы.

„*Werde ich den Schlüssel erhalten, Mama?*“

„*Du wirst, Kind, natürlich wirst du!*“ (F. Wolf, *Was der Mensch säet*).

Очевидно, что употребление одного вспомогательного глагола в ответной реплике указывает на то, что действие совершится, а употребление инфинитива смыслового глагола во второй реплике подтверждает, что совершится именно это действие.

Употребление предложений с одной из частей форм перфекта и футурума I во второй реплике при наличии в первой реплике полных форм сказуемого наблюдается и в диалогических единствах с другими смысловыми отношениями, например, в повторах и переспросах.

„*Rege dich nicht auf, Hermine, wir werden es schon bekommen.*“

„*Wir werden schon, wir werden schon.*“ (F. Wolf, *Was der Mensch säet*).

Мы видим, что употребление в повторе или переспросе одной неспрягаемой части употребленных в первой реплике форм подчеркивает характер действия, а спрягаемой — факт его совершения в определенном времени.

Такое же распределение функций наблюдается при раздельном употреблении составных частей аналитических форм сослагательного наклонения и пассива.

„*Aber die Rolle wurde doch für Sie geschrieben?*“

„*Wurde, wurde... Natürlich.*“ (F. Wolf, *Die letzte Probe*)

Таким образом, мы можем констатировать наличие как бы определенной «функциональной заданности» как у спрягаемой части аналитической глагольной формы (показатель факта свершения действия в определенном времени), так и у неспрягаемой части этой формы (показатель самого действия, его характера).

Сравнивая свойства аналитической глагольной формы с характерными чертами такого типа сочетания «частичного и полного слова», как именное сказуемое, а также со сложным глагольным сказуемым, исследователи отмечают прежде всего наличие у последних лексической и грамматической выделяемости составных частей [6]. Лексическая и грамматическая выделяемость составных частей именного и сложного глагольного сказуемого, более свободные связи между ними дают основание ожидать еще более широкую возмож-

ность раздельного употребления компонентов этих видов сказуемого. Наблюдения показывают, что употребление во вторых репликах диалога предложении с одной из частей упомянутых видов сказуемого — весьма распространенное явление в немецкой диалогической речи.

Проследим, как функционируют составные части именного сказуемого при раздельном употреблении.

„*Sind Sie Frau Hampel?*“

„*Bin ich.*“ (G. Wangenheim, *Mit der Zeit werden wir fertig*).

„*Sind die Balken geschnitten?*“

„*Geschnitten.*“ (F. Wolf, *Bürgermeister Anna*)

Сопоставление приведенных вопросно-ответных единств наглядно показывают, что употребление одного связочного глагола в ответной реплике означает в данном случае подтверждение наличия названного в первой реплике признака, а употребление одного предикатива (независимо от того, какая часть речи выступает в его роли) означает подтверждение самого признака с элементом подчеркивания, выделения его.

Связочный глагол, употребленный отдельно, выступает как показатель наличия признака не только в вопросно-ответных диалогических единствах. Например:

„*Ich finde, Sie sind heute in blendender Laune, Herr Oberarzt.*“

„*Bin ich immer, im allgemeinen, richtig, Lilli?*“ (F. Wolf, *Dr. Lilli Wanner*)

Общеизвестно широкое употребление одного предикатива в различных повторах и переспросах, что как нельзя более наглядно выявляет функцию предикатива как показателя самого признака.

„*Der Mann ist Physiker.*“

„*Physiker?*“

„*Physiker, viertes Studienjahr.*“ (G. Wangenheim, *Mit der Zeit werden wir fertig*)

Остановимся на раздельном употреблении составных частей сложного глагольного сказуемого, состоящего из модального глагола в сочетании с инфинитивом. Как известно, модальный глагол выражает, главным образом, отношение носителя действия к действию. Е. И. Шендельс справедливо подчеркивает, что модальные глаголы передают большей частью не отношение говорящего к действию, а отношение подлежащего к действию или состоянию, выраженному в сказуемом [21. С. 154].

Усматривая в сложном глагольном сказуемом, состоящем из модального глагола в сочетании

с инфинитивом, наличие грамматического значения состояния, В. Г. Адмони пишет, что «модельные глаголы обозначают не просто отношение подлежащего к действию, а его (подлежащего) определенное состояние, в основе которого лежат те или иные внешние или внутренние причины...» [1. С. 150].

Нижеследующий пример показывает, что такое значение модального глагола реализуется и при его раздельном употреблении в синтаксически соотнесенных репликах различных диалогических единств.

„Man *darf* den Bruder nicht *fragen*?“

„Natürlich *darf* man.“ (F. Wolf, *Wie Tiere des Waldes*)

Очевидна возможность употребления во второй реплике одного инфинитива при целевой установке подтвердить, подчеркнуть, выделить характер самого действия, а не отношение подлежащего к нему. Приведем несколько примеров, показывающих такое употребление инфинитива.

„Oder *wollen* wir *schlafen*?“

„*Schlafen*. Ich bin müde.“ (E. M. Remarque, *Zeit zu leben, Zeit zu sterben*)

„Da wir jetzt *sterben sollen*!“

„*Sterben*! Wir – *sterben*! Ich – *sterben*!“ (R. Leonhard, *Geiseln*)

Таким образом, очевидно, что синтаксическая соотнесенность сказуемых смежных реплик диалогического единства, которая условно была названа соотнесенностью первого вида, возможна для всех аналитических глагольных форм, для именного и сложного глагольного сказуемого. Употребление одной спрягаемой части сказуемого во второй реплике при этом виде соотнесенности означает подтверждение, отрицание или подчеркивание факта совершения действия или наличия признака в определенном времени, а также возможность, желательность или нежелательность его. Употребление одной неспрягаемой части происходит при подтверждении, отрицании или подчеркивании характера данного действия или признака.

2. Соотнесенность второго вида. Соотнесенность второго вида может быть названа «сопоставительной соотнесенностью». Такая соотнесенность имеет место при наличии во второй реплике одной из частей сказуемого не совпадающей с соответствующей частью сказуемого первой реплики по лексическому наполнению или по форме. Отсутствующая часть «подхватывается» из первой реплики.

„Wird der Buchhalter *entlassen*?“

„Nein, *kontrolliert*.“ (Heiner Müller, *Der Lohndrucker*)

„Ich bin *Schlosser*.“

„Nicht *Bergarbeiter*, wie dein Vater?“ (H. Hauser, H. Keisch, *An französischen Kaminen*)

Мы видим, что такой вид соотнесенности имеет место в основном при конкретизации более общего понятия, противопоставлении одного действия или признака другому, а также при соединительных конструкциях.

Для аналитических глагольных форм этот вид соотнесенности возможен только при сопоставлениях в модальном плане.

„Das klingt ja beinahe so, als *hättest* du es dir schon genau überlegt, *Liebling*.“

„*Habe* ich auch,“ sagte ich. „Den ganzen Abend schon.“ (E. M. Remarque, *Drei Kameraden*)

Для именного и сложного глагольного сказуемого возможны сопоставления не только в модальном, но и временном плане. Причина этого заключается в том, что временное значение аналитической глагольной формы не выражается одним вспомогательным глаголом, а у именного и сложного глагольного сказуемого связочный и модальный глаголы выражают все глагольные категории такого сказуемого, включая и категорию времени. Приведем несколько примеров на модальные и временные сопоставления при именном и сложном глагольном сказуемом.

„Ich *bin* politisch völlig uninteressiert.“

„Bei der Pressekonferenz *waren* Sie es nicht.“ (H. Zinner, *Der Teufelskreis*)

„Das Ganze *muß* doch einen Sinn haben?“

„*Müßte*, *Adda*.“ (F. Wolf, *Menetekel oder Die fliegenden Untertassen*)

Для именного и сложного глагольного сказуемого возможно также употребление в смежных репликах различных связочных и модальных глаголов (при сопоставлении характера существования признака или различных отношений подлежащего к действию).

„*Soll* ich deine Ration mitbringen?“

„*Kannst* du.“ (A. Matusche, *Nacktes Gras*)

При соотнесенности этого вида возможны сопоставления спрягаемых частей сказуемых различных типов. Это происходит в том случае, если их неспрягаемые части совпадают по форме, то есть при взаимодействии формы футурума I и сложного глагольного сказуемого, состоящего из модального глагола в сочетании с инфинитивом.

„Gerd! Jetzt *könntest* du mich auch nachts mal besuchen?“

„*Werd* ich, *Kleines*!“ (F. Wolf, *Was der Mensch säet*)

Однако формального совпадения неспрягаемых частей сопоставляемых сказуемых, очевид-

но, не достаточно. Случаи соотнесенности данного вида между перфектом и пассивом практически не встречаются, что объясняется различием субъектно-объектных отношений у этих аналитических форм.

3. Соотнесенность третьего вида.

При третьем виде соотнесенности в первой реплике употреблены глаголы, совпадающие по форме со вспомогательным глаголом аналитических форм или связочным глаголом, а также модальные глаголы без инфинитива. Они выступают в роли простого глагольного сказуемого в своем самостоятельном значении. Во второй реплике употреблена соответствующая неизменяемая часть сказуемого, которая соотносится со сказуемым первой реплики уже как со спрягаемой частью сказуемого.

К этому же виду соотнесенности следует отнести случаи, когда в первой реплике существительное, причастие II или инфинитив употреблены в качестве главного члена односоставного предложения. Во второй реплике употреблен вспомогательный, связочный или модальный глагол, соотносящийся с этим членом уже как с неспрягаемой частью сказуемого.

Соотнесенность третьего типа характерна, прежде всего, для сложного глагольного сказуемого, состоящего из модального глагола в сочетании с инфинитивом, а также для именного сказуемого. Это объясняется, с одной стороны, лексической и грамматической выделительностью составных частей этих видов сказуемого, а с другой стороны, распространенностью инфинитивных и номинативных предложений.

„Was *wollen* Sie denn in der Schule?“

„Mich mal bei Lehrer Stahnke nach allem *erkundigen*.“ (А. Heiden-Berndt, Eine ganz vertrackte Geschichte)

Для аналитических глагольных форм этот вид соотнесенности менее характерен.

„Sag mal, hast du schon eine Freundin?“

„Nein, nicht mehr. Aber gehabt. So, so, gehabt.“ (W. Bredel, Die Söhne)

4. Соотнесенность четвертого вида. Соотнесенность данного вида выходит за пределы диалогического единства в синтаксическом плане, находя, однако, лексическое соответствие в пределах этого единства. Грамматическая форма названной во второй реплике неспрягаемой части сказуемого ясна из исходной языковой модели, с которой закономерно соотносится данный речевой вариант. Ее лексическое наполнение осуществляется в пределах диалогического един-

ства в результате соотнесения с соответствующим членом, употребленным в первой реплике. Чаще всего этим членом является само сказуемое первой реплики, представленное разнообразными глагольными формами, отличными от формы сказуемого второй реплики. Например:

„Unterlassen Sie Ihre Scherze, Genosse Peter, sonst *fliegen* Sie gleich noch *mit*.“

„Da bemühen Sie sich zu spät, Kollege Direktor. Ich *bin* schon.“ (F. Bernhard, Die Sportkanone)

Такое употребление вспомогательного глагола аналитических форм наглядно выявляет функцию вспомогательного глагола как показателя факта совершения действия в определенном времени. Признавая справедливость положения, что грамматическое значение аналитической глагольной формы возникает лишь в сочетании обоих ее компонентов, мы видим, однако, что для этого не обязательно название обеих составных частей в пределах одного и того же предложения. Составные части аналитической глагольной формы функционируют как единое целое и в том случае, если одна из них употреблена отдельно, но соотносится со второй частью, названной в первой реплике диалогического единства (соотнесенность первого, второго и третьего видов). На примере соотнесенности четвертого вида мы видим, что неспрягаемая часть аналитической глагольной формы может быть не названа и в первой реплике. Однако и в этом случае грамматическое значение аналитической глагольной формы возникает как результат сочетания ее составных частей (соотнесение с исходной языковой моделью).

Аналогичным образом часто употребляется модальный глагол, что объясняется, очевидно, его лексической выделительностью, возможностью употребляться без инфинитива. Приведем несколько примеров на такое употребление модального глагола.

„*Nimm* du sie noch in Schutz!“

„*Will* ich ja gar nicht, Regina.“ (А. Heiden-Berndt, Eine ganz vertrackte Geschichte)

„*Zahlt* der Herr auch?“

„Ich *möchte* schon.“ (Н. Lucke, Taillenweite 68)

При именном сказуемом связочный глагол, употребленный во второй реплике, соотносится с различными членами предложения первой реплики, не являющимися предикативом. Например:

„Zu wem?.. Herrn Reichpietsch?

Bin ich selber.“ (E. Toller, Feuer aus den Kesseln)

Результаты исследования и их обсуждение

Проанализировав различные виды соотнесенности сказуемых смежных реплик при употреблении

во второй реплике диалогического единства одной из частей сказуемого, следует рассмотреть строевые закономерности таких предложений.

Исследованный материал дает основание заключить, что основной характерной чертой предложений без неспрягаемой части сказуемого является общая для немецкого предложения тенденция к воспроизведению полной схемы конструкции [1. С. 97] (в исследуемом случае — полной схемы сказуемого).

Одним из способов воспроизведение полной схемы сказуемого в предложениях с неназванной неспрягаемой частью сказуемого является употребление в них слов-заместителей, заменяющих неспрягаемую часть. Это могут быть как универсальные слова-заместители *das, es*, так и закономерные корреляты той или иной части речи, выступающей в роли предикатива. Специфика различных видов сказуемого обуславливает частотность употребления слов-заместителей *das, es* в качестве представителей неспрягаемой части сказуемого. Чаще всего слова-заместители употребляются при связочном глаголе, что может быть объяснено закономерным функционированием местоимений *das, es* в качестве представителей имени (как известно, это основная, хотя далеко не единственная функция такой части речи, как местоимение).

В предложениях, где спрягаемая часть сказуемого употреблена без слов-заместителей, тенденция к воспроизведению полной схемы сказуемого осуществляется «подхватом» отсутствующей части сказуемого из первой реплики диалогического единства. Эффект «подхвата» обуславливается начальной позицией спрягаемой части сказуемого во второй реплике.

Анализируя простое повествовательное предложение с начальной позицией глагольного индикативного сказуемого, В. Д. Девкин отмечает, что в целом начальная позиция глагола в неполном предложении, наряду с другими факторами, обуславливается желанием подчеркнуть связь с предшествующим предложением. При «подхвате» каких-либо членов из предшествующего предложения первое место глагола является разновидностью, обычной для немецкого повествовательного предложения второй позиции глагольного сказуемого [7. С. 74].

Аналогично функционирует в начальной позиции спрягаемая часть сказуемого. При таком словорасположении достигается эффект теснейшей связи смежных реплик диалогического единства. Неспрягаемая часть сказуемого, названная

в первой реплике, и спрягаемая часть сказуемого, употребленная отдельно во второй реплике, при таком порядке слов находятся часто в контактном положении.

«Mit dir kann man ja kein freies Wort *riskieren!*“

„*Kann* man auch nicht. Bei mir nicht.“ (B. Brecht, Furcht und Elend des Dritten Reiches)

„Und ich soll dir die Nacht *helfen*, daß du morgen wieder auf den Bau kannst.“

„Du sollst überhaupt nichts, Jupp.“

„*Werde* ich auch nicht.“ (F. Wolf, Bürgermeister Anna)

Как мы видим, предложения с начальной позицией спрягаемой части сказуемого часто завершаются подлежащим. Это происходит в том случае, когда в таком предложении нет распространяющих членов.

Однако вспомогательные глаголы аналитических форм, связочные и модальные глаголы, будучи употребленными во вторых репликах диалогических единств без слов-заместителей, не всегда имеют начальную позицию. Иногда подлежащее предшествует спрягаемой части сказуемого.

„Wenn ich da gewesen wäre, hätte ich auch mitgemacht.“

„Du *warst* aber nicht.“ (W. Küchenmeister, Damals, achtzehnneunzehn)

„Der Senat wird den Armen ihre Schulden erlassen. Er *wird* ein Gesetz machen. (Pause) Er wird doch? (J. Knauth, Die sterblichen Götter)

Хотя в приведенных примерах неназванная неспрягаемая часть сказуемого легко определяется из предшествующего предложения, мы видим здесь некоторое ослабление связи между смежными репликами, что обуславливает определенную самостоятельность второй реплики. Часто такая позиция спрягаемой части сказуемого создает эффект особого ее выделения.

Иногда вторая позиция неспрягаемой части обусловлена потребностью выделить какой-либо член предложения (в том числе — подлежащее) постановкой его на первое место.

„Sprichst du dann auch mit mir oder wirst du singen?“

„*Gar nichts* werde ich, ihr Rasselbande!“ (F. Wolf, Menetekel oder Die fliegenden Untertassen)

Очевидно, что если в предложении с прямым порядком слов, в котором употреблена одна спрягаемая часть сказуемого, отсутствуют распространяющие члены, то такое предложение будет завершаться самой спрягаемой частью.

„Hast du schon gehört, Karl?“

„Ja, ich *hab*.“ (W. Bredel, Die Söhne)

„Gut, so werde ich das Stück am Vortragspult lesen!“

„Gnädige Frau...“

„Ich werde! Werde!“ (F. Wolf, Die letzte Probe)

Наблюдая, как изменяется эффект «подхвата» отсутствующего во второй реплике члена в зависимости от позиции глагола в этой реплике, можно заключить, что порядок слов, наряду со многими функциями, которые он выполняет, может выражать характер отношений между смежными репликами диалогического единства. Не являясь основным видом синтаксической связи смежных реплик, он может либо подчеркивать (первая позиция спрягаемой части сказуемого), либо ослаблять эту связь (вторая позиция спрягаемой части).

В заключение остановимся на употреблении спрягаемой части сказуемого в качестве единственного члена предложения. Такое употребление вспомогательных и связочных глаголов — явление весьма редкое, если вторые реплики диалогических единств, в которых они употреблены, не являются повторами и переспросами. Модальный глагол в таком употреблении встречается несколько чаще [7. С. 150].

„Hast du die LPG eintreten wollen.“

„Hab.“ (H. Zinner, Was wäre, wenn — ?)

„Aber Genossenschaft ist, wo der Bauer Bücher lesen muß abends.“

„Kann. Aber ich habe keine Lust Bücher zu lesen abends.“ (H. Baiertl, Die Feststellung)

„Warum rauchen Sie?“ fragte er... „Ich höre, Ihre Lunge ist nicht ganz gesund.“ „War“, sagte sie. (Christa Wolf, Moskauer Novelle)

Однако при повторах и переспросах такое употребление спрягаемой части сказуемого — явление закономерное. Несколько примеров:

„Das hätte Klett nicht mitgemacht!“

„Hätte! Abgehauen oder nicht, feststeht, daß Klett seinen Posten verlassen hat.“ (Ret, 96)

„Stimmt es, Herr Inspektor, daß man auch den einbeinigen Pionier Eisenlohr dort einsperren will?“

„Will? Die Sache ist noch nicht durchgeführt?“ (F. Wolf, Dr. Lilli Wanner)

Рассматривая предложения, в которых употреблена одна только неспрягаемая часть сказуемого, следует отметить, что их подавляющее большинство строится по принципу рамочной конструкции. Значительная часть этих предложений является повторами и переспросами. Нарушение рамки в таких предложениях вызывается теми же причинами, которые обуславливают это явление и в предложениях с полной формой сказуемого.

Заключение

Таким образом, проанализировав структурно-синтаксические особенности немецких диалогических единств, следует сделать следующие выводы:

1. Немецкая разговорная речь и, прежде всего, ее основная форма — диалогическая речь, характеризуется наличием и широкой употребительностью предложений с неполной формой сказуемого, что обуславливается сложным взаимодействием строевых закономерностей немецкого языка, с одной стороны, и характерных черт синтаксиса диалога — с другой.

2. При употреблении предложений с неполной формой сказуемого в качестве вторых реплик диалога синтаксическая связь смежных реплик может быть реализована в четырех видах синтаксической соотносительности сказуемых этих реплик. Неполные предложения, употребленные во вторых репликах диалогических единств, находят свое структурное и смысловое завершение в первых репликах этих единств, связывая, таким образом, смежные реплики синтаксически.

3. При соотносительности первого вида в сказуемом второй реплики названа одна из составных частей сказуемого первой реплики. Незазначенная часть сказуемого «подхватывается» из первой реплики (часто со всеми членами группы сказуемого). Соотносительность первого вида универсальна, то есть возможна для сказуемого любого типа без каких бы то ни было ограничений, а также для диалогических единств с самыми разнообразными смысловыми соотношениями.

4. Соотносительность второго вида (может быть названа «сопоставительной соотносительностью») имеет место при наличии во второй реплике одной из частей сказуемого не совпадающей с соответствующей частью сказуемого первой реплики по лексическому наполнению или по форме. Отсутствующая часть «подхватывается» из первой реплики.

5. При третьем виде соотносительности в первой реплике употреблены глаголы, совпадающие по форме со вспомогательным глаголом аналитических форм или связочным глаголом, а также модальные глаголы без инфинитива. Они выступают в роли простого глагольного сказуемого в своем самостоятельном значении. Во второй реплике употреблена соответствующая неизменяемая часть сказуемого, которая соотносится со сказуемым первой реплики уже как со спрягаемой частью сказуемого.

6. Соотносительность четвертого вида выходит за пределы диалогического единства в синтаксическом плане, находя, однако, лексическое соответствие в пределах этого единства. Грамматическая

форма неназванной во второй реплике неспрягаемой части сказуемого ясна из исходной языковой модели, с которой закономерно соотносится данный речевой вариант. Ее лексическое наполнение осуществляется в пределах диалогического единства в результате соотнесения с соответствующим членом, употребленным в первой реплике.

7. Основной характерной чертой предложений без неспрягаемой части сказуемого является

общая для немецкого предложения тенденция к воспроизведению полной схемы сказуемого, что может быть реализовано двумя способами: употребление слов, заменяющих неспрягаемую часть, и использование эффекта «подхвата» отсутствующей части сказуемого из первой реплики диалогического единства на основе начальной позиции спрягаемой части сказуемого во второй реплике.

Список источников

1. Адмони В. Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1955. 392 с.
2. Бутусова А. С. Прагматический потенциал эллиптических предложений: На материале немецкого бытового диалога: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 216 с.
3. Вайс М. Я. Синтаксические структуры диалогической речи немецкого языка и их стилистическое использование в современной немецкой литературе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1964. 24 с.
4. Вейхман Г. А. Синтаксические единства в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1963. 27 с.
5. Винокур Т. Г. О некоторых синтаксических особенностях диалогической речи в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1953. 380 с.
6. Гухман М. М. Глагольные аналитические конструкции как особый тип сочетаний частичного и полного слова // Вопросы грамматического строя. М., 1955. 289 с. С. 25–37.
7. Девкин В. Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. М.: Международные отношения, 1979. 254 с.
8. Дмитриева В. Т. Структурные особенности немецкой разговорной речи (предложения с неполной формой сказуемого): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1966. 21 с.
9. Дубовцева Т. Ф. Психолингвистический аспект функционирования эллиптических конструкций (на материале русской, английской и немецкой разговорной речи): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов., 1989. 18 с.
10. Зеликов М. В. Функционирование и происхождение эллиптических моделей: дис. ... докт. филол. наук. Санкт-Петербург, 1998. 519 с.
11. Каргина Е. М. Анализ проблематики универсализма в лингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. №2–2 (80). С. 320–322.
12. Касаткин М. Л. Функционирование эллиптических высказываний в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 23 с.
13. Коваленко Е. В. Эллиптические структуры как элемент художественного текста: на материале англоязычной оригинальной и переводной литературы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2006. 22 с.
14. Ковин В. А. Неполные предложения в немецкой разговорной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1964. 20 с.
15. Косоножкина Л. В. Структурно-семантические и прагматические особенности эллиптических предложений в составе вопросно-ответного диалогического единства: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1988. 164 с.
16. Ларькина А. А. Эллипсис в современном французском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2009. 24 с.
17. Левин В. А. Неполные предложения в немецкой разговорной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1965. 23 с.
18. Михайлова Т. В. Особенности восполнения эллиптических конструкций: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1997. 18 с.
19. Озерова Н. Г. Развитие умений диалогической речи в процессе обучения усеченным синтаксическим структурам немецкого языка: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1998. 16 с.

20. Сиденко В. Ф. Эллиптизация в диалогах различного вида: функционально-коммуникативный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 1996. 16 с.
21. Шендельс Е. И. Грамматика немецкого языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1952. 368 с.

References

1. Admoni VG. Vvedenie v sintaksis sovremennogo nemeckogo jazyka = Introduction to the syntax of the modern German language. Moscow, Izd-vo literatury na inostrannykh jazykakh; 1955. 392 p. (In Russ.).
2. Butusova AS. Pragmaticheskij potencial jellipticheskikh predlozhenij: Na materiale nemeckogo bytovogo dialoga = The pragmatic potential of elliptical sentences: Based on the material of the German everyday dialogue. Thesis. Rostov-on-Don; 2003. 216 p. (In Russ.).
3. Vajs MJa. Sintaksicheskie struktury dialogicheskoj rechi nemeckogo jazyka i ih stilisticheskoe ispol'zovanie v sovremennoj nemeckoj literature = Syntactic structures of dialogical speech of the German language and their stylistic use in modern German literature. Abstract of thesis. Leningrad; 1964. 24 p. (In Russ.).
4. Vejzman GA. Sintaksicheskie edinstva v sovremennom anglijskom jazyke = Syntactic unities in modern English. Abstract of thesis. Moscow; 1963. 27 p. (In Russ.).
5. Vinokur TG. O nekotoryh sintaksicheskikh osobennostjah dialogicheskoj rechi v sovremennom ruskom jazyke = On some syntactic features of dialogical speech in modern Russian. Thesis. Moscow; 1953. 380 p. (In Russ.).
6. Guhman MM. Glagol'nye analiticheskie konstrukcii kak osobyj tip sochetanij chastichnogo i polnogo slova = Verbal analytical constructions as a special type of combinations of partial and full words // Voprosy grammaticheskogo stroja = Questions of grammatical structure. Moscow, 1955. 289 p. (In Russ.).
7. Devkin VD. Nemeckaja razgovornaja rech': Sintaksis i leksika = German colloquial speech: Syntax and vocabulary. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija; 1979. 254 p. (In Russ.).
8. Dmitrieva VT. Strukturnye osobennosti nemeckoj razgovornoj rechi (predlozhenija s nepolnoj formoj skazuemogo) = Structural features of German colloquial speech (sentences with an incomplete predicate form). Abstract of thesis. Leningrad; 1966. 21 p. (In Russ.).
9. Dubovceva TF. Psiholingvisticheskij aspekt funkcionirovanija jellipticheskikh konstrukcij (na materiale russkoj, anglijskoj i nemeckoj razgovornoj rechi) = Psycholinguistic aspect of the functioning of elliptical structures (based on the material of Russian, English and German colloquial speech). Abstract of thesis. Saratov; 1989. 18 p. (In Russ.).
10. Zelikov MV. Funkcionirovanie i proishozhdenie jellipticheskikh modelej = Functioning and origination of elliptical models. Cand. thesis. Saint Petersburg, 1998. 519 p. (In Russ.).
11. Kargina EM. Analiz problematiki universalizma v lingvistike = The analysis of problems of universalism in linguistics. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological sciences. Questions of theory and practice*. 2018;(2-2 (80)):320-322. (In Russ.).
12. Kasatkin ML. Funkcionirovanie jellipticheskikh vyskazyvanij v sovremennom nemeckom jazyke = Functioning of elliptical statements in modern German. Abstract of thesis. Moscow; 2004. 23 p. (In Russ.).
13. Kovalenko EV. Jellipticheskie struktury kak jelement hudozhestvennogo teksta: na materiale anglojazychnoj original'noj i perevodnoj literatury = Elliptical structures as an element of a literary text: based on the material of English-language original and translated literature. Abstract of thesis. Saint Petersburg; 2006. 22 p. (In Russ.).
14. Kovin VA. Nepolnye predlozhenija v nemeckoj razgovornoj rechi = Incomplete sentences in German colloquial speech. Abstract of thesis. Moscow; 1964. 20 p. (In Russ.).
15. Kosonozhkina LV. Strukturno-semanticheskie i pragmaticheskie osobennosti jellipticheskikh predlozhenij v sostave voprosno-otvetnogo dialogicheskogo edinstva = Structural-semantic and pragmatic features of elliptical sentences as part of a question-and-answer dialogical unity. Thesis. Rostov-on-Don; 1988. 164 p. (In Russ.).
16. Lar'kina AA. Jellipsis v sovremennom francuzskom jazyke = Ellipsis in modern French. Abstract of thesis. Saint Petersburg; 2009. 24 p. (In Russ.).
17. Levin VA. Nepolnye predlozhenija v nemeckoj razgovornoj rechi = Incomplete sentences in German colloquial speech. Abstract of thesis. Moscow; 1965. 23 p. (In Russ.).

18. Mihajlova TV. Osobnosti vospolnenija jellipticheskikh konstrukcij = Features of filling elliptical structures. Abstract of thesis. Tver; 1997. 18 p. (In Russ.).

19. Ozerova NG. Razvitie umenij dialogicheskoj rechi v processe obuchenija usechennym sintaksicheskim strukturam nemeckogo jazyka = Development of dialogic speech skills in the process of learning truncated syntactic structures of the German language. Abstract of thesis. Moscow; 1998. 16 p. (In Russ.).

20. Sidenko VF. Jelliptizacija v dialogah razlichnogo vida: funkcional'no-kommunikativnyj aspekt = Ellipsis in dialogues of various types: functional and communicative aspect. Abstract of thesis. Saint Petersburg; 1996. 16 p. (In Russ.).

21. Shendel's EI. Grammatika nemeckogo jazyka = Grammar of German language. Moscow, Izd-vo literatury na inostrannykh jazykakh; 1952. 368 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. М. Каргина — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков.

Information about the author

E. M. Kargina — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Languages

Статья поступила в редакцию 12.08.2024; одобрена после рецензирования 09.09.2024; принята к публикации 30.04.2025.

The article was submitted 12.08.2024; approved after reviewing 09.09.2024; accepted for publication 30.04.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81'373.21

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-26-33

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГОРОДСКИХ ДРИМОНИМОВ ВАШИНГТОНА И ЛОНДОНА

Диана Руслановна Миниярова^{1✉}, Александра Владимировна Уразметова²

^{1✉}Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия, dminiyarova@yandex.ru

²Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия, urazmetova82@mail.ru, 0000-0002-1584-659X

Аннотация. В статье представлен лингвокультурологический анализ городских дримонимов двух англоязычных столиц — Вашингтона и Лондона, с акцентом на выявление и сравнение принципов номинации парков и зеленых зон в этих столицах. Выбор городов для проводимого анализа объясняется тем, что они связаны одним языком, но при этом обладают уникальными топонимическими системами, сформировавшимися под влиянием различных факторов. В ходе исследования дается определение терминов «топоним», «урбаноним» и «дримоним», уточняется применение последнего. Рассматриваются исторические, культурные и социальные аспекты, влияющие на формирование дримонимической системы каждого города. Кроме того, описываются индивидуальные особенности формирования Вашингтона и Лондона, приводится краткая история создания парков США и Великобритании. На материале названий парков, выбранных с помощью топографических и картографических онлайн-сервисов, проводится сравнительный анализ двух дримонимических систем, который позволяет выявить наиболее продуктивные принципы дримонимической номинации исследуемых англоязычных столиц, а также определить общие и специфические черты в подходах к наименованию парков в обоих городах. Обнаруженные данные подчеркивают уникальность лингвокультурного пространства Вашингтона и Лондона. Полученная в результате исследования информация также позволяет определить и сопоставить ценностные ориентиры и национальные особенности, свойственные рассматриваемым городам. В дополнение к полученным выводам результаты исследования иллюстрируют наличие процесса трансонимизации при формировании дримонимических систем, что свидетельствует о мобильности топонимической лексики. Для современной лингвистики исследование дримонимов является актуальным, так как они не только помогают ориентироваться в пространстве, но и обладают специфическими лексико-семантическими особенностями, отражающими разнообразные культурные, исторические и географические аспекты места, где они расположены. Подобного рода исследования имеют также важное практическое значение, так как обнаруженные в результате данные могут быть реализованы в вузовских образовательных программах, а именно в лекционных занятиях и спецкурсах по страноведению и лексикологии.

Ключевые слова: топоним, урбаноним, дримоним, лингвокультурология, трансонимизация, Вашингтон, Лондон

Для цитирования: Миниярова Д. Р., Уразметова А. В. Лингвокультурологический анализ городских дримонимов Вашингтона и Лондона // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 5 (499). С. 26–33. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-26-33.

Original article

LINGUISTIC AND CULTURAL ANALYSIS OF URBAN DRIMONYMS OF WASHINGTON, D. C. AND LONDON

Diana R. Miniyarova^{1*}, Alexandra V. Urazmetova²

^{1*}Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, dminiyarova@yandex.ru

²Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, urazmetova82@mail.ru, 0000-0002-1584-659X

Abstract. The article presents a linguacultural analysis of urban drimonyms of two English-speaking capitals — Washington, D. C. and London, with a focus on identifying and comparing the principles of naming parks and green areas in these capitals. The choice of cities for the analysis is explained by the fact that they are connected by one

language and at the same time have unique toponymic systems formed under the influence of various factors. The terms “toponym”, “urbanonym” and “drimonym” are defined in the study, the use of the latter is specified. Historical, cultural and social aspects influencing the formation of the drimonymic system of each city are considered in the study. The article also describes the individual features of the formation of Washington, D.C. and London as cities and provides a brief history of the creation of parks in the USA and Great Britain. Based on the park names selected by using topographic and cartographic online services, a comparative analysis of two drimonymic systems is conducted. It allows to identify the most productive principles of drimonymic nomination of the English-speaking capitals, as well as to determine common and specific features in the approaches to naming parks in both cities. The discovered data emphasizes the uniqueness of the linguacultural space of Washington, D.C. and London. The information obtained as a result of the study also allows to identify and compare the values and national characteristics inherent in the cities. In addition to the findings, the results of the study illustrate the presence of a transonymization process in the formation of drimonymic systems, which indicates the mobility of toponymic vocabulary. For modern linguistics, the study of drimonyms is relevant, since they not only help to navigate in a city space, but also have specific lexical and semantic features reflecting various cultural, historical and geographical aspects of the place where they are located. This type of research also has important practical significance, the discovered data can be used in university educational programs, namely in lectures and special courses on regional studies and lexicology.

Key words: toponym, urbanonym, drimonym, linguoculturology, transonymization, Washington, London

For citation: Miniarova DR, Urazmetova AV. Linguistic and Cultural Analysis of Urban Drimonyms of Washington, D. C. and London. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(5(499):26-33. (In Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-26-33.

Введение

Исследование дримонимической системы любого города является важным аспектом при установлении взаимосвязи между языком и культурой, поскольку дримонимы являются своеобразным отражением лингвокультурологической картины мира.

Актуальность данной работы обусловлена лингвокультурологической тенденцией в изучении наименований географических объектов в целом и дримонимов в частности. Несмотря на значительное количество ономастических исследований, посвященных англоязычным странам, всегда остаются области, которые либо недостаточно исследованы, либо изучались в другом ракурсе. Важно отметить, что анализ дримонимов позволяет глубже понять культурные, исторические и социальные аспекты общества. Эти наименования часто несут в себе уникальную информацию о прошлом и настоящем, отражая особенности языка, традиций и мировоззрения. Таким образом, данное исследование не только заполняет существующие пробелы в ономастике, но и способствует более глубокому пониманию культурно-языкового ландшафта англоязычных стран.

Цель исследования заключается в определении роли названий городских парков Вашингтона и Лондона в формировании лингвокультурного облика этих мегаполисов. Поставленная цель в данном исследовании достигается посредством реализации следующих задач: 1) выявление мотивационной основы дримонимов Вашингтона и Лондона; 2) описание формирования культурно-языкового ландшафта исследуемых городов на базе полученных данных; 3) выявление общих

и уникальных черт в подходах к наименованию парков в двух столицах.

Объектом исследования являются городские дримонимы Вашингтона и Лондона, **предметом** — лингвокультурологическое исследование дримонимических систем двух англоязычных столиц. **Материалом исследования** послужили 70 наименований парков Вашингтона и 70 наименований парков Лондона, отобранные методом сплошной выборки при помощи картографических и топонимических систем^{1, 2, 3}.

Данная работа выполнена в рамках лингвокультурологического подхода с использованием **методов** лингвокультурологического и количественного анализов. Выбор методов исследования обусловлен целью и совокупностью поставленных задач. Метод лингвокультурологического анализа использован для выявления специфики процесса номинации парков Вашингтона и Лондона, а именно для определения той ценности, которую имеют названия парков для городского пространства рассматриваемых городов. Кроме того, для формирования статистических данных и верификации выводов исследования в работе был применён количественный метод, который позволил не только собрать и систематизировать

¹ Geographic Names Information System. URL: <https://edits.nationalmap.gov/apps/gaz-domestic/public/search/names> (дата обращения: 26.05.2024).

² GeoNames. URL: <https://www.geonames.org/> (дата обращения: 26.05.2024).

³ OpenStreetMap. URL: <https://www.openstreetmap.org/#map=19/51.51943/-0.11402> (дата обращения: 26.05.2024).

данные, но и провести их детальный анализ. Результаты исследования были представлены в виде сопоставительной диаграммы, что способствовало более ясному и наглядному восприятию информации. Полученные данные были тщательно интерпретированы, что позволило сделать обоснованные выводы о культурных и лингвистических особенностях названий парков в указанных городах.

Практическая значимость работы заключается в том, что собранный материал о принципах номинации в дримонимическом пространстве Вашингтона и Лондона расширяет лингвокультурологическое знание о городском пространстве изучаемых городов, а также может стать основой не только для дальнейших исследований урбанонимических систем других регионов, но и быть реализованным в качестве основы для лекционных занятий и спецкурсов в образовательных программах вузов по страноведению и лексикологии.

Обсуждение и результаты

Топонимы представляют собой единицы естественного языка, которые наделены парадигматическими и синтагматическими характеристиками, свойственными слову вообще [1, с. 9], а также являются частью культурной политики государства, так как содержат семантику культурного кода и считаются источником ассоциативных связей культурно-исторического характера. Р. З. Мурясов отмечает, что топонимы играют значительную роль в обогащении лексикона языка — от данного разряда онимов образуется громадное число слов, формирующих богатый пласт нарицательной лексики [5, с. 758]. Также географические наименования представляется возможным определить, как вербализованные знаки культуры, которые влияют на формирование личности жителей рассматриваемой территории, «обозначают предмет через определенную культурную отсылку» [11, с. 666] и определяют структуру восприятия городской среды, «привнося в портрет города черты исторической глубины и региональной или локальной индивидуальности» [4, с. 13].

Топонимы, будучи частью междисциплинарной топонимики, «не существует без называемого объекта», которые изучает география. Потребность в топонимах, их содержание и перемены «продиктованы историей, но только через язык» [6, с. 164], что свидетельствует о том, что ономастика не ограничивается лишь лингвистическим компонентом: история, география и другие науки помогают лингвисту в ономастических исследованиях [8, с. 7].

В целом, помимо общего территориального признака, топонимическая система характеризуется общим языковым, временным, историческим, культурным и социальным факторами [9, с. 6], а также, будучи сформированной в рамках процесса естественной номинации, «пестра и мозаична» [2, с. 87]. Как следствие, городское пространство можно назвать генератором культуры и сложным семиотическим механизмом. Подобная закономерность ярко прослеживается в столицах США и Великобритании. Вашингтон строился согласно единому градостроительному плану и был основан таким образом, чтобы ни один штат не мог претендовать на первенство и особый статус в федеративном государстве. Лондон, в свою очередь, формировался более хаотично, что связано с тем, что он имеет долгую историю развития, которое происходило без долгосрочного планирования, присущего современным городам.

История развития парков в США и Великобритании также имеет свои индивидуальные черты: парки, которые американцы строили для улучшения городского пространства своих городов, произошли не от европейских моделей, а от антиурбанистического идеала, основанного на желании сбежать от городской суеты [14]; лондонские парки зачастую были частными владениями Короны, которые постепенно были открыты для общего посещения [16, с. 171].

Подобные экстралингвистические факторы формирования двух столиц позволяют решить задачу выявления своеобразия топонимии как языкового источника информации о духовной культуре народа [10, с. 125].

Государственная политика в сфере культуры и искусства нацелена на создание парков, ориентированных на реализацию просветительских, идеологических и духовно-нравственных задач.

Слово «парк» имеет схожую форму в разных языках (англ. — *park*, франц. — *parc*, нем. — *Park*, итал. — *parco*, исп. — *parque* и т. д.) и трактуется в словарях следующим образом: «роща, в которой сделаны дорожки для гулянья пешком и в экипажах»⁴; «большой сад или насаженная роща с аллеями, цветниками»⁵ и т. п. В топонимии названия парков, садов и скверов

⁴ Михельсон А. Д. Объяснение 25 000 иностранных слов, вошедших в употребление в русский язык, с означением их корней // Сост. по словарям: Гейзе, Бешереля, Брокгауза, Александра, Рейфа и др. Михельсон. Москва: А. И. Манухин, 1865. 718 с.

⁵ Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. Москва: Изд-во Эксмо, 2006. 944 с.

определяются термином *дримоним*, трактуемое Н. В. Подольской как «собственное имя любого лесного участка, леса, бора, рощи»⁶. Так как предметом исследования в данной статье выступают официальные названия парков двух столичных городов, то термин *дримоним* необходимо конкретизировать, добавив к нему элемент *урбо-* (урбодримонимы) или прилагательное *городской* (городской дримоним). Подобное дополнение к рассматриваемому термину аналогично термину *городской хороним* и объясняется необходимостью обозначения принадлежности парков, садов и скверов внутригородскому пространству [7, с. 17]. Вследствие данного терминологического уточнения, городской дримоним (урбодримоним) представляется возможным отнести к разряду урбанонимов, собственным именам пространственных городских объектов, которые выполняя адресную и ориентирующую функции, «теснейшим образом связаны с городской культурой, с обликом и обустройством городских поселений, с особенностями социокультурных ценностей и норм, специфицирующих человеческое взаимодействие и уклад жизни в городских сообществах» [3, с. 186].

При исследовании мотивационной базы городских дримонимов Вашингтона и Лондона были выделены следующие категории дримонимов: 1) агоронимические (связанные с названиями площадей и других открытых пространств в городе); 2) агроонимические (относящиеся к названиям сельскохозяйственных участков и других аграрных объектов); 3) антропонимические (происходящие от имен людей); 4) военные (относящиеся к названиям военных объектов); 5) геортонимические (связанные с названиями праздников, памятных дат, торжеств и т. д.); 6) гидронимические (происходящие от названий водных объектов); 7) дигнитонимические (связанные с титулами, званиями и именами должностных лиц); 8) дромонимические (относятся к названиям дорог и других путей сообщения); 9) ойкодомонимические (связанные с названиями зданий, строений и других «точечных» объектов внутри поселения); 10) ойконимические (относящиеся к названиям населенных пунктов); 11) описательные (указывающие на свойства или характеристики объекта); 12) оронимические (связанные с названиями объектов рельефа земной поверхности); 13) пространственные (отражающие геогра-

фическое местоположение и пространственные характеристики объекта); 14) религиозные (связанные с религиозными объектами, событиями и другими религиозными аспектами); 15) фито-зоонимические (имеющие отношение к растениям и/или животным); 16) хоронимические (связанные с названиями районов, регионов, областей, стран); 17) хрононимические (указывающие на исторические события или временные характеристики); 18) эргонимические (связанные с названиями предприятий и других экономических объектов). Результаты количественного исследования дримонимических систем Вашингтона и Лондона представлены в диаграмме (рис. 1).

По данным диаграммы на рис. 1 наиболее продуктивной категорией в Вашингтоне являются антропонимические дримонимы (47,1 %). В данной группе представлены наименования парков, посвященные выдающимся личностям, которые внесли заметный вклад в историю города и страны. Ярким примером в данном случае является название парка-мемориала *Francis Scott Key Memorial*, который посвящен Фрэнсису Скотту Кею (*Francis Scott Key*), поэту и автору текста государственного Гимна США «Знамя, усыпанное звездами» (*The Star-Spangled Banner*). Парк *Barnard Hill Park* назван в честь Джона Барнарда, служившего генералом Армии Союза во время Гражданской войны. Парки *Lafayette Square* и *Marion Park* названы в честь офицеров



Рис. 1. Классификация дримонимов Вашингтона и Лондона
Fig. 1. Classification of Washington, D. C. and London drimonyms

⁶ Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии (текст) / Н. В. Подольская. 2-е изд., перераб., доп. М.: Наука, 1988. 192 с.

Жильбера Лафайета и Фрэнсиса Мэриона, принимавших участие в Американской войне за независимость в 1775–1783 гг. В качестве еще одного примера в данной группе дримонимов также можно привести *Vincent R. Sombrotto Park*, название которого связано с именем руководителя профсоюза Винсента Самбротто, занимавшего пост 16-го президента Национальной ассоциации почтальонов в 1978–2002 гг.

Достаточно популярными также являются военные дримонимы (15,7 %). Часть парков, названия которых связаны с военной тематикой, возникли на территории фортов и батарей — оборонительных сооружений, являющихся искусственно-созданными географическими объектами, т. е. объектами, созданными руками человека. Например, *Fort Totten Park*, *Battery Kemble Park* и *Fort Bunker Hill* названы в честь укреплений, которые были частью оборонительных сооружений во время Гражданской войны в США. Следует отметить, что в названиях парков данной группы наблюдается процесс трансонимизации («переход онима из одного разряда в другой»⁷): построенные форты были названы в честь Джозефа Тоттена (военного инженера и участника англо-американской войны 1812–1815 гг.), Губернатора Кембла (одного из основателей литейного завода Вест-Пойнт в Колд-Спринг) и битвы при Банкер-Хилле 1775 г. соответственно. Позднее построенные парки были названы в честь данных военных сооружений. Таким образом, подобную миграцию названий мы можем представить следующим образом: 1) антропоним => ойкодомоним => военный дримоним (*Fort Totten Park* и *Battery Kemble Park*); 2) хрононим => военный дримоним (*Fort Bunker Hill*).

Преобладание антропонимических дримонимов на карте Вашингтона подчеркивает важность сохранения исторической памяти, формирования национальной идентичности и развития образовательной функции культурного и языкового ландшафта города. Имена выдающихся личностей не только служат духовной опорой общества, но и отражают национальные ценности и ориентиры.

В дримонимической системе Лондона наиболее продуктивной номинативной категорией является ойкодомонимическая группа (30 %), что объясняется той функцией, которую выполняют здания: с одной стороны, они служат своеобразным

ориентиром, с другой — являются памятниками зодчества. Например, улицы *Leadenhall Market*, *Leadenhall Place* и *Leadenhall Street* названы в честь особняка (*Leaden Hall*), который впервые упоминается в 1296 г. [13, с. 197]; название парка *Beckenham Place Park* связано с одноименным особняком в палладианском стиле.

Достаточно продуктивным видом дримонимической номинации также является антропонимический (15 %). Например, название парка *Gunnersbury Park*, вероятно, произошло от скандинавского женского имени Гуннхильда (*Manor house of a woman called Gunnhildr*)⁸, племянницы короля; парк *Burgess Park* был назван в честь Джесси Берджесс, первой женщины-мэра Камбервелла.

Таким образом, продуктивность группы ойкодомонимических дримонимов связана с тем, что, будучи уникальными городскими ориентирами, здания играют важную роль в городском пространстве как объекты культурного архитектурного наследия. Они часто становятся символами национальной или региональной идентичности и представляют собой важные аспекты культуры, традиций и обычаев общества, помогая сохранять и передавать эти ценности будущим поколениям.

Важно подчеркнуть, что военные, геортонимические и дромонимические дримонимы присутствуют только в Вашингтоне; агрономические, дигнитонимические, ойконимические, пространственные и хрононимические дримонимы присутствуют только в Лондоне. Подобный аспект подчеркивает индивидуальные черты урбанонимических систем двух англоязычных столичных городов.

Интерпретированные данные таблиц и приведенные примеры демонстрируют то, какие ценности наиболее характерны для американской и британской номинации парковых объектов: для названий парков Вашингтона наиболее характерным принципом номинации является мемориализация, т. е. увековечивание имен выдающихся американских личностей; в системе дримонимов Лондона наибольший удельный вес занимает ойкодомонимический вид номинации. Подобные индивидуальные черты рассматриваемых дримонимических систем свидетельствуют о том, что названия внутригородских объектов — «свидетели и зеркала местной истории каждого конкретного города или поселка» [15, с. 1].

⁷ Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии (Текст) / Н. В. Подольская. 2-е изд., перераб., доп. М.: Наука, 1988. 192 с.

⁸ Mills A. D. A dictionary of British place-names. Oxford: Oxford Univ. Press, 2003. 532 p.

Заключение

Согласно полученным в данном исследовании результатам, наиболее продуктивной категорией в дримонимической системе Вашингтона оказываются антропонимические дримонимы, что свидетельствует о присутствии процесса героизации и мемориализации выдающихся личностей США в названиях парков Вашингтона. Данное явление отражает морально-этические качества, значимые для представителей американской лингвокультуры. Сформировавшиеся образы героев интегрированы в систему национальных ценностей США, участвуют в формировании идеологических установок американского общества и подчеркивают национальную идентичность американцев. Другими словами, для американского общества образ героя является лингвокультурным воплощением национальных ценностей, так как они, олицетворяя лучшие морально-этические качества, отражают ценностные ориентиры общества и являются духовной опорой как для отдельного человека, так и для целой нации.

Для урбанонимической системы Лондона наиболее характерным принципом дримонимической номинации является ойкодомонимический, в котором отражается взаимосвязь названий парков и названий зданий. Данная взаимосвязь обуславливается историческим развитием города, отражая его долгую и сложную историю развития, в ходе которой многие здания и сооружения играли ключевую роль в жизни города. Замки, дворцы, особняки и другие значимые постройки становились ориентирами и символами различных эпох, что способствовало их влиянию на названия окружающих территорий. В Лондоне сохранилось множество исторических зданий, которые имеют культурное и архитектурное зна-

чение. Парки и другие общественные пространства часто получали свои названия от этих зданий, чтобы подчеркнуть их важность и сохранить связь с историческим контекстом. Помимо этого, в условиях большого города, каковым является Лондон, использование известных зданий в качестве ориентиров для номинации парков помогает людям лучше ориентироваться в городской среде, что упрощает навигацию и делает городскую топонимику более понятной и логичной.

Сформулированные классификации рассматриваемых парковых объектов и интерпретированные данные диаграммы наглядно иллюстрируют какие виды номинации парков и, таким образом, ценности наиболее характерны для американского и британского общества. Доминирующие категории в данных ономастических классификациях позволяют в свою очередь «отнести лексические категории к формам языкового сознания» [12, с. 86]. Подводя итог, можно также прийти к выводу, что общественные ценности через имена собственные могут отражать сведения о менталитете и картине мира отдельного человека, сообщества людей, народа или нации. Подобная взаимосвязь иллюстрирует специфику языкового сознания и форм освоения мира в языке.

В заключение следует подчеркнуть, что ценность проведенного исследования заключается в описании и сопоставлении дримонимического пространства двух англоязычных столичных городов, Вашингтона и Лондона, и возможности использования полученных результатов для дальнейшего изучения других урбанонимических систем. Полученные данные могут также использоваться в образовательных целях в процессе преподавания английского языка.

Список литературы

1. Беленькая В. Д. Очерки англоязычной топонимики. Учебное пособие. М., «Высш. школа», 1977. 227 с.
2. Березович Е. Л. Топонимическое пространство как текст // Ежегодник Научно-исследовательского института русской культуры. 1994. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1995. С.86–95.
3. Голомидова М. В. Современная урбанонимическая номинация: стратегические подходы и практические решения // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. №. 3. С. 185–203.
4. Голомидова М. В. Урбанонимы как ресурс управления восприятием городского пространства // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6, № 1. С. 11–30. DOI 10.25513/2413-6182.2019.6(1).11-30.
5. Мурысов Р. З. Топонимы в системе языка // Вестник Башкирского университета. 2013. Т. 18, № 3. С. 753–762.
6. Никонов В. А. Введение в топонимику. Изд. 2-е М.: Издательство ЛКИ, 2011. 184 с.
7. Разумов Р. В. Об упорядочении ономастической терминологии в области урбанонимии // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 2. С. 14–19.
8. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного: монография / А. В. Суперанская. Москва: Наука, 1973. 366 с.

9. Уразметова А. В. Топонимическая система Великобритании: первичная и вторичная номинация: монография / А. В. Уразметова. Санкт-Петербург: Сциентиа, 2022. 172 с.
10. Хвесько Т. В., Черниченко О. Ю. Семантические маркеры топонимов в языке и речи // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 1 (22). С. 124–128.
11. Чанышева З. З. Символ как дискурсивный знак в межкультурной коммуникации / З. З. Чанышева // Доклады Башкирского университета. 2019. Т. 4, № 6. С. 661–667. DOI 10.33184/dokbsu-2019.6.16.
12. Щербак А. С. Когнитивные основы региональной ономастики: монография / А. С. Щербак; М-во обр. и науки РФ, ФГБОУ ВПО «Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина». Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012. 319 с.
13. Bebbington G. London Street Names. London: B T Batsford Ltd, 1972. 400 p.
14. Cranz G. The Politics of Park Design: A History of Urban Parks in America. MIT Press, 1982. 347 p.
15. David J. Street names — Between ideology and cultural heritage. *Acta onomastica*, 2013. Vol 54. P. 53–60.
16. Taylor C. Parks and gardens of Britain: a landscape history from the air. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1998. 224 p.

References

1. Belen'kaya VD. Oчерki angloyazychnoj toponimiki. Uchebnoe posobie. = Essays on English-language toponymy. Training manual. M., «Higher School». 1977. 227 p. (In Russ.).
2. Berezovich EL. Toponimicheskoe prostranstvo kak tekst = Toponymic space as text. *Ezhegodnik Nauchno-issledovatel'skogo instituta russkoj kul'tury*. = Yearbook of the Scientific Research Institute of Russian Culture. 1994. Ekaterinburg: Publishing house of Ural State University, 1995. P. 86-95. (In Russ.).
3. Golomidova MV. Sovremennaya urbanonimicheskaya nominaciya: strategicheskie podhody i prakticheskie resheniya = Modern Urban Naming Practices: Strategic Approaches and Practical Solutions. *Voprosy onomastiki = Problems of Onomastics*. 2017;14(3):185-203. (In Russ.).
4. Golomidova MV. Urbanonimy kak resurs upravleniya vospriyatiem gorodskogo prostranstva = Urbanonyms as a resource for managing the perception of urban space. *Kommunikativnye issledovaniya = Communication studies*. 2019;6(1):11-30. DOI 10.25513/2413-6182.2019.6(1).11-30. (In Russ.).
5. Muryasov RZ. Toponimy v sisteme yazyka = Toponyms in the language system. *Vestnik Bashkirskogo universiteta = Bulletin of Bashkir State University*. 2013;18(3). P. 753-762. (In Russ.).
6. Nikonov VA. Vvedenie v toponimiku. = Introduction to Toponymy. 2nd ed. Moscow: LKI Publ.; 2011. 184 p. (In Russ.).
7. Razumov RV. Ob uporjadochenii onomasticheskoj terminologii v oblasti urbanonimii = On the Systematization of Onomastic Terminology in the Field of Urban Names. *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik = Verhnevolzhski philological bulletin*. 2015;(2):14-19. (In Russ.).
8. Superanskaya AV. Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo: monografiya = General Theory of Proper Names: the monograph. Moscow: Science; 1973. 366 p. (In Russ.).
9. Urazmetova AV. Toponimicheskaja sistema Velikobritanii: pervichnaja i vtorichnaja nominacija: monografiya = Toponymic system of Great Britain: primary and secondary nomination: the monograph. Saint Petersburg: Scientia; 2022. 172 p. (In Russ.).
10. Hves'ko TV, Chernichenko OYu. Semanticheskie markery toponimov v yazyke i rechi = Semantical markers of toponyms in language and speech. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki = Issues of Cognitive Linguistics*. 2010;1(22):124-128. (In Russ.).
11. Chanysheva ZZ. Simvol kak diskursivnyj znak v mezhkul'turnoj kommunikacii = Symbol as a discursive sign in intercultural communication. *Doklady Bashkirskogo Universiteta = Reports of Bashkir University*. 2019;4(6):661-667. DOI 10.33184/dokbsu-2019.6.16. (In Russ.).
12. Shcherbak AS. Kognitivnye osnovy regional'noj onomastiki: monografiya = Cognitive basis of regional onomastics: the monograph. Tambov: Publishing House of. TSU named after GR Derzhavin; 2012. 319 p. (In Russ.).
13. Bebbington G. London Street Names. London: B T Batsford Ltd; 1972. 400 p.
14. Cranz G. The Politics of Park Design: A History of Urban Parks in America. MIT Press; 1982. 347 p.
15. David J. Street names — Between ideology and cultural heritage. *Acta onomastica*. 2013;54:53-60.
16. Taylor C. Parks and gardens of Britain: a landscape history from the air. Edinburgh: Edinburgh University Press; 1998. 224 p.

Информация об авторе

Д. Р. Миниярова — ассистент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации Высшей школы зарубежной филологии, лингвистики и перевода Института гуманитарных и социальных наук

А. В. Уразметова — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка и межкультурной коммуникации Высшей школы зарубежной филологии, лингвистики и перевода Института гуманитарных и социальных наук

Information about the author

D. R. Miniyarova — Assistant of the Department of the English Language and Intercultural Communication, Institute of Humanities and Social Sciences.

A. V. Urazmetova — Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of the English Language and Intercultural Communication, Institute of Humanities and Social Sciences.

Статья поступила в редакцию 12.08.2024; одобрена после рецензирования 02.09.2024; принята к публикации 30.04.2025.

The article was submitted 12.08.2024; approved after reviewing 02.09.2024; accepted for publication 30.04.2025.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81-11

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-34-41

ИСТОКИ И ИСТОЧНИКИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ВОЕННО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Екатерина Вячеславовна Суркова

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия, katerina.lupanova9751@yandex.ru, ORCID 0000-0001-8497-1215

Аннотация. В статье рассматриваются особенности фразеологических заимствований в сфере военно-профессиональной коммуникации на материале русского и английского языков. Исследуются механизмы и специфика межъязыкового трансфера военных фразеологизмов, анализируются основные источники и способы фразеологических заимствований в военном подъязыке. Устанавливается роль различных проводников межъязыковых воздействий — научно-технической литературы, трудов военных теоретиков, уставов, нормативных документов и публицистики. Особое внимание уделяется публицистическому дискурсу, который служит не только каналом проникновения иноязычных терминов, но и средой их семантической адаптации и стилистической трансформации в языке-реципиенте. В работе рассматриваются три основных типа фразеологической миграции: заимствования в иноязычной форме (сохраняющие максимальный объем иноязычных характеристик), фразеологизмы-кальки (образующиеся по иноязычной модели из средств собственного языка) и семантические заимствования (формирующиеся на основе культурного субстрата иноязычных лингвокультурных сообществ). Автор анализирует специфику каждого типа и их роль в обогащении военной терминологии. Отдельное внимание уделяется калькированию как наиболее продуктивному способу фразеологического заимствования в военной сфере, исследуются его преимущества в создании точных и емких наименований для новых военных понятий. В статье рассматривается влияние социолингвистических факторов на процесс адаптации военных фразеологизмов в языке-реципиенте, что демонстрируется на примере сравнительного анализа развития семантики фразеологизмов в русском и английском языках. Исследование вносит вклад в понимание механизмов формирования и развития военной фразеологии, а также способствует систематизации знаний о процессах межъязыкового взаимодействия в военной терминологии. Делается вывод о том, что фразеологическая система языка, даже заимствуя иноязычные элементы, развивает их значение в соответствии с собственными закономерностями и культурно-историческими особенностями, что делает фразеологию особенно ценным источником для изучения национально-культурной специфики языкового сознания и языковой картины мира.

Ключевые слова: военная фразеология, фразеологическое заимствование, фразеологическая калька, военная терминология, военный подъязык

Для цитирования: Суркова Е. В. Истоки и источники фразеологических заимствований в военно-профессиональной коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 5 (499). С. 34–41. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-34-41.

Original article

ORIGINS AND SOURCES OF PHRASEOLOGICAL BORROWINGS IN MILITARY PROFESSIONAL COMMUNICATION

Ekaterina V. Surkova

Alexander Nevsky Military University of the Russian Defense Ministry, Moscow, Russia, katerina.lupanova9751@yandex.ru, ORCID 0000-0001-8497-1215

Abstract. The article deals with the peculiarities of phraseological borrowings in the sphere of military-professional communication on the material of Russian and English languages. The mechanisms and specifics of interlingual transfer of military phraseological phrases are studied, the main sources and ways of phraseological borrowings in

the military sublanguage are analysed. The role of various conductors of interlingual influences — scientific and technical literature, works of military theorists, statutes, normative documents and journalism — is established. Particular attention is paid to media discourse, which serves not only as a channel for the penetration of foreign language terms, but also as a medium for their semantic adaptation and stylistic transformation in the recipient language. The paper considers three main types of phraseological migration: borrowings in a foreign-language form (retaining the maximum amount of foreign-language characteristics), calques phraseologisms (formed on a foreign-language model from the means of one's own language) and semantic borrowings (formed on the basis of the cultural substrate of foreign-language linguocultural communities). The author analyses the specifics of each type and their role in the enrichment of military terminology. Special attention is paid to calcification as the most productive way of phraseological borrowing in the military sphere, its advantages in creating precise and capacious names for new military concepts are investigated. The article considers the influence of sociolinguistic factors on the process of adaptation of military phraseological terms

Keywords: military phraseology, phraseological borrowing, phraseological calaca, military terminology, military sublanguage

For citation: Surkova EV. Origins and Sources of Phraseological Borrowings in Military Professional Communication. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(5(499)):34-41. (In Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-34-41.

Введение

Межъязыковые контакты, интенсифицирующиеся в современных условиях глобализации, способствуют активному проникновению иноязычных элементов в принимающие языки, что обуславливает необходимость детального изучения механизмов и закономерностей процесса заимствования.

Проблема заимствования привлекает внимание исследователей в силу многоаспектности феномена и его существенного влияния на эволюцию языковых систем. Отмечается роль заимствований в обогащении словарного состава языка-реципиента, формировании терминологических систем различных научных областей, функционировании механизма языковых изменений, реализующегося как в стихийной, так и в регулируемой форме языковых контактов [2; 3; 6]. Отдельное внимание уделяется вопросам фразеологического заимствования [5; 8; 14].

Фразеологические заимствования, являясь носителями культурно-специфической информации, отражают особенности национального мировосприятия и демонстрируют специфику взаимодействия языковых картин мира контактирующих этносов. В фокусе внимания данного исследования — фразеологические заимствования в сфере военно-профессиональной коммуникации. Целью исследования ставится выявление истоков и источников фразеологических заимствований в военном подязыке.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью расширения горизонтов лингвистического знания о динамике языковых процессов, поскольку именно в составе устойчивых выражений заимствованная лексика нередко приобретает

новые значения и выходит за границы порождающего дискурсивного пространства, становясь достоянием общенационального фразеологического фонда. Особую ценность представляет анализ семантических трансформаций, которым подвергаются фразеологизмы в процессе заимствования, позволяющий проследить динамику развития языковой системы и выявить универсальные закономерности межъязыковой интерференции.

Стоит отметить, что выдающиеся работы отечественных исследователей военного подязыка [1; 4; 10; 11; 15] затрагивают фразеологический аспект лишь отчасти, концентрируя внимание на лексике профессионального языка. Настоящее исследование направлено на устранение данного «фразеологического» пробела, что определяет его научную новизну.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили фразеологические единицы военной сферы, извлеченные из военных словарей, трудов теоретиков военного искусства, уставов, научно-технической документации и военной публицистики на английском и русском языках. Хронологические рамки исследования охватывают период с XVIII в. по настоящее время, что позволяет проследить эволюцию процессов заимствования в военной фразеологии.

Методологическую основу исследования образует комплексный подход, сочетающий методы этимологического, компонентного и контекстуального анализа с элементами социолингвистического и функционально-стилистического анализа.

Результаты исследования и их обсуждение

Заимствования в военной сфере и языке ее представителей свидетельствуют о военном прошлом нации, периодах оккупаций зарубежны-

ми захватчиками, контактах с союзными силами в периоды ведения боевых действий и специфике формирования вооруженных сил государства. Экстралингвистический фактор культурно-исторических связей играет одинаково значимую роль в формировании как общеупотребительного фразеологического фонда, так и фонда военной фразеологии. Отличие заключается в природе культурно-исторических ассоциаций: заимствования в общеупотребительной фразеологии охватывают широкий спектр сфер человеческой жизнедеятельности, а заимствования в военной фразеологии имеют ярко выраженный военно-исторический характер.

Под истоком фразеологического заимствования понимается проводник межъязыковых воздействий, ведущий к образованию фонда интернациональной фразеологии [9, с. 103]. Так, традиционно к сфере интернациональной фразеологии относят выражения, основанные на библейских сюжетах и представлениях о героях Эллады и Древнего мира, и главным проводником межъязыковых воздействий в данном случае выступает литература. Утверждение об истоке фразеологизма-заимствования в литературе справедливо и для военной фразеологии, однако, ее военно-прикладная специфика определяет заимствования лексики и фразеологии из литературы научно-технического характера, фундаментальных трудов теоретиков военного искусства, уставов, нормативных документов и наставлений.

Переводы авторитетных трактатов по военному искусству служат эффективным механизмом трансфера устойчивых выражений и терминологических словосочетаний между языками. Существенное значение приобретают работы военных теоретиков, чьи труды, переведенные на различные языки, становятся проводниками заимствований военной фразеологии. Так, например, авторству прусского военного теоретика К. фон Клаузевица принадлежит теоретический конструкт *absoluter Krieg* (рус. *абсолютная война*, англ. *absolute war*), противопоставляемый понятию *wirklicher Krieg* (рус. *действительная война*, англ. *real war*), образующий философскую дихотомию идеального и материального в военном искусстве [12, с. 181]. Немаловажную роль в трансфере заимствований в военной фразеологии играет официально-деловая документация. К единицам интернациональной военной фразеологии относятся фразеологизмы уставов и документов стратегического планирования — доктрин, стратегий национальной безопасности,

концепций развития вооруженных сил, проектов по созданию оружия: *free fire zone* 'зона свободного огня', *search and destroy / seek and destroy* 'найми и уничтожить' и другие.

Важное значение в трансфере фразеологических заимствований отводится публицистике. Освещение военных конфликтов прессой приводит к популяризации понятий, активно заимствуемых в другие языки. Публицистика выступает не только как канал проникновения иноязычного термина, но и как среда его адаптации в языке-реципиенте. Именно прессе, освещающей ход Второй японо-китайской войны, обязан своим появлением и распространением в английском, русском и ряде других европейских языков фразеологизм *scorched earth strategy* 'тактика выжженной земли' (от кит. *jīāotǔ (zhèngcè)*), обозначающий многовековой метод ведения войны, при котором проводится полное уничтожение жизненно-важных для противника запасов. Приведенный пример иллюстрирует общую тенденцию: военная публицистика часто выступает в роли «лингвистического моста», обеспечивающего переход военной терминологии из одного языка в другой. При этом публицистический дискурс не только вводит новые термины в речевой оборот, но и способствует их семантической адаптации, уточнению значений и установлению устойчивых контекстов употребления.

Публицистический дискурс может способствовать не только появлению, но и последующей реактуализации военных фразеологизмов в новых исторических контекстах. Так, устойчивый оборот *Général Hiver (General Winter)* 'Генерал Мороз / Зима', возникший в английской сатирической публицистике 1812 г. в связи с отступлением армии Наполеона из России, получил новую жизнь во время Великой Отечественной войны. Гитлеровская пропаганда пыталась поднять упавший дух своих солдат утверждениями, что единственная реальная сила Красной армии — это суровая зима¹: «Еще в начале Великой Отечественной войны гитлеровские генералы начали поговаривать о том, что главной причиной их неудач на советско-германском фронте было-де не героическое сопротивление Советских Вооруженных Сил, а суровые зимние условия — «генерал Мороз»².

¹ Афонькин Ю. Н. Русско-немецкий словарь крылатых слов. Москва: Рус. яз.; Лейпциг: Энциклопедия, 1990. 285 с.

² Костин А. «Генерал Мороз» // «Техника — молодежи», 1977 // Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>.

Данный пример также показывает, что публицистика служит не только каналом проникновения калькированных выражений в язык, но и средой их семантической адаптации и стилистической трансформации. Фразеологизм *генерал Мороз* прошел путь от сатирического образа до устойчивого выражения с иронической коннотацией, что было бы невозможно без активного участия в этом процессе публицистического дискурса. В современном английском языке фразеологизм вновь проходит очередной виток своего развития и используется при освещении событий российско-украинского конфликта (2022–н.в.): *‘General Frost’ Will Be Fighting for Both Sides This Time*³ («Генерал Мороз на этот раз будет сражаться за обе стороны») (здесь и далее перевод автора. — *Прим. авт.*).

В современных условиях роль публицистики как проводника военной терминологии сохраняет свою значимость, что особенно заметно при освещении локальных конфликтов и военно-политических событий международного масштаба [7; 13]. Источниками заимствованной фразеологии выступают их фразеологизмы-прототипы. В соответствии с типом фразеологической миграции, то есть способа ассимиляции фразеологизма в языке-реципиенте, выделяются фразеологизмы, заимствованные в иноязычной форме, фразеологизмы-кальки и семантические заимствования.

Максимальной передаче объема иноязычных характеристик служат фразеологизмы, заимствуемые в иноязычной форме. Таким образом, их источниками выступают готовые иноязычные образования: *esprit de corps* ‘a common spirit of comradeship, enthusiasm, and devotion to a cause among the members of a group’, *levée en masse* ‘the conscription of the civilian population in large numbers in the face of impending invasion’ (последний допускает возможность использования в варианте *levy en masse*).

Приведем пример французского фразеологизма, заимствованного в XVIII в. как в русский, так и английский языки в исходной форме *qui vive*. Выражение происходит от французской фразы, произносимой часовым в адрес неизвестного путника *qui voulez-vous qui vive?* ‘кто идет?’ (досл. «Кто здоровствует?») Правильный ответ, «пароль» для беспрепятственного следования подразумевался «Да здоровствует Франция!», «Да здоровствует король!» и т. п.). Оклик в даль-

³ Foreign policy. URL: <https://foreignpolicy.com/2022/12/02/winter-ukraine-russia-zelensky-putin-war/>.

нейшем стал основой для фразеологизма *être sur le qui vive* (досл. «быть начеку»), заимствованный в английский язык в форме *on the qui vive* ‘on the alert or lookout’ и в русский *быть настороже* ‘sur le qui-vive’.

Исторический анализ употребления фразеологизма демонстрирует случаи ассимиляции французского заимствования. В английском языке устойчивое выражение продолжает употребляться в текстах разных функциональных стилей: «Kit Everard shared his suspicions with Tom Ingledeu, who, though he feared terribly for his son’s life, agreed that they should seize the offensive, in secret, and place all their forces **on the qui vive** that night, in readiness for battle in the morning»⁴; «Court as the sentinel **on the qui vive** in our jurisprudence...»⁵. Приведённые примеры демонстрируют функционирование фразеологизма *on the qui vive* в современном английском языке научного и художественного стилей. Особенно активно устойчивое словосочетание в академических текстах юридической и медицинской тематики.

В русском языке временные рамки употребления французского фразеологизма *sur le qui-vive* ‘быть настороже’, как свидетельствуют данные Национального корпуса русского языка, ограничиваются XIX–началом XX вв.: «...Между тем прошли месяцы, прошла и зима; никто мне не напоминал об отъезде, меня забыли, и я уже перестал быть **sur le qui vive** особенно после следующей встречи»⁶. Уже в начале XX в. употребление фразеологизма сопровождается пояснениями, а затем и вовсе сходит на нет: «Первая цель — заслонять свою подготовительную деятельность в тылу, держа неприятеля **«sur le qui vive»**, как говорят французы»⁷.

Сравнение судьбы фразеологизма в английском и русском языках позволяет сделать вывод о важности социолингвистических факторов в процессе адаптации заимствований. Изменения, произошедшие в социальной структуре российского общества в начале XX в., привели

⁴ Warner M. Indigo. London: Chatto & Windus Ltd, 1992. PP. 143-268.

⁵ Pai V. S. The Constitution and the Court-Sentinel on the Qui Vive // CMR Univ. J. Contemp. Legal Aff. 2021. Vol. 3. P. 28.

⁶ Герцен А. И. Былое и думы. Часть четвертая. Москва, Петербург и Новгород (1857) // Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>.

⁷ Меньшиков М. О. Накопление и удар (14.11.1915) // Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>.

к отчуждению и устареванию французских элементов. Иноязычные заимствования, сохранившие коннотацию элегантности и некоторой возвышенности в английском, стали восприниматься как излишне претенциозные и неуместные в русском языке.

Наиболее продуктивным способом фразеологического заимствования в военной фразеологии выступает калькирование. Фразеологическая калька представляет собой фразеологизм, «возникающий в результате точной или измененной передачи лексического состава, грамматической структуры и значений иноязычного прототипа средствами заимствующего языка» [9, с. 94–95]. Фразеологизмы-кальки образуются по иноязычной модели из средств собственного строительного материала, таким образом, их источником выступает лексико-грамматический и семантический состав фразеологизма-прототипа.

Калькированием в английский язык в XVI в. и в ряд других европейских языков был заимствован французский фразеологизм *tendre son gauntlet*, во внутренней форме которого заключена традиция средневековых рыцарей бросать на землю одну из перчаток, чтобы вызвать другого рыцаря на поединок: англ. *throw down the gauntlet*, рус. *бросить перчатку*, нем. *jdm. den Handschuh vor die Füße werfen*, итал. *lanciare il guanto di sfida*, исп. *lanzar el guante*). С XVI в. и до наших дней устойчивое выражение используется в переосмысленном значении ‘вызов кому-л.’: «*After two decades of intermittent war, the stage was set for a decisive confrontation between Plantagenet and Valois. The gauntlet had been thrown down, but much to Edward's chagrin the dauphin declined to take up the challenge*»⁸ («После двух десятилетий периодически вспыхивающих войн все шло к решающему противостоянию между Плантагенетами и Валуа. Вызов был брошен, но к огорчению короля Эдуарда, дофин отказался его принять»).

Калькированные фразеологизмы зачастую подвергаются дальнейшему семантическому развитию в языке-реципиенте, приобретая дополнительные оттенки значения. Так, в русском языке в XVIII в. фразеологизм трансформировался в производный от него *бросать вызов* ‘делать что-л., вызывающее чье-л. возмущение, угрожающее чему-л. установленному, принятому в обществе’: «*Никон бросил вызов всему прошлому*

⁸ Ayton A. English armies in the fourteenth century // *The Wars of Edward III: Sources and Interpretations*. 1994. P. 303–320.

русской церкви, как и окружающей русской действительности»⁹.

Калькирование наиболее активно используется в сфере научно-технической и военно-политической терминологии. Калькирование терминологических словосочетаний обладает рядом преимуществ, вызванных способностью создавать точные и емкие наименования для новых военных понятий, сохраняя при этом семантическую прозрачность и образность термина-прототипа: нем. *die großen Mächte*, англ. *great powers*, рус. *великие державы*; нем. *psychologische Kriegsführung*, англ. *psychological warfare*, рус. *психологическая война*.

Калькирование способствует обогащению не только военного подязыка, но и общего фразеологического фонда, что подтверждает значимость данного способа фразеологической деривации в развитии английского и русского языков в целом. Так, выражения *arms race* ‘гонка вооружений’, *fifth column* ‘пятая колонна’ (от исп. *quinta columna*), *iron curtain* ‘железный занавес’ представляют собой примеры фразеологизмов, расширивших сферы функционирования благодаря семантическому развитию.

Еще одним эффективным способом фразеологической миграции в сфере военной фразеологии служит семантическое фразеологическое заимствование, сущность которого заключается в формировании устойчивого оборота на основе материала языка-реципиента под действием мотивировок-стимулов действительности, образов, реалий, исторических событий и ситуаций как достойных иноязычных народов [9, с. 101]. Источником происхождения фразеологизма при семантическом заимствовании выступает специфический культурный субстрат, а именно прецедентные имена, тексты, высказывания и ситуации иноязычных лингвокультурных сообществ.

В шведской армии XVII в. существовал термин *gatlopp* ‘проход’, образованный от древнешведского *gata* ‘тропинка, дорожка’ и *lopp* ‘курс, ход’, используемый для обозначения вида наказания в армии, при котором провинившийся проходил между двумя рядами солдат, наносивших ему удары палками или веревками с узлами на концах¹⁰. Термин был заимствован в английский

⁹ Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. Лекции 54–65 (1904) // Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>.

¹⁰ Online etymology dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/>.

военный субстандарт в годы Тридцатилетней войны (1618–1648 гг.), пройдя этапы фонетической, морфологической и графической ассимиляции. К 1646 г. лексема приобрела форму *gantelope*, а впоследствии попала под влияние другого заимствования — омонимичного французского *gauntlet* ‘защитная перчатка’. На сегодняшний день слово *gauntlet* (или *gantlet*) в значении вида наказания в английском языке приобрело статус историзма, однако, широко употребляется в составе устойчивого оборота *run the gauntlet* в значении ‘пройти через к-л. испытания’: «*Rather than run the gauntlet to enter the harbor, as authorities in Washington expected, the squadron attacked the exterior fortifications*»¹¹ («Вместо того, чтобы прорваться в гавань, как ожидали власти в Вашингтоне, эскадра атаковала внешние укрепления»). Впоследствии фразеологизм получил еще одно переосмысленное значение ‘подвергаться резкой критике, нападкам’.

Шведская военно-историческая реалья породила соотносительное в семантико-понятийном отношении образование в русском языке XVII в. — наказание *шпицрутенами*. В русском языке в процессе фразеологизации задействован компонент, обозначающий инструмент, с помощью которого осуществлялось телесное наказание — *шпицрутен* (*Spiess* ‘копье, пика’ и *Rute* ‘хлыст’. Наказание было введено в русской императорской армии Петром I, чему находим подтверждение в Воинском артикуле 1715 г.: «...*надлежит вора в первые шестью сквозь полк прогнать шпицрутен, вдругоредь двенадцатью, а втретие, отрезав нос и уши, сослать на каторгу, а украденное всегда от него отобрать*»¹².

В русском языке XVII в. параллельно функционирует фразеологизм *прогнать сквозь строй*, схожий с английским *run the gauntlet* по лексико-грамматическому составу и семантике: «*Недостойные ж, особливо те, которые с приступу побежали, несколько десятков рядовых ошелмываны, а имянно ганены сквозь строй, и лица их заплевав, казнены смертию*»¹³. По данным «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля на момент первого издания словаря в 1863 г. в русском языке использовались фразео-

логизмы *пройти сквозь строй* и вторично интерпретированный на основании метафорического уподобления униформированного строя солдат пространству для прохода или проезда *пройти по зеленой улице*¹⁴: «*А как вывели меня к наказанию, вывели и капитана: меня по зеленой улице, а его лишитъ чинов и на Кавказ в солдаты*»¹⁵. Подобно английскому устойчивому обороту, русский *пройти сквозь строй* расширил семантику до обозначения ‘подвергнуть суровым испытаниям’: «*Путешественник проходил сквозь строй лишений, нужд, питался соленым мясом, пил воду, зажав нос; дрался с дикими*»¹⁶.

Пример претендующих на звание эквивалентных фразеологизмов наглядно демонстрирует, что интернациональный характер источника фразеологической единицы не гарантирует полной эквивалентности соответствующих выражений в разных языках.

Этимологический анализ показывает, что оба фразеологизма восходят к общеевропейской военной практике XVII–XVIII вв. Дальнейшее семантическое развитие фразеологизмов демонстрирует существенные различия, обусловленные национально-культурной спецификой, проявляющейся в коннотативных значениях и функционально-стилистических характеристиках фразеологизмов.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Военная фразеология формируется преимущественно под влиянием факторов, связанных с развитием военного дела и международным военным сотрудничеством. Основными проводниками межъязыковых взаимодействий в военной сфере выступают научно-техническая литература, фундаментальные труды военных теоретиков, уставы, нормативные документы и военная публицистика.

2. В соответствии с типом фразеологической миграции выделяются три основных источника заимствованной фразеологии: фразеологизмы, заимствованные в иноязычной форме, фразеологизмы-кальки и семантические заимствования.

¹¹ Foote L. Campaign for Charleston // The Oxford Handbook of the American Civil War. 2021. P. 137.

¹² Артикул воинский. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm>.

¹³ Макаров А. М. История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) (1698–1721) // Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>.

¹⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. Москва: Олма-Пресс: Крас. пролетарий, 2004. 700 с.

¹⁵ Достоевский Ф. М. Записки из Мертвого дома (1862) // Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>.

¹⁶ Гончаров И. А. Фрегат «Паллада» (1855) // Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/>.

Фразеологизмы в иноязычной форме сохраняют максимальный объем иноязычных характеристик, кальки образуются по иноязычной модели из средств собственного языка, а семантические заимствования формируются на основе культурного субстрата, включающего прецедентные имена, тексты и ситуации иноязычных лингвокультурных сообществ.

3. Процесс адаптации военных фразеологизмов в языке-реципиенте тесно связан с социолингвистическими факторами и национально-культурной спецификой. Несмотря на интернациональный характер источников заимствования, фра-

зеологические единицы развиваются в соответствии с особенностями принимающего языка и культуры, что проявляется в их коннотативных значениях и функционально-стилистических характеристиках.

4. Фразеологическая система языка, даже заимствуя иноязычные элементы, развивает их значение в соответствии с собственными закономерностями и культурно-историческими особенностями, что делает фразеологию особенно ценным источником для изучения национально-культурной специфики языкового сознания и языковой картины мира.

Список источников

1. Бойко Б. Л. Основы теории социально-групповых диалектов. Москва: ВУ, 2008. 181 с.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 342 с.
3. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение. М. Издательский центр «Академия», 2008. 304 с.
4. Коровушкин В. П. Теоретические основы контрастивной социолектологии: монография. Череповец: Череповецкий гос. ун-т, 2009. 246 с.
5. Коцюбинская Л. В. Когнитивные структуры английских фразеологических единиц латинского и французского происхождения: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Санкт-Петербург, 2004. 19 с.
6. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исслед. по соврем. рус. яз. и социолингвистике. Москва: Яз. славян. культуры, 2004. 883 с.
7. Лупанова Е. В., Балканов И. В. Трансграничная динамика англоязычного военного дискурса в период специальной военной операции РФ на Украине // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 11. С. 3745–3750.
8. Мухин С. В. Системно-функциональные характеристики фразеологической кальки французского происхождения в современном английском языке: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Москва, 2005. 23 с.
9. Солодухо Э. М. Проблемы интернационализации фразеологии (на материале языков славянской, германской и романской групп): диссертация ... доктора филологических наук. Казань, 1983. 457 с.
10. Сороколетов Ф. П. История военной лексики в русском языке (XI–XVII вв.) / Отв. ред. Ф. П. Филин. Изд. 2-е, доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 384 с.
11. Судзиловский Г. А. Сленг — что это такое? Англо-русский словарь военного сленга. М.: Воениздат, 1973. 182 с.
12. Суркова Е. В. Военная фразеология в трактате «о войне» К. Фон Клаузевица // Политическая лингвистика. 2024. № 6 (108). С. 178–185.
13. Суркова Е. В. Воздействующий потенциал военной фразеологии в публицистике в период вооруженного конфликта (на материалах англоязычных медиатекстов на тему СВО) // Военно-филологический журнал. 2024. № 3. С. 26–36.
14. Сухорукова Ю. С. Динамика семантических процессов заимствований в современном французском языке: Свободный и связанный контекст: автореферат дис. ... кандидата филологических наук. Санкт-Петербург, 2005. 24 с.
15. Шевчук В. Н. Военно-терминологическая система в статике и динамике: диссертация ... доктора филологических наук. Москва, 1985. 488 с.

References

1. Bojko BL. Fundamentals of the theory of socio-group dialects: a monograph. M.: VU. 2008; 181 p. (In Russ.).
2. Vlahov S, Florin S. Untranslatable in translation. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya. 1980; 342 p. (In Russ.).
3. Grinev-Grinevich SV. Terminology. M.: Izdatel'skij centr «Akademiya». 2008; 304 p. (In Russ.).

4. Korovushkin VP. Theoretical bases of contrastive sociolectology: a monograph. Cherepovec: Cherepovec State Un-ty. 2009; 246 p. (In Russ.).
5. Kocyubinskaya LV. Cognitive structures of English phraseological units of Latin and French origin: abstract of disc. ... Cand. Sci. (Philology). Sankt-Peterburg. 2004; 19 p. (In Russ.).
6. Krysin LP. Russian word, own and foreign: Studies on modern Russian language and sociolinguistics. M.: Yaz. slavyan. kul'tury. 2004; 883 p. (In Russ.).
7. Lupanova EV., Balkanov IV. Cross-border dynamics of the English-language military discourse during the special military operation of the Russian Federation in Ukraine. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Aspects of theory and practice*. 2023;16(11):3745-3750. (In Russ.).
8. Muhin SV. System-functional characteristics of phraseological calque of French origin in modern English: abstract of the dissertation Cand. Sci. (Philology). M. 2005; 23 p. (In Russ.).
9. Soloduh EM. Problems of internationalisation of phraseology (on the material of languages of Slavic, Germanic and Romance groups): dissertation ... Dr. Sci. (Philology). Kazan'. 1983; 457 p. (In Russ.).
10. Sorokoletov FP. History of military vocabulary in the Russian language (XI-XVII cc.). M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM». 2009; 384 p. (In Russ.).
11. Sudzilovskij GA. Slang – what is it? English-Russian dictionary of military slang. M.: Voenizdat. 1973; 182 p. (In Russ.).
12. Surkova EV. Military phraseology in C. von Clausewitz's treatise "On war". *Politicheskaya lingvistika = Political linguistics*. 2024;(6(108):178-185. (In Russ.).
13. Surkova EV. Impact potential of military phraseology in mass media during armed conflict (on English media texts about the special military operation). *Voенно-филологический журнал = Military-philological journal*. 2024;(3):26-36. (In Russ.).
14. Sukhorukova YuS. Dynamics of semantic processes of borrowings in the modern French language: Free and bound context: abstract of the dissertation. ... Cand. Sci. (Philology). St. Petersburg. 2005; 24 p. (In Russ.).
15. Shevchuk VN. Military-terminological system in statics and dynamics: dissertation ... Dr. Sci. (Philology). M. 1985; 488 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. В. Суркова — кандидат филологических наук, доцент, докторант.

Information about the author

E. V. Surkova — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, doctoral candidate

Статья поступила в редакцию 27.01.2025; одобрена после рецензирования 02.02.2025; принята к публикации 30.04.2025.

The article was submitted 27.01.2025; approved after reviewing 02.02.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81'42:81'374(470)

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-42-49

НЕПРОТОТИПИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОСТИ (на примере глагола русского языка «пилить»)

Влада Вячеславовна Яркова¹, Светлана Викторовна Шустова²✉

¹Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия, vladaiarkovaa@gmail.com, ORCID: 0000-0002-7052-6820

²✉Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия, lanaschust@mail.ru, ORCID: 0000-0002-8318-7864

Аннотация. Настоящее исследование проводится в рамках теории функциональной грамматики Санкт-Петербургской (Ленинградской) лингвистической школы, разработанной под руководством А. В. Бондарко (1930–2016). В центре внимания исследователя находится понятие категориальной ситуации как типовой содержательной структуры, репрезентирующей определенную семантическую категорию в языке и формирующей функционально-семантическое поле. В предлагаемой статье анализируется когнитивный сценарий категориальной ситуации инструментальности на примере глагола русского языка *пилить*. Материалом для анализа послужили контексты из Национального корпуса русского языка и Корпуса русского языка Лаборатории корпусной лингвистики Лейпцигского университета. В работе описана непрототипическая категориальная ситуация инструментальности при актуализации глаголом значения «изводить, донимать непрерывными попреками, придирами». В ходе исследования выявлены участники данной инструментальной ситуации, такие как агенс, пациент, дополнительный участник действия, средство, категориальные признаки итеративности, темпоральности, локативности, качественности действия, каузальности, целеполагания и результативности. Анализ показывает, что для непрототипической ситуации характерен переход от опредмеченной формы инструментальности к неопредмеченной, где средством достижения определенного результата выступает речь. Вместе с тем, автор статьи фиксирует случаи «опредмечивания» средства, когда абстрактное явление приобретает атрибутику материального инструмента. Особое внимание уделяется процессам метонимизации, персонификации и когнитивного моделирования, отражающим сложную структуру концептуализации действия. Фиксируются случаи категориального взаимодействия рассматриваемой семантической категории. Делается вывод о категории инструментальности как об одном из проявлений системности языка. Полученные результаты демонстрируют интегративный характер грамматических категорий в языковом сознании и комплексную семантическую структуру исследуемой лексемы. Данная статья будет полезна исследователям в области функциональной грамматики, преподавателям и студентам, занимающимся теорией языка.

Ключевые слова: функциональная грамматика, когнитивный сценарий, семантическая категория, категориальная ситуация, инструментальность, русский язык, глаголы

Для цитирования: Яркова В. В., Шустова С. В. Непрототипическая категориальная ситуация инструментальности (на примере глагола русского языка «пилить») // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 5 (499). С. 42–49. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-42-49.

Original article

NON-PROTOTYPICAL CATEGORIAL SITUATION OF INSTRUMENTALITY (Based on the Russian Verb *pilit'* 'to saw')

Vlada V. Yarkova¹, Svetlana V. Shustova²✉

¹Perm State National Research University, Perm, Russia, vladaiarkovaa@gmail.com, ORCID: 0000-0002-7052-6820

²✉Perm State National Research University, Perm, Russia, lanaschust@mail.ru, ORCID: 0000-0002-8318-7864

Abstract. The present study outlines the conceptual framework of functional grammar, developed by representatives of the St. Petersburg School under the guidance of Alexander V. Bondarko (1930–2016). The research focuses on a categorial situation as a typical semantic structure that represents a specific semantic category and forms a functional-semantic field. It deals with the cognitive scenario of a non-prototypical categorial situation of instrumentality based on the Russian verb *pilit'* (meaning 'to nag'). The study draws on contexts from the Russian National Corpus and the Leipzig Corpora Collection. The paper identifies components of a non-prototypical instrumental situation including the agent, patient, an additional participant, the instrument, and categorial features of iterativity, temporality, locativity, qualitiveness, causality, goal orientation, and resultativity. The non-prototypical situation demonstrates a shift from an objectified to a non-objectified form of instrumentality. At the same time, the study provides some cases of re-objectification of the instrument, in which abstract phenomena acquire attributes of a physical tool. The research reveals active processes of metonymy, personification, and cognitive modeling. Cases of categorial interaction between instrumentality and other semantic categories are also identified. The results of the study demonstrate the integrative nature of grammatical categories in linguistic consciousness and the complex semantic structure of the studied lexical unit. This article will be of interest to undergraduate, graduate, and post-graduate researchers, as well as scholars and students engaged in the study of language theory.

Keywords: functional grammar, cognitive scenario, categorial situation, semantic category, instrumentality, Russian, verbs

For citation: Iarkova VV, Shustova SV. Non-Prototypical Categorial Situation of Instrumentality (Based on the Russian Verb *pilit'* 'to saw'). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(5(499):42-49. (In Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-42-49.

Введение

В настоящей статье используется понятийный аппарат функциональной грамматики Санкт-Петербургской (Ленинградской) лингвистической школы. Данный подход способствует системному описанию разноуровневых средств языка, объединенных определенной семантической категорией. Развитие теории функциональной грамматики А. В. Бондарко ведет к расширению спектра анализируемых языковых явлений, что, в свою очередь, позволяет глубже понять механизмы и закономерности функционирования языка и его системную организацию.

Одним из ключевых понятий данной теории является понятие категориальной ситуации, которая трактуется как «выражаемая различными средствами высказывания типовая содержательная структура, а) базирующаяся на определенной семантической категории и образуемая ею в данном языке функционально-семантическом поле (ФСП); б) представляющая собой один из аспектов общей ситуации, передаваемой высказыванием, одну из его категориальных характеристик (аспектуальную, темпоральную, модальную, локативную и другие)» [2. С. 12].

В фокусе нашего внимания находится категориальная ситуация инструментальности. Инструментальность рассматривается как семантическая категория функциональной грамматики [14]. Данная категория «отражает обобщенное типизированное представление об опосредствованном характере целенаправленной деятельности агентивного субъекта» [13. С. 33]. Под средством

понимается «все ресурсы самого субъекта и других участников ситуации, а также естественные и искусственные силы и источники энергии, намеренно применяемые субъектом для реализации цели, для осуществления целенаправленного действия и достижения результата» [там же].

Инструментальность как одна из фундаментальных семантических категорий находит воплощение в языке, в частности в глагольной лексике. Изучение глагола с точки зрения его функционального потенциала не теряет своей актуальности среди специалистов в области языка [1; 8; 9; 10; 11; 12].

Исследователи отмечают главенствующую роль глагола в системе языка. Так, Вильгельм фон Гумбольдт придает глаголу особое значение, называя «душой всего речеобразования» [3. С. 267]. В рамках функциональной грамматики А. В. Бондарко, глагол рассматривается как предикативное ядро высказывания, которое выражает такие ключевые категориальные признаки, как время, вид, аспектуальность, таксис, модальность [2]. В трудах С. Д. Кацнельсона подчеркивается глубинная связь глагольных категорий с мыслительной деятельностью человека [5]. В контексте отечественной когнитивной лингвистики понимание природы глаголы невозможно без изучения его роли в конструировании, формировании ментальных пространств. Специфика семантики глагола проявляется в его способности выражать действие, активное взаимодействие участников ситуации [6; 7]. Идея о рассмотрении глагола как концептуального центра событийной

структуры получает широкое распространение и в западной лингвистике [15; 16; 17; 18; 19].

Материалы и методы исследования

Представленный в данной работе контекстуальный анализ заключается в описании функционального потенциала глагола *пилить* с позиции прототипических и непрототипических значений инструментальности. Материалом анализа служат 2431 контекст из Основного корпуса Национального корпуса русского языка и 2030 контекстов из Корпуса русского языка Лаборатории корпусной лингвистики Лейпцигского университета (всего 4461 контекст).

Контекстуальный анализ базируется на результатах ранее проведенного дефиниционного анализа. В лексикографических источниках русского языка зафиксированы следующие значения глагола *пилить*: 1. Разделять на части кусок дерева, металла, камня и тому подобное с помощью пилы. 2. (указывается несовершенная и совершенная формы глагола — *пилить* и *выпилить*) Делать (сделать) что-либо из дерева, металла, камня и тому подобного специальным инструментом в виде стальной пластины или диска с заостренными зубцами по краям¹; 1. Разрезать пилой. 2. Играть на смычковом музыкальном инструменте. 3. Стачивать верхние слои, края чего-либо, придавая нужную форму; опиливать²; 1. Без конца укорять словами, докучать, не давать покоя³; 1. Беспеременно попрекать⁴; 1. Ехать⁵; 1. Договариваться с акционерами и заинтересованными лицами о разделе бизнеса, обычно предприятия-банкрота или захваченного в результате недружественного поглощения⁶; 1. Разрезать пилой какой-либо материал (дерево, камень, металл и тому подобное) // Резать что-либо ножом ана-

логично движениям пилой. 2. Стачивать верхние слои, края детали, предмета до нужного размера, формы. 3. Изводить, донимать непрерывными попреками, придирками; корить. 4. Неумело играть на смычковом музыкальном инструменте, неприятно воздействуя на слух⁷; (указывается две формы глагола — *пилить* и *пилнуть*) 1. Вступать с кем-либо в половую связь (о мужчине). 2. Идти, шагать, двигаться, направляться куда-либо. 3. Портить, изнашивать, неаккуратно обращаться. 4. Перепродавать⁸; 1. Разрезать пилой различные материалы (древесину, металл и тому подобное) // Профессионально заниматься пилкой, распиливанием чего-либо; быть пыльщиком // Резать что-либо ножом, производя движения, как при пилении. 2. Придавать нужную форму, подпиливая, стачивая верхние слои, края чего-либо. 3. Изводить, донимать кого-либо непрерывными поучениями, придирками, бранью; корить, попрекать чем-либо. 4. Играя на музыкальном инструменте (преимущественно смычковом), извлекать резкие, негармоничные звуки // Издавать однообразные, негармоничные звуки (о птицах, насекомых)⁹; 1. Продолжительно и в повышенном тоне учить, упрекать, высказывать недовольствие чем-либо¹⁰; 1. Попытаться прочитать информацию с плохих дисков¹¹; 1. Разрезать твердое вещество (дерево, металл) пилой. 2. Мучить, донимать непрерывными попреками, придирками¹²; 1. Разрезать что-либо на части или срезать, отсоединять с помощью пилы. 2. Упрекать кого-либо в чем-либо, ругать за что-либо¹³; 1. Резать пилой, а также снимать слой металла напильником.

7 Словарь многих выражений. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/many-expressions-dictionary/index.htm> (дата обращения: ноябрь 2024).

8 Словарь русского арго В. С. Елистратова. URL: https://russian_argo.academic.ru/ (дата обращения: ноябрь 2024).

9 Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 9 / под ред. Н. З. Котеловой, Г. А. Качевской. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. IV с., 1482 стб.

10 Словарь современной лексики, жаргона и сленга. URL: <https://argo.academic.ru/> (дата обращения: ноябрь 2024).

11 Словарь сленга «Hacker's Dictionary» В. К. Буракова. URL: <https://hacker.en-academic.com/> (дата обращения: ноябрь 2024).

12 Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (дата обращения: ноябрь 2024).

13 Толковый словарь русского языка Д. В. Дмитриева. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/dmitriev/> (дата обращения: ноябрь 2024).

¹ Большой толковый словарь русских глаголов под ред. Л. Г. Бабенко. URL: https://verbs_ru.academic.ru/ (дата обращения: ноябрь 2024).

² Малый академический словарь А. П. Евгеньевой. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/mas/> (дата обращения: ноябрь 2024).

³ Большой толково-фразеологический словарь М. И. Михельсона. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/michelson_new/ (дата обращения: ноябрь 2024).

⁴ Словарь «Культура речевого общения: Этика. Прагматика. Психология» Н. Н. Романовой и А. В. Филиппова. URL: https://speech_culture.academic.ru/ (дата обращения: ноябрь 2024).

⁵ Словарь автомобильного жаргона. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/avto/> (дата обращения: ноябрь 2024).

⁶ Словарь бизнес-сленга Е. Погребняка. URL: https://business_slang.academic.ru/ (дата обращения: ноябрь 2024).

2. Бесперывно упрекать, попрекать¹⁴; 1. Разрезать пилой различные материалы (древесину, металл и тому подобное) // Профессионально заниматься пилой, распиливанием чего-либо; быть пильщиком // Резать что-либо ножом, производя движения, как при пилении. 2. Придавать нужную форму, подпиливая, стачивая верхние слои, края чего-либо. 3. Изводить, донимать кого-либо непрерывными поучениями, придирками, бранью; корить, попрекать чем-либо. 4. Плохо играя на смычковом музыкальном инструменте, извлекать резкие, негармоничные звуки¹⁵; 1. Заниматься половым актом. 2. Ехать¹⁶; 1. Разрезать пилой какой-либо материал (дерево, камень, металл и тому подобное) // Резать что-либо ножом аналогично движениям пилой. 2. Стачивать верхние слои, края детали, предмета до нужного размера, формы. 3. Изводить, донимать непрерывными попреками, придирками; корить. 4. Неумело играть на смычковом музыкальном инструменте, неприятно воздействуя на слух.¹⁷

Используемые лексикографические источники фиксируют от одного до четырех значений глагола, что говорит о его многозначности. Представлены как прямые, так и переносные значения глагола. Прямые значения рассматриваются как прототипические значения инструментальности, а не прямые — как непрототипические. Считаю важным отметить, что во внимание не берется значение глагола «издавать однообразные, резкие звуки (о насекомых, птицах)», так как данная ситуация предполагает порождение сигнала рефлекторно-автоматического характера, глагол не выражает языковое значение. Под языковым значением мы понимаем «информацию, передаваемую адресантом с использованием языковых единиц (конструкций, создаваемых на базе языковых единиц) и предназначенную для того или иного адресата с целью изменить его базу знаний и / или манипулировать им» [4. С. 34].

¹⁴ Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/> (дата обращения: ноябрь 2024).

¹⁵ Толковый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/> (дата обращения: ноябрь 2024).

¹⁶ Словарь «Язык Одессы. Слова и фразы» В. Котова-Померанченко. URL: https://odessa_slang.academic.ru/ (дата обращения: ноябрь 2024).

¹⁷ Энциклопедический словарь. URL: <http://niv.ru/doc/dictionary/encyclopedic/index.htm> (дата обращения: ноябрь 2024).

При актуализации глаголом прямых значений средством достижения цели может являться пила, специальный инструмент в виде стальной пластины или диска с заостренными зубцами по краям, нож, напильник. Для действия, реализованного глаголом в прямых значениях, также характерно применение субъектом неотчужденных орудий, то есть частей тела (например, рук). Процесс пиления может подразумевать наличие определенного уровня навыков, умений субъекта.

Актуализация глаголом переносных значений предполагает широкую вариативность средств. Средством достижения результата может выступать музыкальный инструмент и его составляющие (например, струны, смычок), звучащая при игре на нем музыка, речь, транспортное средство, неотчужденные орудия, то есть части тела (например, органы мужской репродуктивной системы, ноги), компьютер. Для ряда действий, реализованных глаголом *пилить*, характерно применение совокупности средств: игра на музыкальном инструменте (средства — музыкальный инструмент и его составные части, навыки субъекта, части тела субъекта, музыка, музыкальные звуки), езда на транспортном средстве (средства — транспортное средство, навыки субъекта, части тела субъекта), использование компьютера (средства — компьютер и его составные части, навыки субъекта, части тела субъекта), ведение переговоров или процесса перепродажи (средства — финансовые инструменты, правовые механизмы, коммуникативные средства делового общения).

Результаты исследования и их обсуждение

В работе представлены участники инструментальной категориальной ситуации, которая реализуется глаголом *пилить* в значении «изводить, донимать непрерывными попреками, придирками». В речи данная непрототипическая инструментальная ситуация может включать:

агены: *сестра, отец, гувернантка, товарищи, бригадир, соучастники, девка, тетя, благочестивые дамы, доктора, вся семья, [имя собственное], [личное местоимение], жена, супруг, баба, мальчик, бабушка, мама, законная мегера, старуха, старшая пионервожатая, завучиха, дядька, подполковник, приятельница, самая кроткая спутница:*

(1) *Люся начинает пилить дочь за поздние возвращения домой, дурацкую, на ее взгляд, обувь, пугает Настю маньяком, в общем, своей неразумной опекой портит ей жизнь.*¹⁸

¹⁸ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: ноябрь – декабрь 2024).

(2) Мне кажется, что наш брак кончится тем, что я **начну пилить** мужа за его вредные привычки.¹⁹

Агенса может быть не только одушевленным предметом, но и абстрактной сущностью, которая, с точки зрения говорящего, обладает воздействующей силой на объект:

(3) Тоска обрушилась на него неведущим мраком, **тоска пилила** его душу какими-то внутренними визгами.²⁰

(4) **Загадка** эта мучила и **пилила** Евсея...²¹

Важно отметить, что в представленных контекстах абстрактные сущности не являются начальными инициаторами действия, а, скорее, представляют собой результат предшествующей ситуации, в которой истинным агентивным субъектом являлся одушевленный участник — человек или группа людей.

Особый интерес представляют случаи метонимической транспозиции, при которых функции агенса переносятся на средство:

(5) **Аглицкие газеты** (= журналисты, редакторы, представители издательства) **пилят** Россию ежедневно самым злостным образом; японские — за ними; это до белого каления довело ненависть японцев к России.²²

пациенс: кучера, братца, мальчиков, прислугу, человека, ребенка, сотрудников, зятя, несчастных мужей, братца, режиссера, [имя собственное], [личное / неопределенное / возвратное местоимение], дочь, сына, женщин, японца, нянечек, домработниц, податливого мужа, дежурного, лодырей, сплетников, тунеядцев, старика, дядьку, сына и невестку, домочадцев, окружающих, бабушку, поэта, дурня, партнера, подругу:

(6) Готова репетировать с утра до ночи и **пилят режиссера** за торопливость, дескать, зачем хватает человек столько работы...²³

(7) Потому что, если женщина не совсем дружит со своей головой и **начинает мужчину пилить**, это может привести к неприятным последствиям прежде всего для нее самой.²⁴

¹⁹ Корпус русского языка Лаборатории корпусной лингвистики Лейпцигского университета. URL: https://corpora.wortschatz-leipzig.de/en?corpusId=rus_mixed_2013 (дата обращения: ноябрь – декабрь 2024).

²⁰ Национальный корпус русского языка...

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Корпус русского языка Лаборатории корпусной лингвистики Лейпцигского университета...

В качестве пациенса могут выступать части тела (мозги, нервы, сердце), а также абстрактные сущности (душа), которые ассоциируются с внутренним, психоэмоциональным состоянием человека:

(8) Ругается, ругается, как с цепи сорвалась; а потом самой захочется выпить — и сразу добреет, не **пилят мозги** своему пятидесятилетнему брату.²⁵

(9) **Пилят** он мне **сердце** тупыми словами своими, усы у него дрожат и в глазах зеленый огонек играет.²⁶

Здесь также можно упомянуть контексты со *спиной*, которые предполагают психологическое давление, оказанное вербально, но воспринимаемое как физическое воздействие:

(10) Обедал вдвоем с Вячеславом; потом он долго объяснялся и **пилил мне спину**.²⁷

Дополнительного участника ситуации: при + [личное местоимение], мать с дедом, посреди класса:

(11) Мама каждый день **при нем** меня **пилят**, что я с замужеством поторопилась, мол, такая умница и красавица, как ее ненаглядная доченька, могла бы себе и лучшего мужа найти.²⁸

категориальный признак итеративности: каждый день, каждый вечер, каждодневно, ежедневно, изо дня в день, день за днем, каждую минуту, частенько, часто, снова, как можно чаще, (столько раз, сколько...), поминутно, всегда, постоянно, опять:

(12) А Сема **пилил** меня **каждый вечер**: «Проверь почти, что там?»²⁹

(13) А я вижу, ты уже **начинаешь** меня **опять пиловать**.³⁰

категориальный признак темпоральности: все время (= без перерыва), целый год, полгода, без конца, весь четверг, всю неделю, третьи сутки, день и ночь, с утра до ночи, три часа, три года, уже третий год, всю жизнь, бесконечно, по целым вечерам, вечно, непрерывно, всю перемену, с полчаса, сначала, позже, потом, вот-вот, тут (= сейчас), еще до ужина, (когда конец все-таки наступает...), за чаем (= во время чаепития), за обедом (= во время приема пищи,

²⁵ Национальный корпус русского языка...

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Корпус русского языка Лаборатории корпусной лингвистики Лейпцигского университета...

в обеденное время), вечером, утром, спозаранку, до определенного выражения его глаз, до самой ночи, до самого развода, до первого привала, до самого конца рейса, до третьих петухов:

(14) Алина **пилила** ее **всю неделю**.³¹

(15) Хотя другая жена неработающего мужа **могла бы все время пилить**.³²

категориальный признак локативности: дома, в спальне:

(16) Жена его **дома пилит** — и то, и это, все не так, — ну, он и бросится на реку.³³

(17) А вот **дома пилить** мужей такие женские товарищи считают правильным.³⁴

инструментальный компонент: [прямая речь], шепотом, словами классной наставницы, разговорами, с ухватками злой жены, попреками, своей словесной пилой, своим милым язычком, с маленькой ядовитой улыбкой, нескончаемым чтением, тупыми словами своими, своими языками, своим неутомимым языком (= речью), скрипучими звуками своего ворчанья, вполголоса, в три голоса:

(18) А вот ты пойдешь в ПТУ, а потом без образования будешь на фабрике работать, — **продолжала Ната пилить его словами классной наставницы**, но потом утихла и сжалилась.³⁵

(19) Так если вы считаете, что ваш партнер мог бы зарабатывать больше того, что он имеет на сегодняшний день, **не стоит пилить его этими разговорами**.³⁶

Интересно, что в некоторых контекстах наблюдается процесс «опредмечивания» средства: абстрактное явление получает атрибутику материального инструмента — пилы:

(20) Я **неудержимо ношу** **взад-вперед**, **скользя, как по льду, по вощеному полу, и заглядываю вместе со всеми в стеклянные двери шестого класса: гимназисты все еще стоят, как солдаты, навьтяжку, а Бургмейстер по-прежнему пилит их деревянной пилой своего красноречия**.³⁷

категориальный признак качества действия: тихо, вяло, методически, немилосердно, тихонько, ласково, немножко, назойливо,

³¹ Национальный корпус русского языка...

³² Корпус русского языка Лаборатории корпусной лингвистики Лейпцигского университета...

³³ Национальный корпус русского языка...

³⁴ Корпус русского языка Лаборатории корпусной лингвистики Лейпцигского университета...

³⁵ Национальный корпус русского языка...

³⁶ Корпус русского языка Лаборатории корпусной лингвистики Лейпцигского университета...

³⁷ Национальный корпус русского языка...

изо всех сил, неотступно, нестерпимо, неутомимо, мастерски, въедливо:

(21) Манечка **пилит** его **немилосердно**.³⁸

категориальный признак каузальности: от злости, по разным поводам, при утомлении, за разные мелкие безделушки, за уход из семьи, за распушенность, за страсть к футболу, за чрезмерный пессимизм, за красноречие, за излишнюю фамильярность, за трояк, за неосторожность, за поздние возвращения домой, за дурацкую обувь, за торопливость, за ошибки и промахи, за очередное что-то, (... , зачем / чего...), (... , что он сидит в «этой дыре», и перспектив не видно), (... , что она не смотрит за своим здоровьем), (...за то, что...), (... , поэтому она пилит меня), (... , так как я не понимал...):

(22) Не **пилите за ошибки и промахи**.³⁹

(23) Теперь ей можно не следить за собой, сутками **пилить** его за **маленькую зарплату**, самой не работать.⁴⁰

компонент целеполагания: (... , чтобы...), [депричастный оборот]:

(24) Меня непрерывно **пилили** и требовали, **чтобы я соглашался немедленно**, причем сразу на все.⁴¹

категориальный признак результативности: до страшного нервного раздражения, до умерщвления, до истерики, до полного отчаяния, (... , отчего...):

(25) ...она каждую минуту **пилит** Машеньку и доводит ее **до страшного нервного раздражения, до истерики**, своими **беспрерывными, жалобами и попреками**...⁴²

Заключение

Итак, категория инструментальности рассматривается как проявление системности языка. Настоящее исследование указывает на комплексную структуру когнитивного сценария категориальной ситуации инструментальности, интегральный характер грамматических категорий в языковом сознании. Непрототипическая ситуация характеризуется модификацией опредмеченной формы инструментальности в неопредмеченную: в качестве средства выступает речь. Наблюдаются процессы метонимизации, персонификации и когнитивного моделирования, отражающие богатство языковой репрезентации категории инструментальности в современном русском языке.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Корпус русского языка Лаборатории корпусной лингвистики Лейпцигского университета...

⁴¹ Национальный корпус русского языка...

⁴² Там же.

Список литературы

1. Афанасьева А. А., Сюткина Н. П. Актуализация речевой агрессии в русском языке (на материале эмотивных каузативов) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 12. С.170–174. <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2023.12.33>
2. Бондарко А. В. (ред.). Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. Л.: Наука, 1987. 348 с.
3. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. / Общ. ред. Г. В. Рамишвили; Послесл. А. В. Гулыги и В. А. Звегинцев. М.: Прогресс, 2000. 400 с.
4. Касевич В. Б. Проблемы семантики. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2019. 304 с.
5. Кацнельсон С. Д. Категория языка и мышления. М.: Языки славянской культуры, 2001. 864 с.
6. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Институт языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
7. Плотникова А. М. Когнитивные аспекты изучения семантики (на материале русских глаголов): учеб. пособие. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2005. 140 с.
8. Сюткина Н. П. Когнитивный сценарий категориальной ситуации каузации эмоциональной модификации (на примере глагола «угрожать») // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып. 11, № 1. С.128–137. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-1-128>
9. Сюткина Н. П., Яркова В. В. Функциональные особенности глагола *unterhalten* // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 1. С.52–59.
10. Шустова С. В. Инструментальность в семантическом потенциале глаголов русского языка // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 11. С.49–61. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-11-49-61>
11. Шустова С. В., Маслова Д. Л. Инструментальные глаголы: лексикографический и переводческий аспекты. Пермь: АНО ДПО «Пермский институт экономики и финансов», 2023. 193 с.
12. Шустова С. В., Маслова Д. Л., Карими-Мотаххар Дж. Значение инструментальности в семантическом потенциале глаголов русского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 4. С.205–215. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_205
13. Ямшанова В. А. Инструментальность как семантическая категория // Вопросы языкознания. 1992. № 4. С. 63–72.
14. Ямшанова В. А. Категория инструментальности в немецком языке. Л.: Ленинградский финансово-экономический институт. 1991. 159 с.
15. Goldberg A. E. *Constructions: A construction grammar approach to argument structure*. Chicago. 1995. 271 p.
16. Jackendoff R. *Semantic structures*. Cambridge. 1990. 338 p.
17. Langacker R. W. *Foundations of cognitive grammar. Vol. 1: Theoretical prerequisites*. Stanford. 1987. 540 p.
18. Talmy L. *Toward a cognitive semantics. Vol. 1: Concept structuring systems*. Cambridge. 2003. 573 p.
19. Van Valin R. D., LaPolla R. J. *Syntax: Structure, meaning and function*. Cambridge. 1998. 744 p.

References

1. Afanas'eva AA, Syutkina NP. Aktualizatsiya rechevoy agressii v russkom yazyke (na materiale emotivnykh kauzativov) = Speech aggression in the Russian language (Based on emotive causatives). *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki = Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Humanities*. 2023;(12):170-174. <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2023.12.33> (in Russ.).
2. Bondarko AV (ed.). *Teoriya funktsional'noy grammatiki: Vvedenie, aspektual'nost', vremennaya lokalizovannost', taksis = Theory of functional grammar: Introduction, aspectuality, temporal localization, taxis*. Leningrad. 1987. 348 p. (in Russ.).
3. Gumbol'dt V fon. *Izbrannyye trudy po yazykoznaniiyu = Selected works on linguistics*. Moscow. 2000. 400 p. (in Russ.).
4. Kasevich VB. *Problemy semantiki = Problems of semantics*. St. Petersburg. 2019. 304 p. (in Russ.).
5. Katsnel'son SD. *Kategoriya yazyka i myshleniya = Categories of language and thought*. Moscow. 2001. 864 p. (in Russ.).

6. Kubryakova ES. Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira = Language and knowledge: Toward understanding language: Parts of speech from a cognitive perspective. The role of language in cognition. Moscow. 2004. 560 p. (in Russ.).
7. Plotnikova AM. Kognitivnye aspekty izucheniya semantiki (na materiale russkikh glagolov) = Cognitive aspects of the study of semantics (Based on Russian verbs). Coursebook. Ekaterinburg. 2005. 140 p. (in Russ.).
8. Syutkina NP. Kognitivnyy stsenariy kategorial'noy situatsii kauzatsii emotsional'noy modifikatsii (na primere glagola «ugrozhat'») = Cognitive scenario of a categorical situation of causation of emotional modification (Based on the verb *ugrozhat'* 'to threaten'). *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika = Theoretical and Applied Linguistics*. 2025;11(1):128-137. (in Russ.).
9. Syutkina NP, Yarkova VV. Funktsional'nye osobennosti glagola unterhalten = Functional features of the verb *unterhalten*. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal = Eurasian Humanitarian Journal*. 2025;(1):52-59. (in Russ.).
10. Shustova SV. Instrumental'nost' v semanticheskom potentsiale glagolov russkogo yazyka = Instrumentality in the semantic potential of Russian verbs. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya = Humanitarian Studies. History and Philology*. 2023;(11):49-61. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-11-49-61> (in Russ.).
11. Shustova SV, Maslova DL. Instrumental'nye glagoly: leksikograficheskiy i perevodcheskiy aspekt = Instrumental verbs: Lexicographic and translation aspects. Perm. 2023. 193 p. (in Russ.).
12. Shustova SV, Maslova DL, Karimi-Motakhkhar Dzh. Znachenie instrumental'nosti v semanticheskom potentsiale glagolov russkogo yazyka = The meaning of instrumentality in the semantic potential of Russian verbs. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika = Theoretical and Applied Linguistics*. 2022;8(4):205-215. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_4_205 (in Russ.).
13. Yamshanova VA. Instrumental'nost' kak semanticheskaya kategoriya = Instrumentality as a semantic category. *Voprosy yazykoznanija = Topics in the Study of Language*. 1992;(4):63-72. (in Russ.).
14. Yamshanova VA. Kategoriya instrumental'nosti v nemetskom yazyke = The category of instrumentality in German. Leningrad. 1991. 159 p. (in Russ.).
15. Goldberg AE. *Constructions: A construction grammar approach to argument structure*. Chicago. 1995. 271 p.
16. Jackendoff R. *Semantic structures*. Cambridge. 1990. 338 p.
17. Langacker RW. *Foundations of cognitive grammar*. Vol. 1: Theoretical prerequisites. Stanford. 1987. 540 p.
18. Talmy L. *Toward a cognitive semantics*. Vol. 1: Concept structuring systems. Cambridge. 2003. 573 p.
19. Van Valin RD., LaPolla RJ. *Syntax: Structure, meaning and function*. Cambridge. 1998. 744 p.

Информация об авторах

В. В. Яркова — аспирант кафедры лингвистики и перевода.

С. В. Шустова — доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и перевода.

Information about the authors

V. V. Yarkova — Postgraduate Student of the Department of Linguistics and Translation.

S. V. Shustova — Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Linguistics and Translation.

Статья поступила в редакцию 02.07.2024; одобрена после рецензирования 19.09.2024; принята к публикации 30.04.2025.

The article was submitted 02.07.2024; approved after reviewing 19.09.2024; accepted for publication 30.04.2025.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

**ВОПРОСЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ, ПРАГМАЛИНГВИСТИКИ,
КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ**
**QUESTIONS OF PSYCHOLINGUISTICS, PRAGMALINGUISTICS,
COGNITIVE LINGUISTICS**

Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 5 (499). С. 50–57.

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025;(5(499)):50-57.

Научная статья

УДК 808.56

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-50-57

**МЕТАЯЗЫКОВЫЕ ТЕХНИКИ ИГРОВОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕАКЦИИ
(результаты опроса респондентов)**

Юлия Михайловна Иванова

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия, julivanova@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-2321-7037

Аннотация. Статья исследует металингвистические аспекты формальной языковой игры на материале опроса 104 респондентов, которым было дано задание отреагировать на семь диалогических стимулов, шесть из которых представляли собой прецедентные высказывания из разных источников, а седьмой являлся контрольным и был лишен любых признаков прецедентности. Игровые реакции анализируются со структурной точки зрения. Различные принципы построения (множественных) структурных связей между высказываниями в диалоге рассматриваются на собранном материале. На материале проведенного опроса демонстрируется принцип «уничтожения содержания формой» игрового диалога. В полученных диалогических реакциях наблюдаются как неигровые, так и игровые конверсационные стратегии, причем последние представляют собой градуальную структуру: на одном ее полюсе находятся диалогические реакции, демонстрирующие полное нарушение референциальных связей и обыденной логики, на другом — фрагментарное обыгрывание некоторых морфем, слов, словосочетаний и т. п. при сохранении серьезного компонента высказывания. В нашем материале такое обыгрывание происходит на всех уровнях языка, от фонетического до синтаксического, а также на уровне прагматики высказывания и функционального стиля текста. Такая стратегия демонстрирует метаязыковой принцип речевой игры, при котором информационной основой диалога может стать не общность прагматики и референции смежных высказываний в диалоге, а произвольное игровое сближение некоторых языковых форм в их составе. Этот принцип наглядно демонстрирует то, что в психологии искусства называется принципом «уничтожения содержания формой», когда в художественном произведении (в том числе и литературном) форма и содержание меняются местами. По результатам настоящего исследования похожий эффект выражен в игровом диалоге тем сильнее, чем в большей степени говорящий при формулировке своего ответа отвлекается от смысла высказывания и обращается к его форме.

Ключевые слова: игровой диалогический обмен, игровой потенциал (высказывания), метаязыковая рефлексия, уничтожение содержания формой

Для цитирования: Иванова Ю. М. Метаязыковые техники игровой диалогической реакции (результаты опроса респондентов) // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 5 (499). С. 50–57. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-50-57.

Original article

**METALINGUISTIC TECHNIQUES
OF PLAYFUL DIALOGICAL REACTION (Survey Results)**

Yulia M. Ivanova

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia, julivanova@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-2321-7037

© Иванова Ю. М., 2025

Abstract. The article investigates the meta-linguistic aspects of formal verbal play based on the material of a survey of 104 respondents who were given the task of responding to seven dialogical stimuli, six of which were precedent statements taken from a variety of sources, and the seventh was a control stimulus, specially devised to be devoid of any signs of precedence. Playful responses are analyzed from a structural point of view. Various principles of building (multiple) structural links between utterances in a dialogue are examined. The material of the present survey demonstrates the principle of “destruction of content by form” in a playful dialogue. In the obtained dialogical reactions, we observe both non-playful and playful conversational strategies, and the latter represent a gradation: at one pole we find dialogical reactions demonstrating a complete suspension of reference and everyday logic, at the other — fragmentary word play on some morphemes, words, word combinations, etc., without the loss of the substantial component of the utterance. In our material, such play occurs at all levels of language, from phonetic to syntactic, as well as at the level of pragmatics of the utterance and functional style of the text. This strategy demonstrates the meta-linguistic principle of conversational playfulness, in which the dialogue may be based not on a commonality of pragmatics and reference of adjacent utterances, but on an arbitrary playful convergence of some linguistic forms present in it. This clearly exemplifies the principle of “destruction of content by form” known in psychology of art, whereby the form and the content de facto switch places in a work of art (including a piece of literature). The present study demonstrates that a similar effect is expressed in playful dialogue inasmuch as the speaker drifts away from reacting to the meaning of the utterance and turns to its form when formulating their reaction.

Keywords: playful dialogue, potential playfulness (of an utterance), metalinguistic reflexion, destruction of meaning by form

For citation: Ivanova JM. Metalinguistic Techniques of Playful Dialogical Reaction (Survey Results). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(5(499):50-57. (In Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-50-57.

Введение

Теория языковой игры развивается сегодня в различных направлениях: изучается функционирование языковой игры на различных уровнях языка [12], исследования в рамках теории текста рассматривают игру в ее текстологическом аспекте [6], [10], [11], [15], исследуются дискурсивные [1], когнитивные [7] и психолингвистические аспекты языковой игры [4], [9]. Данное исследование выполнено в русле набирающей популярность лингвопрагматической теории игрового коммуникативного поведения [2], [5], [11], [14], [17], [18], в которой задаются вопросы по поводу особенностей бытования языковой игры в речи.

Исследователи языковой игры сходятся во мнении о том, что все ее известные закономерности проявляются, в том числе, и в спонтанном диалоге, и могут изучаться методами лингвистической прагматики [5], [9], [11]. В рамках такого исследования есть смысл противопоставлять игровые и неигровые диалогические обмены. Игровой диалогический обмен характеризуется следующими свойствами: примат языковой формы над содержанием [3], [8], [15], наличие системы маркеров игровой интенции и взаимосвязей между ними, предпочтительность игровой реакции на игровой стимул и др. Очевидно, что в реальной коммуникации относительно редко встречаются «чистые» типы игровых и неигровых обменов, гораздо чаще в репликах спонтанного диалога можно наблюдать наличие одних признаков

игры и отсутствие других, когда явный фокус на форме высказывания соседствует с серьезным информированием. К примеру, фраза «Поднимем бокалы, содвинем их разом», сказанная за столом, представляет собой серьезное предложение тоста (в том смысле что говорящий ожидает от собеседников его принятия), которое в то же время содержит игровой компонент за счет прецедентности (это цитата) и косвенности (тост можно было бы предложить и более прямым путем).

В свете вышеизложенного вопрос о принципиальном отличии игровой диалогической реакции от неигровой мы решаем следующим образом. В самом общем виде корректно говорить об игровом характере диалогического обмена или отдельной реплики как о градуальной категории. Иными словами, между двумя полюсами — абсолютным отсутствием игры и примарно игровым высказыванием — находится целый спектр высказываний с различным игровым потенциалом. Игровой элемент высказывания складывается из комплекса факторов: потенциальная игра предполагает примат языковой формы над содержанием (например, наличие лексических и синтаксических тропов, рифмы, созвучия, пародийной интонации и т. п.), предпочтение переносного наименования прямому (употребление переносных наименований, коннотированных лексем), принципиальную возможность интерпретировать высказывание в конкретном контексте множественным образом (в противоположность однозначным интерпретациям). Чем больше этих

факторов проявляется в конкретном высказывании, тем выше его игровой потенциал.

Одна из стратегий формулирования игровой реакции на речевой стимул определяется нами как *обыгрывание*. Под обыгрыванием мы понимаем такой способ построения игровой реакции на высказывание в диалоге, при котором последующая реплика строится в первую очередь на актуализации формальных связей с предыдущим высказыванием, и лишь во вторую — на соблюдении конвенций диалога, принципа кооперативности и т. п. Слово обыденного языка «обыгрывание» превращается в нашей концепции в научный термин, поскольку оно, на наш взгляд, наиболее точно описывает соответствующий процесс: говорящий находит в предыдущей реплике своего собеседника такую особенность формы или содержания, которая может послужить основой для речевой игры, и формулирует ответную реплику как игровую (или содержащую элемент игры).

Важно отметить, что обыгрывание — не единственный способ построения игровой реплики в диалоге. Во-первых, инициальные игровые реплики часто не обыгрывают никакие другие, но, напротив, сами являются приглашением к обыгрыванию, потенциальной начальной точкой вербальной игры. Во-вторых, некоторые способы поддержания игрового взаимодействия основаны на том, чтобы предложить новые объекты обыгрывания взамен уже предложенных (в нашей терминологии эта стратегия называется *мена игры*). Наконец, в том случае, если говорящий не хочет нарушать игровую тональность общения, но не готов ни к обыгрыванию уже предложенных стимулов, ни к введению новых, он поддерживает игровое общение при помощи невербальных средств, таких как смех, улыбка, закрытие лица рукой, закатывание глаз и т. п. Такие действия сигнализируют о желании говорящего поддержать игровую тональность общения, но не содержат обыгрывания.

Материал и методы исследования

Нами был проведен опрос, в ходе которого 104 респондента (студенты вуза) реагировали на семь стимулов: (1) *Любовь — не картошка...* (начало русской поговорки); (2) *Какая гадость эта ваша заливная рыба!* (цитата из кинофильма «Ирония судьбы»); (3) *Вся наша жизнь — театр, а люди в ней актеры* (В. Шекспир); (4) *Един есть раб во всяком дому — сам господин* («Менандр»); (5) *Миром правят молодые. Когда состарятся* (Б. Шоу); (6) *Мода проходит, стиль*

остается. (Шанель); (7) Назовите хоть одну достойную цель. Один из стимулов (*Назовите хоть одну достойную цель*) был контрольным, остальные представляли собой прецедентные высказывания из максимально различных источников.

Респондентам была предложена электронная анкета со следующими инструкциями: «Пожалуйста, отреагируйте на следующие высказывания так, как если бы Вы услышали их в диалоге». Был выбран случайный порядок предъявления стимулов для того, чтобы исключить влияние контекста на реакции респондентов. Всего было получено 728 реакций, из которых 226 реакций (31 %) оказались игровыми. В статье все реакции выделены *курсивом* и приводятся в кавычках в авторской орфографии и пунктуации.

Прежде чем переходить к обсуждению результатов, необходимо сделать важное замечание по материалу. Наш материал — результаты опроса, в ходе которого респонденты реагировали на единичные диалогические стимулы без контекста (если не считать сам факт их прецедентности). Очевидно, что такой материал не является оптимальным для исследования спонтанного игрового речевого поведения (каким был бы, например, массив записей устного диалога). К выбору такой методики сбора материала нас подтолкнуло следующее соображение: если в игровом коммуникативном поведении существуют закономерности, то направленный опрос с высокой степенью вероятности способен наметить некие общезначимые игровые приемы. В дальнейшем частота и вариативность этих приемов может быть изучена на материале записей устной речи.

Результаты исследования и их обсуждение

Перейдем к описанию приемов обыгрывания, которые были использованы нашими респондентами в процессе формулирования реакции на предложенные стимулы. В нашем материале не встретились случаи обыгрывания фонем, морфем и словосочетаний, поэтому опишем уровень слова и высказывания.

1. На лексическом уровне обыгрыванию подверглись как форма, так и содержание лексем: приемы обыгрывания были основаны на созвучии, задействовали денотативный и коннотативный компоненты лексического значения, а также актуализации тематических групп.

Обыгрыванию подвергаются следующие компоненты слова и словосочетания: звучание (игра на созвучии, рифмование), денотативный компонент значения (ассоциации, тематические группы слов, подбор синонимов), коннотативный

компонент значения (мена оценочного знака), полисемия (замена одного значения другим).

Приведем примеры различных стратегий обыгрывания слова на материале реакций на стимул «Любовь — не картошка»: «*а картошка*» (рифма), «*а моркошка*» (рифма, тематическая группа *овощи*, стилистическая коннотация), «*а сосиска*» (тематическая группа *еда*, возможно, скабресный намек), «*любовь — макаронка*» (рифма, тематическая группа *еда*), «*и не кошка*» (рифма), «*а вот мой бывший — картошка*» (метафоризация, возможно, шуточная авторская инвектива по аналогии с прецедентным «нехороший человек — ридиска»). Здесь видим, что реакции наших респондентов основываются на таких свойствах слова «картошка», как его звучание (прием рифмования), денотативный компонент значения слова (подбор слова из тематической группы) и коннотативный компонент значения слова (стилистическая и оценочная коннотация).

Приведем примеры лексического обыгрывания на материале реакций на стимул «Какая гадость эта ваша заливная рыба!». Здесь обыгрыванию подверглась тема заливки: «*Избавьтесь от заливки*», «*Разлейте ее по плошкам*», «*Да ладно, селедка со сгущенкой очень даже вкусно*», «*А зачем вы залили рыбу пивом?*», «*зачем ее залили?:(*». Как видим, вопреки справедливыми ожиданиям, что респонденты будут реагировать на наиболее яркую игровую провокацию, а именно оскорбление «гадость», мы получаем реакции, в которых лексема «заливная» получает абсурдные реинтерпретации. Так, вместо ожидаемого образа рыбного желе видим в ответах респондентов рыбу, залитую пивом или сгущенкой, либо узнаем, что главная изюминка блюда — заливка — является проблемой и делает рыбу «гадостью». Таким образом, в данной группе стимулов преобладало обыгрывание лексемы «заливная» на уровне семантики, а не звучания.

2. На уровне высказывания в материале были выявлены следующие объекты обыгрывания: структура пропозиции (переосмысление логических отношений между частями пропозиции, выявление логических противоречий в структуре пропозиции, перестройка отношений между актантами, переосмысление референциальных связей), имплицатуры, логические следствия и основания пропозиции (наведение имплицатур, вербализация имплицатур и логических следствий, экспликация и/или критика логических оснований пропозиции), металингвистические характеристики высказывания (ме-

таязыковое комментирование, в том числе маркирование прецедентности).

Приведем примеры обыгрывания структуры пропозиции на материале игровых реакций на стимул «Любовь — не картошка».

«*Морковь — не фрукт*», «*Дружба — не помидор*», «*Дружба — не колбаса*», «*А дружба — не соль*» — копирование структуры пропозиции с меной актантов.

«*Но картошка — это любовь*» — перестройка логических отношений между частями пропозиции (мена субъекта и предиката).

«*Любовь — картошка (особенно если она жареная и с лучком)*» — отрицание пропозиции.

«*Хахах, понятное дело!*», «*и правда не картошка*», «*Все, что угодно, не картошка, кроме картошки*», «*Картошка — картошка*» — комментарий о тавтологичности утверждения.

«*Але картошка — это овощ вы че*», «*Это конец мысли?*» — косвенная критика логических оснований пропозиции.

Следующие примеры реакции на стимул «Любовь не картошка» обыгрывают имплицатуры, логические следствия и основания высказывания.

«*Видно, что пюре вы никогда не ели*» — экспликация логического следствия.

«*Потому что не растет*», «*Нельзя закопать*», «*Да, картошка дает энергию, а любовь ее забирает*», «*Ну да, как бы из картошки можно много чего сделать, она дешевая, вкусная, люблю картошку*» — экспликация логических оснований пропозиции.

3. Таким же образом обыгрыванию подверглись и экстралингвистические компоненты коммуникативной ситуации: состав коммуникантов и дистанция между ними, функциональный стиль, прецедентность стимулов.

Так, в реакциях на стимул «Какая гадость эта ваша заливная рыба!» наши респонденты иногда прибегали к обыгрыванию идентичности собеседника (которая предполагает определенную дистанцию). «*Бабуль, съешь что-нибудь другое тогда*» (вместо некоего абстрактного собеседника респондент обращается к своей бабушке), «*Ешь и не жалуйся*», «*да ладно, нормально*», «*Ну не ешь*», «*Сам ты гадость*» (очень близкие, возможно, родственные отношения), «*Тогда почему вы продолжаете ее есть?*», «*Просите, сейчас уберу*», «*Инполит бы с вами согласился*» (формально-вежливый стиль обращения). Важно отметить, что такие случаи редки, так, в нашем материале «изобретение» собеседника («бабуля», «мама» и «папа») встретилось всего три раза

в корпусе из 728 реакций, однако редкость игровой практики не говорит о ее относительной неважности, поскольку игра концептуализируется как оценочно маркированный феномен (игра может быть удачной, остроумной, неуместной, «тупой», «бездарной» и т. п.), соответственно, чем менее конвенциональна игровая практика, тем более действенным коммуникативным оружием она может оказаться.

Обыгрыванию подверглись также различные аспекты **прецедентности** предложенных стимулов. Так, 10 из 104 реакций на стимул «Какая гадость эта ваша заливная рыба!» построены на обыгрывании прецедентности этого высказывания. Первая группа реакций (три реакции из десяти игровых) представляет собой своеобразный «обмен цитатами»: на цитату из фильма нам отвечают другой цитатой, никак не связанной с первой, кроме принадлежности к тому же кинотеку: «*О, тепленькая пошла!*», «*Каждый год, 31-го декабря мы с друзьями ходим в баню*», «*На Тихорецкую состав отправится, вагончик тронется, перрон — останется. Советская классика*»).

Вторая группа реакций содержит пять ответов: «*Выхых смотрели*», «*Интертекстуальненько*», «*Ипполит бы с вами согласился. а я добавлю, что холодец такая же фигня*», «*ИППОЛИТ КРАСАВЧИК*», «*Человек смотрит фильмы*». Помимо маркеров игровой интенции («*Выхых*», уменьшительно-ласкательный суффикс + окказиональное словообразование, угадывание имени героя по цитате, «*графический крик*» (использование только заглавных букв для эмфазы), супергенерализация), эти реакции также транслируют истинную информацию, а именно маркируют узнавание цитаты респондентами и принятие предложенной темы разговора.

Наконец, третья группа игровых реакций (две из десяти) в добавление к игровым маркерам также намекает на разницу в возрасте между говорящими и/или год выхода фильма: «*мне не 40 лет я не шарю*», «*олд скульпные цитаты вошли в чат*». Таким образом, на материале реакций, маркирующих прецедентность, особенно заметна следующая черта игровых диалогических реакций: они могут одновременно и содержать игру, и сообщать истинную информацию, имеющую отношение к обсуждаемой реальности. Такая комбинация игрового и неигрового в одном речевом акте позволяет игровой реактивной реплике поддерживать как игровую тональность общения, так и референциальную связь с реальностью.

Другой объект обыгрывания — **стилистический компонент** высказывания. В исследовании присутствовал необычный стимул: афоризм из сборника «Менандр»: «Един есть раб в своем дому — сам господин». Этот древнерусский афоризм вызвал сравнительно мало игровых реакций (всего 28 из 104), причем 11 из них так или иначе маркируют стиль стимула через имитацию непонимания («*непонел*», «*чего?*», «*что блин*», «*ничего не понятно, но очень интересно*» и т. п.) Важно заметить, что такие переспросы никак не могут объясняться тем, что реципиент не расслышал стимул, поскольку стимулы предьявлялись в письменной форме. Таким образом, видим, что эти игровые переспросы являются своеобразным отражением стиля стимула, попыткой отразить форму, игрой в непонимание.

Выводы

1. Диалогические обмены могут быть классифицированы с позиций наличия/отсутствия в них игрового компонента. В нашем материале встречаются как «чистые игровые обмены», в которых практически отсутствует обыденная логика и референциальная связь с реальностью (е.г., «*Вся жизнь — театр, и люди в ней актеры*» — «*И ад весь пуст, и бесы уже здесь*»), так и гибридные типы игровых высказываний, которые способны совмещать неигровые речевые акты с игровой языковой формой (е.г., «*Вся жизнь — театр, и люди в ней актеры*» — «*Если я в главной роли, то ладно*»). В этом смысле игровой компонент диалогического обмена можно концептуализировать как градуальную категорию: на одном конце этой градации находится «чистая вербальная игра», то есть обмен полностью фикциональными репликами, содержание которых вымышленно, а форма служит исключительно целям игры, а на другом конце — своеобразные гибриды игрового и серьезного, то есть такие реплики, которые, имея некоторые формальные признаки игры, в то же время сохраняют иллюкутивную силу, сообщая правдивые сведения о мире и осуществляя серьезные речевые действия.

2. Последний случай часто связан с метаязыковой игровой диалогической стратегией, которую удобно называть обыденным словосочетанием «обыгрывание (языковой) формы». Обыгрывание формы — такая стратегия построения игровой реакции в диалоге, при которой форма предыдущего высказывания вызывает различные типы метаязыковой рефлексии, например, фонетическое пародирование, рекомбинацию элементов, переосмысление, наведение коннотаций

или пресуппозиций и т. п. Обыгрывание в диалоге наблюдается на разных уровнях языка, от фонетического (обыгрывание созвучия, рифмование) до прагматического (обыгрывание пресуппозиций, логических следствий, прецедентности, маркеров функционального стиля и т. п.) Когда говорящие прибегают к метаязыковой стратегии обыгрывания, то основой смысловой цельности диалогического обмена становится его локальная связность, иными словами, в игровом диалогическом обмене цельность и связность в пределе становятся неотличимы друг от друга.

3. В тех случаях, когда мы наблюдаем преимущественно игровой обмен репликами (е.g., «Любовь — не картошка...» — «А картошка»), информационный вклад игровой реакции в диалог исчерпывается собственно актом обыгрывания, и приращение информации осуществляется исключительно за счет метаязыковой рефлексии, содержащейся в нем. В других случаях обыгрывание

становится лишь одним из компонентов высказывания, которое одновременно выполняет неигровое коммуникативное задание.

4. Эффект, известный в психологии искусства как «уничтожение содержания формой», наблюдается и в спонтанном игровом диалоге, где локальная связность, то есть система формальных связей между репликами, сама по себе способна формировать достаточную пропозициональную основу для полноценной ответной реплики, а в предельных случаях — послужить единственным источником приращения информации в диалоге.

5. Эффект «уничтожения содержания формой» придает игровому диалогическому обмену определенное сходство с художественной прозой, поскольку основой взаимодействия здесь в той или иной степени является игровое сближение формальных характеристик дискурса, а не референциальная связь с описываемой реальностью.

Список источников

1. Амири Л. П. Комбинирование разновидностей языковой игры как дискурсивная особенность коммуникативного пространства рекламы // Вестник славянских культур. 2014. № 1 (31). С. 108–117.
2. Баев Е. В. Неаутентичная невежливость и языковая игра // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: гуманитарные науки. 2021. № 10. С.147–150.
3. Выготский Л. С. Психология искусства. М.: Эксмо. 2024. 416 с.
4. Гридина Т. А. Психологическая реальность значения и ассоциативная стратегия языковой игры // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2006. № 4. С. 11–24.
5. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Русская разговорная речь: фонетика, морфология, лексика, жест. М.: Наука. 1983. 238 с.
6. Игнатенко А. В. Особенности языковой игры в прозе Лю Чжэньюня на примере романа «Я не Пань Цзиньлянь» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2022. Том 14. № 3. С. 507–523.
7. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры. 2014. 320 с.
8. Козинцев А. Г. Уничтожение содержания формой // Петербургский семинар по когнитивным исследованиям: доклады и стенограммы. Том 1: 2012–2015. 2022. С.89–100.
9. Коновалова Ю. О. Языковая игра в современной русской разговорной речи: монография. Владивосток: Изд-во ВГУЭС. 2008. 196 с.
10. Кузницина Е. С. Языковая игра как средство создания и функционирования рекламного текста // Вестник Московского Государственного Областного Университета. Серия «Русская филология». 2021. № 2. С.209–218.
11. Лебедева Е. Б. Уточнение понятия «Языковая игра» в лингвистике // Язык и культура. 2014. № 4 (28). С.48–63.
12. Негрышев А. А. Языковая игра в новостном медиатексте: референциально-прагматический аспект // Медиаскоп. Электронный научный журнал Факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова. 2010. Вып. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-igra-v-novostnom-mediatekste-referentsialno-pragmaticheskiy-aspekt> (дата обращения: 23.02.2024).
13. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: «Языки русской культуры». 1999. 544 с.
14. Тимофеева Н. Ю. Прагматический аспект понятия «языковая игра» // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 2. С. 5–9.

15. Фарино Е. Введение в литературоведение: учебное пособие. СПб: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена. 2004. 639 с.
16. Шацкая М. Ф. Функционирование актантов субъектного типа в условиях языковой игры // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 23. С.151–162.
17. Dynel M. There is method in the humorous speaker's madness: humour and Grice's model // *Lodz Papers in Pragmatics. Special Issue on Humour*. 2008. № 4 (1). P. 159–185.
18. Holt E. Laughter at Last: Playfulness and laughter in interaction // *Journal of Pragmatics*. 2016. № 100. P. 89–102.

References

1. Amiri LP. Kombinirovanie raznovidnostej jazykovoj igry kak diskursivnaja osobennost' kommunikativnogo prostranstva reklamy = The combination of different types of language play as a peculiarity of the communicative space in advertising. *Vestnik slavyanskikh kul'tur = Bulletin of Slavic cultures*. 2014;(1(31)): 108-117. (in Russ.).
2. Baev EV. Neautentichnaja nevezhlivost' i jazykovaja igra = Unauthentic politeness and language games. *Sovremennaja nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Serija: gumanitarnye nauki = Modern Science: actual problems of theory and practice. Series HUMANITIES*. 2021;(10):147-150. (in Russ.).
3. Vygotskij LS. The psychology of art. Moscow. 2024. 416 p. (in Russ.).
4. Gridina TA. Psikhologicheskaja real'nost' znachenija i assotsiativnaja strategija jazykovoj igry = Psychological reality and the associative strategy of linguistic playfulness. *Psikholingvističeskie aspekty izučeniya rečevoj dejatel'nosti = Psycholinguistic Aspects of the Study of Speech Activity*. 2006;(4):11-24. (in Russ.).
5. Zemskaja EA, Kitajgorodskaja MV, Rozanova NN. Russian Colloquial Speech: phonetics, morphology, vocabulary, gesture. Moscow. 1983. 238p. (in Russ.).
6. Ignatenko AV. Osobennosti jazykovoj igry v proze Liu Chzhen'junja na primere romana «Ja ne Pan' Tszin'ljan'» = Features of the Language Game in Liu Zhenyun's Prose as Exemplified by the Novel "I am not Pan Jinlian". *Vestnik Saint Petersburgskogo universiteta. Vostokovedenie i afrikanistika = Bulletin of St. Petersburg University. Asian and African Studies*. 2022;14(3):507-523. (in Russ.).
7. Iriskhanova OK. Play of focus in human language. Semantics, syntax and pragmatics of defocusing. Moscow. 2014. 320 p. (in Russ.).
8. Kozintsev AG. Unichtozhenie soderzhanija formoj = Destruction of form by meaning. Peterburgskij seminar po kognitivnym issledovanijam = Proceedings of St. Petersburg cognitive studies seminar. Vol. 1: 2012-2015. 2022. P. 89-100. (in Russ.).
9. Konovalova YuO. Verbal play in contemporary Russian colloquial speech: monograph. Vladivostok. 2008. 196p. (in Russ.).
10. Kuznitsina ES. Jazykovaja igra kak sredstvo sozdaniya i funkcionirovanija reklamnogo teksta = Language game as a means of creating and functioning of advertising text. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Oblastnogo Universiteta. Serija "Russkaja filologija" = Bulletin of Moscow State Regional University. Series "Russian philology"*. 2021;(2):209-218. (in Russ.).
11. Lebedeva EB. Utočnenie ponjatija «Jazykovaja igra» v lingvistike = On clarification the term "Language game" in linguistics. *Jazyk i kul'tura = Language and Culture*. 2014;4(28):48-63. (in Russ.).
12. Negryshev AA. Jazykovaja igra v novostnom mediatekste: referentsial'no-pragmatičeskij aspekt = Language game in news media text: reference-pragmatic aspect. *Mediascope. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Fakul'teta zhurnalistiki MGU imeni M.V. Lomonosova. = Mediascope. Electronic journal of the Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University*. 2010 (4). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-igra-v-novostnom-mediatekste-referentsialno-pragmatičeskij-aspekt> (accessed: 23.02.2024). (in Russ.).
13. Sannikov VZ. The Russian language in the mirror of verbal play. Moscow. 1999. 541p. (in Russ.).
14. Timofeeva NYu. Pragmatičeskij aspekt ponjatija "jazykovaja igra" = Pragmatic aspect of the concept of language game. *Vestnik VGU. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja komunikatsija = Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*. 2019;(2):5-9. (in Russ.).
15. Faryno Je. Introduction to literary theory: textbook. Saint-Petersburg. 2004. 639 p. (in Russ.).
16. Shatskaia MF. Funkcionirovanie aktantov sub'ektnogo tipa v uslovijakh jazykovoj igry = Functioning of location and time actants and circumstantials in word play. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2008;(23):151-162. (in Russ.).
17. Dynel M. There is method in the humorous speaker's madness: humour and Grice's model. *Lodz Papers in Pragmatics. Special Issue on Humour*. 2008;(4(1)):159-185.
18. Holt E. Laughter at Last: Playfulness and laughter in interaction. *Journal of Pragmatics*. 2016;(100):89-102.

Информация об авторе

Ю. М. Иванова — кандидат филологических наук, доцент кафедры Межкультурной коммуникации и перевода.

Information about the author

Y. M. Ivanova — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Chair of Intercultural Communication and Translation.

Статья поступила в редакцию 04.04.2024; одобрена после рецензирования 15.04.2024; принята к публикации 30.04.2025.

The article was submitted 04.04.2024; approved after reviewing 15.04.2024; accepted for publication 30.04.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81.11

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-58-66

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДЕМОНСТРАТИВНОЙ ТОНАЛЬНОСТИ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ирина Александровна Тисленкова

Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, Россия, tislenkova@bk.ru,
ORCID 0000-0002-7202-2773, SCOPUS 57214837728

Аннотация. Настоящая статья посвящена особенностям функционирования коммуникативной демонстративности в педагогическом дискурсе. Научная новизна исследования определяется тем, что впервые описана дискурсивная специфика демонстративности в педагогическом дискурсе, определены ее способы выражения и функции. Педагогическое взаимодействие с классом строится на балансе между эмоциональной самоподачей и сдержанностью, что позволяет педагогу создать продуктивную учебную среду, повысить вовлеченность учащихся в учебную деятельность, улучшить понимание. Коммуникативная демонстративность учителя оказывает как положительное, так и отрицательное влияние на учеников. Положительная демонстративность способствует повышению учебной мотивации, создает атмосферу сотрудничества, стимулируя творческое мышление и самовыражение. Отрицательная демонстративность вызывает раздражение и утомление у учеников, утрату доверительных отношений, подрывает безусловный авторитет педагога. Целью исследования является выявление ведущих функций и средств актуализации демонстративной тональности в речи учителя. В работе используется междисциплинарный подход и метод психолингвистического анализа речевой продукции коммуникантов. В результате анализа устанавливается, что демонстративная тональность в речи учителя выполняет контактоустанавливающую, мотивирующую, стимулирующую, регулирующую, кооперативную, суппортивную и консолидирующую функции. Положительная нарративная демонстративная тональность выражается положительными эпитетами, гиперболическими тропами и фразеологизмами, демонстративными действиями кооперации, биографическими реминисценциями, я-модальностью, мы-модальностью, эмоционально окрашенными констативами, глаголами с гиперболической семантикой, антитезой, инверсией, риторическими вопросами, дискурсивами в функции эмфазы. Положительная манипулятивная демонстративная тональность актуализируется гиперболическими глаголами, сравнением-аллюзией, реквестивами, квестивами, демонстративными действиями консолидации и перформансом. Отрицательная демонстративная тональность оформляется говорящим демонстративными действиями-устрашениями, директивами, экспозитивами, риторическими вопросами и комиссивами. Теоретическая значимость работы состоит в уточнении специфики демонстративной тональности в педагогическом дискурсе. Практическая ценность заключается в оптимизации коммуникации в педагогической деятельности, получении учителем таких преимуществ, как способность вдохновлять учащихся, делать занятия более увлекательными и значимыми, устанавливать адекватный уровень ожидания, четкие границы и правила поведения на уроке. Перспективу исследования составляет выявление типов демонстративной тональности в речи учащихся.

Ключевые слова: педагогический дискурс, коммуникативная демонстративность, самопрезентация, коммуникативный демонстратив, языковая личность

Для цитирования: Тисленкова И. А. Лингвопрагматическая репрезентация демонстративной тональности в педагогическом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 5 (499). С. 58–66. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-58-66.

Original article

LINGUOPRAGMATIC REPRESENTATION OF DEMONSTRATIVE TONALITY IN PEDAGOGICAL DISCOURSE

Irina A. Tislenkova

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia, tislenkova@bk.ru, ORCID 0000-0002-7202-2773, SCOPUS 57214837728

Abstract. This article is devoted to the peculiarities of the communicative demonstrativeness in pedagogical discourse. The scientific novelty of the research is determined by the fact that for the first time the discursive specificity of demonstrativeness, its ways of expression and functions are determined in pedagogical discourse. The purpose of the study is to identify the leading functions and means of actualizing demonstrative tonality in the speech of a teacher. The work uses the interdisciplinary approach and the method of psycholinguistic analysis of the communicants' speech output. As a result of the analysis, it is established that the demonstrative tonality performs contact-establishing, motivating, stimulating, regulating, cooperative, supportive and consolatory functions. The positive narrative demonstrative tonality is expressed by positive epithets, hyperbolic tropes and phraseological units, demonstrative actions of cooperation, biographical reminiscences, I-modality, we-modality, emotionally colored constatives, verbs with hyperbolic semantics, antithesis, inversion, rhetorical questions, discourses in the function of emphase. The positive manipulative demonstrative tonality is actualized by hyperbolic verbs, comparison-allusion, requestives, questives, demonstrative actions of consolation and performance. The negative demonstrative tonality is formed by the speaker through demonstrative actions-intimidation, directives, expositions, rhetorical questions and commissives. The theoretical significance of the work consists in clarifying the specifics of demonstrative tonality in pedagogical discourse. The practical value lies in optimizing communication in teaching activities, obtaining advantages for teachers such as the ability to inspire students, make classes more exciting and meaningful, establish an adequate level of expectation, clear boundaries, rules of behavior in the classroom. The perspective of the research is to identify the types of demonstrative tonality in the speech of students.

Keywords: discourse, communicative demonstrativeness, self-presentation, communicative demonstrative, linguistic personality

For citation: Tislenkova IA. Linguopragmatic Representation of Demonstrative Tonality in Pedagogical Discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;5(499):58-66. (In Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-58-66.

Введение

Педагогический дискурс является одним из значимых видов институционального взаимодействия [7; 17]. В последнее время изучаются лингвистические особенности способов общения и взаимодействия участников педагогического дискурса, анализируется использование различных языковых средств для передачи информации и выражения педагогических идей, социокультурные аспекты педагогического дискурса [9; 8; 10; 2; 5; 12; 1]. В то же время тональные характеристики дискурсивных вариантов педагогической коммуникации еще не были объектом исследования в лингвистической науке.

Научная новизна работы определяется тем, что впервые описана дискурсивная специфика демонстративности в педагогическом дискурсе, определены ее способы выражения и функции.

Цель настоящей статьи — выявить основные функции и средства актуализации демонстративной тональности в речи учителя.

Материалы и методы исследования

В процессе работы используются методы дискурсивного и психолингвистического анализа речевой продукции коммуникантов, междисциплинарный подход, в рамках которого привлекаются данные социологии, которые объясняют влияние социальных практик на характеристики дискурса, и психологии, обосновывающие взаимосвязь между психологическими потребностями говорящего и употреблением демонстративной тональности в разных ситуациях общения.

Материалом статьи служат высказывания педагогов из телепрограмм 2013, 2015 и 2023 гг., художественных фильмов и телесериалов 1966–1990, 2003–2007 гг., содержащие коммуникативную демонстративность. Анализируется первичный и вторичный, художественно воспроизведенный педагогический дискурс, соответствующий реальному дискурсу.

Результаты исследования

Демонстративная тональность коммуникации. Демонстративность определяется как структурно-образующая коммуникативная категория спектрального типа — тональность, определяющая процесс речевой интеракции и реализующая функции самопрезентации и воздействия на эмоции и чувства адресата.

В ядро демонстративности входят самопрезентация, акцентированность и преувеличение. Периферию составляют хвастовство, лицемерие, обман, исключительность, нарочитость, самохвальство, эгоизм, умышленность, подчеркнутость, протест, угроза, неприязнь, запугивание, ухаживание, доказательство, импульсивность, аффект. Перечисленные структурные элементы коммуникативной демонстративности служат её маркерами в речи. Демонстративная тональность функционирует в вербальных и невербальных единицах личностно- и статусно-ориентированной коммуникации: суждениях, речевых стратегиях и речеповеденческих стереотипах.

Коммуникативными демонстративами служат изображения, звуки, цвета, действия, явления,

предметы, понятия, слова, тексты, обладающие символическим значением и используемые человеком для активного самопродвижения в отношениях с другими людьми, подчеркивания своего социального положения, акцентирования приверженности определенному мировоззрению или идеологии [14].

Некоторые типы речевых актов также относятся к эмоциональной демонстративности, выполняющей функцию воздействия на адресата. К ним относятся констативы (эмоциональные утверждения), директивы (требования, приказы, экспозитивы (аргументирование), комиссивы (обещания) [18].

Языковые характеристики педагогического дискурса. Педагогический дискурс представляет собой институциональный вид взаимодействия педагога и учащегося, направленный на интеграцию молодого человека в социальную систему через объяснение существующего порядка, социальных норм и правил поведения, приобщение его к системе ценностей, осуществления обратной связи и оценки результатов [3].

В педагогическом дискурсе на основании естественно сложившихся форм общения (контакт, объяснение, упражнения, контроль) образовались специфические жанры: урок, родительское собрание, лекция, семинар, зачёт, экзамен, диспут, беседа родителей и ребёнка, учителя и ученика, защита квалификационной работы и другие [11].

Педагогический дискурс основывается на основных специфических функциях педагогической деятельности, включающих коммуникативную функцию, формирование и оценку знаний, поступков и деятельности, передачу социального опыта, сохранение и воспроизводство культуры, творчество, определение и реализацию правил поведения в различных ситуациях взаимодействия [4]. Коммуникативная функция содержит субфункции, реализуемые демонстративной тональностью. Рассмотрим их подробнее.

Функционирование демонстративной тональности в педагогическом дискурсе. Демонстративная тональность в речи педагога служит разнообразным целям. Коммуникативные функции демонстративной тональности актуализируют целевые установки субъекта взаимодействия. Коммуникативные стратегии демонстративной тональности ориентированы на достижение цели интеракции путем использования эмоциональных, рациональных или эмоционально-рациональных аргументов [13].

В своем взаимодействии с учащимися педагог прибегает к использованию таких разновидностей демонстративной тональности как:

1) положительная манипулятивная демонстративная тональность — это эмоционально-стилевая форма воздействия на реципиента, которая отличается преувеличенным позитивным представлением говорящим своего образа, акцентированностью доминирующей конструктивной эмоции, выражаемых средствами семиотической полимодальности;

2) отрицательная манипулятивная демонстративная тональность — это тональность общения, характеризующаяся утрированно негативной самопрезентацией в процессе самопрояснения, акцентированием доминирующей деструктивной эмоции, реализуемых с целью получения выгоды от реципиента и выражаемых средствами семиотической полимодальности.

Коммуникативная демонстративность применяется учителем для установления доверительных отношений с подопечными и их родителями. Например,

(1) Меня зовут мистер Франклин. Сегодня я работаю в Сент Джутс первый день и не хочу, чтобы он стал последним <...> Я — человек незлой, но не питайте никаких иллюзий. У меня и на затылке есть глаза <...> Я здесь, потому что я — учитель и, надеюсь, хороший. (10.08 мин. — 10.30 мин.)¹.

В примере (1) учитель использует положительную манипулятивную демонстративную тональность, выраженную положительными эпитетами (*человек незлой, хороший учитель*), гиперболической фразеологической единицей (*на затылке есть глаза*), антитезой (*первый — последний день*) и инверсией, с помощью которых он не только создаёт благоприятное первое впечатление о себе, обозначает правила и границы общения, но и способствует разрядке возникшего напряжения от ожидания неизвестного. В данном примере демонстративность осуществляет контакто-устанавливающую функцию, устанавливающую и поддерживающую связь между участниками беседы.

(2) Учитель: Здравствуйте, дети. Я ваш новый учитель <...> Гвирески, ты бы мог попасть в эту бестию?

¹ Песня для изгоя. Художественный фильм. 2003. Реж. Э. Уолш. Fantastic Films. Lolafilms. Moviefan. Scandinavia A/S. Subotica. Entertainment. Titian Red Pictures. Zoma Films Ltd. URL: <https://yandex.ru/video/preview/7975670442667508731> (дата обращения: 09.09.2024).

Гвирески: Раз плюнуть (стреляет несколько раз в муху, но не попадает).

Учитель: Гвирески, дай сюда рогатку (*отрывает зубами кусок газеты, жуёт и делает шарик, стреляет и убивает муху*). Рогатка, Гвирески, останется у меня. И прошу всех сдать оружие (ученики кладут на стол учителя свои рогатки и открывают учебники). Гвирески, к доске. Спрягай глагол «стрелять» (3.20 мин. – 4.54 мин.)².

В примере (2) в новом классе молодой учитель сталкивается с неуправляемыми 12-летними школьниками, которые подчиняются однокласснику Гвирески. Ученики негативно настроены по отношению к учебе и оппозиционно по отношению к преподавателю. Чтобы завоевать уважение и склонить их к сотрудничеству, учитель прибегает к коммуникативной демонстративности, реализуемой демонстративным действием — единицей демонстративной тональности, заключающейся в произвольном экспрессивном поступке, рассчитанном на интенсивное внимание к своему эмоциональному состоянию, внутреннему миру и важным для личности качествам (*отрывает зубами кусок газеты, жуёт и делает шарик, стреляет и убивает муху*). Манипулятивная демонстративность в указанной ситуации выполняет регулятивную функцию, предполагающую управление учебной деятельностью и всеми формами поведения учащихся / воспитанников.

Демонстративная тональность в педагогическом дискурсе служит средством повышения мотивации и интереса учеников к предмету. Демонстративность передает информацию о том, почему предмет важен и интересен, какие опыт и знания имеет педагог в этой области. Это стимулирует учащихся к более глубокому изучению предмета и развитию своих навыков. Например,

(3) Квантовая физика говорит, что наблюдатель является частью научной парадигмы. Он — участник. <...> Потом всех стали утешать, что все эти законы действуют в квантовом мире и к нам не имеют никакого отношения. *Ну, я не знаю. Я не так наивна, чтобы в это поверить* <...> Он внутри нас. И мы не можем сделать вид, что его нет. *Вот это, кстати, меня больше всего расстраивает. Я еще согласна смириться с макроразмерами* <...> *Это ладно, я как-то гото-*

² Ералаш № 46. Киножурнал. «40 чертей и одна зелёная муха». Реж. Эдуард Гаврилов, Геннадий Курлаев. Киностудия имени М. Горького. URL: https://www.youtube.com/watch?v=EnSfq_lm9hg (дата обращения: 09.09.2024).

ва примириться. А как насчет того, что идет в микромир в таких же размерах и дальностях, только это находится у меня в пальце? Дальше это куда? (5.54 мин. – 6.52 мин.)³.

В монологе (3) коммуникативная демонстративность, актуализируемая я-модальностью, риторическим вопросом, дискурсивными в функции эмфазы (*Ну, я не знаю. Это ладно, как-то, кстати*), эмоционально окрашенными констативами, содержащими глаголы с гиперболической семантикой (*расстраивает, смириться, примириться*), гиперболической антитезой и метафорой, реализует мотивирующую функцию и помогает преподавателю показать, что он выступает на равных с аудиторией, заинтересовать учащихся излагаемой темой, создать условия для формулировки собственных выводов и самостоятельных размышлений.

Посредством демонстративной тональности учитель рассказывает о своих методических подходах в исследовании и используемых материалах. Это помогает ученикам сфокусироваться на изучаемой проблеме и выбрать направление своего проекта. Например,

(4) А к этому времени поиск маятника в биологических часах, как мне казалось, приобретает материальный облик. *Я занимался белками: такая у меня плюс к секретной моей работе с радиоактивностью задача была. У меня была свобода после рабочего дня до поздней ночи ставить свои опыты.* <...> Мышечные белки меня интересовали, как механизм, в котором преобразуются химические элементы в механические. Там масса глубоких вопросов. И все бы ничего, но почему-то *мои растворы белков вели себя странно* <...> Некоторые значения скорости реакции были, а некоторые никогда не были. Было квантование. <...> *Самое важное потом оказалось, что мои колебания, вспыхивания и неодинаковое распределение, набор дискретных состояний — самая глубокая вещь, которую я мог бы когда-нибудь увидеть.* (38.52 мин. – 41.20 мин.)⁴.

В отрывке лекции (4) коммуникативными демонстративными, с помощью которых лектор акцентирует внимание аудитории на значимости

³ Сознание и мозг. Видео лекция. Лучшая лекция Татьяны Черниговской. 01.09.2023. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_7CywPSnazw (дата обращения: 09.09.2024).

⁴ Academia. Телевизионный проект телеканала «Культура». Симон Шноль. Биологические часы. 1-я лекция. Эфир от 25.02.2013. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=salmRbXmQ4U> (дата обращения: 09.09.2024).

и уникальности проводимой им научной работы, являются биографические реминисценции, положительные эпитеты (*секретная работа, самое важное, гипербола (после рабочего дня до поздней ночи), гиперболическая метафора (самая глубокая вещь, которую я мог бы когда-нибудь увидеть) и инверсия (плюс к секретной моей работе)*). Положительная манипулятивная демонстративность актуализирует здесь стимулирующую функцию, побуждающую познавательную активность учащихся.

Преподаватели используют манипулятивную демонстративную тональность для укрепления авторитета и снискания уважения учеников. Например,

(5) *Умберто Эко высказал довольно интересную мысль, как раз когда я пытал его на эту тему, что проза в мире идет по двум традициям. Одним словом, дети Марии и дети Марфы (3.12 мин. – 3.20 мин.)*⁵.

В высказывании (5) педагог представляет себя как компетентного и опытного специалиста с целью самопозиционирования и привлечения внимания к своему предмету средствами положительной манипулятивной коммуникативной демонстративности: стратегией упоминания личного знакомства с авторитетным ученым, выраженную положительным эпитетом (*довольно интересную мысль*), гиперболическим глаголом (*я пытал его*), а также сравнением-аллюзией на произведение Р. Киплинга «Дети Марфы» (*Одним словом, дети Марии и дети Марфы*). Демонстративная тональность выполняет аттрактивную и кооперативную функции. Аттрактивная функция обеспечивает удержание интереса к личности учителя и содержанию учебного материала. Кооперативная функция связана с формированием желания к участию в совместной деятельности с педагогом для достижения учебных результатов.

Положительная манипулятивная демонстративность является важным инструментом для установления эффективного межличностного взаимодействия с учениками, их родителями и коллегами, достижения профессиональных целей, таких как привлечение внимания работодателей и продвижение в своей карьере.

Коммуникативное поведение педагога составляет важную часть педагогического дискурса [3; 15]. Демонстративная тональность речевого

⁵ Открытый урок. Телепроект. Дмитрий Быков. Русский производственный роман. 18.02.2015. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=58Y2rFFotr8> (дата обращения: 09.09.2024).

поведения педагога оказывает большое влияние на процесс обучения и социализации ученика.

Согласно преимущественному использованию той или иной разновидности коммуникативной демонстративности, определенным образом организующей учебную деятельность и общение, учителя делятся на три основных типа: авторитарный, демократичный и либеральный.

Авторитарный учитель является неоспоримым лидером, который диктует правила и требования, а ученик их безоговорочно выполняет. В этом стиле общения учитель характеризуется доминантностью и акцентированной строгостью. Такой педагог игнорирует мнение ученика и подавляет проявления его личности [16]. Например,

(6) *Мистер Сквирс: Ну, Смайк, имеешь ли ты что-нибудь сказать в свою защиту? <...> Иди сюда! (поднимает ученика с пола за ворот пиджака)*.

Смайк: *Пощадите меня, сэр.*

Мистер Сквирс: *Я изобью тебя до полусмерти и тогда пощажу!*

Смайк: *Прошу, сэр, меня до этого довели.*

Мистер Сквирс: *О, так это была не твоя вина? Должно быть моя? (Сквирс швыряет Смайка на парту и избивает тростью) (21.00 мин. – 21.35 мин.)*⁶.

(7) *Встань, когда со мной разговариваешь! (21.46 мин.)*⁷.

В примерах (6) и (7) коммуникация учителя основана на отрицательной манипулятивной демонстративной тональности, выраженной демонстративными действиями-устрашениями (*поднимает ученика с пола за ворот пиджака, швыряет на парту и избивает тростью*), директивами (*Иди сюда! Встань, когда со мной разговариваешь!*), экспозитивами - риторическими вопросами (*Должно быть моя?*) и комиссивом, содержащим фразеологическую единицу «избить до полусмерти». Отрицательная манипулятивная демонстративность речи авторитарного учителя представлена иллокутивными доминантами директивного и декларативно-экспрессивного типа, имеет следующие виды прагматограммы: 1) экспозитив + директив + демонстративное действие-угроза + комиссив + экспозитив + демонстративное

⁶ Николас Никльби. Художественный фильм. 1977. 1 сезон. 2 серия. Реж. К. Бэрри. BBC. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hEvwUyZe0T8&list=PLCnJViyj812pflRpdrIHneVtVAaL2qiO> (дата обращения: 09.09.2024).

⁷ Класс. Художественный фильм. 2007. Реж. И. Паар. Amrion Eesti Televisioon. URL: <https://yandex.ru/video/preview/18347927439998579410> (дата обращения: 09.09.2024).

действие-устрашение, 2) директив. Демонстративная тональность в данных ситуациях актуализирует регулятивную функцию.

Демократичный учитель в общении с учеником стремится к равноправию и уважению его чувств. В таком стиле общения учитель готов выслушать и принять мнение ученика, а также сотрудничать с ним для достижения общей цели. Например,

(8) Корчак: Не плачьте. Не надо плакать (*обнимает детей и прижимает к себе*). Не бойтесь. Сейчас страшно, но красиво, правда? <...> (*выбегает под дождь*) Крибле-крабле-бумс! (*делает магические пасы руками*) Ветер тучи разгоняй! (*грозит пальцем небу*) Гром и тучи улетай! Крибле-крабле-бумс! (*с улыбкой оборачивается к детям*).

Ученик: Доктор, да вы волшебник? (9.28 мин. – 10.06 мин.)⁸.

В примере (8) во время грозы учитель использует положительную манипулятивную демонстративную тональность, актуализируемую реквестивами (*Не надо плакать*), квестивом (*Сейчас страшно, но красиво, правда?*), демонстративным действием-консоляцией (*обнимает детей и прижимает к себе, с улыбкой оборачивается к детям*) и перформансом (*выбегает под дождь, делает магические пасы руками, грозит пальцем небу*), чтобы успокоить детей и выразить им свою поддержку. Положительная демонстративность речи демократичного педагога реализует суппортивную и консолирующую функции и представлена иллюкутивной доминантой суппортивно-экспрессивного типа, имеет следующий вид прагматограммы: реквестив + реквестив + демонстративное действие-консоляция + реквестив + перформанс + демонстративное действие-консоляция. Суппортивная функция состоит в эмоциональной поддержке учащихся. Консолирующая функция обеспечивает регуляцию негативных переживаний во время учебно-воспитательного процесса.

Либеральный учитель характеризуется минимальным контролем деятельности ученика и предоставлением ему свободы самостоятельно определять свои интересы, предпочтения и принимать решения. Например,

(9) Учитель: *Чувствую, что мы с вами споемся (улыбается ученикам)*.

Ученик: А петь-то вы умеете?

⁸ Корчак. Художественный фильм. 1990. Реж. А. Вайда. Perspektywa, BBC, Erato Films, Erbograp Co. URL: <https://yandex.ru/video/preview/16949244602054508876> (дата обращения: 09.09.2024).

Учитель: Представьте себе — да. И даже неплохо.

Ученик: Если умеешь, то пой!

Учитель: Спеть. А как же урок? <...> Ну что с вами делать, мерзавцы вы эдакие?! (*смеется вместе с учениками, поет комические куплеты*) (25.45 мин. – 26.08 мин.)⁹.

В диалоге (9) учитель прибегает к положительной манипулятивной демонстративной тональности, реализуемой демонстративным действием-кооперацией (*улыбается ученикам, смеется вместе с учениками*), эмоционально окрашенной фразеологической единицей (*мы с вами споемся*) и мы-модальностью для того, чтобы подружиться с подопечными и не вызвать их неприятие себя. Положительная манипулятивная демонстративность речи либерального типа учителя представлена иллюкутивной доминантой кооперативно-экспрессивного типа, которая имеет следующий вид прагматограммы: констатив + квестив + сатисфактив + перформанс. Демонстративность в данном примере выполняет суппортивную функцию.

Педагогическое взаимодействие, воздействие, общение, проявления педагогического умения невозможно осуществить без коммуникативной демонстративности.

Например, портфолио учителя указывает на его профессиональные достижения, результаты обучения и воспитания его учеников. Среди наиболее демонстративных форм обучения выделяются открытое занятие, мастер-класс.

Открытый урок — это занятие, на котором учитель посредством демонстративной тональности транслирует окружающим свой методический опыт, новаторские разработки, реализацию педагогической идеи, применение методического приема или метода обучения.

Мастер-класс основан на манифестации нестандартного решения конкретной педагогической задачи. На данном уроке педагог с помощью коммуникативной демонстративности показывает себя личностью с новым мышлением, обучающей посредством самостоятельного поиска решений участниками занятия.

В высших учебных заведениях способом презентации материала и самого педагога выступает видеолекция, когда все составные части педагогического мастерства, актуализируемые демонстративами, объединяются в единое целое, создавая образ преподавателя.

⁹ Республика ШКИД. Художественный фильм. 1966. Реж. Г. Полока. Киностудия «Ленфильм» Второе творческое объединение. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Z_0LkC758Ao (дата обращения: 09.09.2024).

Заключение

Таким образом, демонстративная тональность в речи учителя выполняет контактоустанавливающую, мотивирующую, стимулирующую, регулирующую, кооперативную, суппортивную и консолидирующую функции.

Положительная манипулятивная демонстративная тональность выражается положительными эпитетами, гиперболическими тропами и фразеологизмами, я-и мы-модальностью, глаголами с гиперболической семантикой, ан-

титезой, инверсией, риторическими вопросами, дискурсивами в функции эмфазы, эмоционально окрашенными констативами, демонстративными действиями (кооперации, консолидации), биографическими реминисценциями и перформансом.

Отрицательная манипулятивная демонстративная тональность оформляется говорящим риторическими вопросами, демонстративными действиями-устрашениями, директивами, экспозитивами и комиссивами.

Список источников

1. Глушак В. М., Мюллер Ю. Э., Ковач М. Вербализация интенций порицания и похвалы в немецкоязычном педагогическом дискурсе // Дискурс профессиональной коммуникации. 2021. Т. 3. № 3. С. 52–64.
2. Гольдман А. В. Языковые средства манипуляции в педагогическом дискурсе // История и современность филологических наук. Сборник научных статей по материалам Международной конференции. МГПУ. Лингвистика. Методика преподавания филологических дисциплин. Москва: Книгодел, 2021. Том 1. С. 218–223.
3. Горбачева Е. Н., Фокина Ю. М., Календр А. А. Прагмалингвистические характеристики педагогических стилей общения (на примере англоязычного педагогического дискурса) // Гуманитарные исследования. 2020. № 4. С. 30–37.
4. Ежова Т. В. К проблеме изучения педагогического дискурса // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 2–1. С. 52–56.
5. Зайцева М. Р. Языковые средства выразительности в педагогическом дискурсе // Наука и инновации в XXI веке: Актуальные вопросы, открытия и достижения: сборник статей XVIII Международной научно-практической конференции. Пенза: Наука и Просвещение, 2020. С. 211–213.
6. Индюкова Н. С., Богатикова Л. И. Коммуникативные стратегии педагогического дискурса // Евразийский научный журнал. 2017. № 11. С. 205–207.
7. Карасик В. И. Лингвокультурные характеристики педагогического дискурса // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2023. № 2 (50). С. 118–129.
8. Малахова О. Н. Цифровая педагогика в высшей школе как современный педагогический дискурс и профессиональный вызов // Актуальные вопросы энергетики АПК: Материалы Национальной научно-практической конференции, посвященной 100-летию плана ГОЭРЛО. Ижевск: Ижевская ГСХА, 2021. С. 91–92.
9. Медведева Н. В. Стереотипы коммуникативного поведения будущего учителя русского языка-билингва в условиях педагогического дискурса // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 1. С. 188–196.
10. Меркулова И. А. Обучать или учить – вот в чем вопрос, или о неологизмах в педагогическом дискурсе // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. № 2 (45). С. 31–37.
11. Миргородская А. Ю. Структурные и функциональные особенности информативных жанров педагогического дискурса // Слово и текст в синхронии и диахронии. 2022. С. 239–253.
12. Рожков Г. А., Таратухина Ю. В., Цыганова Л. А. Педагогический дискурс и этика коммуникации в поликультурном виртуальном образовательном пространстве // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2022. Т. 19. № 4. С. 195–208.
13. Салихов А. Ю. Понятие коммуникативной стратегии // Вестник науки и образования. 2014. №. 1 (1). С. 34–38.
14. Тисленкова И. А. Феномен коммуникативной демонстративности в современном дискурсе // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2024. Вып. 2. Т. 2. С. 14–21.
15. Galiere M. Official and Alternative Pedagogic Discourses // Realities of Critical Pedagogy: A Microethnography of a Parisian Autonomous High School. Cham : Springer Nature Switzerland, 2024. Pp. 11–34.

16. Reay D. The slide to authoritarianism in English schools // FORUM. Lawrence and Wishart, 2022. Vol. 64. №. 3. Pp. 126–139.
17. Sakharova E., Revyakina N. Pragmasynergetic potential of educational-pedagogical discourse as a new form of reflection // Innovative Technologies in Science and Education. Web of Conferences. EDP Sciences, 2020. Vol. 210. Pp. 18040.
18. Searle J. R. et al. (ed.). Speech act theory and pragmatics. Dordrecht: D. Reidel, 1980. T. 10.

References

1. Glushak VM., Myuller YuE., Kovach M. Verbalization of the intentions of censure and praise in the German-speaking pedagogical discourse. *Diskurs professional'noy kommunikatsii = The discourse of professional communication*. 2021;3(3):52-64. (In Russ.).
2. Gol'dman AV. Linguistic means of manipulation in pedagogical discourse. *Istoriya i sovremennost' filologicheskikh nauk. Sbornik nauchnykh statey po materialam Mezhdunarodnoy konferentsii. MGPU. Lingvistika. Metodika prepodavaniya filologicheskikh distsiplin = The history and modernity of philological sciences. Collection of scientific articles based on the materials of the International Conference. MGPU. Linguistics. Methods of teaching philological disciplines*. Moscow: Knigodel, 2021;1:218-223. (In Russ.).
3. Gorbacheva EN., Fokina YuM., Kalendr AA. Pragmalinguistic characteristics of pedagogical communication styles (using the example of English-language pedagogical discourse). *Gumanitarnye issledovaniya = Humanitarian studies*. 2020;(4):30-37. (In Russ.).
4. Ezhova TV. On the problem of studying pedagogical discourse. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Orenburg State University*. 2006;(2-1):52-56. (In Russ.).
5. Zaytseva MR. Linguistic means of expression in pedagogical discourse. *Nauka i innovatsii v XXI veke: Aktual'nye voprosy, otkrytiya i dostizheniya: sbornik statey XVIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii = Science and innovation in the XXI century: current issues, discoveries and achievements: collection of articles of the XVIII International Scientific and Practical Conference*. Penza: Science and Education, 2020:211-213. (In Russ.).
6. Indyukova NS, Bogatikova LI. Communicative strategies of pedagogical discourse. *Evrasiyskiy nauchnyy zhurnal = Eurasian Scientific Journal*. 2017;(11):205-207. (In Russ.).
7. Karasik VI. Linguistic and cultural characteristics of pedagogical discourse. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie = Bulletin of Moscow City Pedagogical University. Series: Philology. Theory of language. Language education*. 2023;2(50):118-129. (In Russ.).
8. Malakhova ON. Digital Pedagogy in higher Education as a modern pedagogical discourse and professional challenge. *Aktual'nye voprosy energetiki APK: Materialy Natsional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu plana GOERLO. Izhevsk: Izhevskaya GSKhA = Topical issues of agro-industrial complex energy: materials of the National Scientific and Practical Conference dedicated to the 100th anniversary of the GOELRO plan*. Izhevsk: Izhevsk State Agricultural Academy, 2021:91-92. (In Russ.).
9. Medvedeva NV. Stereotipy kommunikativnogo povedeniya budushchego uchitelya russkogo yazyka-bilingva v usloviyakh pedagogicheskogo diskursa. *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki = Multilingualism and transcultural practices*. 2023;20(1):188-196. (In Russ.).
10. Merkulova IA. To teach or to teach — that's the question, or about neologisms in pedagogical discourse. *Aktual'nye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki = Topical issues of modern philology and journalism*. 2022;2(45):31-37. (In Russ.).
11. Mirgorodskaya AYu. Structural and functional features of informative genres of pedagogical discourse. *Slovo i tekst v sinkhronii i diakhronii = Word and text in synchrony and diachrony*. 2022:239-253. (In Russ.).
12. Rozhkov GA, Taratukhina YuV, Tsyganova LA. Pedagogical discourse and ethics of communication in a multicultural virtual educational space. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Psikhologo-pedagogicheskie nauki = Bulletin of Samara State Technical University. Series: Psychological and pedagogical sciences*. 2022;19(4):195-208. (In Russ.).
13. Salikhov AYu. The concept of a communication strategy. *Vestnik nauki i obrazovaniya = Bulletin of Science and Education*. 2014;(1(1)):34-38. (In Russ.).

14. Tislenkova IA. The phenomenon of communicative demonstrativeness in modern discourse. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly = Philological Sciences. Scientific reports of the higher school.* 2024;2(2):14-21. (In Russ.).
15. Galiere M. Official and Alternative Pedagogic Discourses. Realities of Critical Pedagogy: A Microethnography of a Parisian Autonomous High School. Cham: Springer Nature Switzerland, 2024:11-34.
16. Reay D. The slide to authoritarianism in English schools. *FORUM. Lawrence and Wishart*, 2022;64(3):126-139.
17. Sakharova E, Revyakina N. Pragmasynergetic potential of educational-pedagogical discourse as a new form of reflection. *Innovative Technologies in Science and Education. Web of Conferences.* EDP Sciences. 2020; 210: 18040.
18. Searle JR. et al. (ed.). *Speech act theory and pragmatics.* Dordrecht: D. Reidel, 1980. V. 10.

Информация об авторе

И. А. Тисленкова — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков.

Information about the author

I. A. Tislenkova — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages.

Статья поступила в редакцию 15.05.2024; одобрена после рецензирования 02.09.2024; принята к публикации 30.04.2025.

The article was submitted 15.05.2024; approved after reviewing 02.09.2024; accepted for publication 30.04.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-67-75

ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЖЕРТВЫ МОШЕННИЧЕСТВА

Надежда Анатольевна Чернявская¹, Ольга Александровна Усачева²✉

¹Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Самара, Россия, chia20081@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-2259-9945, SCOPUS Author ID 57995961000

²✉ Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Самара, Россия, usachova-o@yandex.ru, ORCID: 0009-0005-2267-1723, SCOPUS Author ID 57996114100

Аннотация. Статья представляет собой междисциплинарное исследование социально значимого феномена мошенничества с преимущественным вниманием к лингвокогнитивной интерпретации виктимного поведения. Предметом рассмотрения являются когнитивные признаки, формирующие понятийную составляющую концепта «жертва мошенничества». В ходе лингвоконцептуального анализа современных медиа-текстов выявлены и систематизированы сложившиеся в социуме представления о двух разновидностях жертвы — типичной и атипичной, каждой из которых свойствен особый набор доминантных признаков, отражающих физиологические, эмоциональные, ментальные, социальные личностные характеристики. Портрет типичной жертвы формирует комплекс таких понятийных признаков, как доверчивость, ментальная незрелость, склонность к аффективному поведению. Парадигму «нетипичная жертва мошенничества» составляют категории жертв, ментальное развитие и уровень социальной успешности которых является достаточно высоким. Эффективность мошеннической стратегии в отношении нетипичной жертвы определяют ситуативные факторы: кратковременное эмоционально-физиологическое состояние жертвы, поспешность принимаемого решения, а также профессионализм мошенника-манипулятора. По мнению авторов, принципиальным в диагностике виктимности личности выступает комплекс психологических, а не социально-демографических параметров. Обнаружено тесное взаимодействие понятийной и аксиологической составляющей рассматриваемого концепта: доминантные признаки жертвы, как правило, сопровождаются амбивалентной эмоциональной оценкой с явным преобладанием негативных характеристик.

Ключевые слова: жертва мошенничества, виктимность, когнитивные признаки, концепт, пропозиция, пропозициональная структура, манипуляция, манипулятивное речевое воздействие, социально-психологический портрет

Для цитирования: Чернявская Н. А., Усачева О. А. Лингвокогнитивная характеристика жертвы мошенничества // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 5 (499). С. 67–75. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-67-75.

Original article

LINGUISTIC AND COGNITIVE CHARACTERISTICS OF A FRAUD VICTIM

Nadezhda A. Chernyavskaya¹, Olga A. Usacheva²✉

¹Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev, Samara, Russia, chia20081@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-2259-9945, SCOPUS Author ID 57995961000

²✉Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev, Samara, Russia, usachova-o@yandex.ru, ORCID: 0009-0005-2267-1723 SCOPUS Author ID 57996114100

Abstract. The article is an interdisciplinary study of the socially significant phenomenon of fraud with primary attention to the linguocognitive interpretation of victim behavior. The subject of consideration is the cognitive characteristics that form the conceptual component of the concept of “fraud victim”. During the linguo-conceptual analysis of modern media texts, the ideas that have developed in society about two types of victims — typical and atypical, each of which has a special set of dominant features reflecting physiological, emotional, mental, and social

personality characteristics, are identified and systematized. The portrait of a typical victim forms a complex of such conceptual features as credulity, mental immaturity, and a tendency to affective behavior. The “atypical victim of fraud” paradigm consists of categories of victims whose mental development and level of social success are quite high. The effectiveness of a fraudulent strategy in relation to an atypical victim is determined by situational factors: the short-term emotional and physiological state of the victim, the haste of the decision, as well as the professionalism of the manipulative fraudster. According to the authors, a complex of psychological, rather than socio-demographic parameters, is fundamental in the diagnosis of personal victimization. The close interaction of the conceptual and axiological components of the concept under consideration is revealed: the dominant signs of the victim, as a rule, are accompanied by an ambivalent emotional assessment with a clear predominance of negative characteristics.

Keywords: fraud victim, victimization, cognitive signs, concept, proposition, propositional structure, manipulation, manipulative speech influence, socio-psychological portrait

For citation: Chernyavskaya NA, Usacheva OA. Linguistic and Cognitive Characteristics of a Fraud Victim. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(5(499):67-75. (In Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-67-75.

Введение

В современном коммуникативном пространстве широкое распространение получили технологии манипулятивного речевого воздействия. Манипулятивный акт предполагает управление поведением адресата путем возбуждения у него намерений, не совпадающих с его реальными желаниями, и направлен на удовлетворение потребностей манипулятора за счет актуализации потребности объекта манипуляции [1; 6; 8]. Соответственно, манипуляции свойственны скрытый, не осознаваемый адресатом характер влияния, подмена целей (обман), психологическая или материальная выгода субъекта воздействия. Очевидно, что основополагающие признаки манипулирования позволяют активно использовать его в криминальных целях.

Ярким проявлением манипулятивного взаимодействия является социально значимый феномен мошенничества. Мошенничеству принадлежит особая роль среди экономических преступлений, при совершении которых широко применяется манипулирование сознанием и поведением жертвы [10. С. 96]. По мнению исследователей, «в большинстве случаев реализация мошеннического обмана невозможна без манипулирования содержанием и формой подачи предоставляемой информации» [10. С. 107]. «Криминальное манипулирование при мошенничестве рассматривается как система средств скрытого психологического воздействия на жертву с целью завладения чужим имуществом или приобретения права на имущество» [11. С. 22].

Несмотря на повышенный интерес лингвистов к проблемам манипулятивного общения, внимание большинства из них сосредоточено на характеристиках субъекта воздействия и используемой им совокупности языковых средств и приемов [4, 7, 9, 14].

На наш взгляд, не менее значимым оказывается изучение социальных и психологических характеристик объекта манипуляции — жертвы мошенничества, во многом определяющих эффективность манипулятивной стратегии и достижение цели инициатора общения. Выявлению психотипов виктимности — поведенческих моделей личностей, склонных оказываться в статусе жертвы, — посвящен ряд работ юридического и психологического, в том числе экспериментального профиля [3, 12, 15, 16 и др.]. Однако многочисленные исследования не позволяют воссоздать четкий социально-психологический портрет жертвы мошенничества: сами авторы отмечают разрозненный, хаотичный, нередко противоречивый характер полученных результатов [12. С. 94].

Цель настоящего исследования — выявление лингвокогнитивной специфики образа жертвы мошенничества, которая определяется составом эксплицируемых данным образом доминантных смыслов, в совокупности формирующих представление о структуре рассматриваемой ситуации и ее рисках.

Актуальность исследования определяется в первую очередь междисциплинарным подходом к рассмотрению изучаемого объекта с преимущественным вниманием к речевым инструментам формирования социально-психологического портрета жертвы мошенничества. Социальная значимость работы заключается в возможности использования её материалов при осуществлении виктимологической профилактики.

Материалы и методы исследования

Материалом для исследования послужили медиатексты XXI века, содержащие характеристики жертвы мошенничества. Анализировались интернет-публикации, а также публицистические тексты, представленные в Национальном корпусе русского языка (<https://ruscorpora.ru>).

В ходе работы использовались следующие **методы**: описательный метод, методы дискурсивного, концептуального и контекстологического анализа.

Антропоцентризм как актуальный принцип гуманитаристики реализуется в репрезентации знаний в качестве когнитивных структур, или концептов, формирующих картину мира носителей языка. Ситуация мошенничества может быть представлена как бинарно организованная концептуальная пропозиция, включающая субъект и объект воздействия (мошенника и его жертву), признаки субъекта и объекта, их типичные действия и отчуждаемый предмет. Показательно, что определяющими с точки зрения достижения результата мошеннического акта в наибольшей степени являются признаки объекта мошенничества — жертвы. Следовательно, набор параметров объекта мошеннического воздействия, на наш взгляд, может рассматриваться как ведущий элемент указанной пропозиции.

В структуре образа жертвы в соответствии с его концептуальным статусом мы выделяем понятийную, ассоциативно-образную и аксиологическую составляющую. Предметом рассмотрения в данной статье будут когнитивные признаки, формирующие понятийную составляющую концепта «жертва мошенничества».

Результаты исследования и их обсуждение

Проанализированные контексты обнаруживают сложившиеся в социуме представления о двух разновидностях жертвы — типичной и атипичной. Каждой разновидности свойствен особый набор признаков, отражающих физиологические, эмоциональные, ментальные, социальные характеристики соответствующих личностей.

Обратимся к анализу образа **типичной** жертвы. Ее портрет формирует комплекс ключевых понятийных признаков: доверчивость, ментальная незрелость, склонность к аффективному поведению.

Доминантным признаком типичной жертвы является такое качество, как **доверчивость**. Синонимическими эквивалентами этой номинации выступают *наивность*, *легковерие* и *простодушие*.

В большинстве проанализированных контекстов акцентируется высокая значимость именно этого качества для успешной реализации намерений мошенника: *Доверчивые граждане для аферистов — это реально удачная находка и 100-процентная жертва обмана* (ntagil.bezformata.com); *Доверчивый человек может*

легко стать жертвой обмана, предательства, мошенничества, вымогательства (b17.ru); *Злоумышленники смотрят не туда, где лежат деньги, а туда, где есть граждане, которые готовы поверить* (fine-news.ru).

Определяющую роль доверчивости потенциальной жертвы в ситуации мошенничества подтверждает регулярное метонимическое отождествление данного признака и субъекта мошеннического акта (мошенника): ср. *стать жертвой своей доверчивости; пострадать от собственной доверчивости; доверчивость может нанести вред*. Доверчивость осмысливается как субъект, оказывающий негативное воздействие на обладателя этого качества: *МВД бьет тревогу: жители Бурятии все чаще становятся жертвой своей доверчивости* (gazeta-n1.ru); *Многие люди, страдающие от своей наивности, даже не пытаются меняться и делать какие-то выводы* (stakanchik.media). Показательно частое вынесение рассматриваемых метонимических выражений в сильную позицию текста — в позицию заголовка, а также употребление лексем доверчивость и мошенник в ряду однородных членов предложения: *Московский таксист Сергей Панфилов уверен, что стал жертвой собственной доверчивости и мошенника, который сумел ею воспользоваться* (chelovekizakon.ru); *Пожилая женщина стала жертвой своей доверчивости и телефонных мошенников* (mkivanovo.ru).

В контекстуальных описаниях жертвы нередко присутствуют маркеры чрезмерной степени проявления доверчивости, выхода данного качества за рамки общепринятой нормы. Широко используются наречия *излишне*, *слишком*, *чрезмерно*, *чересчур* и др.; прилагательные *чрезмерный*, *абсолютный*, *безграничный*, *крайний*, а также номинации, характеризующие потенциальную жертву: *простофиля*, *простак*, *лох*, *лопух*, *легковерный*, *простодушный*, *наивный*: *Я попадала на удочку мошенников не раз. Слишком я доверчивая* (bolshoyvopros.ru); *Аферисты и мошенники, как раз и зарабатывают на излишней человеческой доверчивости и наивности* (72.мвд.рф); *В некоторых случаях чрезмерная доверчивость и открытость носят невротический характер. В этом состоянии человек буквально нарывается на обман* (b17.ru); *Торговец БАДами сядет на три года. Из легковерной пациентки он вытянул миллион рублей* (https://spbdnevnik.ru); *Если есть наивный лох, то найдется и мошенник* (saitotziv.ru).

Излишняя доверчивость оценивается носителями языка негативно: *В современном мире,*

где существуют множество скрытых интентов, быть **слишком доверчивым** и добрым — это даже **опасно** (intrigue.dating); **излишняя доброта, открытость и доверчивость** кажется **странной и неестественной** (b17.ru); **наивность** время от времени вызывает **не умиление, а раздражение и агрессию** (stakanchik.media).

Подобные примеры негативной оценки жертвы также акцентируют ее ведущую роль в ситуации мошенничества. Высказывая идею о формировании категории псевдодоверительности в современном информационном обществе, которой свойственно «иллюзорное субъективное ощущение полной свободы при объективной абсолютной зависимости и манипулируемости субъекта восприятия информации в условиях безграничного доверия к ней», И. В. Глушко прямо подчеркивает опасность доверчивости человека для его физического и психического здоровья [5. С. 230].

Ментальная незрелость жертвы мошенничества проявляется в комплексе таких качеств, как некомпетентность, неосмотрительность, некритичность и ригидность мышления.

Успешному осуществлению мошеннического акта, как правило, способствует **некомпетентность** жертвы в важнейших, необходимых для социального взаимодействия областях человеческого знания — в сфере цифровых технологий, финансово-экономических и правовых отношений. Для характеристики рассматриваемого качества употребляются слова и выражения **некомпетентный, неосведомленный, неопытный, безграмотный, неграмотный, недостаточно грамотный, несведущий, невежественный, низкая грамотность, незнание, отсутствие знаний, непонимание** и др.: **Мошенники играют на недостаточной финансовой и цифровой грамотности людей** (ПГ, 30.07.2021); **Преступники упирают на незнание людей <...> люди не знают, что такое счет, какие операции можно проводить по картам** (alt.kp.ru). **Рекомендации потенциальным жертвам мошенничества нередко содержат имплицитное указание на недостаточность или отсутствие у них необходимых знаний: Чтобы не попасть на «удочку» мошенников, надо всегда обращаться за советом к сведущим специалистам** (orbital96.ru); **Эксперт порекомендовал тщательно проверять информацию, а также пользоваться консультациями специалистов, которые способны отличить подделку от настоящего документа** (life.ru).

Во многих контекстах некомпетентность по своей значимости приравнивается к доминант-

ному признаку жертвы — доверчивости: **И первая причина, почему человек идёт на поводу у мошенников — это доверие, вызванное неопытностью и неосведомленностью** (b17.ru); **Доверчивые и безграмотные: как мошенники дураят нас** (smolensk.bezformata.com); **Мошеннику нетрудно подобрать ключик к человеку некомпетентному и излишне доверчивому** (potrebitel-russia.ru).

Ряд контекстов обнаруживает и общую оценку интеллектуального уровня жертвы, как правило, резко отрицательную и категоричную: **глупый, недалёкий, недоразвитый, дурак, дурачок, идиот, скудоумие, безумие** и др.: **Глупая омичка сняла 300 тысяч и для «безопасности» перевела их аферистам** (omskinform.ru); **Пока в России будет много дураков, будет много мошенников** (Ведомости, 31.08.2004); **Обмануть можно только реально недоразвитого человека, который не пользуется банками** (dzen.ru); **Отправлять какому-то незнакомому человеку свои деньги может только клинический идиот** (dzen.ru); **Я всё-таки считаю полным безумием перечислять большую сумму денег, не имея товара на руках** (dzen.ru).

Непосредственной причиной акта мошенничества часто называется **неосмотрительность** жертвы — неспособность или нежелание думать о последствиях предпринимаемых действий. В изучаемых контекстах зафиксированы лексемы **неосмотрительный, непредусмотрительный, недалёковидный, необдуманный, неосторожный, беспечный** и др.: **Житель города Апатиты из-за собственной неосмотрительности лишился 90 тысяч рублей** (youtube.com); **В прошлом году амурчане по собственной беспечности потеряли 25 миллионов рублей** (ampravda.ru).

Показателем ментальной незрелости жертвы мошенничества является **некритичность** мышления — неспособность к анализу, объективной оценке ситуации, собственных действий и действий окружающих людей, неумение распознать недостоверную или искажённую информацию: **Люди отвыкли думать логически, этим пользуются мошенники** (pravda.ru); **У таких людей снижена способность к критическому мышлению, поэтому информация, озвученная незнакомцем, не вызывает сомнений** (dzen.ru).

Люди с некритичным мышлением подвержены внушению — целенаправленному неаргументированному воздействию, при принятии решений они ориентируются на стимулы внешней среды, а не на собственный опыт и интеллект. Повышенная **внушаемость** личности напрямую связана

с угрозой ее безопасности и уязвимостью: Почему же именно эти люди чаще всего становятся жертвами мошенников? Дело в том, что они **чрезвычайно внушаемы** (ulanmedia.ru); Жертвы телефонных мошенников, которых мы видим в последние годы, – это **примеры внушаемости** (aif.ru); Мошенники ищут именно **внушаемых людей** (kuzbass.media).

Медiateксты очень часто описывают случаи мошенничества, основанные на вере людей в предрассудки – гадания, предсказания, магические услуги: *Мошенница выманила 220 тыс. рублей у пенсионерки в Орле под предлогом **снятия порчи*** (Изв., 26.02.2018); *Их берут в оборот мошенники, люди распродают имущество и влезают в долги, чтобы оплатить дорогостоящие «магические» услуги* (ПГ, 13.03.2019).

Обращает на себя внимание и такая особенность жертвы, как **ригидность** мышления — неготовность или неспособность изменять неэффективное поведение. Это качество проявляется парадоксально: безосновательно и безоговорочно доверяя мошеннику, человек игнорирует предупреждения специалистов, публикации в СМИ, многократно повторяющиеся объявления (в транспорте, по радио и т. п.) и другие настораживающие сигналы, проявляет недоверие к попыткам сотрудников банка и полиции предотвратить его опрометчивые действия, нередко сопротивляется здравым доводам обеспокоенных родственников: *Сотрудники банка отмечают, что **очень сложно убедить человека не выполнять инструкции аферистов***. Порой, даже у полицейских **не получается отговорить человека не переводить деньги мошенникам — жертва настолько убеждена, что участвует в «спецоперации» или спасает свои сбережения** (life.akbars.ru); *Многие клиенты так глубоко попадают под обаяние мошенников, что **отмахиваются от предупреждений банка** и подтверждают операцию* (Изв., 12.03.2018); *У них параллельно возникает **недоверчивость** к тем, кто ставит ограничения, — близким, правоохранителям, памяткам безопасности (minmol.sakha.gov.ru).*

В этом отношении показательно распространение сниженных негативнооценочных характеристик жертвы в составе фразеологизированных конструкций, подчеркивающих ее пренебрежение даже личным опытом: *многоцветная жертва; ничему жизнь не учит: опять/в который раз повелся; наступать на одни и те же грабли; попадаться на одни и те же приемы; привычка плыть по течению и под.* Психологи выделяют

примерно 10 % населения, которые не только являются потенциальными жертвами для финансовых мошенников, но и **попадают на крючок раз от разу**. Они не обучаются даже на собственном опыте (citysakh.ru).

Типичная жертва мошенничества **склонна к аффективному поведению**: для нее характерны повышенная тревожность, эмоциональная нестабильность и импульсивность. Таким людям свойственны, с одной стороны, быстрый переход к состоянию панического страха, а с другой — неуждержимость в своих стремлениях, желаниях. Контексты, характеризующие эмоционально-психологическое состояние участников ситуации мошенничества, как правило, содержат лексические единицы, эксплицирующие семантику страха, паники, а также азарта, алчности, неустойчивости перед соблазнами.

Среди лексем, описывающих эмоционально нестабильное состояние жертвы, зафиксированы страх, паника, беспокойство, тревога, тревожность, испугаться, запаниковать: *Очень распространённая причина быть обманутым — это **страх***. *Страх, подпитываемый мошенниками **нагнетающей паникой** и предложением помощи* (b17.ru); *Жертвами становятся люди, которые длительное время находятся в состоянии **беспокойства*** (life.akbars.ru); *Люди **реально пугаются настолько, что не могут адекватно воспринимать происходящее*** (ampravda.ru).

Значимыми признаками жертвы мошенничества являются нездоровое любопытство, азартность, алчность, неспособность противостоять соблазнам. Люди, стремящиеся к легкой прибыли, легко поддаются обману. Для характеристики такой личности используются лексические единицы *жадность, алчность, корысть, желание разбогатеть, желание получить легкие деньги, польститься, слабости, соблазн* и др.: *Самые востребованные пороки людей, которые позволяют мошенникам их обманывать, неизменны: это **алчность и жадность*** (ufa.mk.ru); *Мошенники играют на **желании человека разбогатеть*** (Изв., 13.07.2020); *«**Быстрые деньги**» всегда **соблазнительны**. На этой слабости и играют мошенники* (moskvichmag.ru).

Показательно, что нередко мошенники добиваются цели благодаря корыстной мотивации самой жертвы: *В обманутом всегда есть что-то, что **роднит его с преступником**: например, **жажда наживы***. *Аферист играет на том, что человек **хочет что-то получить дешево или вообще бесплатно, быстро и не прикладывая сил*** (m24.ru).

Закономерно, что эмоциональные особенности жертвы имеют тесную связь с ее ментальными свойствами. Аффективное состояние значительно снижает уровень рационального мышления, способность трезво оценивать ситуацию, осознанно относиться к происходящему: *Мошенникам склонны верить люди с истероидным типом личности. Они импульсивны, легко заводятся, часто испытывают страх и тревогу. Их также отличает реактивный стиль поведения: они не осмысливают информацию, а сразу стараются что-то сделать* (plus-one.ru); *Многие люди в состоянии эйфории попадают на уловки. Критическое мышление выключено. Господствуют эмоции* (pro-psy.center); *Воздействуя на эмоциональную часть мозга, мошенники вызывают мгновенную необдуманную реакцию* (safe-surf.ru).

Выявленные и проанализированные качества в комплексе обнаруживают инфантилизм потенциальной жертвы мошенничества. Эмоциональная нестабильность, импульсивность, неразвитость критического мышления, чрезмерная доверчивость и беспомощность безусловно относятся к чертам детского коммуникативного поведения. Как отмечает И. В. Глушко, формирование доверчивости происходит на этапе взросления индивида и предшествует становлению доверия как качества зрелой личности [5]. Приходится констатировать, что типичной жертвой мошенника оказывается личность ментально и социально незрелая, неспособная принимать самостоятельные решения и критически оценивать стимулы внешней среды.

Подчеркнем, что результаты исследований, нацеленных на выявление социально-демографических характеристик жертвы мошенничества, противоречивы [2, 13, 15, 16]. Так, очевидное, на первый взгляд, предположение, что в группе риска люди преклонного возраста и женщины, в ходе проведенных экспериментов и наблюдений нередко опровергается. Уровень образования потерпевших, социальный статус также могут быть различными. На наш взгляд, принципиальным в диагностике виктимности личности выступает комплекс именно психологических, а не социально-демографических параметров.

Обратимся к парадигме «нетипичная жертва мошенничества», формируемой особыми категориями жертв, ментальное развитие и уровень социальной успешности которых является достаточно высоким: это квалифицированные специалисты-профессионалы, в том числе в сфере информационной безопасности, правовых и финансово-экономических отношений, личности с вы-

соким уровнем критического мышления и эмоционального интеллекта, скептики.

Специфика данной категории жертв на речевом уровне почти всегда подчеркивается употреблением усилительной частицы *даже*, которая используется как маркер передачи информации, противоречащей ожиданиям: *Среди потерпевших ведь не только пенсионеры или люди не самого высокого социального статуса, но даже менеджеры, нотариусы, финансовые управляющие — люди, которые в таких вещах, как финансовая дисциплина и безопасность, «собаку съели»* (ampravda.ru); *К сожалению, это распространённая афера, на которую попадают многие люди, даже очень умные, грамотные и успешные* (ru.wikihow.com); *В итоге мошенникам отдают деньги даже те, кто знает про их схемы и хорошо разбирается в технологиях* (journal.tinkoff.ru).

Показательно использование факта обмана высококвалифицированных, экономически и юридически компетентных личностей для создания сенсационных заголовков. Привлечению внимания читателей способствует эффект неожиданности, парадоксальность содержания подобных названий: *В Кемерове преподаватель по кибербезопасности перечислил мошенникам 4 млн рублей* (КП, 13.10.2023); *Написавший книгу «Как не стать жертвой мошенников» нижегородский ректор попался на уловку аферистов* (<https://tvzvezda.ru>); *Развели «следака». Преподаватель Академии СКР отдал мошенникам 3,4 миллиона* (АиФ, 26.11.2021).

Спецификой публикаций, описывающих акт успешного мошеннического обмана нетипичной жертвы, является рассуждение о причинах этого явления. Важным компонентом пропозиции становится ситуативный, даже случайный фактор. Как правило, это кратковременное эмоционально-физиологическое состояние стресса, рассеянности, усталости, а также вынужденная, искусно навязываемая мошенником поспешность принятия решения: *Кто-нибудь, отвлекаемый делами, уставший, с рассеянным вниманием, запросто может щелкнуть на ссылку. Пара сотен таких уставших или торопящихся «клиентов» в день, и работа мошенника выполнена более чем успешно* (pomysliven.blogspot.com); *Пострадать от действий жуликов может любой человек. Чаще всего мы попадаем на удочку мошенников в состоянии стресса, повышенной тревожности, раздражительности или депрессии* (psychologies.ru). *И когда ему предлагают якобы*

помощь, он **в спешке охотно соглашается, даже не удосужившись проверить, а соответствуют ли изложенные факты действительности** (АиФ, 26.11.2021).

Интересны наблюдения о чрезмерной самоуверенности нетипичной жертвы, ее убежденности в собственном превосходстве, профессиональной экспертности, которые вполне могут становиться причинами реализации мошенником преступных целей: *Главный помощник мошенника — тщеславие потенциальной жертвы, когда человек хочет быть лучше всех и считает себя таковым* (Изв., 24.12.2023); *Излишняя самоуверенность является важным фактором уязвимости. Люди, добившиеся высоких результатов в одной области (например, в военном деле), могут переоценить свои способности к должной осмотрительности в другой области* (ideanomics.ru).

Немаловажным фактором, вовлекающим в круг потенциальных жертв мошенничества критически настроенных, образованных людей, оказывается высокий профессионализм и убедительность самого субъекта воздействия, манипулятора: *Действительно, попасться может любой, и это важно. Жертва — не простачки. Просто мошенники профи* (b17.ru); *Аферисты работают по тщательно отточенным схемам* (объясняем.рф); *Явно используют НЛП, и люди там умные. Многоходовки готовят* (dzen.ru). Как отмечает О. Р. Онищенко, «применение современных психотехнологий направленного психологического воздействия делает уязвимым в отношении мошеннических посягательств большой круг лиц, не имеющих типичных психологических и социально-демографических особенностей, характерных для потерпевших от мошенничества» [11. С. 8].

Заключение

Таким образом, в ходе исследования установлено, что ситуация мошенничества может быть представлена как бинарно организованная концептуальная пропозиция, включающая субъект и объект воздействия (мошенника и его жертву), признаки субъекта и объекта, их типичные действия и отчуждаемый предмет. Эффективность манипулятивной стратегии мошенника определяется комплексом психологических характеристик объекта манипуляции — жертвы мошенничества.

В ходе лингвоконцептуального анализа современных медиатекстов выявлены и систематизированы сложившиеся в социуме представления о двух разновидностях жертвы — типичной и атипичной, каждой из которых свойствен особый набор ключевых признаков, отражающих физиологические, эмоциональные, ментальные, социальные личностные характеристики.

Портрет типичной жертвы формирует комплекс таких понятийных признаков, как доверчивость, ментальная незрелость, склонность к аффективному поведению. Показателем ментальной незрелости типичной жертвы является ее некомпетентность, нескритичность и ригидность. Предрасположенность к аффективному реагированию выражается в повышенной тревожности, эмоциональной нестабильности и импульсивности поведения. Выявленные и проанализированные качества обнаруживают инфантилизм потенциальной жертвы мошенничества. Типичной жертвой мошенника оказывается личность ментально и социально незрелая, неспособная критически оценивать стимулы внешней среды и принимать самостоятельные решения, ориентированная на упрощенные, клишированные схемы реагирования.

Парадигму «нетипичная жертва мошенничества» формируют категории жертв, ментальное развитие и уровень социальной успешности которых является достаточно высоким. На успешность мошеннической стратегии в отношении нетипичной жертвы, на наш взгляд, влияют ситуативные факторы: кратковременное эмоционально-физиологическое состояние стресса, рассеянности, усталости, ослабляющие критичность мышления; искусно навязываемая мошенником поспешность принятия решения.

Немаловажным фактором, вовлекающим в круг потенциальных жертв мошенничества критически настроенных, образованных людей, оказывается высокий профессионализм самого манипулятора в совокупности с чрезмерной самоуверенностью нетипичной жертвы, её убежденностью в собственном интеллекте и экспертности.

Можно утверждать, что принципиальным в диагностике виктимности личности выступает комплекс психологических, а не социально-демографических параметров.

Список источников

1. Авдеенко Е. В. Манипуляция сознанием и манипуляция поведением: социально-философский анализ // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 4 (77). С. 176–183.
2. Астафьев К. В. Виктимологический аспект мошенничества (уголовно-правовое и криминологическое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. 267 с.

3. Беркович О. Е., Матрёшина Е. Б., Иванова Д. В. Психологические причины виктимного поведения жертвы мошеннических действий в интернет-пространстве // Гуманитарный научный вестник. 2023. №11. С. 115–122.
4. Виноградова С. А. Инструменты речевой манипуляции в политическом медиадискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 2. С. 95–101.
5. Глушко И. В. Амбивалентный характер доверия в коммуникативных социальных практиках современного российского общества // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2018. № 9. С. 228–233.
6. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. СПб.: Речь, 2003. 304 с.
7. Иссерс О. С. Речевое воздействие. М.: Флинта, 2020. 239 с.
8. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Родина, 2022. 462 с.
9. Копнина Г. А. Речевое манипулирование. М.: Флинта, 2012. 170 с.
10. Кроз М. В., Ратинова Н. А., Онищенко О. Р. Криминальное психологическое воздействие. М., 2008. 166 с.
11. Онищенко О. Р. Манипулирование сознанием и поведением жертв при мошенничестве: автореф. дис. ... канд. псих. наук. Рязань, 2005. 25 с.
12. Первушина О. Н., Фёдоров А. А. Личностные особенности жертв телефонного мошенничества // Вопросы психологии. 2022. Т. 68. № 3. С. 92–103.
13. Ривман Д. В. Криминальная виктимология. СПб.: Питер, 2002. 234 с.
14. Шагбанова Х. С. Языковые средства речевого манипулирования // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Т. 9, № 5А. С. 72–80.
15. Hanoch Y., Wood S. The Scams Among Us: Who Falls Prey and Why // Current Directions in Psychological Science. 2021. no. 30(3). P. 260–266. URL: <https://doi.org/10.1177/0963721421995489>
16. Norris G., Brookes A., Dowell D. The Psychology of Internet Fraud Victimization: a Systematic Review // J Police Crim Psych. 2019. no. 34. P. 231–245. URL: <https://doi.org/10.1007/s11896-019-09334-5>

References

1. Avdeenko EV. Manipulyatsiya soznaniem i manipulyatsiya povedeniem: sotsial'no-filosofskiy analiz. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura = THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture*. 2023;4(77):176-183. (In Russ.).
2. Astaf'ev KV. Viktimologicheskij aspekt moshennichestva (ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie) = Victimological aspect of fraud (criminal law and criminological research). Thesis. Kazan'; 2007. 167 p. (In Russ.).
3. Berkovich OE, Matreshina EB, Ivanova DV. Psikhologicheskie prichiny viktirnogo povedeniya zhertvy moshennicheskikh deystviy v internet-prostranstve. *Gumanitarnyy nauchnyy vestnik = Humanitarian Scientific Bulletin*. 2023;(11):115-122. (In Russ.).
4. Vinogradova SA. Instrumenty rechevoy manipulyatsii v politicheskom mediadiskurse. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki = Issues of Cognitive Linguistics*. 2010;(2):95-101. (In Russ.).
5. Glushko IV. Ambivalentnyy kharakter doveriya v kommunikativnykh sotsial'nykh praktikakh sovremenogo rossiyskogo obshchestva. *Nauchno-metodicheskij elektronnyy zhurnal «Kontsept» = Scientific and methodological electronic journal «Concept»*. 2018;(9):228-233. (In Russ.).
6. Dotsenko EL. Psikhologiya manipulyatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita = Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and protection. Sankt-Peterburg; 2003. 304 p. (In Russ.).
7. Issers OS. Rechevoe vozdeystvie = Speech effects. Moscow; 2020. 239 p. (In Russ.).
8. Kara-Murza SG. Manipulyatsiya soznaniem = Manipulation of consciousness. Moscow; 2022. 462 p. (In Russ.).
9. Koptina GA. Rechevoe manipulirovanie = Speech manipulation. Moscow; 2012. 170 p. (In Russ.).
10. Kroz MV, Ratinova NA, Onishchenko OR. Kriminal'noe psikhologicheskoe vozdeystvie = Criminal psychological impact. Moscow; 2008. 166 p. (In Russ.).
11. Onishchenko OR. Manipulirovanie soznaniem i povedeniem zhertv pri moshennichestve = Manipulation of the consciousness and behavior of victims in fraud. Abstract of thesis. Ryazan'; 2005. 25 p. (In Russ.).
12. Pervushina ON., Fedorov AA. Lichnostnye osobennosti zhertv telefonnogo moshennichestva. *Voprosy psikhologii = Voprosy psikhologii*. 2022;68(3):92-103. (In Russ.).

13. Rivman DV. Kriminal'naya viktimologiya = Criminal victimology. Sankt-Peterburg; 2002. 234 p. (In Russ.).
14. Shagbanova KhS. Yazykovye sredstva rechevogo manipulirovaniya. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* = *Theories and problems of political research*. 2020;9(5a):72-80. (In Russ.).
15. Hanoch Y, Wood S. The Scams Among Us: Who Falls Prey and Why. *Current Directions in Psychological Science*. 2021;30(3):260-266. Available at: <https://doi.org/10.1177/0963721421995489>.
16. Norris G, Brookes A, Dowell D. The Psychology of Internet Fraud Victimization: a Systematic Review. *J Police Crim Psych*. 2019;(34):231-245. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11896-019-09334-5>.

Информация об авторах

Н. А. Чернявская — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и массовой коммуникации.

О. А. Усачева — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и массовой коммуникации.

Information about the authors

N. A. Chernyavskaya — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate professor of the Department of Russian Language and Mass Communication.

O. A. Usacheva — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate professor of the Department of Russian Language and Mass Communication.

Статья поступила в редакцию 28.05.2024; одобрена после рецензирования 10.06.2024; принята к публикации 30.04.2025.

The article was submitted 28.05.2024; approved after reviewing 10.06.2024; accepted for publication 30.04.2025.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

ИССЛЕДОВАНИЯ КОНЦЕПТОВ, КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕТАФОР И СИМВОЛОВ

RESEARCH ON CONCEPTS, CONCEPTUAL METAPHORS AND SYMBOLS

Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 5 (499). С. 76–83.

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025;(5(499)):76-83.

Научная статья

УДК 81

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-76-83

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ СЭС ‘ВОЛОС’ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ, ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Найля Азаматовна Ласынова¹, Луиза Рауфовна Сулейманова²

¹Сибайский институт (филиал) Уфимского университета науки и технологий, Сибай, Россия, nalasinova@mail.ru

²Сибайский институт (филиал) Уфимского университета науки и технологий, Сибай, Россия, luizasul@mail.ru

Аннотация. Работа посвящена выявлению лексических единиц башкирского языка с компонентом сэс ‘волос’, исследование их семантических особенностей, этнолингвистических значений, определение места названных единиц в башкирской языковой картине мира. Предметом исследования являются лексический, диалектный состав башкирского языка, фольклорные, этнографические, мифологические материалы, связанные с исследуемой лексемой, также произведения башкирских писателей, поэтов. Лексические единицы башкирского языка с компонентом сэс ‘волос’ в башкирской лингвистике впервые подвергаются специальному изучению. Результаты исследования показывают, что изучаемый компонент участвует в образовании лексем с прямым и переносным значением, образует названия живых и неживых реалий, антропонимы, библионимы, артионимы, зафиксированы множество диалектных вариантов лексем с компонентом сэс ‘волос’. С понятием сэс ‘волос’ связано много обрядов, обычаев, запретов, примет, исследование которых выявляет такие этнолингвистические значения, как сакральность, символику дороги, благополучия, женской красоты. В ходе исследования выявлено, что понятие ‘волос’ и лексические единицы с данным компонентом имеют место в лексике семейных обрядов, таких как рождение ребенка, свадьба (никах), проводы в последний путь. В башкирской языковой картине мира волосы — достоинство женской красоты. Башкиркам запрещалось коротко стричь волосы, ходить с распущенными волосами, их надо было скрывать от посторонних глаз, и они всегда заплетались в косу. Все это повлияло на появление множество украшений для волос с функцией оберега, названия которых содержат компонент сэс ‘волос’. Названия украшений для волос в башкирском языке составляют отдельную семантическую подгруппу с множеством диалектных вариантов.

Ключевые слова: башкирская языковая картина мира, лексическая единица, прямое и переносное значение, этнолингвистическое значение, диалекты башкирского языка, башкирская мифология, реалья, обряды

Для цитирования: Ласынова Н. А., Сулейманова Л. Р. Лексические единицы с компонентом сэс ‘волос’ в башкирском языке: семантический, этнолингвистический аспекты // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 5 (499). С. 76–83. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-76-83.

Original article

LEXICAL MEANINGS WITH THE СЭС ‘HAIR’ COMPONENT IN THE BASHKIR LANGUAGE: SEMANTIC, ETHNOLINGUISTIC ASPECTS

Nailya A. Lasinova¹, Luiza R. Suleymanova²

¹Sibay Institute (branch) of Ufa University of Science and Technology, Sibay, Russia, nalasinova@mail.ru

²Sibay Institute (branch) of Ufa University of Science and Technology, Sibay, Russia, luizasul@mail.ru

© Ласынова Н. А., Сулейманова Л. Р., 2025

Abstract. The present study is devoted to identifying lexical items of Bashkir language containing the component säs ('hair'), exploring their semantic features, ethno-linguistic the meanings, and determining the place of these lexemes within the Bashkir linguistic worldview. The object of investigation comprises the lexical and dialectal composition of the Bashkir language, folklore materials, ethnographic and mythological data related to the studied lexeme, as well as works by Bashkir writers and poets. Lexical items with the component säs have not previously been subjected to specialized study in Bashkir linguistics. The results show that this component participates in forming lexemes both with direct and figurative meanings, creating names for animate and inanimate entities, anthroponyms, biblionyms, artionyms, and numerous dialect variants of lexemes containing the element säs. Many rituals, customs, prohibitions, omens are associated with the concept of säs, which reveals such ethno-linguistic values as hair's sacredness, its symbolic representation of roads, prosperity, female beauty. It has been found during the research that the notion of 'hair' and corresponding lexical units occupy an important position in family ritual vocabulary, including childbirth ceremonies, weddings (nikah), funerals. In the Bashkir linguistic worldview, hair is considered a treasure of feminine beauty. It was forbidden for Bashkir women to cut their hair short or walk with loose hair; they had to hide it from strangers' eyes and always braid it into plaits. This influenced the emergence of many hair accessories with protective functions, whose names contain the component säs. Names of hair adornments form a distinct semantic subgroup in Bashkir with multiple dialect variations.

Keywords: Bashkir linguistic picture of the world, lexical unit, direct and figurative meaning, ethnolinguistic meaning, dialects of the Bashkir language, Bashkir mythology, realities, rituals

For citation: Lasinova NA, Suleymanova LR. Lexical Meanings with the сәс 'hair' Component in the Bashkir Language: Semantic, Ethnolinguistic Aspects. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(5(499)):76-83. (In Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-76-83.

Введение

В формировании национальной языковой картины мира неопределима роль названий тела и его частей. Человек сначала изучил себя, свое тело, затем эти знания использовал для познания окружающего мира посредством языка. Данное мнение можно подтвердить наличием множества географических терминов в башкирском языке, образованных на основе соматической лексики: *йылга башы* 'исток' (досл. река, её голова), *йылга тамагы* 'устье реки' (досл. река, её горло), *йылга култыгы* 'речная заводь' (досл. река, её подмышка), *тау башы* 'вершина горы' (досл. гора, её голова), *тау мороно* 'мыс горы' (досл. гора, её нос), *тау бите* 'склон горы' (досл. гора, её лицо), *йылга колагы* 'залив реки' (досл. река, её ухо) и др.

Соматическая лексика отразилась не только в метафорической терминологии, но и прочно закрепилась в верованиях предков, связанных с ними ритуалах. Среди семейных обрядов и обычаев особо выделяется ритуал первой стрижки волос младенца. Данный обряд наблюдается у многих народов и исследован с этнографической точки зрения. Обряд первой стрижки волос у ребенка аварцев, даргинцев, лакцев изучен М. К. Мусаевой¹, тувинцев — Ч. А. Караол² и С. О. Саая³. Лингвокультурологические, этнолингвистические значения лексемы волос, их

роль в языковой картине мира определенного народа в той или иной степени отражены в трудах Г. Н. Варавиной⁴, Е. Б. Бесоловой, З. М. Габуниа⁵, И. В. Светличной⁶, Н. А. Криничной⁷, А. С. Персидской⁸, А. П. Бабушкина⁹, В. П. Бергера¹⁰, А. А. Диденко¹¹, Ю. А. Башкатовой¹². Верования, мифологические воззрения башкир, связанные с волосом, находим в словаре-справочнике Ф. Г. Хисамитдиновой "Башкирская мифология"¹³. Этнолингвистическое значение лексической единицы сәс 'волос' определен в словаре Р. Н. Хадыевой "Этнолингвистический словарь башкирского языка"¹⁴. Р. Р. Баязитовой выявляется место понятия волос в башкирской мифологии, семейно-бытовых обрядах на материале народного творчества, дается толкование происхождения некоторых обычаев¹⁵.

⁴ Варавина Г. Н., 2011. С. 97–101.

⁵ Бесолова Е. Б., Габуниа З. М., 2017. С. 117–129.

⁶ Светличная И. В., 2015. С. 239–245.

⁷ Криничная Н. А., 2013. С. 137–152.

⁸ Персидская А. С., 2016. С. 50–53.

⁹ Бабушкин А. П., 2015. С. 84–88.

¹⁰ Бергер В. П., 2017. С. 54–57.

¹¹ Диденко А. А., 2009. С. 35–36.

¹² Башкатова Ю. А., 2012. С. 86–91.

¹³ Хисамитдинова Ф. Г., 2010.

¹⁴ Хадыева Р. Н., 2002.

¹⁵ Баязитова Р. Р., 2010. С. 263–265; 2018. С. 613–619.

¹ Мусаева М. К., 2007. С. 164–165.

² Караол Ч. А., 2013. С. 34–36.

³ Саая С. О., 2015. С. 54–55.

Основная часть

Лексический, фразеологический и диалектный состав современного башкирского языка содержит немало единиц с компонентом *сәс* ‘волос’. Целью данной статьи является исследование семантических особенностей названных единиц, определение их места в башкирской языковой картине мира.

В “Академическом словаре башкирского языка” лексическое значение слова *сәс* определяется так: тонкое роговое нитевидное образование, растущее на голове человека. *Өлтөк сәс* ‘клок волос’. *Маңлай сәсе* ‘челка’. *Озон сәс* ‘длинный волос’. *Сәс үреү* ‘заплетать волосы’¹⁶. Из первичного значения в башкирском языке образованы другие лексемы как в прямом, так и переносном значении.

Лексические единицы в прямом значении выражают различные оттенки основного значения. Для обозначения различных частей волоса используются следующие единицы: *сәс бөртөгө* ‘волосок’, *сәс тамыры* ‘волосяной фолликул’, *сәс төбө* ‘корень волос’, *сәс ярыуы (урай)* ‘вихор’ (на макушке), *бала сәс* ‘короткие волосинки на висках, затылке’ досл. дитя-волос.

Литературной единице *маңлай сәсе* ‘челка’ (досл. волосы на лбу) в диалектах соответствуют около десяти вариантов: *мағалайсәс*, *мағанай-сәс* (демский, средний, ик-сакмарский говоры); *маңдай сәс* (кизилский); *маңлай сәс* (миасский); *маңнай сасы* (средний, икский), *һамай сасы* (аргаяшский, сальютский), *сук сас* (аргаяшский) досл. ‘волосы на лбу’; *мейсас* (аргаяшский); *мейә сасы* (миасский) досл. ‘волосы мозговые’; *уйым сас* (аргаяшский) досл. ‘куча волос’; *сәсмәү йалы* (икский); *сәсәкйәл* (сакмарский) досл. ‘куча грива’; *кыһка сас* (сальютский); *сәсә* (кизилский) ‘короткие волосы’¹⁷. По указанным примерам можно выделить, что в аргаяшском, сальютском и миасском говорах восточного диалекта, в икском и среднем говорах южного диалекта лексеме *сәс* соответствует *сас*.

Диалектные названия волоса и шерстинки разной длины на теле животных и птиц также включают компонент *сәс*: *мандай сәс* (аргаяшский, миасский), *сикә сәсе* (аргаяшский, айский) ‘грива между ушей лошади’ досл. челка, *бәкәл сәсе* (северо-западный) ‘щетки на ногах лошади’, *кикел сәс* (кизилский) ‘хохоллок’ выступающие перья на голове птицы (досл. волосы на хохолке).

В названиях бытовых инструментов элемент *сәс* употребляется в значении ‘нить, волокно’: *сәс агасы* (кизилский) ‘древесина для волоса’ — балка или веревка в ткацком станке для льняных волокон, куда продеваются нити; *сәсалык* ‘расческа для льна’ — устройство для чесания льняного волокна.

Признаки волоса передаются прилагательными со значением цвета и формы: *бөзрә сәс* ‘кудрявые волосы’, *шыма (тура) сәс* ‘прямые волосы’, *һары сәс* ‘сивые волосы’, *кара сәс* ‘черные волосы’, *кәлан сәс* ‘светло-каштановые волосы’. Изменения волос в процессе старения человека или перенесения горестей-печалей выражается словосочетанием *сәс агарыу* ‘седеть’.

Внешний облик древних башкирок всегда характеризуется сплетенными длинными волосами, поэтому в жизни женщины важное место занимали украшения для волос. Названия украшений для волос с компонентом *сәс* в башкирском языке составляют отдельную семантическую группу. Для изготовления украшений со вкусом использовали серебряные монеты, драгоценные камни, бисер, тесьму и другие элементы, зная их благотворное влияние на настроение, душевное состояние, здоровье женщины. Названия отражают способы изготовления, форму, назначение этих украшений:

1) *сәсүргес* ‘косоплетка’ — лента для заплетения в косу, иногда украшалась серебряными монетами¹⁸. Диалектные варианты: *сасүргес* (аргаяшский, миасский), *сасурма* (сальютский), *үрмес*, *сәсүрмес* (кизилский, средний)¹⁹;

2) *сәсбау (сәсмәү)* — ‘косоплетка, накосник’ (досл. веревка для волос) украшение поверх волос, состоящее из шести-семи нитей с разноцветными бусами, прикрепляемое на затылке. Лексема также имеет значение ‘подарок молодой невесты девочкам в виде украшения для волос, заплетенный из разноцветных шерстяных нитей’;

3) *сәстәңкә // састәңкә* (аргаяшский, миасский, сальютский) ‘накосник’ (досл. монеты для волос) — украшение, расшитое серебряными или золотыми монетами²⁰;

4) *сәсауырлык* — накосник, украшенный рублевыми монетами, диалектные варианты *сәс ауыртмаһы* (демский), *сәс ауыртмағы*, *үрмес* (кизилский, средний, иргизский, ик-сакмарский) (досл. груз для волос);

¹⁶ Хисамитдинова Ф. Г., 2015. С. 826.

¹⁷ Дильмухаметов М. И., 2002.

¹⁸ Хисамитдинова Ф. Г., 2015. С. 837.

¹⁹ Дильмухаметов М. И., 2002.

²⁰ Хисамитдинова Ф. Г., 2015. С. 837.

5) *сәскап* 'накосник' — украшение, сделанное из узкой и длинной материи, на которую нашиваются монеты (досл. футляр для волос)²¹. Эскәпъя-мал нурың арта сәскап менән, ынйы тезгән кесерәк кенә калпак менән. (Ш. Бабич). (Аскапъя-мал становится лучезарней с сәскап, украшенный жемчугом калпак).

Все эти украшения наводили не только красоту и отражали вкус владелицы, но и выполняли обережную функцию²². Такая функция отражает этнолингвистические значения лексемы. «Мифологический словарь башкирского языка», составленный Ф. Г. Хисамитдиновой, содержит интересную информацию об исследуемой лексеме: волос — бессмертная часть тела; с ним рождаются, он продолжает расти и после смерти человека, поэтому является самой мифологизированной частью тела. С ними связано много обрядов, обычаев, запретов, примет. Волосы являются символом дороги, благополучия, проводником души на том свете²³.

Лексическая единица *карын сәс* 'утробный волос' имеет сакральное значение: их стриг обычно близкий родственник (отец, дедушка) до срока дней после рождения ребенка. Запрещалось закапывать или сжигать (как обычно поступают с волосами башкиры) первые волосы ребенка, а хранили и могли использовать от сглаза²⁴.

Народное сознание хранит еще множество верований, запретов, обычаев, связанных с волосом, например, *сәс ағызыу* 'пускать по воде волосы' — чтобы избавиться от болезни, во время половодья отрезают клочок волос больного и бросают в бурное течение приговаривая:

*Ошо ағын һыуға сир-сор ағып кит,
Күңеле накланһын, күззәре асылһын,
Колагы ишетһен,
Ауырыу башы һау булһын,
Сәсен кыркып ташлайым!*

Ағын һыуға ташлайым (Уйди с этой водой, болезнь, Пусть душа его очистится, откроются глаза, Пусть ухо его слышит, Пусть будет здоровым, Отрезаю и выбрасываю его волосы! Выбрасываю в бурный поток!)²⁵.

Сәс йәшереү 'скрыть волосы' — обычай, предписывающий невесте покрывать голову (волосы), а также женщинам в определенное время суток.

Сәс йәшереү гәзәте буйынса, гел яулык ябынып йөрөү каныбызға һенгән.²⁶ (Привычка всегда ходить в платке впитана нам обычаем). Лексические единицы *сәс сихыры* 'порча с помощью волос'²⁷, *сәс һалыу* 'приворот с помощью волос'²⁸ говорят о возможностях использования волос в магических целях.

Запреты, приметы, связанные с волосом, также выражают этническое значение лексемы: *әгәр сәсеңде тарап үрһәң, күңел үсәр* (если расчесать и заплести волосы, душа радуется); *коро көндәрзә (шишәмбе, шәмбе) йә иһә кояш байығас уны киҫергә, ергә ташларға ярамай* (нельзя отрезать волосы в пустые дни (во вторник, субботу) или после заката, нельзя бросать в землю); *ауырлы катындарға сәс кыркыу, шулай ук сәс кырктырыу тыйылған* (беременным нельзя стричь, подстригаться); *иреңдең сәсен алырға ярамай, ырысын кәметәһең, гүмерен кысқартаһың* (нельзя своему мужу стричь волосы, уменьшаешь богатство, сокращаешь ему жизнь); *сәсте теләһә кайза ташларға ярамай, баш ауырыу* (волосы нельзя бросать где попало, голова будет болеть); *койолған, таракта тороп калған, кыркылған сәстәрзе йыйып алып утка ягырға кәрәк. Сәс якканда: «Баш якмайым, сәс яғам», — тип әйтергә кәрәк* (Выпавшие, оставшиеся на расческе, отрезанные волосы надо собирать и сжигать. При этом следует сказать: «Не голову сжигаю, волосы сжигаю»). По исламской традиции предпочтительнее волосы закопать в землю, согласно поверьям, после смерти душа отправляется на поиски выпавших волос и отрезанных ногтей. Есть и определенные приметы: если при заплетении волос останется пучок, ожидается дорога; если приснятся длинные волосы, к дороге; видеть во сне волосы — к счастью.

Издавна считали, что краса женщины — длинные густые волосы, существовали различные средства, поверья достижения такой красоты, например, для того, чтобы волосы росли длинными и шелковистыми, мазали змеиным маслом, девушки под подушку клали плетку и т. д. В народном творчестве, литературных произведениях волосы также воспринимаются как символ красоты: *якшы кыз иртә торһа, толәм (сәс) үрер (мәкәл), (хорошая девушка рано встает, косы заплетает)* (пословица).

В досоветский период башкирки обязательно имели длинные волосы, социалистические

²¹ Хисамитдинова Ф. Г., 2015. С. 833.

²² Хисамитдинова Ф. Г., 2010. С. 279.

²³ Хисамитдинова Ф. Г., 2010. С. 278.

²⁴ Хисамитдинова Ф. Г., 2010. С. 181.

²⁵ Хисамитдинова Ф. Г., 2010. С. 279.

²⁶ Хисамитдинова Ф. Г., 2015. С. 830.

²⁷ Хисамитдинова Ф. Г., 2015. С. 836.

²⁸ Хисамитдинова Ф. Г., 2010. С. 279.

преобразования коснулись и женских волос, облик советской женщины стали комсомолки с короткими волосами. В башкирском обществе такое неодобряемое действие долгое время осуждалось. Это явление отразилось и в башкирской художественной литературе, например, в повести «Айбикэ» Х. Давлетшиной можно ознакомиться с такими моментами.

Как видим, волосы — женское достояние, все, что с ними связано — обычаи, обряды, украшения — в большинстве случаев предполагают бережную функцию от злых сил. В древних верованиях мифические существа женского пола, в отличие от земных женщин, заплетают волосы в косу, представлялись с длинными лохматыми волосами, они описываются во многих произведениях башкирского народного творчества, в частности, в эпосах «Заятуляк и Хыухылыу», «Акбузат». Одни из них привлекательны и красивы, например, водяная девушка *Һыуһылыу* (Хыухылыу) распускает свои длинные волосы и расчесывает их золотым гребнем, другие — страшные и вредоносные: *албаҫты* ‘албаҫты’ в башкирской мифологии демонический персонаж в образе женщины с длинными распущенными светлыми волосами и длинными грудями, вредит роженицам, новорожденным²⁹. В башкирских сказках *мәскәй әбей* ‘баба-яга’ — страшное мифическое существо со взерошенными волосами, проглатывающее людей и других живых созданий³⁰.

В связи с этим и в современном языке есть выражение, осуждающее девушек с распущенными волосами: «*албаҫты һымак ялбырап йөрөй*» (ходит лохматая как албаҫты).

Как понятие женской красоты, компонент *сәс* используется в составе женских имен: *Алтынсәс* ‘Златовласка’, *Колансәс* ‘Каштанововласка’, *Карасәс* ‘Черновласка’, *Һарысәс* ‘Сивововласка’, *Ерәнсәс* ‘Рыжеволоска’. Примеры таких имен находим в образцах башкирского народного творчества, литературных произведениях.

Кроме антропонимов компонент *сәс* встречается в библионимах (названиях книг, произведений) и артионимах (названиях произведений искусства). Известны драмы Ф. Булякова «Һарысәс», Д. Юлтыя «Колансәс», произведение М. Гафурри «Хан кызы Алтынсәс» (Дочь хана Алтынсәс), танцы «Озон сәс» (Длинные волосы), «Куңыр сәс» (Темные волосы), песни «Кара сәс» (Черные

волосы), «Сәсүрмәсем» (Мой наконик), «Бөзрә сәс, зәңгәр күз» (Кудрявые волосы, голубые глаза), «Сәскәйзәрең толوم-толум» (Волосы твои косы-косы), «Һары ла сәс» (Сивые да волосы) и т. д.

В башкирском изустном творчестве есть примеры, когда волосы символизируют ум человека: сказочный персонаж *Таз* (досл. плешивый) представлен дурачком, что объясняется его плешивостью. Пословица «*сәсе озон — акылы кыска*» (волосы длинные да ум короткий) оценивает женский ум через антитезу.

Согласно башкирским обычаям, по косе определяли и социально-семейное положение женщины: молодые башкирки волосы заплетали в одну косу, замужние — в две косы, причем в конце косы заплетали тесьму с монетами³¹.

Собранный нами фактический материал свидетельствует, что компонент *сәс* в переносном значении входит в состав многих терминов, названий живой и неживой природы для обозначения нитевидных предметов. Например, мохнатое, седовласое растение в башкирском литературном языке именуется словом *кылған* ‘ковыль’. А в диалектах данное растение на основе сходства формы и цвета, называется метафорически через компонент *сәс*: *сәстүлән* (аргаяшский) ‘волосатое растение’, *урман сәсе* (средний) ‘лесной волос’, *марйәсасы* (аргаяшский) ‘волосы русской (женщины)’, *урыс сасы* (салютский), *урыс сәсе* (айский) ‘волосы русского’, *әбей сәсе* (аргаяшский, миасский), *әбейсәс* (северо-западный), *әби сәсе* (демский) ‘бабьи волосы’³².

Интересным является тот факт, что башкиры русского человека воспринимали через светлые волосы и этот признак перенесли на название ковыля. Метафорический перенос по форме наблюдается и в названиях отдельных частей растений: *сәс тамыр* ‘корень-волос’, *кукуруз сәсе* ‘волосы кукурузы’. Употребляющиеся в аргаяшском, демском диалектах башкирского языка названия паразитических червей образованы таким же способом: *сәслән* ‘волосатик’ (длинный как нить паразитический червь, обитающий в воде) и *сәсйылан* ‘гельминты’ досл. змея-волос (паразитический червь, обитающий в тонкой кишке человека). К этому же ряду относим и название насекомого *сәскыргыс* ‘власоед’ бескрылое насекомое, паразитирующее в шерсти млекопитающих (досл. стригущий волос).

²⁹ Хисамитдинова Ф. Г., 2010. С. 22.

³⁰ Сулейманова Л. Р., 2023. С. 185.

³¹ Баязитова Р. Р., 2018. С. 617.

³² Дильмухаметов М. И., 2002.

Выводы

Резюмируя сказанное, выделим, что в башкирском языке лексема *сәс* образует единицы как в прямом, так и переносном значении, участвует в образовании метафорических терминов, названий живых и неживых реалий, используется в составе сложных антропонимов, библионимов, артионимов. Этнолингвистические значения исследуемой лексемы дают информацию об особенностях башкирских семейных обрядов и обычаев, верова-

ниях, запретах, даже о семейном положении башкирской женщины. В башкирской языковой картине мира основное этническое значение лексемы *сәс* связано со значениями женственности, красоты, названия украшений для волос с компонентом *сәс* в башкирском языке составляют большую семантическую группу с множеством диалектных вариантов. Все, что связано с волосами — обычаи, обряды, украшения — в большинстве случаев предполагают обережную функцию от злых сил

Список источников

1. Бабушкин А. П. Лексемы «волосы» и «волосок» в русском и английском языках (сопоставительный аспект) // Сопоставительные исследования. 2015. № 12. С. 84–88.
2. Башкатова Ю. А. Концепт «волосы» на материале русской и английской лингвокультур // Концепт и культура. Материалы V Международной научной конференции. Кемерово, 09–10 октября 2012 года. Кемерово. 2012. С. 86–91.
3. Баязитова Р. Р. «Волосы» в традиционной культуре башкир // Вестник Удмуртского университета. 2018. Т. 28. Выпуск 4. С. 613–619.
4. Баязитова Р. Р. Семантика волос в традиционной культуре башкир // Семантика и прагматика слова и текста. Поморский текст. Материалы III Международной конференции. Архангельск, 07–09 октября 2010 года. Архангельск. 2010. С. 263–265.
5. Бергер В. П. Мифологические истоки концептуализации соматизмов в разных лингвокультурах (на примере концепта «волос») // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 3. № 4. С. 54–57.
6. Бесолова Е. Б., Габуниа З. М. О знаковой функции и культурной семантике волос // Известия СОИГСИ. 2017. № 23 (62). С. 117–129
7. Варавина Г. Н. Волосы в религиозных представлениях тунгусоязычных этносов Якутии // Гуманитарные науки в Якутии: исследования молодых ученых. Сборник научных статей. Якутск. 2011. С. 97–101.
8. Диденко А. А. «Язык волос» как коммуникативная система // Тезисы докладов XXXVI научной конференции студентов и молодых ученых вузов Южного федерального округа, посвященной 40-летию Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма. Краснодар, 01 января–31 марта 2009 года. Краснодар. 2009. С. 35–36.
9. Дильмухаметов М. И. Башкорт теленең диалектары һүзлеге = Диалектологический словарь башкирского языка. Уфа, 2002. 432 с.
10. Караоол Ч. А. Обряд первой стрижки волос в традиционной культуре тывинцев // Вестник Череповецкого государственного университета 2013. № 4–3 (53). С. 34–36.
11. Криничная Н. А. Водное божество: магия расчесывания волос как предпосылка к сотворению бытия (по севернорусским фольклорно-этнографическим материалам) // Этнографическое обозрение. 2013. № 1. С. 137–152.
12. Мусаева М. К. Традиционный ритуал первой стрижки волос в детском цикле обрядов народов нагорного Дагестана // Этнология, история, археология, культурология. Материалы Среднеазиатско-Кавказских исследований. Санкт-Петербург. 2007. С. 164–165.
13. Персидская А. С. Лингвокультурологический анализ наименований волос в диалектах селькупского языка // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2016. № 6 (171). С. 50–53.
14. Саая С. О. Об обряде обрезания волос у детей // Актуальные проблемы исследования этнокультурных и этнокультурных традиций народов Саяно-Алтая. Материалы III Международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов, посвященной 20-летию юбилею Тувинского государственного университета, Году народных традиций в Республике Тыва. Кызыл, 26–30 июня 2015 года. Кызыл. 2015. С. 54–55.
15. Светличная И. В. Символика волос как феномен культуры // Гуманитарное образование в креативно-антропологическом измерении. Сборник научных статей 12-й Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 19–20 ноября 2015 года. Екатеринбург. 2015. С. 239–245.

16. Сулейманова Л. Р. Мифологическая лексема мэскэй в башкирских сказках // Проблемы гуманитарных наук и образования в современном мире: Сборник научных статей по материалам IX Всероссийской научно-практической конференции. Сибай, 24 ноября 2023 года. Сибай. 2023. С. 184–185. (на башк. яз.)

References

1. Babushkin AP. Leksemy “volos” I “volosok” v russkom I angliyskom yazikakh (sopostavitel’niy aspect) = Lexemes “hair” in Russian and English (comparative aspect). *Sopostavitel’nyye issledovaniya = Comparative studies*. 2015;(12):84-88. (In Russ.).
2. Bashkatova YuA. Contsept “volosy” na materiale russkoy I angliyskoy lingvokul’tur = The concept of “hair” on the material of Russian and English linguistic cultures. *Konsept I kul’tura = Concepts and cultures*. Materials of the international scientific conference. Kemerovo, 2012. Pp. 86-91. (In Russ.).
3. Bayazitova RR. “Volosy” v traditsionnoy cul’ture bashkir = “Hair” in the traditional culture of the Bashkirs. *Vestnik Udmurtskogo universiteta = Bulletin of Udmurt University*. 2018;28(4):613-619. (In Russ.).
4. Bayazitova RR. Semantica volos v traditsionnoy cul’ture bashkir. Semantika I pragmatika slova I teksta. Pomorskiy tekst = Semantics and pragmatics of words and text. Pomeranian text. Materials of the international scientific conference. Arhangel’sk, 2010. Pp. 263-265. (In Russ.).
5. Berger VP. Mifologicheskiye istoki kontseptualizatsii somatizmov v razlishnyh lingvokulturakh (na primere kontsepta “volos”) = Mythological origins of the somathisms conceptualization in different linguocultures (case-study of the “hair” concept). *Uspekhi sovremennoy nauki i obrazovaniya = Advances in modern science and education*. 2017;(4):54-57. (In Russ.).
6. Besolova EB, Gabunia ZM. O znakovoy funktsii I kul’turnoy semantike volos = On the sign function and cultural semantics of hair. *Izvestiya SOIGSI = Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies*. 2017;(23(62)):117-129. (In Russ.).
7. Varavina GN. Volosy v religioznykh predstavleniyakh tungusoyazychnykh etnosov Yakutii = Hair in religious beliefs of the Tungus-speaking ethnic groups of Yakutia. *Gumanitarnyye nauki v Yakutii = Humanities in Yakutia: studies of young scientists*. Yakutsk, 2011. Pp. 97-101. (In Russ.).
8. Didenko AA. “Yazyk volos” kak kommunikativnaya sistema = “Hair language” as a communication system. Abstracts of the XXXVI scientific conference of students and young scientists of universities of the Southern Federal District, dedicated to the 40th anniversary of Kuban State University of Physical Culture, Sports and Tourism. Krasnodar, 2009. Pp. 35-36. (In Russ.).
9. Dilmukhametov MI. Dialectological dictionary of the Bashkir language. Ufa, 2002. 432 p. (In Bashkir).
10. Karaool ShA. Obryad pervoy strizhki volos v traditsionnoy kul’ture tyvintsev = The ceremony of the first haircut in the traditional culture of the Tuvinian people. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Cherepovets State University*. 2013;(4-3(53)):34-36. (In Russ.).
11. Krinichyaya NA. Vodnoye bozhestvo: magiya raschesyvaniya volos kak predposylka k sotvoreniyu bytiya (po severnorusskim fol’klorno-etnograficheskim materialam) = Water deity: the magic of combing hair as a prerequisite for the creation of life (based on North Russian folklore and ethnographic materials). *Etnograficheskoye obozreniye = Ethnographic review*. 2013(1):137-152. (In Russ.).
12. Musaeva MK. Traditsionnyy ritual pervoy strizhki volos v detskom tsikle obryadov narodov nagornogo Dagestana = The traditional ritual of the first haircut in the children’s cycle of rituals of the peoples of highland Dagestan. *Etnologiya, istoriya, arkhologiya, kul’turologiya = Ethnology, history, archeology, cultural studies*. Materials of Central Asian-Caucasian studies. Saint Petersburg, 2007. Pp. 164-165. (In Russ.).
13. Persidskaya AS. Lingvokul’turologicheskiy analiz naimenovaniy volos v dialektakh sel’kupskogo yazyka = Linguistic and cultural analysis of hair names in dialects of the Selkup language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*. 2016;(6(171)):50-53. (In Russ.).
14. Saaya SO. Ob obryade obrezaniya volos u detey = On the rite of children’s hair cutting. Aktual’nyye problemy issledovaniya etnoekologicheskikh i etnokul’turnykh traditsiy narodov Sayano-Altaya = Current problems in the study of ethnoecological and ethnocultural traditions of the peoples of Sayan-Altai. Materials of the III international scientific and practical conference of young scientists, graduate students and students, dedicated to the 20th anniversary of Tuva State University, the Year of Folk Traditions in the Republic of Tyva. Kizil, 2015. Pp. 54-55. (In Russ.).
15. Svetlichnaya IV. Simvolika volos kak fenomen kul’tury = The symbolism of hair as a cultural phenomenon. *Gumanitarnoye obrazovaniye v kreativno-antropologicheskom izmerenii = Humanities education in the creative and anthropological dimension*. Collection of scientific articles of the 12th All-Russian Scientific and Practical Conference. Ekaterinburg, 2015. Pp. 239-245. (In Russ.).

16. Suleymanova LR. Mifologicheskaya leksema meskey v bashkirskikh skazkakh = Mythological lexeme meskei in Bashkir fairy tales. Problemy gumanitarnykh nauk i obrazovaniya v sovremennom mire = Problems of the humanities and education in the modern world: Collection of scientific articles based on the materials of the IX All-Russian Scientific and Practical Conference. Sibay, 2023. Pp. 184-185. (In Bash.).

Информация об авторах

Н. А. Ласынова — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской, башкирской и зарубежной филологии.

Л. Р. Сулейманова — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской, башкирской и зарубежной филологии.

Information about the authors

N. A. Lasynova — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian, Bashkir and Foreign Philology.

L. R. Suleymanova — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian, Bashkir and Foreign Philology.

Статья поступила в редакцию 27.01.2025; одобрена после рецензирования 31.03.2025; принята к публикации 30.04.2025.

The article was submitted 27.01.2025; approved after reviewing 31.03.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 811.112.2'42'27:32

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-84-91

КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРЫ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ГЕРМАНИИ

Ольга Викторовна Мифтахова

Луганский государственный педагогический университет, Луганск, Россия, olga_miftakhova@mail.ru,
ORCID 0009-0000-9252-2305

Аннотация. В данной статье рассмотрены основные характеристики и особенности политического дискурса Германии, приведены высказывания ведущих современных немецких политиков. Проанализированы аспекты применения политической метафоры, представлены несколько метафорических моделей на примере политической коммуникации ведущих немецких политических сил. Тема политического дискурса является довольно актуальной, поскольку цели, тактико-стратегические механизмы, приемы политической коммуникации напрямую связаны как с индивидуальным, так и с коллективным адресатом. Манипулируя сознанием через политическую риторику, у общества формируются необходимые ценности, установки, видение картины мира. Это достигается, в первую очередь, посредством использования в речи политиков понятных реципиенту слов, символов, образов, которые должны вызывать рефлексию. Такое апеллирование к существующей базе знаний человека в политической риторике напрямую связана с когнитивной метафорой. В настоящее время теория политической метафоры является одним из наиболее перспективных и активно развивающихся направлений современного языкознания. Метафоризация высказываний основывается на использовании в политической риторике основных метафорических моделей. К часто встречаемым метафорическим моделям в политической коммуникации относят антропоморфную, социоморфную, природоморфную метафоры. Механизм имплементации подобных моделей осуществляется с помощью внедрения в риторику сфер-источников, которые выступают в роли понятных образов для реципиента. Сферы-источники применяются относительно сфер-мишеней, которые, в свою очередь, являются концептуальными идеями. Они не всегда понятны или недостаточно яркие, чтобы завоевать внимание целевой аудитории. Так как когнитивная метафора отражает специфику человеческого мышления и познания, ее использование в политической коммуникации реализует главную цель политического дискурса — манипулирование общественным сознанием. Поэтому когнитивная метафора активно используется политиками для достижения поставленных целей.

Ключевые слова: политический дискурс, политическая метафора, когнитивная метафора, сфера-мишень, сфера-источник, манипулирование, реципиент

Для цитирования: Мифтахова О. В. Когнитивные особенности метафоры в современном политическом дискурсе Германии // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 5 (499). С. 84–91. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-84-91.

Original article

COGNITIVE FEATURES OF METAPHOR IN CONTEMPORARY POLITICAL DISCOURSE IN GERMANY

Olga V. Miftakhova

Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, Russia, olga_miftakhova@mail.ru, ORCID 0009-0000-9252-2305

Abstract. This article examines the main characteristics and features of the political discourse in Germany and provides statements by leading modern German politicians. Aspects of the use of political metaphor are analyzed, several metaphorical models are presented using the example of political communication. The topic of political discourse is quite relevant, since the goals, tactical and strategic mechanisms of political communication are di-

rectly related to both the individual and the collective addressee. By manipulating consciousness through political rhetoric, society forms the necessary values, attitudes, and vision of the world. This is achieved, first of all, through the use in the speech of politicians of words, symbols, and images that are understandable to the recipient, which should evoke reflection. This appeal to a person's existing knowledge base in political rhetoric is directly related to cognitive metaphor. Currently, the theory of political metaphor is one of the most promising and actively developing areas of modern linguistics. Metaphorization of statements is based on the use of basic metaphorical models in political rhetoric. Frequently encountered metaphorical models in political communication include anthropomorphic, sociomorphic, and naturemorphic metaphors. The mechanism for implementing such models is carried out through the introduction of source spheres into rhetoric, which act as understandable images for the recipient. Source spheres are applied in relation to target spheres, which in turn are conceptual ideas. They are not always clear or bright enough to capture the attention of the target audience. Since a cognitive metaphor reflects the specifics of human thinking and cognition, its use in political communication realizes the main goal of political discourse – the manipulation of public consciousness. Therefore, cognitive metaphor is actively used by politicians to achieve their goals.

Keywords: political discourse, political metaphor, cognitive metaphor, target sphere, source sphere, manipulation, recipient

For citation: Miftakhova OV. Cognitive Features of Metaphor in Contemporary Political Discourse in Germany. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(5(499):84-91. (In Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-84-91.

Введение

Существует большое количество определений понятия «дискурс». Это объясняется его контактами со многими сферами жизни человека и, конечно, областями знаний, к которым относятся лингвистика, философия, психология, педагогика, журналистика, социология. В последнее двадцатилетие наблюдается более тесная связь дискурса с политологией и политикой. Следовательно, многозначность термина «дискурс» обусловлена тем, что выше перечисленные науки дают достаточно большое количество возможностей для его интерпретации. Если дать собирательное определение понятию «дискурс», можно прийти к определению: язык в многомерном пространстве, погруженный в жизнь; язык, организованный в соответствии со структурами, присущими контекстуальным высказываниям в различных сферах социальной жизни [3, с. 136; 8, с. 25; 6, с. 29]. С точки зрения функционально-коммуникативного подхода дискурс является сложной коммуникативной реалией в жизненной практике человека, включающей текст и экстралингвистические факторы. Последние, в свою очередь, представляют собой структуры внеязыковой социальной реальности, воздействующие на язык ситуативно и глобально. В контексте лингвистики дискурс — это процесс живой вербализуемой коммуникации, который допускает определенные несоответствия в традиционной письменной речи. Изучением дискурса занимались многие ученые, такие как Т. А. ван Дейк, Ю. Хабермас, Ю. С. Степанов, В. В. Петров, В. З. Демьянков.

Как утверждает Е. С. Кубрякова, на данном этапе дискурс следует рассматривать в когнитивно-дискурсивной плоскости [7, с. 40]. В связи

с этим изучение особенностей политического дискурса, широко распространенного в медийном пространстве и оказывающего сильное влияние на сознание масс, является актуальным и злободневным. За последние двадцать лет политика стала активнее внедряться в нашу жизнь. А. Н. Баранов полагает, что достижение согласия в социуме — задача политической коммуникации; аргументированное согласие как обязательную финальную категорию политического дискурса рассматривал Ю. Хабермас. То есть политический дискурс — суммарное значение всех речевых актов, задействованных в политической риторике, являющихся традиционно каноническими, прошедшими верификацию [5, с. 135]. Цель политического дискурса — через политические убеждения побудить к действию. Продуцируемая политиками коммуникация сама по себе является живым механизмом. Данный дискурс может быть донесен завуалированно, с использованием эллиптических конструкций, правильно поданной просодики, метафоризации и других воздействующих на сознание потенциального электората, а также оппонентов, тактик.

При изучении политических концептов, обращении к проблемам понимания политических реалий государства важную функцию выполняет политическая метафора. Политической риторике свойственны многозадачность, патетичность, отвлеченность, в то время как человек нуждается в простоте и конкретике изложения мысли. Тогда метафора становится не просто инструментом украшения политической мысли, средством, усиливающим эмотивную составляющую политического дискурса, но и способом мышления, реальностью языка.

Когнитивный лингвистический подход рассматривает метафору как средство постижения мира, способ мышления, оценки действительности с помощью моделей, фреймов, слотов, взятых из иной категориальной парадигмы. Метафора позволяет моделировать сферы источника при когнитивном переосмыслении новой сферы. Специфика такой концептуализации во многом зависит от национального, социального и личного сознания. Метафоры — это проявление аналоговых возможностей человеческого мышления, они заложены в ментальной матрице человека, это особого рода схемы, по которым человек думает и действует [14, с. 28].

Сам термин «метафора» имеет достаточно богатую историю, отталкиваясь от идей Аристотеля, который в метафоре видел концепцию переносного значения, основанного на сходстве, до Дж. Лакоффа и М. Джонсона, которые более детально работали над концептуальной теорией метафоры. Аристотель полагал, что метафора — уникальное явление замены слов на лексическом уровне [2, с. 29]. О гносеологической функции метафоры писал Ф. Ницше, утверждая, что именно метафора представляет собой взаимосвязь языковой природы и когнитивных процессов [11, с. 440].

Как познавательный инструмент рассматривал метафору Э. Маккормак; это дало возможность рассматривать метафору с когнитивной точки зрения. Создавая смыслы, метафора, с одной стороны, демонстрирует нечто общее между свойствами определенных предметов, с другой стороны, их различия [13, с. 358].

Метафору как обязательный компонент эволюции человеческого сознания рассматривал Дж. Джейнс, представитель когнитивного подхода к метафоре. Расширение познания мира является важным свойством метафоры. Согласно Джейнсу, метафора участвует в формировании когнитивной системы человека [15, с. 90]. На этом этапе выдвигается идея о связи метафоры с мышлением, сознанием и познанием. Уже Дж. Лакофф и М. Джонсон утверждали, что использование метафоры распространяется не только на языковой аспект; процесс мышления человека метафоричен сам по себе [9, с. 104].

Согласно теории концептуальной метафоры, для функционирования метафорических процессов необходимо взаимодействие сферы-источника и сферы-мишени — необходимых структур знаний, не являющихся равноценными. Сфера-источник представляет собой более кон-

кретное знание, приобретаемое человеком из личного опыта, в процессе взаимодействия с внешним миром, представленное в виде «схем образов», с которыми мы сталкиваемся каждый день. Сфера-мишень, напротив, являет собой некую абстракцию, невозможность осознания которой и приводит к метафоризации. В процессе метафоризации происходит однонаправленная метафорическая проекция, «приводящая к тому, что некоторые области цели структурируются по образцу источника» [4, с. 29].

Процесс взаимодействия сферы-источника и сферы-мишени находится в основе метафоризации. Дж. Лакофф, отделивший метафору от концептуальной метафоры, указал, что локус концептуальной метафоры находится в мысли, а не в языке [1, с. 22].

Материал и методы исследования

В качестве материала настоящего исследования послужили публичные выступления ведущих политиков Германии. При работе над статьей использовались описательный метод, метод когнитивной лингвистики, метод контекстуального анализа и критический дискурсивный анализ. Тема политического дискурса и реализации в нем когнитивной метафоры является достаточно актуальной, поскольку цели, тактические и стратегические механизмы политической коммуникации напрямую связаны как с индивидуальным, так и с коллективным адресатом. Новизна исследования связана с его предметом — когнитивной метафоры в выступлениях политического истеблишмента Германии. Ранее подобный материал не получал лингвокогнитивного описания.

Результаты исследования

Создаваемая человеком метафорическая модель мира представлена характеристиками, свойственными самому человеку. Как следствие, она сама может быть антропоцентричной. Антропоморфная метафора близка и понятна подавляющему большинству электората, в этом заключается ее возможность воздействовать, убеждать и манипулировать. Когнитивной модели антропоморфной метафоры присущи номинации, связанные с психолого-физиологическими свойствами человека, соматические симптомы. Т. е. антропоморфная метафора — это метафора, которая репрезентирует окружающую реальность в ассоциативной связи с качествами, формами и содержаниями, присущими человеку. Так, например, физиологические метафоры, раскрывающие тематику болезни, часто встречаются в политических выступлениях, затрагивающих

проблемы мигрантов и миграционной политики. Исключением не стала риторика ультраправой политической партии Германии «Альтернатива для Германии». Данная партия стремительно набирает обороты в политическом пространстве ФРГ, тем самым закрепляя за собой статус уверенного коммуниканта на европейской политической арене. Выступая против политической повестки власти относительно миграционной политики, представители партии прибегают к таким понятиям, как «симптомы», «плацебо», «побочный эффект».

Wir sollen nicht über Symptome debattieren, sondern die Krankheit heilen.

Nam следует не симптомы обсуждать, а лечить болезнь.

Dieser gefeierte Konsens ist eine Ansammlung von politischen Placebomaßnahmen, die zum Teil erhebliche Nebenwirkungen haben könnten [10, с. 56].

Этот знаменитый консенсус представляет собой совокупность политических мер плацебо, некоторые из которых могут иметь серьезные побочные эффекты.

Сфера-мишень — то, на чем мы в данный момент фокусируем наше внимание, то, что мы пытаемся постичь. В данном политическом высказывании сферой-мишенью является миграционный вопрос в Германии. Сфера-источник — наш физический опыт, т. е. тот объем информации, который должен быть нам понятен и доступен. В данном контексте это обсуждение симптомов, лечение болезней, наличие плацебо и побочных эффектов, но в рамках политической ангажированности, а именно миграционной политики.

В связи с эскалацией конфликта на Украине и проведением специальной военной операции дискурс немецких политиков, которых на постоянной основе транслируют всевозможные медиа, стал откровенно агрессивным. Лавинообразный поток агрессии, приправленный ложью и на скорую руку оформленной пропагандой, направлен, конечно, в адрес России. Политическая коммуникация приобрела четко военизированную тематику в прямом и переносном смысле. Таким образом, мы можем наблюдать применение социоморфной метафорической модели в политической риторике немецкого политика. Сферами-источниками социоморфной метафоры могут выступать различные концепты, например, «война», «экономика», «театр», «криминал».

Приведем выдержку из выступления эксперта по Восточной Европе Сабины Фишер по поводу поставок оружия Украине:

Ich bin der Meinung, dass die Ukraine diese Möglichkeit haben muss, sagt Osteuropa — Expertin Sabine Fischer. Sie sei völkerrechtlich gedeckt. Dieses russische Regime sieht sich seit zehn, 15 Jahren in einem Krieg mit dem Westen. Seither nähmen die Angriffe gegen die liberalen Demokratien zu.

«Я придерживаюсь мнения, что Украина должна иметь такую возможность», — говорит эксперт по Восточной Европе Сабина Фишер. — Это предусмотрено международным правом. Этот российский режим видел себя в войне с Западом в течение десяти, 15 лет. С тех пор нападки на либеральные демократии усилились».

Die Ukraine steht in einem heißen Krieg, sagt Fischer, es handelt sich um eine systemische Bedrohung. Als „totale Illusion“ bezeichnet sie die Idee, der Krieg könne eingefroren werden. Das sei 2014 bis 2022 nicht gelungen und werde nun erst recht nicht gelingen¹.

«Украина находится в состоянии горячей войны, — говорит Фишер, — это системная угроза. Она описывает идею о том, что войну можно заморозить, как «полную иллюзию». Это не принесло успеха в период с 2014 по 2022 год и, конечно же, не будет успешным сейчас».

Адресант приведенного высказывания в своей речи использует лексемы *Krieg* (война), *Regime* (режим), *die Angriffe* (атаки, нападки), *Bedrohung* (угроза). Автор недвусмысленно дает понять, кто есть кто с позиции европейских стран, тем самым снимая трудности интерпретаций. Данные слоты сферы-источника служат базисом для создания понятийной системы сферы наведения порядка и установления мира через поставки еще большего количества вооружения и техники Украине. Таким образом, концепция милитаризации парадоксально служит средством достижения заявленной цели — мира. Стоит также обратить внимание, что автор активно метафоризирует компоненты сферы-источника, создавая образ врага: *mit dem Westen* (война с Западом), *russische Regime* (российский режим), *die Angriffe gegen die liberalen Demokratien* (нападки на либеральные демократии), *heißer Krieg* (горячая война), *systemische Bedrohung* (систематическая угроза). В высказывании эксперта на подтекстовом уровне прослеживается бинарная оппозиция «свой/чужой» с целью манипулирования.

Рассмотрим выдержки из интервью еще одного яркого политика современной Германии —

¹ Gabriel für westliche Waffen gegen Russland. URL: <https://www.zdf.de/nachrichten/politik/deutschland/maybrit-illner-gabriel-waffenlieferung-ukraine-100.html> (дата обращения: 12.06.2024).

Сары Вагенкнехт. Сара — видный политический деятель Германии, в прошлом — депутат Европейского парламента, председатель парламентской фракции Лево́й партии. На данном этапе она является лидером объединения «Союз Сары Вагенкнехт», а также основным конкурентом партии «Альтернатива для Германии». Политическая риторика Сары Вагенкнехт отличается четкостью, аргументированностью, выразительностью, иногда экспрессивностью.

Так, отвечая на вопрос по теме социальной и миграционной политики, Сара прибегает к использованию выразительных средств:

Ist das für Sie ein Kulturkampf? Oder sind es eher die politisch Rechten, die einen Kulturkampf gegen die liberale Demokratie führen?

Для вас это культурная война? Или это правые политические силы ведут культурную войну против либеральной демократии?

Ich halte den Begriff Kulturkampf nicht für angemessen, weil es ja nicht nur um kulturelle, sondern auch um soziale Probleme geht. Klar, jeder soll reden, wie er will — wenn jemand das Gender-Gestotter mitmachen möchte, bitte. Aber diese Sprache ist natürlich auch ein Distinktionsmerkmal, mit dem eine privilegierte Elite sich vom «dummen» Volk abgrenzt. Bei Themen wie Zuwanderung ist die soziale Dimension noch offensichtlicher. Natürlich kann Zuwanderung bereichernd sein. Aber wenn sie eine Größenordnung erreicht, die ein Land überfordert, dann sind es vor allem die ärmeren Teile der Bevölkerung, die darunter leiden².

Я не думаю, что термин «культурная война» уместен, поскольку речь идет не только о культурных проблемах, но и о социальных проблемах. Конечно, каждый должен говорить так, как хочет — если кто-то хочет присоединиться к гендерному заиканию, пожалуйста. Но этот язык, конечно, также является отличительной чертой, которую использует привилегированная элита, чтобы отличить себя от «глупых» людей. Когда дело доходит до таких вопросов, как иммиграция, социальный аспект становится еще более очевидным. Конечно, иммиграция может принести пользу. Но когда он достигает уровня, который подавляет страну, страдают в первую очередь беднейшие слои населения.

Здесь мы можем наблюдать пересечение сфер-источников антропоморфной (*Gestotter* —

заикание, leiden — *страдать*) и социоморфной метафорической модели (*Kulturkampf* — *культурная война, die politisch Rechten* — *правые политические силы, überfordern* — *подавлять*). Сара Вагенкнехт является оппозиционным политиком, критикующим власть и конкурентов. Ее речь должна быть понятной для избирателя, простого народа. В то же время выступления политика должны изобличать серьезные ошибки условного врага, которые могут привести к далеко идущим последствиям. Следовательно, формируются концептуальные бинарные оппозиции, цель которых — привлечение на свою сторону. Например, *die politisch Rechten* (*правые политические силы*) — *die liberale Demokratie* (*либеральная демократия*), *eine privilegierte Elite* (*привилегированная элита*) — *dummes Volk/die ärmeren Teile der Bevölkerung* (*глупый народ, беднейшие слои населения*). Антропоморфная метафора доступна реципиенту, а социоморфная метафорическая модель является самой распространенной в политическом дискурсе. Эти факторы обуславливают манипулятивный потенциал данных метафорических моделей.

Еще одной часто встречаемой метафорической моделью в политическом дискурсе Германии является природоморфная метафора. Она достаточно широко представлена в заявлениях, коммюнике, выступлениях различных политических сил. Суть природоморфной метафоры лежит в ее связи с живой и неживой природой. Сферами-источниками могут быть «стихийные бедствия», «животный мир», «мир растений». Сферами-мишенями могут выступать «политика Евросоюза», «миграционная политика», «ковид», «санкции» и т. д.

Рассмотрим применение природоморфной метафорической модели в заявлении члена партии «Альтернатива для Германии» Штефана Эвальда:

Der überzeugte Europäer ist ein Einhorn, das nur regelmäßig in Brüssel gesichtet wird.

Убежденный европеец — это единорог, которого регулярно можно увидеть только в Брюсселе.

Es ist eine Sache, seine ordoliberalen Prinzipien von der Kanzel des akademischen Elfenbeinturms zu predigen und eine ganz andere Sache, als Bundestagsabgeordneter (dem Gemeinwohl verpflichtet!) den deutschen Privatsektor wegen dieser ordoliberalen Prinzipien abschmieren zu lassen³.

² Sahra Wagenknecht: «Die Ampelkoalition befasst sich ständig mit Nebenkriegsschauplätzen». URL: <https://www.nzz.ch/international/sahra-wagenknecht-im-interview-afd-partiegruendung-und-ukraine-krieg-ld.1754898> (дата обращения: 13.06.2024).

³ Als Linker zur „Alternative für Deutschland“? Ein Interview mit @StephanEwald. URL: <https://www.deliberationdaily.de/2013/05/als-linker-zur-alternative-fur-deutschland-ein-interview-mit-stephanewald/Diewald> (дата обращения: 16.06.2024).

Одно дело проповедовать свои ордолиберальные принципы с академической кафедры из слоновой кости, и совсем другое дело, будучи членом Бундестага (преданным общему благу!), позволить опорочить немецкий частный сектор из-за этих ордолиберальных принципов.

В приведенных выше высказываниях встречаются лексемы «*Einhorn*» (единорог) и «*Elfenbeinturm*» (академическая кафедра из слоновой кости). Их можно отнести к зооморфному компоненту природоморфной метафорической модели. В первом случае речь Штефана Эвальда содержит сарказм относительно европейской валютной политики. Он критикует текущее положение дел, выступает против политики глобализации. Поэтому и метафоризирует европейца посредством единорога, а единорог — мифическое животное. То есть его высказывание сводится к тому, что убежденные европейцы находятся в меньшинстве.

Во втором случае, критикуя чрезмерно либеральные взгляды оппонентов относительно налоговой модели государства, автор прибегает к описанию академической кафедры посредством качества материала — слоновая кость. Известно, что изделия из слоновой кости достаточно дорогие. Тем самым Штефан Эвальд демонстрирует оторванность политических оппонентов от реалий жизни, социальную дистанцию между ними и простым народом.

Еще один вариант применения природоморфной метафоры рассмотрим на выдержке из интервью самого молодого депутата фракции «Альтернатива для Германии» Маркуса Фронмайера:

*Ich glaube, der Bundestag muss wieder lernen, damit umzugehen, dass sich neue politische Strömungen bilden*⁴.

Я считаю, что Бундестаг должен снова научиться справляться с тем фактом, что формируются новые политические течения.

Здесь элементом природоморфной метафоры является слово *Strömungen* — течения. Сферы-источники «наводнения», «стихийные бедствия» нередко встречаются в политической коммуникации немецких политиков, особенно, когда описываются ситуации с беженцами (*Migrantenstrom* — поток мигрантов, *Integrationsdesaster* — интеграционная катастрофа).

Mir geht das Herz auf, wenn man sieht, wie sehr es gelungen ist, über viele Jahrzehnte für das zu sorgen,

⁴ Heute wird wieder mehr gestritten. URL: <https://www.mitmischen.de/archiv/heute-wird-wieder-mehr-gestritten> (дата обращения: 17.06.2024).

*was Willy Brandt einmal den blauen Himmel über der Ruhr genannt hat. Ein Industrieland, das seine Veränderung hingekriegt hat. Wo es jetzt auch wieder saubere Flüsse und saubere Luft gibt*⁵.

Мое сердце переполнено счастьем, когда вы видите, как много удалось сделать за многие десятилетия, чтобы обеспечить то, что Вилли Брандт однажды назвал голубым небом над Руром. Развитая страна, которая добилась перемен. Где теперь снова чистые реки и чистый воздух.

Данное высказывание Олафа Шольца является полностью позитивно маркированным. Здесь речь идет о внутренней политике Германии, значит, есть необходимость свою риторику эксплицитно приукрасить, сделав акцент на модной для предвыборной кампании Шольца экологической повестке. Положительное восприятие аудитории обеспечивается применением сфер-источников антропоморфной и природоморфной метафорических моделей. Природоморфную метафору реализуют словосочетания *der blaue Himmel/голубое небо, saubere Flüsse/чистые реки, saubere Luft/чистый воздух*, антропоморфную — выражения *mir geht das Herz auf/мое сердце переполняется счастьем, man sieht/вы видите*. Ассоциативность и образность приведенной выше цитаты создает у адресата красочную, эмоционально насыщенную картинку благоденствия. Германия представлена экономически мощной, экологически чистой, промышленной, успешной, богатой страной, которая готова ко всем изменениям и уверенно смотрит в будущее.

Выводы

Итак, концептуальная метафора в текстах политического дискурса — инструмент языковой манипуляции, способствующий взаимодействию между политиком, его речью и реципиентом как потенциальным сторонником и последователем [12, с. 71].

В статье были рассмотрены политические высказывания, коррелирующие с тремя метафорическими моделями — антропоморфной, социоморфной, природоморфной. Данную тему можно привлечь для дальнейших исследований, задействовав выступления других политиков и политических партий. Также к анализу можно привлечь и иные метафорические модели, что и определяет значимость исследования.

⁵ Bundeskanzler Scholz im WDR-Interview: „Es geht um das, was wir wirklich tun“. URL <https://www1.wdr.de/nachrichten/landespolitik/landtagswahl-2022/olaf-scholz-interview-wdr-100.html> (дата обращения: 27.06.2024).

Обобщая вышеизложенное, следует сказать, что когнитивная метафора играет значительную роль в политическом дискурсе, поскольку выступает действенным механизмом манипулирования сознанием реципиентов. Она способна изменить имеющиеся политические взгляды

и сформировать политическую картину мира, актуальную для оратора. Благодаря разнообразным сферам-источникам когнитивная метафора делает политическую риторику более простой, понятной для восприятия, выразительной и экспрессивной.

Список источников

1. Акимцева Ю. В. Лocus концептуальной метафоры // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. С. 21–24.
2. Аристотель. Поэтика. / Аристотель. Сочинения: в 4-х т. / пер. с древнегреч. Т. 4. М.: Мысль, 1984. С. 6–33.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: «Языки русской культуры», 1999. 896 с.
4. Баранов А. Н. Дескрипторная теория метафоры. М.: Языки славянской культуры, 2014. 632 с.
5. Баранов А. Н. Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учебное пособие / отв. ред. М. Н. Володина. М.: Изд-во МГУ, 2003. С. 134–140.
6. Караулов Ю. Н., Петров В. В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. 312 с.
7. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: Лингвистика — психология — когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 34–47.
8. Кубрякова Е. С. О термине «дискурс» и стоящей за ним структуре знания // Язык. Личность. Текст: Сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой. М., 2005. С. 23–34.
9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ.; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
10. Медведева Т. С., Казакова В. Е. Концептуальная метафора в немецком политическом дискурсе как отражение миграционных процессов (на материале текстов официальных заявлений партии «Альтернатива для Германии») // Многоязычие в образовательном пространстве. Удмуртский государственный университет. Ижевск, 2020. 172 с.
11. Ницше Ф. Об истине и лжи во вненравственном смысле (1873) / Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13-ти т. М., 2007. Т. 1. Ч. 2. С. 434–449.
12. Скоробогатова Л. В. Концептуальная метафора в политическом дискурсе: проблемы перевода // Проблемы коммуникации в эпоху глобализации. Вестник ВолГУ. 2017. Серия 9. Вып. 15. С. 69–72.
13. Теория метафоры: сб. / пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.: вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. 512 с.
14. Чудинов А. П. Очерки по современной метафорологии: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2013. 176 с.
15. Jaynes J. The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind / A Mariner Book Houghton Mifflin Company. Boston N. Y., 2000. P. 84–100.

References

1. Akimtseva YuV. Locus kontseptualnoy metafory = The locus of conceptual metaphor. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological sciences. Issues of theory and practice. Tambov. 2015. Pp. 21-24. (in Russ.).
2. Aristotel. The Poetics of Aristotle. Moscow. 1984. pp. 224 p. (in Russ.).
3. Arutyunova ND. Yazyk i mir cheloveka = The language and the human world. Yazyki russkoy kultury = Languages of Russian culture. Moscow. 1999. 896 p. (in Russ.).
4. Baranov AN. Deskriptornaya teoriya metafory = Descriptive theory of metaphor. Yazyki slavyanskoy kultury = Languages of Slavic culture. Moscow. 2014. 632 p. (in Russ.).
5. Baranov AN. Politicheskaya metaforika publitsisticheskogo teksta: vozmozhnosti lingvisticheskogo monitoring = Political metaphor of a journalistic text: possibilities of linguistic monitoring. Yazyk SMI kak obekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniya: uchebnoe posobie = Media language as an object of interdisciplinary research: a textbook. Moscow. 2003. 140 p. (in Russ.).

6. Karaulov YuN, Petrov VV. Ot grammatiki teksta k kognitivnoy teorii diskursa = From text grammar to the cognitive theory of discourse. Deyk T.A. van. Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya = Dijk T.A. van. Language. Cognition. Communication. Moscow. 1989. 312 p. (in Russ.).

7. Kubryakova ES. Nachalne etapy stanovleniya kognitivizma: Lingvistika – psikhologiya – kognitivnaya nauka = The initial stages of formation of cognitivism: linguistics-psychology-cognitive science. *Voprosy yazykoznaniya = Issues of linguistics*. 1994(4):34-47. (in Russ.).

8. Kubryakova ES. O termine «diskurs» i stoyashchey za nim strukture znaniya = About the term discourse and the structure of knowledge behind it. Yazyk. Lichnost. Tekst = Language. Personality. Text. Moscow. 2005. Pp. 23-34. (in Russ.).

9. Lakoff Dzh, Dzhonson M. Metafory, kotorymi my zhivem = Metaphors we live by. Moscow. 2004. 256 p. (in Russ.).

10. Medvedeva TS, Kazakova VE. Kontseptualnaya metafora v nemetskom politicheskom diskurse kak otrazhenie migratsionnykh protsessov (na materiale tekstov ofitsialnykh zayavleniy partii «Alternativa dlya Germanii») = A conceptual metaphor in German political discourse as a reflection of migration processes (based on the texts of the official statements of the party “Alternative for Germany”). *Mnogoyazychie v obrazovatel'nom prostranstve = Multilingualism in the educational space*. Izhevsk. 2020. 172 p. (in Russ.).

11. Nitshe F. Ob istine i lzhi vo vnenravstvennom smysle = On Truth and Lies in a Nonmoral Sense. Moscow. 2007. 449 p. (in Russ.).

12. Skorobogatova LV. Kontseptualnaya metafora v politicheskom diskurse: problemy perevoda = Conceptual metaphor in political discourse: problems of translation. *Problemy kommunikatsii v epokhu globalizatsii = Communication problems in the era of globalization*. 2017;9(15):69-72. (in Russ.).

13. Teoriya metafory = Theory of metaphor. Moscow. 1990. 512 p. (in Russ.).

14. Chudinov AP. Ocherki po sovremennoy metaforologii = Essays on modern metaphorology. Ekaterinburg. 2013. 176 p. (in Russ.).

15. Jaynes J. The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind. A Mariner Book Houghton Mifflin Company. Boston. N. Y. 2000. 100 p.

Информация об авторе

О. В. Мифтахова — старший преподаватель кафедры романо-германской филологии.

Information about the author

O. V. Miftakhova — Senior lecturer of the Department of Romanic and Germanic Philology.

Статья поступила в редакцию 05.02.2024; одобрена после рецензирования 08.04.2024; принята к публикации 20.12.2024.

The article was submitted 05.02.2024; approved after reviewing 08.04.2024; accepted for publication 20.12.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81`371

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-92-99

ГЛУБИННЫЕ СМЫСЛЫ КОНЦЕПТА-КОЛОРАТИВА *ГОЛУБОЙ* В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА В. В. ЛИЧУТИНА

Марина Васильевна Румянцева

Тюменский государственный медицинский университет, Тюмень, Россия, m.rumyanzewa@rambler.ru, 0000-0002-7949-8360

Аннотация. Статья посвящена исследованию когнитивной категории цвета. Отмечается, что колоративы всегда антропоцентричны, аксиологичны, национально и культурно ориентированы. Изучение алгоритма смыслопорождения через моделирование ментальных пространств метафорически переосмысленных колоративов является на сегодняшний день актуальной задачей когнитологов. Колоративы рассматриваются как интерпретирующие концепты. Они представляют собой единицы нового знания, существующие в рамках индивидуально-авторской концептуальной системы, но сформированные в результате интерпретации исторического опыта общества. Утверждается, что именно эти концепты нужно рассматривать как художественные, так как они образуют художественную картину мира писателя. Под художественной картиной мира понимается мир бытия, выраженный в конкретно-чувственных мифопоэтических образах. Целью исследования стали описание номинативных связей концепта-колоратива *голубой* и выявление его глубинных смыслов в художественной картине мира писателя-современника В. В. Личутина, что позволяет расширить понимание значений концепта-колоратива *голубой* в русской художественной словесной культуре. Эмпирической базой исследования избраны лучшие художественные произведения В. В. Личутина. Основными методами исследования были метод когнитивно-герменевтического анализа концептосферы художественного текста, метод концептуального анализа и метод концептуального моделирования. В качестве дополнительных использовались этимологический и описательный методы. В ходе этимологического анализа выявлено, что семантика слова *голубой* соотносится с семой движения вверх к зоне неба. Описаны дополнительные образно-символические и эмоционально-оценочные значения концепта-колоратива *голубой*. Его основная сема «верх /небо / небесный свет» в художественной картине мира В. В. Личутина тесно соотносится с коннотациями «горный мир» и «свой», отражая мифологическое и религиозное мировоззрение автора. *Голубой* становится символом просветленности, кротости и смирения — высших христианских добродетелей, которые причисляются к ярчайшим архетипам русской этнической культуры. Сделан вывод, что исследование концептов в индивидуально-авторской картине мира обнаруживает множество смыслообразующих пластов, отображающих историю развития народа, базовые ценности национальной культуры и особенности национального духа.

Ключевые слова: концепт, колоратив, голубой, художественный концепт, художественная картина мира, В. В. Личутин

Для цитирования: Румянцева М. В. Глубинные смыслы концепта-колоратива *голубой* в художественной картине мира В. В. Личутина. // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 5 (499). С. 92–99. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-92-99.

Original article

THE DEEP MEANINGS OF THE COLOR CONCEPT *BLUE* IN THE ARTISTIC PICTURE OF V. V. LICHUTIN'S WORLD

Marina V. Rumyantseva

Tyumen State Medical University, Tyumen, Russia, m.rumyanzewa@rambler.ru, 0000-0002-7949-8360

Abstract. The article is devoted to the study of the cognitive category of color. It is noted that color designations are always anthropocentric, axiological, nationally and culturally oriented. The study of the algorithm of meaning generation through the modeling of mental spaces of metaphorically rethought color designations is today the ur-

gent task of linguists. Color designations are seen as interpretive concepts. They are units of new knowledge that exist within the framework of an individual-author conceptual system, but formed as a result of the interpretation of the historical experience of society. It is argued that it is these concepts that should be considered as artistic, the way they form an artistic picture of the writer's world. The artistic picture of the world is understood as the world of being, expressed in concrete sensual mythopoietic images. The purpose of this particular article is to describe the nominative connections of the concept color *blue* and to identify its deep meanings in the artistic picture of the world of contemporary writer V. V. Lichutin, which allows you to expand your understanding of the meanings of the concept color *blue* in Russian artistic verbal culture. The empirical basis of the study is the best works of art by V. V. Lichutin. The main research methods were the method of cognitive hermeneutic analysis of the conceptual sphere of the artistic text, the method of conceptual analysis and the method of conceptual modeling. Etymological and descriptive methods were used as complementary. In the course of etymological analysis, it was revealed that the semantics of the word *blue* correlates with the semen of upward movement to the sky zone. Additional figurative-symbolic and emotional-evaluative meanings of the concept color blue are described. His main meaning «top / sky / heavenly light» in the artistic picture of the world V. V. Lichutin closely correlates with the connotations of «mountain world» and «own», reflecting the mythological and religious worldview of the author. *Blue* becomes a symbol of enlightenment, meekness and humility — the highest virtues of Christianity, which are ranked among the brightest archetypes of Russian ethnic culture. It was concluded that the study of concepts in the individual author's picture of the world reveals many meaning-forming layers that reflect the history of the development of the people, the basic values of national culture and the peculiarities of the national spirit.

Keywords: concept, color designation, blue, artistic concept, artistic picture of the world, V. V. Lichutin

For citation: Rumyantseva MV. The Deep Meanings of the Concept Color *Blue* in the Artistic Picture of the World V. V. Lichutin. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(5(499):92-99. (In Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-92-99.

Введение

В настоящее время лексико-семантическая группа колоративов находится в центре пристального внимания лингвистов-когнитологов и лингвокультурологов, занимающихся проблемами концептуализации и категоризации в языке знаний человека о мире. Из целого ряда синонимов, используемых в современной лингвистике для обозначения слов и выражений со значением цвета (имя цвета, термин цвета, цветовая лексема, цветоименование, цветообозначение, колоратив и др.), мы выбираем термин «колоратив». Он чаще употребим в исследовании цветописи художественных произведений, и понимать под ним мы будем языковую или речевую единицу, чей корневой морф семантически или этимологически связан с цветоименованием.

Актуальным на сегодняшний день является изучение алгоритма смыслопорождения через моделирование ментальных пространств, метафорически переосмысленных колоративов. Цвет является важной когнитивной категорией, которой присущи антропоцентричность и яркая национально-культурная специфика [12, с. 8]. Кроме того, колоративы обладают высокой степенью аксиологичности, т. е. они служат не только для описания объектов окружающего мира, но и добавляют к выделенным характеристикам дополнительные оценочные смыслы, такие как интенсификация признака, положительная или

отрицательная оценка [4, с. 20–21]. Концепты-колоративы, на наш взгляд, следует относить к интерпретирующим концептам, которые Н. Н. Болдырев определяет как «единицы нового знания, формируемые на основе интерпретации коллективных знаний о мире в рамках индивидуальной концептуальной системы отдельного человека» [5, с. 24]. Такие концепты могут называться художественными и образуют художественную картину мира писателя. Под художественной картиной мира ученые понимают мир бытия, выраженный в конкретно-чувственных мифопоэтических образах [14]. В этом контексте о концепте можно говорить как о «глубинном смысле, изначально максимально и абсолютно свернутой смысловой структуре текста, являющейся воплощением мотива, интенций автора, приведших к порождению текста» [11, с. 202].

Колоратив *голубой* часто выступает объектом изучения. Научные труды отличаются разноплановостью исследований: ведутся споры по этимологии колоратива, уточняется его функциональная семантика [6, 16], производятся попытки проникнуть в дополнительные смыслы колоратива в русской языковой культуре [7, 9, 17], колоратив рассматривается в сопоставительном аспекте разных языков [1, 10]. Цель нашего исследования заключается в описании номинативных связей концепта-колоратива *голубой* и выявлении его глубинных смыслов в художественной картине мира В. В. Личутина. Научная значимость работы

состоит в расширении понимания значений концепта-колоратива *голубой* в русской художественной словесной культуре.

Материалы и методы исследования

Исследование выполнено на материале художественных произведений русского писателя Владимира Владимировича Личутина (Собрание сочинений в 12-и томах). Исследование осуществлялось посредством целого комплекса методов, среди которых метод когнитивно-герменевтического анализа концептосферы художественного текста, метод концептуального анализа и метод концептуального моделирования, позволяющий интерпретировать базовые семантические признаки в сознании носителей языковой картины мира. В качестве дополнительных использовались этимологический и описательный методы.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ художественных произведений показал, что номинативное поле концепта-колоратива *голубой* в творчестве В. В. Личутина составляют следующие лексемы: имена прилагательные *голубой, голубенький, голубоватый, подголубленный, приголубленный, лазоревый, светло-голубой, бледно-голубой, блекло-голубой, иссеро-голубой, голубоглазый*; имена существительные *голубизна, голубень, лазурь*; наречия *изголуба, сголуба*; причастие *голубеющий*; глаголы *голубеть, заголубеть, заголубиться*; сравнительные конструкции *небесный, небесно-голубой, незабудковый, васильковый, как полевые васильки, как фарфоровые блюда из Гжели*.

Ученые отмечают, что колоратив *голубой* обнаруживается во всех славянских языках, имеет общеславянскую природу, что свидетельствует о его древности. В попытках интерпретировать этимологию этого цветообозначения наблюдаются противоречащие друг другу мнения. Так, М. Фасмер связывает цветообозначение *голубой* с птицей *голубем*, но не может объяснить, что из этих слов первично¹. В. Е. Моисеенко, выступая с критикой М. Фасмера и опираясь на труды многих исследователей славянских языков, утверждает, что колоратив *голубой* происходит от *голубя* [16, с. 226]. Сомнение П. Я. Черных относительно «неточного соответствия по цветовому значению производного *голубой* от производящего *голубь* (поскольку голубых голубей как будто не бывает) ср.: голубой — иногда

то же, что серый)»², остается неуслышанным. А что делать, если голубь белый или коричневый? Наряду с данной неубедительной, ничего не объясняющей точкой зрения существуют робкие предположения о семантической связи колоратива *голубой* с лексемами *глубина, глубь, глубокий*. Полагаем, что на этой версии стоит остановиться подробнее.

Согласно Этимологическому словарю, «существительное *глоубина* унаследовано из праславянского лексического фонда (праслав. **glōbina*) и является производным с суффиксом *-ina* от прилагательного **glōb(окъ)*»³. Исследования И. И. Макеевой доказывают, что в результате многоступенчатых семантических преобразований слово *глоубина* стало обозначать понятия с полярной семантикой, а именно, вертикаль верх/низ [13, с. 192]. Этот факт объясняет многие нюансы словарной статьи В. И. Даля, толкующей лексему *голубой* и однокоренные ей слова. Например, становится понятно, почему качели с их движениями вверх и вниз назывались *голубель* («*Голубель* ж. арх. качуля, качель, качели, а голубаться, качаться на качелях»), она же колыбель. Проясняется употребление лексемы *голубец* (он же *голбец*) в значении перехода на разные уровни избы («*Голубец*: деревянная приделка к печи, с лазом на полати, со сходом в подполье или в подпечек») или в значении перехода в иной мир («*Голубец* м. могильный памятник, срубом, с крышей, будкой, домиком; крест с кровелькой»). Очевидно, что существительное *голубец* в наименовании резвого, бодрого коня не имеет ничего общего с цветом, а отмечает способность коня высоко скакать. Та же семантика заложена в названии танца «*Голубец*», основными элементами которого являются высокие подскоки — *голубцы*⁴. Что касается голубя или упомянутого М. Фасмером лит. *gulbė* — «лебедь»⁵, то эти птицы в мифологическом представлении многих славянских народов считаются посланниками Горнего мира Богов.

² Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Изд. «Русский язык», 1999. С. 201.

³ Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева. Вып. 6. М., 1979. С. 140–141.

⁴ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 ч. Ч. 1. А-З. М.: Изд. общ-ва любителей Российской словесности, 1863. С. 327-328 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_02000000554/ (дата обращения: 13.01.2025).

⁵ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачев. 2-е изд., стереотип. Т. 1. М.: Прогресс, 1996. С. 432–433.

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачев. 2-е изд., стереотип. Т. 1. М.: Прогресс, 1996. С. 432–433.

Становится понятно, что лексема *голубой* в ранних своих значениях не являлась колоративом, а употреблялась в значении *глубокий*, т. е. обозначала движение по вертикали. Возникает вопрос: какое значение было первичным — вверх или вниз? И. И. Макеева считает, что вниз, потому что в приводимых ею примерах оно встречается чаще [13, с. 192]. Попробуем ответить на вопрос, разложив слово *голуб(ой)* на протослоги, которые в слоговом праязыке многих современных языков составляли целые слова-предложения, несли большую семантическую нагрузку и участвовали в создании «смысловой вибрационно-энергетической фонетической основы языка, ныне утраченной или утрачиваемой» [15]. Если отбросить современное окончание, остаются слоги *-г(о/а)-* и *-л(у/о)б(н)-*. Учтем, что основная смысловая нагрузка лежит на согласных, гласные же могут варьироваться. Как уже установлено, протослог *-г(о/а)-* означает движение и насыщает объекты качествами жизни, света, огня (например, *но-га, белу-га, го-ра*) [15]. Слог *-л(у/о)б-* существует сегодня как два самостоятельных слова *луб(н)* — «подкорье, исподняя кора, покрывающая блонь»⁶, (ср. *скорлупа, облупить*) и *лоб* — «чело, надбровье; часть головы, лица, между висков, от бровей до предела волос и выше»⁷. В словаре В. И. Даля *лоб* имеет некоторые дополнительные семы: «Лбина, лобовина ж. (лбина м. лбища, увелич.) верх или свод лба, самая выпуклость, округлая возвышенность; || выпуклость, округлость в виде лба. Лобач м. новг. крутая гора, подъем. Лбище ср. (лбища м. увелич. лоб) волжск. гористый, обрубистый, крутой мыс; отвесный, крутой берег, выдавшаяся скала. Лобное место, возвышенность, холм, курган, сопка»⁸. Отметим общие семы: 1. твердая оболочка, прикрывающая собой другие ткани, 2. выпуклость, округлость и 3. верх. Итак, семантика слова голубой соотносится с движением вверх к выпуклой округлой оболочке, к своду, которым для человека является не что иное, как небо. Значит, *голубой* — это цвет или свет неба. Проведенный нами анализ номинативного поля

⁶ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 ч. Ч. 2. И-О. М.: Изд. общ-ва любителей Российской словесности, 1863. С. 226. URL: <https://www.prlib.ru/item/798023> (дата обращения: 13.01.2025).

⁷ Там же. С. 216–217.

⁸ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 ч. Ч. 2. И-О. М.: Изд. общ-ва любителей Российской словесности, 1863. С. 216–217. URL: <https://www.prlib.ru/item/798023> (дата обращения: 13.01.2025).

концепта-колоратива *голубой* в художественной картине мира В. В. Личутина полностью подтверждает наши этимологические изыскания.

Рассмотрим подробно найденные нами дополнительные смыслы колоратива *голубой*.

Верх. В анализируемых текстах семантика слова голубой наиболее часто соотносится с зоной «верх», о чем свидетельствуют проксеммы *верх, небо, небеса, небесный, высоко, ввысь*: *Это и был Верх, куда стремился всякий русский, чтобы глянуть хоть одним глазком. Хитров опустил заслезиившийся от голубого сияния взгляд*⁹. Известно, что пространство над землей в мифологической картине мира славян воспринимается как водное пространство (океан-море) [2. С. 73–74], поэтому с зоной «верх» вполне логично связаны лексемы, соотносимые с семой «вода», например, *утекать, наливать, проталины, иордань, купаться, дно: Чайки купаются в прохладной небесной голубени*¹⁰. Движение в вертикальной плоскости (вверх/вниз) четко зафиксировано в языковой картине мира В.В. Личутина: *<...> колокольный радостный воп ещё струился в голубой небесной полынье, утекая ввысь и вновь возвращаясь оттуда*¹¹. Значение вертикали фиксируют также глаголы *стоять, воспарять, стекать*: *<...> человечья душа, примериваясь воспарить, невольно взглядывает в приголубленные осиянные глубины, пока лишь мысленно порывая с утомленной плотью*¹². Кроме того, голубой цвет ассоциируется у В. В. Личутина с волей, русскими просторами: *Воля залита перламутровым задумчивым светом, отдающим на взгорках слабой голубенью*¹³. Таким образом, голубой, являясь цветом небосвода, символизирует у В. В. Личутина всё, что связано с семой «верх»: небо, движение вверх/вниз, простор, волю.

Горний мир. По мифологическим и религиозным представлениям, небо отделяет место пребывания богов (Горний мир) от мира людей, поэтому голубой цвет, т. е. цвет неба, естественно определяет границу между сонмом Богов и людьми: *Сверкающий небесный луч голубым мечом разрубил скрытню наполю, и в дальнем кон-*

⁹ Личутин В. В. Раскол: Роман в 3-х кн. Кн. I. Венчание на царство. М.: Издательство ИТРК, 2008. 448 с.

¹⁰ Личутин В. В. Раскол: Роман в 3-х кн. Кн. III. Вознесение. М.: Издательство ИТРК, 2008. 672 с.

¹¹ Личутин В. В. Скитальцы: исторический роман. Москва: ИТРК, 2003. 848 с.

¹² Личутин В. В. Раскол: Роман в 3-х кн. Кн. III. Вознесение.

¹³ Личутин В. В. Миледи Ротман. М.: ИТРК, 2001. 416 с.

це светящегося столба, упирающегося в небесные тверди, разглядел юродивый сидящих на стульцах трех светлообразных мужей. И открылась Феодору истина Святой Троицы¹⁴. Голубой цвет в христианстве — это цвет бесплотных сил небесного воинства: Несутся отовсюду ангельские хоры, и по райскому лугу до самого окоема разлилась голубень васильков¹⁵. Голубой считается цветом Богородицы. Верующие воспринимают её как избранный сосуд благодати Духа Святого и воспевают как Честнейшую Херувим и Славнейшую без сравнения Серафим. Праздники Приснодевы знаменуются голубым цветом облачения священнослужителей, что символизирует духоносность, небесную чистоту и непорочность Богоматери. У В. В. Личутина в голубом цвете представлен и праздник Рождества Христова: Христос родился от Девы Пречистой в небесных яслях <...> Потому все в этот вечер смотрят над собою, затаив дыхание, шарят взглядом по таинственным мирам. Вон-вон катится по крутосклону голубой шарик¹⁶. Для русского человека Пресвятая Богородица — это Заступница, Покровительница русской земли, спасающая от бед и покрывающая своим омофором. Отсюда восприятие голубого как цвета небесного покровительства: Удивительно нежный голубоватый призрачный свет лился в окно, дополняя тишину утренней избы тем особым чувством покоя, от которого млеет душа и внезапно уносится в детство. Наверное, таким неопишуемым светом наполнен рай небесный¹⁷. Рай — невидимое человеку Царствие Небесное — часто описывается как место сияния ослепительного голубого пламени, которое в разных религиозных верованиях символизирует трансформацию, очищение и просветление души: С трудом разлепил глаза, васильковой голубизны пламя ударило в мутные зрачки и ослепило. «Где я, в каком царствии?» — подумалось беспомощно. — «И неуж рай?» — обрадовался <...>¹⁸. Душа, наличие которой является обязательным условием жизни тела, тоже представляется в голубом цвете: Эх, жизнь <...> она как пар. Выпорхнуло из жаркой пасти голубоватое облачко — и нет жизни¹⁹.

¹⁴ Личутин В. В. Раскол: Роман в 3-х кн. Кн. III. Вознесение.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Личутин В. В. Беглец из рая: роман. М.: Вече, 2017. 640 с.

¹⁷ Личутин В. В. В ожидании Бога: роман. М.: Вече, 2017. 752 с.

¹⁸ Личутин В. В. Последний колдун. М.: ИТРК, 2008. 688 с.

¹⁹ Личутин В. В. Раскол: Роман в 3-х кн. Кн. III. Вознесение.

В христианстве голубое пламя ассоциируется со Святым Духом и считается символом третьего глаза, духовного прозрение: Велика ли польня неба <...>, но этот голубой зрак, почасту затеняемый дождливой наволочью, есть заповеданный, незарастаемый путик к Господу для всякого вещего сердца²⁰. Голубое пламя ассоциируется с переходом в загробную жизнь, где душа предстает пред справедливым Божьим судом: <...> увидела васильковой голубизны прогалину в смоляной черни, а посреди неё внимательный Господний зрак <...> от перстов Христа вспыхивали голубые молоньи²¹. На Руси кладбищенские памятники (голубцы) и ограды часто выкрашиваются в голубой цвет, а кладбища называются голубыми городками: Не удалось Усану лечь в родную землицу, как мечталось, отплыть в голубой городок, откуда так хорошо видно любимую деревню²². Голубой, цвет запредельности и «того» света, выразительно напоминает живым о близости иного, потустороннего мира.

Итак, голубой цвет являет собой четкую границу, отделяющую мир божественный от мира земного. Согласно мифам, эту границу можно преодолеть по мосту (река Смородина) или в лодке перевозчика (река Стикс). Мотив сообщения между мирами посредством перевозчика находим в творчестве В. В. Личутина: А тут отец показался, напомнил о себе. Десять лет не снился <...> Стоит на берегу реки. Этот берег голый, каменистый, а другой — лазоревый, сияющий. Ну, я удивилась, спрашиваю батюшку: «Ты разве не там?» И показала на небо. А он сказал: «Здесь. Перевожу на ту сторону. Перевозчиком работаю»²³. Свободно пересекать границу миров способны ангелы, приобщенные к Божьему совершенству и призванные доносить его волю до людей: Белая накрахмаленная рубаха шелестела, испуская голубоватые сполохи. Аж глаза ломило от сияния. Вот будто ангел слетел с небес²⁴. Воплощением самого Бога либо небесными вестниками божественного мира считаются птицы: Пулонцы <...> веселой стайкой упали в угрюмое место с приголубленных небес,

²⁰ Личутин В. В. Раскол: Роман в 3-х кн. Кн. I. Венчание на царство.

²¹ Личутин В. В. Раскол: Роман в 3-х кн. Кн. II. Крестный путь. М.: Изд-во «Информпечать» ИТРК РСРП, 2000. 736 с.

²² Личутин В. В. Фармазон: Роман-хроника. М.: Вече, 1994. 575 с.

²³ Личутин В. В. Беглец из рая: роман. М.: Вече, 2017. 640 с.

²⁴ Личутин В. В. В ожидании Бога.

словно бы обнадеживающую весть принесли от сидящих в Горнем Иерусалиме²⁵. Символом Святого Духа, свободы и трансцендентности в христианстве стал голубь, несущий на крыльях прощания с небес: *Собор охнул, тайно вздрогнул, и тут будто сотни голубей слетели в придел с голубого церковного неба, с пригоршни Саваофа*²⁶. Так голубой цвет становится символом бесконечности неба, вечного мира и величия Бога.

Свой. По мнению Н. А. Бердяева, душа и характер русского народа формировались под влиянием двух главных составляющих: с одной стороны, это природа необъятной русской земли, безграничные русские просторы, с другой стороны, религиозная формация, определяемая православной церковью [3, с. 7]. Так, голубой цвет глаз, как и голубой цвет неба, становятся у В. В. Личутина символом Родины, признаком русского мира: *Мы белокожие и голубоглазые, как само русское небо в тихий благословенный день*²⁷. Согласимся с Л. А. Качаевой, что голубое может передавать уже не столько цвет, сколько чувство любви к Родине и чувство эмоциональной привязанности к ней [9, с. 23]. Голубые глаза по В. В. Личутину — это неотъемлемая часть внешности настоящего русского типа: *Рельефно слепленная голова с живыми голубыми глазами, белокурыми волосенками, — настоящий русский тип*²⁸. Этот признак внешности становится мериллом свой-чужой: *Лицом белы, важливы, глаза, будто сголуба <...> Будто наши, будто Русь*²⁹. Аналогичной чертой внешности в русской религиозной картине мира наделяется богочеловек Иисус Христос, что делает его своим, более близким и понятным для верующих: *У каждого христианина Христос свой. У русских он голубоглазый и русский*³⁰.

Сочетание в лексеме *голубой* двух дополнительных смыслов «русский» и «божественный» позволяет ей выполнять функцию оценочной категоризации предмета мысли. В творчестве В. В. Личутина герои — обладатели голубых глаз — наделяются следующими дополнительными оценочными характеристиками: *кроткий, ангель-*

ский, наивный, младенчески удивленный, ребячий, живой, добродушный, щедрый душой, ласковый, мечтательный, невинный, доверчивый, испуганно-томный, озорной, нежный, благостный, блаженный, радостный, смеющийся, смешливый, улыбочивый, пронзительный, простой, простодушный, нагой, чистый, искренний, откровенный, прозрачный, бездукавый, распахнутый, робеющий, смущенный, скромный, стеснительный, виноватящийся, беспомощный, монашеский, застенчиво-покорный. Для характеристики своих голубоглазых героев автор использует не только эпитеты-прилагательные, но также оценочные метафоры и фразеологические обороты: *Васильковой голубизны глаза <...> Своей простодушностью и младенческой доверчивостью вроде бы навсегда застрял Флавиан в юных годах, так и не выпав из детства. Про таких говорят: простодыра, туфак соломенный, святая простота, для всякого доброго дела открыт, а простота да чистота — половина спасения*³¹. Из примеров видно, что доминирующими коннотативными признаками концепта *голубой* являются не только «ласковый» и «нежный» [1], но и «простой», «наивный», «чистый», «кроткий». Все эти коннотации актуализируют учение Христа с двумя главными для русского человека добродетелями — кротостью и смирением. Страстно верующих (священников, монахов, юродивых) и младенцев, которым открыто больше, чем простым людям, В. В. Личутин изображает с голубым огнем (пламенем, искрами) в глазах: *Таких глаз, исполненных обжигающей васильковой голубизны он еще не встречал <...> это были крохотные раскаленные угольки, источающие голубой свет. Подобные глаза встречаются у белокурых русских младенцев и у блаженных*³². Такое трепетное отношение к смирению в православии, по мнению К. Касьяновой, — это реакция культурного сообщества на русский генотип. Смирение, будучи высочайшей христианской добродетелью, есть «один из ярчайших архетипов нашей этнической культуры» [8, с. 247].

Заключение

Проведенный анализ номинативных связей концепта-колоратива *голубой* позволил выявить спектр его дополнительных смыслов. В художественной картине мира В. В. Личутина исследуемый концепт закрепляет за собой пространственно

²⁵ Личутин В. В. Раскол: Роман в 3-х кн. Кн. III. Вознесение.

²⁶ Личутин В. В. Раскол: Роман в 3-х кн. Кн. II. Крестный путь.

²⁷ Личутин В. В. В ожидании Бога.

²⁸ Там же.

²⁹ Личутин В. В. Беглец из рая.

³⁰ Личутин В. В. В ожидании Бога.

³¹ Личутин В. В. Раскол: Роман в 3-х кн. Кн. III. Вознесение.

³² Личутин В. В. В ожидании Бога.

обусловленную коннотацию «верх / небо», которая логично объясняется глубинной этимологией прилагательного *голубой* — «небесный свет/цвет». Сема «небесный свет» в русской языковой картине мира тесно соотносится с коннотацией «горный мир». Согласно славянским мифам, в горнем мире живет сонм богов. С принятием христианства *голубой* становится цветом Святого Духа, Пресвятой Богородицы и Христа, т. е. цветом небесного покровительства, приобретая при этом символику чистоты, кротости, смирения. В. В. Личутин в своих произведениях изображает обладателей перечисленных добродетелей голубоглазыми. Они идентифицируются в нашей лингвокультуре как свои, т. е. русские, так как смирение, по К. Касьяновой, — один из самых древних способов существования русского

человека [10, с. 116]. Так колоратив *голубой* приобретает коннотацию «свой».

Таким образом, концепт *голубой* наряду с прямым цветообозначением имеет дополнительные образно-символические и эмоционально-оценочные значения. Смысловая многозначность исследуемого концепта объясняется естественной эволюцией русской языковой картины мира, свое влияние на которую оказывают своеобразие природного ландшафта, мифологические взгляды, религиозные верования и весь уникальный общественно-исторический опыт нашего народа. В ходе исследования стало возможным выявить в сугубо авторской художественной картине мира множество смыслообразующих пластов, особенности национального духа народа, а также некоторые базовые ценности национальной культуры.

Список источников

1. Алимпиева Р. В. Синонимический микроряд *синий* — *голубой* в сопоставлении с польским *blekitny* — *niebieski* (к проблеме семантической эволюции лексических эквивалентов родственных языков) / Семантика слова в диахронии // Межвуз. темат. сб. науч. тр. Калинингр. гос. ун-т. Калининград, 1987. С. 92-99.
2. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. 4-е изд. М.: Акад.проект, 2021. Т. II. 462 с.
3. Бердяев Н. А. Национальность и человечество // Судьба России. М., 1918. С. 93–101.
4. Болдырев Н. Н. Интерпретация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 20-21.
5. Болдырев Н. Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10–20.
6. Василевич А. П. Этимология цветообозначений как зеркало национально-культурного сознания // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ. М.: КомКнига, 2016. 320 с.
7. Герасименко И.А. Смысловое наполнение цветообозначения *голубой* // Вестник РУДН, серия Русский и иностранный языки и методика их преподавания. 2008. № 1. С. 37-43.
8. Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики, 1994. 267 с.
9. Качаева А. А. Может ли голубое быть зеленым или розовым? // Русская речь. 1984. № 6. С. 20–25.
10. Козлова Н. Н. Концептуализация цвета «голубой/синий/blue» в русском и английском языках // Образование и право. 2021. № 12. С. 191–197. DOI: 10.24412/2076-1503-2021-12-191-197.
11. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Коммуникация. М.: Диалог-МГУ, 1998. 352 с.
12. Кульпина В. Г. Лингвистика цвета: Термины цвета в русском и польском языках. М.: Московский Лицей, 2001. 470 с.
13. Макеева И. И. История семантики слов со значением протяженности по вертикали в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2007. № 2 (14). С. 187–213.
14. Милейко Е. В., Рус-Брюшнина И. В. Художественный концепт как объект лингвистического исследования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11–3. С. 128–130.
15. Миронова Е. А. Разгадка устойчивого сочетания протослогов: -*GA- -*AR- -*GA- в современных топонимах (этимология на основе гипотезы о протословах, сохранившихся в географических названиях мира). URL: <https://elar.usfeu.ru/bitstream/123456789/2737/1/Mironova.pdf> (дата обращения: 26.12.2024).
16. Моисеенко В. Е. О наименовании цвета *GOŁOBY(JB) // Славянский вестник. Вып. 2. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 225–229.
17. Терешкина Д. Б. «А покупают голубец на Москвѣ по дешевой ценѣ»: голубой цвет в русской словесной культуре // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 1 (34). С. 71–75. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.1(34).66-70

References

1. Alimpieva RV. The synonymous microdial *blue* in comparison with the Polish *blekitny-niebieski* (to the problem of the semantic evolution of lexical equivalents of related languages). *Semantics of a word in diachrony*. Kaliningrad. 1987. Pp. 92-99. (in Russ.).
2. Afanasyev AN. Poetic views of the Slavs on nature: Experience in the comparative study of Slavic traditions and beliefs in connection with the mythical legends of other related peoples. 4th ed. Moscow. 2021. Vol. II. 462 p. (in Russ.).
3. Berdyaev NA. Nationality and humanity. The fate of Russia. Moscow. 1918. Pp. 93-101. (in Russ.).
4. Boldyrev NN. Interpretaciya znaniy v sisteme yazyka = Interpretation of knowledge in the language system. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki = Issues of Cognitive Linguistics*. 2007;(4):20-21. (in Russ.).
5. Boldyrev NN. Kognitivnye skhemy yazykovoj interpretacii = Cognitive schemes of language interpretation. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki = Issues of Cognitive Linguistics*. 2016;(4):10-20. (in Russ.).
6. Vasilevich AP. Etymology of color designations as a mirror of national-cultural consciousness. Names of color in Indo-European languages: Systemic and historical analysis. Moscow. 2016. 320 p. (in Russ.).
7. Gerasimenko IA. Smyslovoe napolnenie cvetooboznacheniya *goluboj* = The semantic content of the *blue* color designation. *Vestnik RUDN, Seriya: Russkij i inostrannyj yazyki i metodika ih prepodavaniya = RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*. 2008;(1):37-43. (in Russ.).
8. Kasyanova K. On the Russian national character. Moscow. 1994. 267 p. (in Russ.).
9. Kachaeva AA. Mozhet li goluboe byt' zelenym ili rozovym? = Can blue be green or pink? *Russkaya rech' = Russian speech*. 1984;(6):20-25. (in Russ.).
10. Kozlova NN. Konceptualizaciya cveta *goluboj/sinij/blue* v russkom i anglijskom yazykah = Goluboj/sinij/blue conceptualization in Russian and English. *Obrazovanie i pravo = Education and law*. 2021;(12):191-197. DOI: 10.24412/2076-1503-2021-12-191-197. (in Russ.).
11. Krasnykh VV. Virtual reality or real virtuality? Man. Consciousness. Communication. Moscow. 1998. 352 p. (in Russ.).
12. Kulpina VG. Linguistics of color: Terms of color in Russian and Polish. Moscow. 2001. 470 p. (in Russ.).
13. Makeeva II. Istoriya semantiki slov so znacheniem protyazhennosti po vertikali v russkom yazyke = History of word semantics with vertical extension in Russian. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii = Russian language in scientific coverage*. 2007;2(14):187-213. (in Russ.).
14. Milejko EV, Rus-Bryushinina IV. Hudozhestvennyj koncept kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya = Artistic concept as an object of linguistic research. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological sciences. Issues of theory and practice*. 2016;(11-3):128-130. (in Russ.).
15. Mironova EA. Solving a stable combination of protoslogs: - *GA- *AR- *GA- in modern toponyms (etymology based on the hypothesis of protoslogs preserved in the geographical names of the world). Available at <https://elar.usfeu.ru/bitstream/123456789/27371/1/Mironova.pdf> (accessed 26.12.2024). (in Russ.).
16. Moiseenko VE. O naimenovanii cveta *GOŁOҀBЪ(JЪ) = About color name *GOŁOҀBЪ(JЪ). *Slavyanskij vestnik = Slavic Bulletin*. 2004;(2):225-229. (in Russ.).
17. Tereshkina DB. «A pokupayut golubec» na Moskvъ po deshevoj cenъ»: goluboj cvet v russkoj slovesnoj kul'ture = «And they buy blue paint in Moscow at a cheap price»: blue in Russian verbal culture. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific notes of Novgorod State University*. 2021;(1(34):71-75. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.1(34).66-70. (in Russ.)/

Информация об авторе

М. В. Румянцева — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры филологических дисциплин.

Information about the author

M. V. Rumyantseva — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Philological Disciplines.

Статья поступила в редакцию 02.02.2025; одобрена после рецензирования 16.02.2025; принята к публикации 30.04.2025.

The article was submitted 02.02.2025; approved after reviewing 16.02.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

ВЕРБАЛЬНО-СЕМИОТИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

VERBAL-SEMIOTIC SYSTEMS AND REPRESENTATIONS

Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 5 (499). С. 100–110.

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025;(5(499)):100-110.

Научная статья

УДК: 811.111

ББК: 81.04

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-100-110

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ПОЛИКОДОВОЙ МОДЕЛИ ПЕСЕННО-ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА ЖАНРА «РОК» НА АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Андрей Геннадьевич Фомин¹, Евгения Владимировна Бакланова²

¹Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия, andfomin67@mail.ru

²Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия, zheparis89@yandex.ru

Аннотация. Песенно-поэтический текст (ППТ) рассматривается в данной статье как поликодовое художественное произведение, имеющее ряд характерных стилистических признаков, которые находят отражение не только в вербальном, но и в авербальном компоненте. В качестве жанра песенно-поэтического текста, обладающего наибольшим вербальным и авербальным стилистическим разнообразием, рассматриваются песенно-поэтические тексты жанра «рок» на английском и русском языках сквозь призму корреляции вербального и авербального компонентов и функционирования комбинаций их элементов, формирующих модель текстов жанра «рок». В результате анализа выявляются общие и отличительные черты песенно-поэтических текстов жанра «рок» на английском и русском языках с учетом элементов как вербального (метафора, парцелляция, сленгизмы, градация, риторический вопрос, эпифора, антитеза), так и авербального (вступление, куплет, предприпев, припев, инструментальное соло) компонентов, корреляция которых находит отражение в поликодовой модели песенно-поэтического текста жанра «рок» в каждой лингвокультуре. Авторы заключают, что именно характер корреляции элементов вербального и авербального компонентов песенно-поэтических текстов, выявляемых в ходе анализа, и определяет специфику модели песенно-поэтического текста жанра «рок» на английском и русском языках.

Ключевые слова: песенно-поэтический текст, рок, поликодовая модель, маркер, код

Для цитирования: Фомин А. Г., Бакланова Е. В. Особенности построения поликодовой модели песенно-поэтического текста жанра «рок» на английском и русском языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 5 (499). С. 100–110. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-100-110.

Original article

PECULIARITIES OF CONSTRUCTING A POLYCODE MODEL OF SONG-AND-POETRY TEXT OF THE “ROCK” GENRE IN ENGLISH AND RUSSIAN

Andrey G. Fomin¹, Evgeniia V. Baklanova²

¹Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, andfomin67@mail.ru

²Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, zheparis89@yandex.ru

Abstract. In this article, the song-poetic text is analyzed as a multimodal artwork characterized by several unique stylistic traits manifested not solely in its verbal dimension but equally prominently in its non-verbal aspect. The authors examine the “rock” genre as one possessing the most extensive range of stylistic variation across both verbal and non-verbal components. We explore how these elements interrelate in English and Russian-language song-poetic texts within the framework of the “rock” genre. Our focus lies on uncovering correlations between these components

© Фомин А. Г., Бакланова Е. В., 2025

and analyzing the functional interaction of their constituent elements, which collectively shape the genre's textual paradigm. Through comparative analysis, we identify shared and divergent characteristics in English and Russian rock song-poetic texts, considering key aspects of both verbal (such as metaphor, parcelling, gradation, rhetorical questions, epiphora, and antitheses) and non-verbal elements (including introductions, verses, pre-choruses, choruses, and instrumental solos). These findings reveal how the integration of these elements contributes to the formation of a polycodified model specific to the rock genre in each respective linguocultural context. Ultimately, the authors argue state the inherent correlation between verbal and non-verbal components defines the distinctiveness of this model in English and Russian.

Keywords: song-poetry text, rock, polycode model, marker, code

For citation: Fomin AG, Baklanova EV. Peculiarities of Constructing a Polycode Model of Song-and-Poetry Text of The “Rock” Genre in English and Russian. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(5(499)):100-110. (In Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-100-110.

Введение

Изучение многогранности текста как языкового феномена и современных типов текстов не теряет своей актуальности ввиду того, что современные разновидности текстов все чаще модифицируются и характеризуются перекрещиванием и совмещением компонентов, которые исходно принадлежат известным типам и жанрам. Новые семиотические условия, в которых проходит вербальная коммуникация, порождают типы текстов, в которых интегрируются компоненты различных семиотических систем — креолизованные тексты, включающие комиксы, видеотексты, медиатексты, песенно-поэтические тексты (ППТ) и др.

С точки зрения семиотики текст является достаточно широким понятием, и трактуется учеными как осмысленная словесная последовательность или как определенным образом устроенная совокупность любых знаков [3; 6; 11]. Понятие текста в семиотическом ключе не обязательно связано только с естественным языком. В любой знаковой системе могут быть созданы семиотические объекты, подобные тексту, имеющие некую структуру, целостное значение, связность и последовательность. Так, в поликодовом песенно-поэтическом тексте, такими объектами могут выступать следующие элементы авербального компонента: вступление, куплет, предприпев, припев, инструментальное соло, проигрыш, изначально являющиеся музыкальными характеристиками. Как писал М. Г. Арановский, музыкальный или песенно-поэтический текст представляет собой звуковую последовательность, которая интерпретируется субъектом как относящаяся к музыке, представляет собой структуру, построенную по нормам какого-либо музыкального жанра, и несет тот или иной интуитивно постигаемый смысл [1. С. 273]. По мнению М. Ш. Бонфельд, элементы авербального компонента

не способны в полной мере самостоятельно отразить смыслы, закладываемые автором произведения, поскольку они находятся в тесной связи с элементами другого компонента, которые так же отражают специфику жанра и его стилевое разнообразие. Песенно-поэтические тексты жанра «рок» характеризуются, на наш взгляд, наибольшим стилевым разнообразием вербального компонента, ввиду того, что тематика рок-произведений разнообразна, обладает глубиной и широким полем для интерпретации реципиентом.

Зачастую песенно-поэтические тексты жанра «рок» рассматриваются без учета музыкальных характеристик, т. е. авербального компонента и его элементов, а исключительно с опорой на вербальный компонент, что не вполне оправданно и приводит к неполному его пониманию. Песенно-поэтический текст является креолизованным текстом, двуединством, состоящим из гармонично соединившихся вербального и авербального компонентов, по сути выполняющих функции кодов, комбинация которых и представляет собой содержание поликодового художественного произведения, интерпретация данного содержания формирует смысл песенно-поэтического текста. Соответственно необходимо в равной степени учитывать роль каждого компонента в его анализе песенно-поэтического текста.

В рамках настоящей статьи песенно-поэтический текст рассматривается как поликодовое явление, объединяющее вербальные и невербальные элементы в единое акустическое, функциональное и структурное целое. Выявление особенностей данного единства путем дешифровки позволяет построить поликодовую модель песенно-поэтических текстов соответствующего жанра.

Код песенно-поэтического текста определяется как упорядоченное сочетание элементов вербальной и невербальной составляющих,

устанавливаемое согласно характерной структуре музыкального произведения, присущей каждому жанру. В данном исследовании алгоритм формирования песенно-поэтического текста включает последовательность соединения указанных элементов, обусловленную особенностями жанра «рок».

Материалы и методы. Для выявления наряду с музыкальными характеристиками лингвокультурных особенностей песенно-поэтических текстов жанра «рок», в работе были проанализированы образцы англоязычных и русскоязычных произведений различных эпох и поджанров. В число рассмотренных вошли исполнители ирландского альтернативного рока (U2, Hozier), американский классический «рок-н-ролл» (Elvis Presley), альтернативный рок (X Ambassadors, Arctic Monkeys), английский классический рок (Queen), спейс-рок (Muse), инди-рок (Florence + the Machine), электро-дэнс-рок (Dereche Mode), немецкая группа Scorpions, выступающая на английском языке как неродном, а также российские коллективы, представляющие ска-панк-фолк-рок («Ленинград»), индастриал-фолк-рок («ДДТ»), пост-панк («Кино», «Nautilus Pompilius»), хард-рок («Алиса»), панк-рок («Гражданская оборона», «Сектор Газа») и фолк-панк («Король и Шут»).

Критериями отбора выступали следующие характеристики песенно-поэтических текстов:

- их содержательная полнота, которая проявляется в использовании стилистических средств для создания образности и экспрессивности, что дает возможность более точно установить связь между вербальным и авербальным компонентами, выявить их корреляции;

- временная приуроченность представленных песенно-поэтических текстов относится главным образом ко второй половине XX столетия и началу XXI в. Этот широкий хронологический диапазон объясняется следующим ключевым фактором: предметом анализа стали произведения, признанные классическими образцами рок-музыки, чья значимость была признана критиками и широкой аудиторией именно в указанный исторический промежуток;

- тексты созданы и исполняются самими участниками групп.

Используется комплексная методика изучения песенно-поэтических текстов, предполагающая анализ языковой составляющей, анализ неязыковой составляющей, с целью выявления и объяснения использованных в текстах элементов вербальных и авербальных компонентов в их зна-

чении и употреблении, анализ стилистических авторских приемов использования элементов для выявления их корреляции с последующим отражением ее в поликодовой модели песенно-поэтического текста жанра «рок». В процессе лингвостилистического анализа песенно-поэтических текстов используются как общенаучные методы исследования, так и лингвистические. В процессе выявления особенностей вербального и авербального компонентов используются дедуктивный метод, предполагающий выявление структуры музыкальных произведений жанра «рок» и определение набора элементов их авербального компонента без учета поджанров; индуктивный метод для выявления особенностей вербального и авербального компонентов песенно-поэтических текстов в каждом отдельном произведении рассматриваемых поджанров. На этапе дифференциации песенно-поэтических текстов различной языковой принадлежности используется индуктивный и сравнительный методы. При рассмотрении феномена песенно-поэтического текста как системы взаимосвязанных элементов, функционирующих в рамках конкретной структуры, реализуется системно-функциональный подход, включающий определение порядка структурных элементов авербального компонента, таких как куплет, припев и т. д., а также выявление особенностей функционирования элементов вербального компонента, коррелирующих с авербальными в структуре музыкального произведения.

Особенности песенно-поэтических текстов жанра «рок» определяются с помощью метода синтагматического анализа, заключающегося в выделении интонационных и музыкальных синтагм, вербальных и авербальных аттракторов песенно-поэтического текста, и метода стилистического анализа, заключающегося в выявлении характерных для текстов художественных приемов, стилевых черт вербального компонента, участвующих в построении поликодовой модели. В ходе исследования текстов рассматриваемого жанра применяемые приемы и методы направлены на анализ их текстовой и музыкальной составляющих, соотносящихся друг с другом на основе выявления взаимообусловленных признаков вербального и авербального компонентов данного типа текста.

Основная часть. В процессе интерпретации музыкальных характеристик песенно-поэтических текстов жанра «рок» определяются следующие особенности авербального кода:

восходяще-нисходящее движение мелодии во вступлении и куплете, быстрый меняющийся темп часто в припеве, нестабильная ритмичность произведения, паузы, музыкальные ямы в припевной или предприпевной частях, минорный или мажорный лады, инструментальная наполненность, ведущая роль отдельных музыкальных инструментов в сольной части произведений. Комплексная методика предполагает также выявление вербальных аттракторов, придающих текстам эмоциональность и образность (например, сленгизмы, междометия, фразеологизмы), и которые используются в определенных частях музыкального произведения, т. е. сочетаются с элементами авербального компонента, таким образом выявляется корреляция авербальных элементов с преобладающими жанрообразующими вербальными особенностями песенно-поэтических текстов.

В текстах песенной поэзии рассматриваемого жанра на английском языке встречаются следующие средства выразительности (в скобках указан процент текстов, в которых были выявлены данные явления).

Парцелляция (70 %), придающая текстам песенной поэзии особую красоту, маркирует ряд дополнительных рассуждений автора-исполнителя, которые формируют двуплановые или многоплановые синтаксические конструкции. Парцеллы несут в себе дополнительную информацию, продолжая главную мысль.

Создавая особый ритм текста, парцелляция как стилистический прием, характеризующий и кодирующий вербальную сторону музыкального произведения, коррелирует с музыкальными паузами, ритмическими акцентами, иногда даже так называемыми «музыкальными ямами» в предприпевах и припевах, т. е. прерыванием авербального компонента на долю секунды или несколько секунд, которые характеризуют и кодируют иную, вербальную сторону музыкального произведения. Таким образом, парцелляция в предприпеве и припеве становится значимым элементом вербального компонента и способствует созданию уникальной поликодовой модели песенно-поэтического текста жанра «рок».

Риторический вопрос (60 %) используется авторами-исполнителями для того, чтобы вступить с реципиентом в полемику, спровоцировать политические, социальные, философские рассуждения у реципиентов. На авербальном уровне автор-исполнитель обращается к восходящей мелодии в предприпеве и припеве, которая вторит вер-

бальному компоненту, привлекает внимание реципиента и провоцирует его на диалог с автором, внутренний диалог, философские размышления.

Эллипсис (53 %), посредством которого авторы-исполнители придают тексту динамичность и усиливают экспрессивность, которая находит корреляцию и в авербальном компоненте: музыкальное пространство вокруг эллипсиса развивается через мелодию, инструментальное наполнение становится наиболее выраженным, ритм становится разнообразнее, фокус внимания реципиента смещается на барабанную партию, которая усиливает акцент на недосказанности в припеве.

Анафора (100 %) создает эффект постепенного нагнетания смысла, а также участвует в установлении логической связи содержательных фрагментов текста. В авербальном компоненте анафора коррелирует с небольшими изменениями мелодического рисунка, появлением одного-двух новых аккордов в авербальном компоненте в минорном ладу, которые подчеркивают эффект постепенного нагнетания, передаваемый анафорой в предприпеве.

Эпифора (60 %) используется автором-исполнителем, чтобы подчеркнуть смысл и главную идею, а также усилить эмоциональную окраску фрагмента текста песенной-поэзии. Усилению смысла и эмоциональной окраски в музыке способствуют повторяющиеся ритмические и мелодические акценты, сильные доли – кульминационные моменты, характеризующиеся выделением громкостью ноты в отдельно взятом такте в куплете и припеве.

Эпитет (100 %), посредством которого авторы-исполнители дают характеристику героям, предметам, природным или социальным явлениям, показывая отношение к ним и выражая эмоции.

В авербальном компоненте не отмечается каких-либо особенностей, подчеркивающих или контрастирующих с эпитетом.

Метафора (93 %) является важнейшим средством создания образности и познания действительности и выражения авторской оценки в контексте песенно-поэтических текстов жанра «рок». В песенно-поэтических текстах этого жанра авторы-исполнители зачастую обращаются к ней с целью выражения мысли, которая не может быть выражена буквально, или с целью репрезентации сложных образов упрощенным и понятным большинству способом, в сравнении с аналогичным объектом или явлением. Наибольшая протяженность нот, сильные доли, т. е. разнообразие

ритмического рисунка в куплете подчеркивают метафору посредством авербального компонента, тем самым автор-исполнитель привлекает наибольшее внимание реципиента к ключевым идеям, усиливая вербальный компонент авербальным.

Градация (80 %) используется в песенно-поэтических текстах жанра «рок» для повышения или снижения эмоционального напряжения, сосредоточения внимания реципиента на конкретном слове или выражении. На авербальном уровне, автор-исполнитель как бы подводит слушателя к ключевому смысловому или сюжетному моменту (градационному пику), постепенно наращивая темп и меняя ритм в предприпевной части. Так же средством усиления градации на авербальном уровне является постепенно нарастающая громкость барабанов и гитары.

Сравнение (63 %) используется в текстах песенной-поэзии с целью придания тексту яркого, живого, подвижного, образного вида. В авербальном компоненте не отмечается каких-либо особенностей, подчеркивающих или контрастирующих со сравнением.

Наименее часто в данном жанре используются такие средства выразительности, как: инверсия (6 %); сленгизмы (10 %); фразеологизмы (43 %); олицетворение (43 %); междометия (45 %); антитеза (20 %).

Как показывает практика анализа песенно-поэтических текстов разных жанров, повтор, анафора, эллипсис, эпитет, сравнение встречаются в текстах песенной поэзии довольно часто, соответственно не являются специфическими характеристиками какого-либо из жанров.

Тем не менее, в песенно-поэтических текстах жанра «рок» на английском языке были выявлены следующие маркеры, создающие особый вербальный код данного жанра: риторический вопрос (60 %), случаи эпифоры (60 %), градация (80 %), парцелляция (70 %) и метафора (93 %).

Приведем примеры.

Риторический вопрос:

(1) *“Where’s the revolution? // Come on, people // You’re letting me down”* (Depeche mode. Where’s the Revolution).

Автор формулирует вопрос таким образом, что это становится скорее призывом к революции и социальным изменениям.

(2) *“What kind of man loves like this? // What kind of man? // What kind of man loves like this? // What kind of man?”* (Florence and the Machine. What Kind of Man).

Автор песенно-поэтического текста настолько восхищается чувствами своего любимого человека по отношению к своей персоне, что не в силах найти ответ на вопрос, может ли кто-либо любить так же сильно.

(3) *“Empty spaces, what are we living for? // Abandoned places, I guess we know the score”* (Queen. Show Must Go On).

Вопрос, которым задается на протяжении жизни каждый человек, но явного правильного ответа автор не находит, однако поиск его смысла жизни так и остается актуальным. Песня является классикой рок-жанра и была написана автором после того, как он узнал о своей смертельной болезни.

Эпифора:

(4) *“Beckons above me and there’s no better love // That ever has loved me, there’s no better love // Darling, feel better love”* (Hozier. Better Love).

Повторение словосочетания “better love” в конце каждой строки припева указывает на фокус автора на своей возлюбленной и ее чувствах, которые никто не сможет превзойти.

(5) *“This means nothing to me // Cause you are nothing to me”* (Muse. Uno).

Эпифора здесь используется для концентрации фокуса реципиента на безразличии автора к возлюбленной и несет усиление негативной коннотации закладываемого автором смысла.

Парцелляция:

(6) *“I think I’m drowning. // Asphyxiated”* (Muse. Time Is Running Out).

(7) *“What has been done. Cannot be undone”* (Florence and the Machine. Seven Devils).

(8) *“I quickly ran. // Into the trees. // With empty hands”* (Hozier. In the Woods Somewhere).

В рассмотренных выше примерах автор намеренно разделяет связанные в рамках предложения части, создавая особый ритм текста, что способствует упрощению понимания общего смысла произведений.

Градация:

(9) *“When I was a child, I’d sit for hours // Starting into open flame // Something in it had a power // Could barely tear my eyes away // All you have is your fire // And the place you need to reach // Don’t you ever tame your demons // But always keep ‘em on a leash // When I was 16, my senses fooled me // Thought gasoline was on my clothes // I knew that something would always rule me // I knew the scent was mine alone // When I was a man I thought it ended // When I knew love’s perfect ache // But my peace has always depended // On all the ashes in my wake”* (Hozier. Arsonist’s Lullabye).

Градация в этом примере используется для передачи авторской идеи развития личности, взросления. В начале пути автор был еще ребенком, но с годами приобрел мудрость и понимание своего истинного пути.

Иногда градация, проявляется в авербальном компоненте посредством нарастающей мелодии в куплете: произведение начинается с тихого звучания, далее появляется все более громкий звук, изменение ритма, постепенно добавляются все новые инструменты. Градация в песенно-поэтическом тексте, которая создается языковыми средствами, сопровождается на уровне авербального компонента, что и выражает гармонизирующую связь между вербальным и авербальным компонентами, репрезентированную в поликодовой модели. Приведем пример такой градации:

(10) *“The train is coming // The train is coming // The train is coming // The train is coming // So get on board // Get on board // Get on board // Get on board // The engine’s humming // The engine’s humming // The engine’s humming // The engine’s humming // So get on board // Get on board // Get on board”* (Depeche mode. Where’s the Revolution).

В рассматриваемом песенно-поэтическом фрагменте текста градация подкрепляется авербально посредством постепенного усиления барабанных ударов и увеличения громкости инструментов в куплете.

Метафора:

(11) *“In the house of darkness // There’s a magic stone // Magic stone, magic stone // The magic stone // But I couldn’t find it // ‘Cause the shine is gone // Shine is gone, shine is gone”* (Scorpions. Living and Dying).

“The house of darkness” — жизнь героя, полная отчаяния, безвыходных ситуаций, выход из которых подобен святищу камню (*“a magic stone”*), который потерял свое свечение (*the shine is gone*), но выхода нет, т. к. камень не найти (*“I couldn’t find it”*).

(12) *“Now that you know I’m trapped // Sense of elation // You’ll never dream of breaking this fixation // You will squeeze the life out of me”* (Muse. Time Is Running Out).

“I’m trapped” — автор текста влюблен настолько, что чувствует себя в ловушке, капкане, он захвачен своими чувствами, находится в плену у своих эмоций к объекту своей любви, отношение которой автор рассматривает как собственную гибель (*“you will squeeze the life out of me”*)

(13) *“I’d already had a sip // So I’d reasoned I was drunk enough to deal with it”* (Florence and the Ma-

chine. What Kind of Man).

Had a sip — вкусила жизнь с падшим человеком и была готова к ней (*“I was drunk enough to deal with it”*).

Метафора, характерный для жанра «рок» троп, характеризующий и кодирующий вербальную сторону музыкального произведения, коррелирует с элементом авербального компонента, зачастую встречаясь в куплетах песенно-поэтических текстов на английском языке, где преобладают усложнение в ритмическом рисунке и нисходящая мелодия. Таким образом метафора играет важную роль в формировании уникальной поликодовой модели песенно-поэтического текста рассматриваемого жанра. Она характерна для текстов как на русском, так и на английском языках, т. е. является стилистическим аттрактором песенно-поэтических текстов жанра рок вне зависимости от языковой принадлежности.

Наиболее часто в текстах песенной поэзии жанра «рок», созданных на русском языке, встречаются приведенные ниже средства выразительности (в скобках указан процент текстов, в которых были выявлены данные явления).

Анафора (93 %) , которая не сопровождается явным изменением мелодического рисунка, но, так же как и в англоязычной песенной поэзии в авербальном компоненте начинает преобладать минорный лад, который подчеркивает эффект постепенного нагнетания, передаваемый анафорой.

Эпитет (83 %) не имеет особенностей, находящихся отражение в авербальном компоненте.

Метафора (73 %) в рок-произведениях на русском языке имеет корреляцию с сильными долями и разнообразием ритмического рисунка.

Парцелляция (70 %) по аналогии с рок-произведениями на английском языке как стилистический прием, коррелирует в предприпевах и припевах с музыкальными паузами, ритмическими акцентами, иногда даже так называемыми «музыкальными ямами», которые характеризуют и кодируют иную, авербальную сторону музыкального произведения.

Сравнение (66 %) не имеет каких-либо особенностей, выраженных авербально.

Антитеза (83 %) в песенно-поэтических текстах на русском языке представляется инструментом отражения русского характера, освещения реальности и насущных социально-политических проблем. Авербально антитеза подкрепляется затиханием мелодии, что коррелирует со второй частью антитезы (противопоставлением), короткой ритмической паузой,

кратковременным обрывом мелодического рисунка в куплете.

Наименее часто в данном жанре используются такие средства и приемы, как: градация (16 %); риторический вопрос (10 %); сленгизмы (10 %); фразеологизмы (30 %); эллипсис (23 %); олицетворение (43 %); междометия (6 %); метонимия (3 %); аллюзия (23 %):

В песенно-поэтических тестах жанра «рок» на русском языке было выявлено большое содержание антитезы, парцелляции и метафоры, которые можно считать вербальными маркерами расматриваемого жанра. Приведем примеры.

Антитеза:

(14) *“Я для собаки **Бог**, // но **раб** своей **наготы**”* (ДДТ. В Бой).

(15) *“Крики чайки на **белой** стене // Окольцованы **черной** луной”* (ДДТ. Это Все).

В рассмотренных примерах автор привлекает внимание реципиента к современным противоречиям, таким как: социальное неравенство, оптимистическое и пессимистическое отношение к жизни.

Парцелляция:

(16) *“Хочешь жить // **Набивай кулаки**”* (Ленинград. Мне бы в Небо).

Парцелляция в данном примере выполняет синтаксическую функцию и приравнивается к тире, что способствует формированию авторской идеи о том, что если человек желает жить в спокойствии и мире, необходимо быть готовым к худшему и уметь за себя постоять.

Метафора:

(17) *“**Путевка в небо** выдается очень быстро // Вышел на улицу — случайный выстрел”* (Ленинград. Мне бы в Небо).

«Путевка в небо» — жизнь героя полна отчаяния и безразличия, из нее есть только один выход — смерть. Смерть представляется герою положительным событием, сравнимым с поездкой (полетом, путевкой) на отдых, когда уже никакие проблемы не будут лежать на его плечах, и можно будет просто отправиться в другой мир как по путевке.

(18) *“**Святой Никола**, спаси нас от Рок-н-Ролла // **Вся Святая Свита** спаси нас от брейк бита”* (Ленинград. Никола).

«Святой Никола» и «Святая Свита» — автор текста рассказывает о всевозможных иностранных влияниях, которые, по его мнению, пагубно сказываются на русской культуре и ассоциируются с нечистью. В качестве Святого Николы он видит президента России, а в качестве Святой

Свиты всех приближенных президента, включая государственную думу с их законопроектами. Они представляются ему святыми спасителями, которые могут направить усилия и добиться освобождения русской культуры от иностранного влияния (нечисти) посредством законодательных изменений. Важно отметить, что праздник Святого Николы отмечают 7–9 мая, т. е. День Победы представляется автору аналогией освобождения от иностранных насаждений.

(19) *“Эх Яблочко//Да под лопатами // Будем землю **удобрять демократами**”* (Ленинград. Яблочко).

«Землю удобрять демократами» — автор подразумевает, что демократы привносят нестабильность в государственный аппарат и общество. Он выражает свое негативное отношение к ним и выражает желание смешать их с перегноем, которого достаточно много, чтобы использовать в качестве удобрения.

(20) *“Я никому не хочу **ставить ногу на грудь**”* (Кино. Группа Крови).

«Стaвить ногу на грудь» — победить, убить врага. Автор через текст раскрывает тему войны и своего отношения к ней. Он не желает ставить кому-либо ногу на грудь, а значит не желает убивать.

(21) *“Жизнь всегда загадка: бабочки, сачки // Если ты надела **черные очки** // Не давая повода толпам дурачков, // Не ходи на улицу без таких очков”* (Ленинград. Черные очки).

«Черные очки» — автору видится, что единственный путь к безопасному существованию лежит через закрытость, ограждение от чужого влияния, чужих глаз. Под черными очками не видно глаз человека, а значит не видно и его намерений, переживаний, реакций, он перестает быть читаемым, понятным и предсказуемым для большинства и тем самым избегает лишних контактов и проблем.

Выводы. Результаты анализа песенно-поэтических текстов жанра «рок» на английском языке, показывают, что элементы вербального кода песенно-поэтических текстов этого жанра (риторический вопрос, эпифора, парцелляция, градация, и метафора) коррелируют с элементами авербального компонента (вступлением, куплетом, предприпевом, припевом, инструментальным соло), репрезентируя поликодовую модель музыкального произведения жанра «рок». Именно отмеченные выше элементы вербального компонента встречаются в текстах этого жанра наиболее часто, чего нельзя сказать о других жанрах песенно-поэтических текстов.

Следует отметить, что представленная нами ниже поликодовая модель может использоваться для идентификации жанра «рок», поскольку имеет уникальный для этого жанра алгоритм построения произведения, предполагающий сочетание и порядок использования определенного набора музыкальных элементов и языковых приемов. Так, нарастающий музыкальный темп, который характерен для куплетной части произведения, подчеркивает градацию; восходящая мелодия, характерная для финальной куплетной и припевной части, ставит акцент на риторических вопросах или вопросах других типов; нисходящая мелодия в куплетной части подчеркивает метафору; меняющаяся мелодия и паузация, встречающаяся в предприпевах и припевах подчеркивают парцелляцию; ритмическое и мелодическое повторение во второй части припева коррелирует с эпифорой; неровность ритма на протяжении всего произведения несет в себе неожиданные сюжетные повороты, которые в тексте находят выражение на синтаксическом и лексическом уровнях. В табл. 1 наглядно представлены результаты исследования жанрообразующей поликодовой модели песенно-поэтических текстов жанра «рок», созданных на английском языке. Элементы в табл. 1 расположены в определенном порядке и показывают корреляцию вербального и авербального компонентов.

Таблица 1
Table 1

Поликодовая модель песенно-поэтических текстов жанра «рок», созданных на английском языке

Авербальные элементы	Вербальные элементы
вступление (постепенно восходящая мелодия)	×
куплет (нарастающий музыкальный темп, усложнение в ритмическом рисунке произведения, нисходящая мелодия)	градация, риторический вопрос, метафора
предприпев (паузы, мелодическое затишье, восходящая мелодия)	парцелляция
припев (барабанные акценты, сильные доли, насыщенный, частично повторяющийся ритмический рисунок, восходящая мелодия, мелодические акценты, паузы)	риторический вопрос, парцелляция, эпифора
инструментальное соло (музыкальная импровизация)	×

Результаты анализа песенно-поэтических текстов жанра «рок», созданных на русском языке, показывают, что их особенностями вербального кода являются: парцелляция, антитеза и метафора. Эти средства выразительности встречаются в текстах рассматриваемого жанра наиболее часто в сравнении с другими жанрами песенно-поэтических текстов. Элементы вербального компонента создают уникальную комбинаторику с элементами авербального компонента, репрезентированную в поликодовой модели музыкальных произведений жанра «рок», созданных на русском языке.

В табл. 2 наглядно представлены результаты исследования жанрообразующей поликодовой модели песенно-поэтических текстов жанра «рок», созданных на русском языке.

Таблица 2
Table 2

Поликодовая модель песенно-поэтических текстов жанра «рок», созданных на русском языке

Авербальные элементы	Вербальные элементы
вступление (постепенно восходящая мелодия)	×
куплет (усложнение в ритмическом рисунке произведения, нисходящая мелодия, мелодические акценты, обрыв мелодии)	антитеза, метафора
предприпев (паузы, мелодическое затишье, восходящая мелодия, барабанные, мелодические акценты)	парцелляция
припев (барабанные, мелодические акценты, сильные доли, насыщенный, частично повторяющийся ритмический рисунок, восходящая мелодия, мелодические акценты, паузация)	парцелляция, метафора
инструментальное соло (музыкальная импровизация)	×

Таким образом, в песенно-поэтических текстах жанра «рок» наблюдается взаимообусловленность и корреляция вербального и авербального компонентов. В результате анализа 30 песенно-поэтических текстов жанра «рок» на английском языке 30 песенно-поэтических текстов жанра «рок» на русском языке, были выявлены такие средства выразительности, как фразеологизмы, междометия, сленгизмы, обценная лексика, риторический вопрос, анафора, эпифора, инверсия, эллипсис, парцелляция, олицетворение, эпитет, сравнение, антитеза, аллюзия, градация, метафора, метонимия. В таблицах выше

в модели песенно-поэтических текстов жанра «рок» включены только те вербальные элементы, которые встречались в песенно-поэтических текстах с частотностью выше 50 % и не встречались с той же частотностью в песенно-поэтических текстах других жанров. Приведенные в статье примеры элементов вербального компонента на английском и русском языке указывают на то, что исторические события, политические изменения, трансформация мировоззрения общества и отдельных его членов влияют только на выбор единиц лексического уровня песенно-поэтических текстов.

Важно отметить, что лингвокультурные характеристики показывают специфику моделей песенно-поэтических текстов жанра «рок». Модели текстов на английском и русском языках имеют общие и отличительные элементы вербального компонента. Эти элементы можно считать жанрообразующими в силу того, что они с частотностью выше 50 % встречаются в текстах рассматриваемого жанра, чего нельзя сказать о других жанрах песенно-поэтического текста. Так, в песенно-поэтических текстах на английском и русском языках встречаются с одинаковой частотностью следующие элементы вербального компонента: парцелляция и метафора. Однако в модели текста на русском языке антитеза является отличительной особенностями вербального компонента, в текстах на английском языке вместо них встречаются риторический вопрос, эпифора и градация.

Соответственно можно заключить, что выявленные сходства и различия элементов вер-

бального компонента отражают различия двух лингвокультурных традиций. Вербальный компонент двух моделей песенно-поэтических текстов на русском и английском языках отличается, поскольку в процессе создания песни происходит экстраполяция лингвокультурных особенностей, о чем свидетельствует стилистическая разница их вербальных компонентов, что связано с особенностями менталитета народов, говорящих на рассматриваемых языках, их религией, особенностями мышления, философией, политико-экономической ситуацией. Авербальный компонент, тем не менее, не будет иметь фундаментальных стилистических различий, однако его элементы будут вторить элементам вербального, находясь в тесной связи и взаимобулавливая друг друга.

Взаимосвязь этих компонентов, набор и порядок использования элементов песенно-поэтического текста могут стать определяющими в процессе идентификации модели песенно-поэтического текста жанра «рок». Корреляция компонентов и порядок элементов могут варьироваться в песенно-поэтических текстах на разных языках. Выявленная специфика организации и взаимовлияния элементов вербального и авербального компонентов в анализируемых текстах подчеркивает актуальность научного поиска в направлении изучения внутренней организации песенно-поэтических текстов. Внутреннее взаимодействие двух компонентов составляет наиболее существенное свойство текстов песенной поэзии и является определяющим в различении моделей текстов на разных языках.

Список литературы

1. Арановский М. Г. Мышление, язык, семантика // Проблемы музыкального мышления. Москва, 1974. 440 с.
2. Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. Москва, 2003. 426 с.
3. Бакланова Е. В. Апробация метода слуховой рецепции при определении жанра песенно-поэтического текста // Филология и человек. Барнаул, 2018. № 2. С. 119–126.
4. Бонфельд М. Ш. Музыка: язык или речь? // Музыкальная коммуникация: проблемы музыкознания. Санкт-Петербург: РИИИ, 1996. № 8. С. 15–39.
5. Васина-Гроссман В. А. Музыкальная энциклопедия: Песня [Электронный ресурс]. URL: <http://www.norma40.ru/articles/istoriya-pesni.htm> (дата обращения: 5.03.2025).
6. Волков А. Г. Язык как система знаков. Москва, 1966. 88 с.
7. Галиева А. М., Нагуманова Э. Ф. Метафора в философском тексте: оригинал и перевод. // Филология и человек. Барнаул, 2016. № 4. С. 38–49.

8. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Москва, 2019. 144 с.
9. Николаева А. Б. Феномен текста и текстуальности в научной биографии // Вестник Омского университета, 2018. Т. 23. № 41. С. 170–173.
10. Плотницкий Ю. Е. Пространство англоязычного песенного дискурса // Язык в пространстве и времени: тезисы и материалы междунауч. конф. Ч. 1. Самара, 2002. С. 182–185.
11. Соломоник А. Б. Язык как знаковая система. Москва, 2009. 224 с.
12. Тексты песен. URL: <https://genius.com/> (дата обращения: 1.04.2025).
13. Хэллiday М. А. К. Место «функциональной перспективы предложения» (ФПП) в системе лингвистического описания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Москва, 1978. С. 138–148.
14. Чертов Л. Ф. Знаковость: опыт теоретического синтеза идей о знаковом способе информационной связи. Санкт-Петербург, 1993. 340 с.
15. Чувакин А. А. Теория текста: объект и предмет исследования // Критика и семиотика, 2004. № 7. С. 88–97.
16. Шевченко О. В. Тематическое своеобразие песенных текстов как способ реализации функций жанров песенного дискурса // Известия Росс гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. № 115, 2009. С. 242–249.
17. Ярмухаметова Р. С. Семантическая природа речевой и музыкальной интонации // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки, 2018. Т. 20. № 1. С. 91–97.

References

1. Aranovskiy MG. Myshleniye, yazyk, semantika. Problemy muzykal'nogo myshleniya. Moskva, 1974. 440 p. [in Russ.].
2. Babenko LG. Lingvisticheskiy analiz khudozhestvennogo teksta. Teoriya i praktika. Moskva, 2003. 426 p. [in Russ.].
3. Baklanova EV. Aprobatsiya metoda slukhovoy retseptsii pri opredelenii zhanra pesenno-poeticheskogo teksta. *Filologiya i chelovek*. 2018;(2):119-126. [in Russ.].
4. Bonfeld MSh. Muzyka: yazyk ili rech? *Muzykal'naya kommunikatsiya: problemy muzykoznaniya*. 1996;(8):15-39. [in Russ.].
5. Vasina-Grossman VA. Muzykal'naya entsiklopediya: Pesnya [Elektronnyy resurs]. Available at: <http://www.norma40.ru/articles/istoriya-pesni.htm> (accessed: 5.03.2025) [in Russ.].
6. Volkov AG. Yazyk kak sistema znakov. Moskva, 1966. 88 p. [in Russ.].
7. Galieva AM, Nagumanova EF. Metafora v filosofskom tekste: original i perevod. *Filologiya i chelovek*. 2016;(4):38-49. [in Russ.].
8. Gal'perin IR. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya. Moskva, 2019. 144 p. [in Russ.].
9. Nikolaeva AB. Fenomen teksta i tekstual'nosti v nauchnoy biografii. *Vestnik Omskogo universiteta*. 2018;23(41):170-173. [in Russ.].
10. Plotnitskiy YuE. Prostranstvo angloyazychnogo pesennogo diskursa. Yazyk v prostranstve i vremeni: tezisy i materialy mezhdun. nauch. konf. Ch. 1. Samara, 2002. Pp. 182-185. [in Russ.].
11. Solomonik AB. Yazyk kak znakovaya sistema. Moskva, 2009. 224 p. [in Russ.].
12. Teksty pesen. Available at: <https://genius.com/> (accessed: 1.04.2025).
13. Khellidey MAK. Mesto «funktsional'noy perspektivy predlozheniya» (FPP) v sisteme lingvisticheskogo opisaniya. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. Moskva, 1978. Vyp. VIII. Pp. 138-148 [in Russ.].
14. Chertov LF. Znakovost': opyt teoreticheskogo sinteza idey o znakovom sposobe informatsionnoy svyazi. Sankt-Peterburg, 1993. 340 p. [in Russ.].
15. Chuvakin A.A. Teoriya teksta: ob'ekt i predmet issledovaniya. *Kritika i semiotika*. 2004;7:(88-97). [in Russ.].
16. Shevchenko OV. Tematicheskoe svoeobrazie pesennykh tekstov kak sposob realizatsii funktsiy zhanrov pesennogo diskursa. *Izvestiya Ross gos. ped. un-ta im. AI Gertsena*. 2009;(115):242-249. [in Russ.].
17. Yarmukhametova RS. Semanticheskaya priroda rechevoy i muzykal'noy intonatsii. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki*. 2018;20(1):91-97 [in Russ.].

Информация об авторах

А. Г. Фомин — доктор филологических наук, профессор кафедры переводоведения и лингвистики.

Е. В. Бакланова — аспирантка кафедры переводоведения и лингвистики.

Information about the authors

A. G. Fomin — Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Translation Studies and Linguistics.

E. V. Baklanova — graduate student of Department of Translation Studies and Linguistics.

Статья поступила в редакцию 09.01.2025; одобрена после рецензирования 07.03.2025; принята к публикации 30.04.2025.

The article was submitted 09.01.2025; approved after reviewing 07.03.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 378.016:811.161.1'243

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-111-119

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РОССИИ В КУРСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО: РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ

Ядвига Леонидовна Хелал¹, Олеся Ильясовна Шарафутдинова²

¹Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия, khelalil@susu.ru, ORCID 0000-0003-4625-1967

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, sharafutdinovaoi@yandex.ru, ORCID: 0009-0005-6144-5729

Аннотация. В статье рассматриваются особенности образовательного процесса в условиях широкого вовлечения региональных вузов в процесс обучения русскому языку иностранных граждан. Описывается потенциал использования локальных материалов при формировании коммуникативной компетенции учащихся, а также при их интеграции в российское образовательное пространство и адаптации к конкретному месту обучения. Целью статьи является разработка вариантов репрезентации России при обучении русскому языку как иностранному (РКИ), учитывающих необходимость сочетать общие представления о стране и региональный компонент. В статье анализируются способы трансляции образа России в учебных комплексах «Дорога в Россию» и «Жили-были», которые знакомят иностранных учащихся с городами, представляющими Россию мировому сообществу, — Москвой и Санкт-Петербургом. Отмечается, что образ страны в целом и образ конкретного города включает несколько компонентов: географический, образовательный, культурно-исторический, досуговый, бытовой. Особое внимание уделяется понятию «региональный компонент» и его роли в обучении РКИ, анализируются методические разработки, представляющие разные регионы России и реализующие собственные варианты знакомства со спецификой города. Отмечается, что в научно-методических статьях не формируется целостная концепция образа города или региона, рассматриваются такие аспекты, как история города, достопримечательности, система образования, известные люди, местные национальные обычаи. Делается акцент на том, что при создании пособий следует исходить из основных потребностей иностранных граждан, оказавшихся в новом для них регионе проживания и обучения. Авторы предлагают собственную концепцию учебных материалов, репрезентирующих Челябинскую и Тюменскую области. Статья представляет интерес для преподавателей РКИ и специалистов в области лингводидактики, занимающихся разработкой программ, учитывающих территориальную специфику. Полученные результаты могут быть использованы при составлении учебных пособий и методических рекомендаций на основе региональных материалов.

Ключевые слова: региональный компонент, репрезентация России, страноведческий материал, учебник по русскому языку как иностранному

Для цитирования: Хелал Я. Л., Шарафутдинова О. И. Репрезентация России в курсе русского языка как иностранного: региональный компонент // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 5 (499). С. 111–119. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-111-119.

Original article

REPRESENTATION OF RUSSIA IN THE COURSE ON RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE: REGIONAL COMPONENT

Iadviga L. Helal¹, Olesia I. Sharafutdinova²

¹South Ural State University, Chelyabinsk, Russia, khelalil@susu.ru, ORCID 0000-0003-4625-1967

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, sharafutdinovaoi@yandex.ru, ORCID: 0009-0005-6144-5729

Abstract. In this article the specifics of educational process are considered in the context extensive involvement of regional universities in the process of teaching Russian to foreign citizens. The authors describe the potential of using local materials when forming the communicative competences of students, as well as during the integration

foreigners into the Russian educational space. The objective of this article is the development of the variants of representation of Russia when teaching Russian as a foreign language, which take into account the necessity to combine the general understanding of our country and the regional component. The authors of this paper analyze the Road to Russia and Once upon a Time There Lived teaching packages, which introduce Moscow and Saint Petersburg (the cities that represent Russia in the global community) to international students. It is noted that the image of a country in general and of its certain city includes several components: geography, education, culture and history, recreation, and utilities and daily routine. Special attention is paid to the notion of the regional component and its place in teaching Russian as a foreign language. Methodological developments are analyzed, which help represent various Russian cities and offer their own options of introducing the specifics of a certain city. It is highlighted that scientific and methodological articles do not form a comprehensive concept of the image of a city or region; such aspects as the history of a city, sightseeing attractions, system of education, famous people and local national traditions are considered. It is emphasized that when creating study guides, one should refer to the main needs of foreign citizens, who have found themselves in a new-for-them region to live and study here. The authors propose their own concept of teaching materials representing the Chelyabinsk and Tyumen regions. This article would be of interest to teachers of RFL and to linguodidactics specialists, who develop programs taking into account the territory-related specifics. The obtained results may be used when designing study guides and providing methodological recommendations based on regional materials.

Keywords: regional component, representation of Russia, materials on Country Studies, textbook on Russian as a Foreign Language

For citation: Helal IaL, Sharafutdinova OI. Representation of Russia in the Course on Russian as a Foreign Language: Regional Component. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(5(499)):111-119. (In Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-111-119.

Введение

В настоящее время большое количество региональных вузов вовлечено в процесс обучения иностранных граждан не только по определенным направлениям подготовки, но и по русскому языку. Однако в современной практике преподавания русского языка как иностранного наблюдается отсутствие универсальной методики, позволяющей сформировать коммуникативную компетенцию иностранного учащегося с учетом регионального материала. Во многих вузах при обучении русскому языку как иностранному используют учебные комплексы центральных издательств Москвы и Санкт-Петербурга (например, «Златоуст», «Русский язык. Курсы»), что не позволяет отразить региональный компонент, если иностранец выбрал для обучения другой город России. Возникает вопрос: необходимо ли выделять региональный компонент в условиях ограниченного количества часов учебной программы, или достаточно дать общее представление о России в целом, сосредоточившись на центральном регионе и оставив рассмотрение специфики на внеурочное время, например, при посещении студентами разговорных клубов, городских мероприятий и т. д.

Актуальность статьи обусловлена необходимостью разработки таких учебных материалов, которые позволят репрезентировать Россию как многонациональную поликультурную страну, то есть сформировать не только общее представление о России, но и представлять определенный

регион, являющийся местом непосредственного обучения.

Цель — предложить вариант репрезентации России в учебных материалах по русскому языку как иностранному, учитывающих необходимость сочетать общие представления о стране и региональный компонент на примере Челябинской и Тюменской областей.

Для достижения этой цели уточняется понятие «региональный компонент» и его место в обучении русскому языку как иностранному (РКИ), описывается репрезентация России в учебниках, рассматриваются материалы, представляющие региональный компонент на занятиях, дается собственная концепция учебных материалов.

Материалы и методы

Материалом для выявления образа России и средств его репрезентации послужили учебники В. Е. Антоновой, М. М. Нахибиной, А. А. Толстых «Дорога в Россию», Л. В. Миллер, Л. В. Политовой, И. Я. Рыбаковой «Жили-были». Методологическую базу исследования составляют методы теоретико-лингвистического и сопоставительного анализа. В работе также применялось обобщение, что позволило определить особенности репрезентации России. Теоретико-методологической базой исследования послужили научные труды отечественных и зарубежных ученых в области лингводидактики. Вопрос содержания и необходимости регионального компонента в обучении РКИ рассматривается в работах Л. Н. Антоновой, Е. Н. Бакуровой, Н. Ф. Башаровой,

Ю. А. Васильевой, Н. А. Выхованец, И. А. Закировой, И. Н. Лукьяненко, А. А. Пылковой, Е. В. Дишкант, Д. Д. Дмитриевой, Л. Ц. Тарчмаевой, М. Н. Чупановской, Н. С. Шубиной и др.

Образ России в учебниках по русскому языку как иностранному

Для определения способов трансляции образа России обратимся к наиболее популярным учебным комплексам, изданным большим тиражом и прошедшим несколько переизданий: 1) «Дорога в Россию», 2) «Жили-были».

Учебник В. Е. Антоновой, М. М. Нахибиной, А. А. Толстых «Дорога в Россию» уже долгое время представлен на образовательном рынке и пользуется неизменной популярностью, следовательно, активно транслирует образ России^{1,2,3,4}. Первая часть учебника знакомит с Москвой и ее достопримечательностями, другие города России только называются, при этом их территориальная и культурная специфика не обозначается, за исключением города Суздаль, которому посвящен отдельный текст.

Вторая часть учебника (А2) содержит топонимы, прецедентные имена, реалии русской культуры. География страны представлена следующими наименованиями городов: *Санкт-Петербург, Плес, Сочи, Воронеж, Ростов-на-Дону, Иркутск, Ялта*; гидронимами: *Волга, Черное море, Байкал*. Отметим, что указанные в учебнике достопримечательности сосредоточены в Москве и Санкт-Петербурге: *Чистые пруды, Дом Пашкова, Манежная площадь, Воробьевы горы, Эрмитаж*. В учебнике базового уровня содержится большее количество прецедентных имен: *А. Пушкин, А. Чехов, И. Левитан, Петр Великий, С. Есенин, М. Ломоносов, Ю. Гагарин* и др.

Третья часть учебника «Дорога в Россию» (ч. 1, 2) предназначена для изучения русского языка на I сертификационном уровне. Для этой части учебного комплекса характерно значительное увеличение прецедентных имен, знаме-

нитых культурных, научных и общественных деятелей: *П. Третьяков, Д. Шостакович, Е. Евтушенко, З. Церетели, В. Васнецов, Д. Менделеев, С. Королев, А. Розенбаум* и др. Расширяется круг освещаемых вопросов и дискуссионных тем: образ современной семьи, проблемы молодежи, вопросы науки, система образования в России. При этом больше всего событий происходит в Москве, описываемые достопримечательности также принадлежат столице: *Тверская улица, памятник Юрию Долгорукому, Большой театр, памятник А. Островскому, Московский Кремль*, его история и храмы.

Рассмотрим другой популярный учебник по РКИ — Л. В. Миллер, Л. В. Политовой, И. Я. Рыбаковой «Жили-были»^{5,6}. Анализируя содержание первой части учебника в аспекте использования топонимов, отметим упоминание большого количества достопримечательностей Санкт-Петербурга: *Эрмитаж, Русский музей, Летний сад, Петропавловская крепость, Петергоф, Дворцовая площадь, Нева, Мариинский театр*. Встречаются такие топонимы, как *Карелия, Кавказ, Байкал, Волга*.

Во второй части учебника, предназначенной для обучения на базовом уровне, содержатся следующие наименования городов: *Санкт-Петербург, Новгород, Павловск*; гидронимы: *Волга, Байкал, Балтийское море, Нева, Финский залив*. Достопримечательности также сосредоточены в Санкт-Петербурге: *Летний сад, Русский музей, Исаакиевская площадь, Эрмитаж, Петропавловская крепость, Исаакиевский собор, Невский проспект, военно-морской музей, музей-квартира Ф. М. Достоевского*. В учебнике базового уровня содержится большее количество прецедентных имен: *Л. Толстой, В. Гюгенов, Ю. Гагарин, М. Калашников, В. Путин, У. Лопаткина, Н. Водянова, В. Маяковский, С. Довлатов, А. Маринина* и др.

Таким образом, в первую очередь, иностранных учащихся знакомят с теми городами, которые представляют Россию мировому сообществу и содержат большое количество достопримечательностей, культурных и исторических памятников, — Москвой и Санкт-Петербургом. Анализируемые учебные материалы демонстрируют, что образ страны в целом и образ города в частности

¹ Антонова В. Е., Нахабина М. М., Толстых А. А. Дорога в Россию: учебник русского языка (элементарный уровень). 20-е изд. СПб: Златоуст. 2024. 341 с.

² Антонова В. Е., Нахабина М. М., Толстых А. А. Дорога в Россию: учебник русского языка (базовый уровень). 17-е изд. СПб: Златоуст. 2021. 256 с.

³ Антонова В. Е., Нахабина М. М., Толстых А. А. Дорога в Россию: учебник русского языка (первый уровень). В 2 т. Т.1. 12-е изд., доп. СПб: Златоуст. 2020. 200 с.

⁴ Антонова В. Е., Нахабина М. М., Толстых А. А. Дорога в Россию: учебник русского языка (первый уровень). В 2 т. Т.2. 12-е изд., доп. СПб: Златоуст. 2021. 184 с.

⁵ Миллер Л. В., Политова Л. В., Рыбакова И. Я. Жили-были... 28 уроков русского языка для начинающих: учебник. СПб: Златоуст, 2021. 152 с.

⁶ Миллер Л. В., Политова Л. В. Жили-были... 12 уроков русского языка. Базовый уровень: учебник; под редакцией А. В. Голубевой. 9-е изд. СПб: Златоуст, 2019. 200 с.

включает несколько компонентов: географический, образовательный, культурно-исторический, досуговый, бытовой.

Региональный компонент в обучении русскому языку как иностранному

Рассмотрим понятие «региональный компонент», его место и роль в преподавании РКИ. Отметим, что единого подхода к определению регионального компонента в науке не сформировано. В ряде исследований (Е. Е. Вяземский, Э. Д. Днепров, Т. В. Сафонова) говорится о дифференциации регионального и национально-регионального компонентов. Л. Н. Антонова понимает под региональным компонентом «совокупность знаний, отражающих культурные, этнические, исторические, природные, экономические особенности конкретного региона» [Антонова, 2021, с. 2].

Еще один вопрос, который возникает при обращении к региональному компоненту, — как выбрать и определить его составляющие. На наш взгляд, следует исходить из основных потребностей иностранцев, оказавшихся в новом для них регионе проживания: актуальность получает то, что соответствует реальным интересам студентов.

Ряд авторов, подчеркивая необходимость включения регионального компонента в обучение русскому языку, предлагают свои варианты знакомства со спецификой города. Д. Д. Дмитриева в статье «Лингвострановедческий аспект в системе обучения русскому языку как иностранному (на примере кафедры русского языка и культуры речи КГМУ)» показывает опыт работы со страноведческим материалом в Курском государственном медицинском университете. Иностранные студенты изучают такие темы, как «Россия на карте мира», «Курск — древний и молодой город». Автор представляет план, в соответствии с которым студенты знакомятся со страной или с городом [Дмитриева, 2019, с. 47]. Тема «Россия на карте мира» включает в себя обсуждение вопросов политического устройства, географического положения, климата, природы, полезных ископаемых, истории и культуры России, т. е. делается акцент на описание страны в целом, а не отдельных ее городов.

Е. В. Дишкант, Ш. Ли в работе «Применение страноведческих материалов на уроках русского языка как иностранного в китайской аудитории» приводят примеры поурочных разработок с использованием предтекстовых и послетекстовых заданий на такие темы, как «Путешествие по старинным городам «Золотого кольца России»: Сергиеву Посаду, Ярославлю, Костроме, Плёсу», «Бело-

каменная архитектура Владимира», «Ростов Великий», «Шедевры Великого Новгорода». Авторы приходят к выводу, что лингвострановедческий материал можно использовать практически на любом уроке русского языка как иностранного [Дишкант, Ли, 2018]. Здесь представлено знакомство с историей российского государства, лингвокультурологический комментарий при описании исторических деятелей (Андрей Боголюбский, Юрий Долгорукий). После предтекстовой работы предполагается просмотр фильма, который знакомит учащихся с основными достопримечательностями: Успенский и Дмитриевский соборы, церковь Покрова на Нерли, Золотые ворота и др. Таким образом, как в лексических, так и в грамматических заданиях прежде всего описываются культурные реалии и исторические деятели.

Н. А. Выхованец в статье «Региональный компонент как основа культууроориентированной методики преподавания РКИ» делает акцент на историческом и географическом краеведческом материале на примере Дальнего Востока. Автор рассматривает топоним *Хабаровск*, в работе представлены примеры учебных текстов и задания к ним, в частности, фрагмент интервью с историком моды Александром Васильевым, который после посещения Хабаровска поделился с журналистами своими впечатлениями. Описывается архитектура города, основные достопримечательности (*исторический центр; набережная Амура; краеведческий музей; музыкальные фонтаны*).

Л. Ц. Тарчимаева и Х. Ван в статье «Роль регионального текста в обучении русскому языку иностранцев в условиях языковой среды» приводят фрагмент разработки, посвященной национальным свадебным обычаям. Авторы используют большое количество лексем (*хадак, дацан, лама, бурхан*), дают определения понятий (*ёхор — бурятский народный танец*). Послетекстовые задания направлены на понимание текста и развитие лексических навыков (*Соедините начало и конец предложения. Например, старейшина — ..., хадак — ...*).

И. Н. Анисимова, О. А. Петрова в работе «О важности краеведческих знаний при обучении русскому языку как иностранному» приводят материалы о городе проживания — тексты «*Чувашский государственный университет*» и «*Чебоксары*». Текст о вузе предполагается давать при изучении предложного падежа на элементарном уровне. В качестве предтекстовых заданий предлагаются задания по отработке фонетических навыков. Например, лексемы со свистящими согласными звуками [ч], [ш], [с]: *Чувашская Республика,*

Чебоксары, Введенский собор и др. Перед чтением текста предлагаются вопросы, направленные на актуализацию знаний о городе: *Где находится город Чебоксары? Какая река здесь протекает? Какие виды транспорта есть в Чебоксарах?*

Таким образом, в научно-методических статьях не представлена единая концепция целого образа города/региона. При описании образа города авторы выводят на первый план следующие компоненты: история города, описание достопримечательностей, система образования, известные люди, наименования городских объектов, местные национальные обычаи.

Рассмотрим вариант репрезентации регионального компонента при обучении РКИ на примере пособий: 1) Хелал (Березовская) Я. Л., Шарафутдинова О. И. Тема «Город» на уроках русского языка как иностранного; 2) Хелал (Березовская) Я. Л., Ярошенко О. Н., Кадермятова А. М. Тема «Университеты России» на уроках русского языка как иностранного; 3) Басова Л. В., Драчёва С. О., Почтарёва О. В., Рацен Т. Н., Шарафутдинова О. И. ТюмГУ — территория успеха!

Укажем темы, связанные с университетом, поскольку работа с текстами на данную тематику вызывает особый интерес иностранцев, позволяя максимально приблизить учащихся к реальной ситуации живого общения и месту обучения. Кроме того, данные тексты помогают преподавателям решать профориентационную задачу, знакомя слушателей и студентов с вузами России.

Учебное пособие «Тема “Город”» на уроках русского языка как иностранного» состоит из адаптированных учебных текстов, по тематике и содержанию связанных с темой «Город»⁷. Тексты посвящены ключевым инфраструктурным объектам города (университет, общежитие, парки, театры и пр.) и сопровождаются заданиями комплексного характера, направленными на формирование речевой компетенции. Рассмотрим текст «Мой университет», предназначенный для учащихся начального уровня.

Лексика, которая используется в тексте, соответствует элементарному уровню владения РКИ (*университет, аудитория, урок, библиотека, столовая, друг, грамматика; большой, красивый; учиться, любить, идти, ходить, знать, нравиться*); при предъявлении грамматического материала представлен предложный падеж (*учиться+*

где?), винительный падеж (*ходить + куда? любить + кого? что?*). Послетекстовые задания направлены на понимание прочитанного (*Опишите университет; Ответьте на вопросы: где можно читать книги? где можно обедать?*). Задание 2 направлено на формирование речевой компетенции. Учащимся необходимо прочитать диалог и составить свой по образцу: — *Здравствуйте!* — *Здравствуйте!* — *Скажите, пожалуйста, где библиотека?* — *Вот она, слева.* — *Спасибо!* — *Пожалуйста.* Указанные формы заданий позволяют проверить сформированность речевой компетенции в различных ситуациях общения.

Учебное пособие «Тема “Университеты России” на уроках русского языка как иностранного» адресовано как учащимся, владеющим языком на базовом и I уровнях, так и преподавателям РКИ⁸.

Рассмотрим текст «Челябинский государственный университет». Предтекстовые задания включают в себя словарь и лингвострановедческий комментарий на английском языке (*Аркаим*). Послетекстовые задания направлены на понимание текста. Представим примеры заданий: *I. Прочитайте предложения из текста. Выберите верный вариант ответа: а) правильно, б) неправильно. 1. ЧелГУ — один из ведущих научных центров Южного Урала. 2. Один из филиалов ЧелГУ располагается в республике Казахстан. 3. В ЧелГУ нет ботанического сада. II. Ответьте на вопросы: 1. В каком году основали Челябинский государственный университет? 2. Где занимаются вокальные, танцевальные, театральные коллективы университета? 3. Как называется газета университета? 4. Вы хотите учиться в ЧелГУ? Почему?*

Лексико-грамматическое задание проверяет знание лексической сочетаемости, а также позволяет повторить род имен существительных, согласование с прилагательными в именительном падеже: *Найдите пары слов. Составьте с ними предложения.*

научный | сад
университетская | центр
ботанический | набережная

Часть заданий связана с ориентацией в виртуальных ресурсах: *Посмотрите виртуальную экскурсию по Аркаиму и расскажите, что интересного там можно увидеть: <https://arkaim-center.ru/sites/default/files/3D/index.html>.* Отдельное задание

⁷ Хелал (Березовская) Я. Л., Шарафутдинова О. И. Тема «Город» на уроках русского языка как иностранного. 2-е изд., доп. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2018. 58 с.

⁸ Хелал (Березовская) Я. Л., Ярошенко О. Н., Кадермятова А. М. Тема «Университеты России» на уроках русского языка как иностранного. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2021. 54 с.

направлено на формирование монологической речи, — рассказ о внеучебной жизни, связанной с проведением досуга, развитием творческих способностей иностранных учащихся: *Расскажите о внеучебной жизни студентов ЧелГУ. Какие направления есть в Центре творчества студентов?*

Учебное пособие «ТюмГУ — территория успеха» направлено на знакомство иностранных студентов с историей, реалиями и особенностями обучения и пребывания в Тюменском государственном университете⁹.

Рассмотрим раздел «ТюмГУ в цифрах», представляющий Тюменский государственный университет в современном образовательном и научном пространстве как российского, так и мирового уровня.

Предтекстовые задания направлены на повторение количественных числительных, что обусловлено тематикой раздела; работу со сложными лексемами, включающими аббревиатуры и сложные понятия, требующие специального комментария в связи со спецификой организации учебного процесса: 1) *Прочитайте примеры и объясните, что такое «аббревиатура»: вуз = высшее учебное заведение, ТюмГУ = Тюменский государственный университет. Расшифруйте аббревиатуры самостоятельно: ТИУ, МГУ, СПбГУ;* 2) *Прочитайте слова и словосочетания. Проверьте значение незнакомых слов в словаре: образовательное учреждение, образовательная программа, выпускник, аспирант, профессиональная подготовка, фестиваль.*

Послетекстовые задания направлены на проверку понимания текста и представляют собой ряд вопросов: *сколько лет существует ТюмГУ? В каком году ТюмГУ отметит свой юбилей? Сколько образовательных программ в ТюмГУ? Какое направление подготовки вы выбрали и почему? и т. п.* В послетекстовые задания включены упражнения, предполагающие повторение лексико-грамматического материала (числительные, отглагольные прилагательные, лексические единицы, отражающие специфику обучения в университете): 1) *Напишите все предложения, в которых есть числительные;* 2) *Выберите в каждом ряду лишнее слово или словосочетание: а) университет, высшее учебное заведение, образовательное учреждение,*

библиотека; б) студент, аспирант, учащийся, вуз; 3) *Определите, от каких глаголов образованы существительные: совершенствование, обучение, подготовка, исследования.*

Отдельный блок заданий посвящен ориентированию учащихся на карте России и карте мира — *посмотрите на карту России и карту мира, выполните задания: 1) найдите на карте Западную Сибирь и Тюменскую область; 2) покажите на карте город Тюмень; 3) покажите, какие города находятся рядом с Тюменью; 4) определите, какие области находятся рядом с Тюменской областью.* Задания данного типа, на наш взгляд, являются целесообразными, поскольку не все учащиеся знакомы с географией России в целом и отдельного региона в частности, не всегда могут соотносить местоположение своей страны относительно других стран.

Следующий этап работы направлен на формирование коммуникативной компетенции. Данная задача решается с помощью задания, предлагающего учащимся принять участие в дискуссии: 1) *объясните, как вы понимаете: цифровые технологии в обучении, дистанционное обучение;* 2) *примите участие в дискуссии на тему «Достоинства и недостатки дистанционного обучения». В ходе дискуссии обсудите вопросы: Можно ли сейчас учить и учиться без применения цифровых и дистанционных технологий? Какие ресурсы предлагает ТюмГУ для дистанционного обучения? Подобная тематика и форма организации занятия отражает вопросы, возникающие в реальном учебном процессе, и позволяет отработать алгоритм действий, необходимых при онлайн-обучении: получение ссылки, запись на курс, просмотр видео, выполнение заданий и т. п.*

Таким образом, в центральных изданиях зачастую региональный компонент остается без внимания, поэтому отдельные вузы восполняют пробел самостоятельно. Рассмотренные в статье учебные пособия предлагают набор текстов и заданий, репрезентирующих Челябинск (город и университет) и Тюмень (Тюменский государственный университет), что позволяет иностранным учащимся познакомиться с местом обучения и спецификой организации образовательного процесса в конкретном университете, а преподавателям облегчает работу над поиском дополнительных материалов.

Заключение

Обучение русскому языку как иностранному связано с местом обучения, в качестве которого может оказаться любой регион Российской Федерации по выбору иностранного студента.

⁹ Басова Л. В., Драчёва С. О., Почтарёва О. В., Рацен Т. Н., Шарафутдинова О. И. ТюмГУ — территория успеха: учебное пособие; отв. ред. Л. В. Басова; Министрство науки и высшего образования Российской Федерации, Тюменский государственный университет, Институт социально-гуманитарных наук. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2024. 84 с.

При этом первоначально иностранные обучающиеся имеют общие представления о России, полученные в родной стране. Как правило, эти представления связаны со столицей, репрезентирующей Россию в целом. Во время обучения в регионе иностранец сталкивается с реалиями, характерными для определенной области. Следовательно, для адаптации к месту обучения и интеграции в образовательное поле конкретного вуза актуальным является учет региональной специфики.

Исследование учебных материалов, отражающих региональный компонент, показало, что при достаточно большом количестве существующих методических разработок, которые касаются отдельных аспектов, не сформирован цельный об-

раз региона или города, что является масштабной задачей, которую сложно реализовать в условиях ограниченного учебного времени.

Предложенная в статье концепция учебных пособий не претендует на то, чтобы полностью обеспечить учебный процесс. Разработанный материал можно использовать как на занятиях по страноведению, так и в рамках основного курса РКИ параллельно с основным учебником, выбранным преподавателем, или в качестве дополнительных заданий при рассмотрении регионального компонента (например, при изучении темы «Университеты», при посещении театров, музеев и пр.). Преимуществом является то, что у преподавателя есть возможность выбирать отдельные блоки и темы, варьируя их в зависимости от учебной программы.

Список источников

1. Анисимова И. Н., Петрова О. А. О важности краеведческих знаний при обучении русскому языку как иностранному (из опыта использования элементарного лингвокраеведческого материала в преподавании русского языка слушателям подготовительного отделения Чувашского государственного университета) // Вестник Чувашского университета. Филологические науки. Языкознание. 2015. № 4. С. 223–227.
2. Антонова Л. Н. Лингвострановедческий аспект преподавания РКИ с учетом регионального компонента (на примере республики Саха (Якутия): дис. ... канд. педагогических наук. М., 2022. 239 с.
3. Антонова Л. Н. Региональный компонент в преподавании русского языка как иностранного: уточнение понятия // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2021. № 11. С. 1–15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnyy-komponent-v-prepodavanii-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo-utochnenie-ponyatiya/viewer> (дата обращения: 31.01.2025).
4. Бакурова Е. Н. Региональный компонент содержания обучения иностранному языку // Научные известия. 2021. № 22. С. 7–15.
5. Башарова Н. Ф., Фархетдинова Г. Д. Региональный компонент в преподавании русского языка как иностранного // Казанский педагогический журнал. 2018. № 1. С. 99–102.
6. Васильева Ю. А. Региональный эргономический материал в преподавании русского языка как иностранного (на примере эргонимов города Симферополя) // Диалог культур. Теория и практика преподавания языков и литератур. Симферополь, 09–11 октября 2018 г. / Под ред. В. В. Ореховой, Е. Я. Титаренко. Симферополь: ООО «Ариал». С. 107–111.
7. Выхованец Н. А. Региональный компонент как основа культууроориентированной методики преподавания РКИ // Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ». 2015. Т. 6. № 4. С. 424–428. URL: https://togudv.ru/media/ejournal/articles-2015/TGU_6_218.pdf (дата обращения: 31.01.2025).
8. Дишкант Е. В., Ли Ш. Применение страноведческих материалов на уроках русского языка как иностранного в китайской аудитории // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. Педагогические науки. 2018. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-stranovedcheskih-materialov-na-urokah-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo-v-kitayskoy-auditorii> (дата обращения: 31.01.2025).
9. Дмитриева Д. Д. Лингвострановедческий аспект в системе обучения русскому языку как иностранному (на примере кафедры русского языка и культуры речи КГМУ) // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 3 (28). С. 46–48.
10. Закирова И. А. Региональный компонент гуманитарного образования в высшей технической школе: дис. ... канд. педагогических наук. Казань, 1998. 185 с.
11. Лукьяненко И. Н. Лингвокультурный потенциал географических реалий (на материале лингвострановедческого словаря Калининградской области) // Современная парадигма преподавания и изучения русского языка как иностранного: материалы международной научно-практической конференции, г. Москва, 15–16 февраля 2019 г. / под общ. ред. С. А. Вишнякова [Электронное издание]. М.: МПГУ, 2019. С. 232–237.

12. Пылкова А. А. Педагогический дизайн учебного пособия по русскому языку как иностранному с учетом регионального компонента: концепция коммуникативного моделирования на примере краеведческого материала Хабаровска // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 1. С. 223–231.
13. Тарчимаева Л. Ц., Ван Х. Роль регионального текста в обучении русскому языку иностранцев в условиях языковой среды // Современное педагогическое образование. 2021. № 1. С. 73–86.
14. Чупановская М. Н., Маклакова Т. Б. Региональный компонент на занятиях по русскому языку как иностранному (лингвокультурный комментарий краеведческого материала Иркутской области) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 3. С. 348–352.
15. Шубина Н. С. Региональный компонент на уроках русского языка с иностранными студентами (на примере карельских реалий) // Обучение русскому языку как иностранному в современном образовательном пространстве: Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Ульяновск, 09-10 июня 2020 года / Под общей редакцией Е. В. Корочкиной. Ульяновск: Ульяновский государственный технический университет, 2021. С. 78–83.

References

1. Anisimova IN, Petrova OA. O vazhnosti kraevedcheskikh znaniy pri obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu (iz opyta ispol'zovaniya elementarnogo lingvokraevedcheskogo materiala v prepodavanii russkogo yazyka slushatelyam podgotovitel'nogo otdeleniya Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta) = On Importance of Local Lore in Teaching Russian as Foreign Language (Based on Case Study of Using Elementary Local-lore-oriented Linguistic Materials in Teaching Russian to Foreign Students of Chuvash State University Preparatory Department). *Vestnik Chuvashskogo universiteta. Filologicheskie nauki. Yazykoznanie = Bulletin of Chuvash University. Philological Sciences. Linguistics*. 2015;(4):223-227. (in Russ.).
2. Antonova LN. Lingvostranovedcheskiy aspekt prepodavaniya RKI s uchetom regional'nogo komponenta (na primere respubliki Sakha (Yakutiya) = Culture-oriented Linguistics Aspect of Teaching Russian as Foreign Language with Consideration to Regional Component (Based on the Example of Republic of Sakha, Yakutia) = dissert. ... Cand. of Sciences (Pedagogy). M., 2022. 239 p. (in Russ.).
3. Antonova LN. Regional'nyy komponent v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo: utochnenie ponyatiya = Regional component in teaching Russian as a foreign language: specification of the concept. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Kontsept» = Scientific and methodological electronic journal "Concept"*. 2021;(11):1-15. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnyy-komponent-v-prepodavanii-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo-utochnenie-ponyatiya/viewer> (accessed on: 31.01.2025). (in Russ.).
4. Bakurova EN. Regional'nyy komponent sodержaniya obucheniya inostrannomu yazyku = Regional Component in the Content of Teaching Foreign Language. *Nauchnye izvestiya = Science issues*. 2021;(22):7-15. (in Russ.).
5. Basharova NF, Farkhetdinova GD. Regional'nyy komponent v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo = Regional Component in Teaching Russian Language as Foreign. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal = Kazan Pedagogical Journal*. 2018;(1):99-102. (in Russ.).
6. Vasilyeva YuA. Regional'nyy ergonomicheskiy material v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo (na primere ergonimov goroda Simferopolya) = Regional Ergonomic Materials in Teaching Russian as a Foreign Language (Case-Study of Ergonyms of the City of Simferopol). *Dialog kul'tur. Teoriya i praktika prepodavaniya yazykov i literatur = Dialogue of Cultures. Theory and Practice of Teaching Language and Literature*. Simferopol, October 09-11, 2018. Edit. by VV Orekhova, EYa Titarenko. Simferopol: OOO "Arial". pp. 107-111. (in Russ.).
7. Vykhanetc NA. Regional'nyy komponent kak osnova kul'turoorientirovannoy metodiki prepodavaniya RKI = The Regional Component as the Basis of Culture-oriented Teaching Methodology of Russian as a Foreign Language. *«Uchenye zametki TOGU» = Electronic scientific journal "Scientists notes PNU"*. 2015;6(4):424-428. Available at: https://togudv.ru/media/ejournal/articles-2015/TGU_6_218.pdf (accessed on: 31.01.2025). (in Russ.).
8. Dishkant EV, Li Sh. Primenenie stranovedcheskikh materialov na urokakh russkogo yazyka kak inostrannogo v kitayskoy auditorii = The Use of Materials with Components of Country Studies on Lessons Learning Russian as a Foreign Language in the Chinese Audience. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Pedagogicheskie nauki = The Herald of South-Ural State Humanities-Pedagogical University. Pedagogical Sciences*. 2018;(8). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-stranovedcheskikh-materialov-na-urokah-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo-v-kitayskoy-auditorii> (accessed on: 31.01.2025). (in Russ.).

9. Dmitrieva DD. Lingvostranovedcheskiy aspekt v sisteme obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu (na primere kafedry russkogo yazyka i kul'tury rechi KGMU) = Linguistic-Cultural Aspect in the System of Teaching Russian as Foreign Language (Case-Study of the Department of Russian Language and Speech Culture of KSMU). *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal = Baltic Humanitarian Journal*. 2019;8(3(28):46-48. (in Russ.).

10. Zakirova IA. Regional'nyy komponent gumanitarnogo obrazovaniya v vysshey tekhnicheskoy shkole = Regional component of humanitarian education in higher technical school. = dissert. ... Cand. Sci. (Pedagogy). Kazan, 1998. 185 p. (in Russ.).

11. Lukyanenko IN. Linguocultural Lingvokul'turnyy potentsial geograficheskikh realiy (na materiale lingvostranovedcheskogo slovary Kaliningradskoy oblasti) = Potential of Geographic Realia (on the Materials of Culture-Oriented Linguistics Dictionary of the Kaliningrad Region). *Sovremennaya paradigma prepodavaniya i izucheniya russkogo yazyka kak inostrannogo = Modern Paradigm of Teaching and Studying Russian as a Foreign Language: Proceedings of International Science-to-Practice Conference*. Moscow, February 15-16, 2019/gen. edit. by SA Vishnyakov [Electronic edition]. M.: MPGU, 2019. Pp. 232-237. (in Russ.).

12. Pylkova AA. Pedagogicheskiy dizayn uchebnogo posobiya po russkomu yazyku kak inostrannomu s uchetom regional'nogo komponenta: kontseptsiya kommunikativnogo modelirovaniya na primere kraevedcheskogo materiala Khabarovska = Development of Regionally Oriented Electronic Textbook on Russian as a Foreign Language (Based on the Materials of the Khabarovsk Region). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*. 2021;14(1):223-231. (in Russ.).

13. Tarchimaeva LTs, Wang H. Rol' regional'nogo teksta v obuchenii russkomu yazyku inostrantsev v usloviyakh yazykovoy sredy = The role of the regional text in teaching Russian to foreigners in the language environment. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie = Modern Pedagogical Education*. 2021;(1):73-86. (in Russ.).

14. Chupanovskaya MN, Maklakova TB. Regional'nyy komponent na zanyatiyakh po russkomu yazyku kak inostrannomu (lingvokul'turnyy kommentariy kraevedcheskogo materiala Irkutskoy oblasti) = Regional Component in Classes of Russian as a Foreign Language (Linguo-cultural Commentary of Local History Material of Irkutsk Region). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*. 2019;12(3):348-352. (in Russ.).

15. Shubina NS. Regional'nyy komponent na urokakh russkogo yazyka s inostrannymi studentami (na primere karel'skikh realiy) = Regional Component in Russian Language Lessons with Foreign Students (using Karelian Realities as an Example). *Obuchenie russkomu yazyku kak inostrannomu v sovremenном obrazovatel'nom prostranstve = Teaching Russian as a Foreign Language in the Modern Educational Space: Proceedings of International Science-to-Practice Conference*. Ulyanovsk, June 09-10, 2020. Gen. edit. by E.V. Korochkina. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Technical University, 2021. Pp. 78-83. (in Russ.).

Информация об авторах

Я. Л. Хелал — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка как иностранного.

О. И. Шарафутдинова — кандидат филологических наук, доцент

Information about the author

Ya. L. Helal — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian as a Foreign Language.

O. I. Sharafutdinova — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 15.01.2025; одобрена после рецензирования 12.02.2025; принята к публикации 30.04.2025.

The article was submitted 15.01.2025; approved after reviewing 12.02.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

ГОРИЗОНТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ДЕКОДИРОВАНИЯ

HORIZONS OF INTERPRETATION AND DECODING

Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 5 (499). С. 120–127.

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025;(5(499)):120-127.

УДК 81'42

Научная статья

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-120-127

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА ЕВАНГЕЛЬСКОГО ПРИТЧЕВОГО ДИСКУРСА

Елена Михайловна Алексеева

Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Россия, welizhanina@mail.ru,
0009-0007-3169-6281

Аннотация. Статья посвящена исследованию категории хронологической перспективы, под которой понимается совокупность временных параметров и объектов, находящиеся в зависимости от точки зрения наблюдателя и референтно обращенные к семантическому ядру «время» / «Вечность». Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения лингвостилистических особенностей репрезентации хронологической картины видения, что позволяет выделить претативное своеобразие Верховной точки зрения. Теоретические основания исследования связаны с концептуальными положениями теории интерпретативного перспективирования и хронологической перспективы. Исследование проводилось на материале евангельского притчевого дискурса в русском и немецком переводах. Выявление и описание лингвостилистических параметров хронологической картины видения предполагало использование следующих методов: метод перспективирования, описательно-аналитический, семантико-контекстуальный и сравнительно-сопоставительный методы. В ходе исследования установлено, что на этапе поля глобализация хронологической картины видения приводит к тематизации темпоральных объектов на житейском уровне и этернатальных символов на сакрально-религиозном уровне евангельского притчевого дискурса. На этапе угла видения обнаружено, что аспектуализация хронологической перспективы приводит к спецификации рассматриваемых объектов: 1) брэнность видимого времени; 2) конечность видимого времени. На этапе фокуса хронологического видения выявлено, что фокализация аспектов рассматриваемой картины видения приводит к акцентуализации идей: о наступлении некоего важного события для человека как открытие времени о самом себе (καίρός); идея о времени как о духовном действии (nicht schlafend, beten und nicht nachlassen); идея духовной вечности этернатального символа Слово Божие (das Wort Gottes).

Ключевые слова: хронологическая перспектива, духовная точка зрения, поле видения, угол видения, фокус видения, евангельская притча, интерпретативные лингвостилистические черты

Для цитирования: Алексеева Е. М. Хронологическая перспектива евангельского притчевого дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 5 (499). С. 120–127. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-120-127.

Original article

CHRONOLOGICAL PERSPECTIVE OF GOSPEL PARABLE DISCOURSE

Elena M. Alekseeva

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia. welizhanina@mail.ru, 0009-0007-3169-6281

Abstract. The article is devoted to the category of the chronological perspective in the Gospel parables as a set of temporal objects depending on the point of view of the observer and referentially addressed to the semantic core of “time” / “Eternity”. The relevance of the research is due to the need for a complex study of the linguostylistic features for the representation of the chronological picture of vision to identify the pretative originality of the Supreme

point of view. The theoretical foundations of the study are related to the conceptual provisions of the theory of interpretative perspectivation and chronological perspective. We conducted our study on the material of the gospel parable discourse in Russian and German translations. For the identification of the linguostylistic parameters of the chronological picture of vision were the methods used: the perspectivation method, the descriptive-analytical method, the semantic-contextual method, the comparative method. We found the following linguostylistic tendencies: at the stage of the field the globalization of the chronological picture of vision leads to the thematization of temporal objects at the worldly level and eternal symbols at the sacred-religious level of the evangelical parable discourse. At the stage of the angle of vision the aspectualization of the chronological perspective leads to the specification of the temporal objects: 1) the transience of visible time; 2) the finiteness of visible time. At the stage of the focus of chronological vision the focalization of aspects leads to the accentuation of ideas: the occurrence of an important event for a person as the discovery of time about himself; the idea of time as a spiritual action; the idea of the spiritual eternity of the eternal symbol of the Word of God.

Keywords: chronological perspective, spiritual point of view, field of chronology vision, angle of chronology vision, focus of chronology vision, gospel parable, interpretive linguostylistic features

For citation: Alekseeva EM. Chronological Perspective of Gospel Parable Discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(5(499)):120-127. (In Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-120-127.

Введение

Категория времени как общезначимая категория текста является в ментальном отношении универсалией (наряду с категориями пространства, модальности, перспективы, интерпретации и т. д.). Проведенный рядом ученых анализ темпоральной категории показал, что время в тексте структурировано, как и любая другая моделирующая система [3; 4; 5; 6; 8; 14; 15 и мн. др.]. Художественное время способно изображать реальные события (процессуальность, длительность и др.) или быть оторванным от действительности (абстрактное время) [7; 13]. Мы полагаем, что категория времени может являться своеобразным манифестом текста, то есть воплощать его определенную идею и точку зрения наблюдателя [9; 17, с. 386–387]. В данной работе мы изучаем категорию времени, используя категорию текстовой перспективы [9; 10; 11], которая помогает представить время как хронологическую картину интерпретативного видения, что в свою очередь позволяет выделить нам претативность, т. е. уникальность, самобытность, своеобразие Верховной точки зрения.

Актуальность данной работы связана с тем, что концепция «текстохронологического перспективирования», соответствует, на наш взгляд, стоящим на повестке дня вопросам выработки универсальных категорий интерпретации текста и лингвостилистики, и потому нуждается в научном обосновании.

Объектом исследования выступает феномен хронологической интерпретативной перспективы в евангельском притчевом дискурсе.

Цель исследования — рассмотреть лингвостилистические параметры хронологической перспективы в евангельском притчевом дискурсе.

Для реализации обозначенной цели в ходе исследования необходимо выполнить следующие **задачи**: 1) определить категорию хронологической перспективы евангельской притчи; 2) описать параметры/этапы и особенности лингвостилистической репрезентации хронологической перспективы в евангельском притчевом дискурсе; 3) сравнить и сопоставить немецкоязычные и русскоязычные варианты перевода евангельских притч с целью демонстрации универсального характера хронологической перспективы на лингвостилистическом уровне.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые выявлены лингвостилистические параметры отображения хронологической перспективы в тексте евангельской притчи на материале немецкого и русского языков.

Материал и методы исследования

В качестве материала исследования использованы тексты евангельских притч в немецком переводе (редакция 1964 г.¹) и их Синодальный перевод на русский язык², кроме того мы обращаемся к текстам притч на церковнославянском³ и греческом языках⁴.

Комплексный подход к изучению объекта научного исследования обусловил выбор следующих методов: метод перспективирования, описательно-аналитический, семантико-контекстуальный и сравнительно-сопоставительный методы.

¹ Die Luther-Bibel von 1984. URL: <http://www.die-bibel.de/online-bibeln/luther-bibel-1984/ueber-die-lutherbibel/> (дата обращения: 10.01.2025).

² Новый завет. Псалтырь. Притчи. М., 2005. 425 с.

³ URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Lk.21:29-33> (дата обращения: 15.01.2025).

⁴ URL: <https://azbyka.ru/biblia/?Mk.13:33> (дата обращения: 15.01.2025).

Результаты исследования и обсуждение

Категория хронологической перспективы описана в концепции театативной интерпретации Н. Д. Маровой в рамках понятия ноохронотопа (греч. *noos, nous* «дух, разум» + *chronos* «время» + *topos* «место»), и понимается как изображение временных параметров текстовой картины видения с точки зрения наблюдателя [10, с. 392–411].

Претативная (лат. *pretiose* «драгоценный») самобытность текста евангельской притчи связана с точкой зрения Иисуса Христа, которая манифестирует многомерную структуру всего евангельского притчевого дискурса, т. е. его хронологическое, пространственное и духовное содержание. Притча (греч. *παράβολη* «сопоставлять, сравнивать что-то с чем-то») своей онтологической параболичностью указывает на семантику слияния конкретного и абстрактного уровней, следовательно, на семантику взаимопроникновения имманентной и трансцендентной сфер. Категория трансцендентного (лат. *transcendere* «переступить, переходить за пределы») мыслится как области, выходящие за пределы нашего сознания, понятия в которых существуют априори и являются непостижимыми Абсолютами: Бог, душа, вечность и т. п. Категория *Вечности*, актуализирующаяся в качестве Высшей Трансценденции, становится в евангельском притчевом дискурсе смысловым (семантическим) ядром хронологической перспективы. Таким образом, под *хронологической перспективой евангельской притчи* мы понимаем совокупность временных параметров и объектов, представленных на конкретном / житейском и духовном / сакрально-религиозном / трансцендентном уровнях (т. е. чувственно недоступные), которые находятся в зависимости от точки зрения Высшего Наблюдателя и референтно обращены к семантическому ядру (символу) «время» / «Вечность».

Продемонстрируем первый этап перспективирования — поле видения, помогающий выявить объекты интерпретационной хронологической картины видения. На лингвостилистическом уровне — это глобализация видения, которая приводит к тематизации хронологической картины видения.

Поле хронологического видения на житейском уровне образуют неоднократно повторяющиеся объекты времени, выраженные существительными с темпоральной семантикой, которые тематизированы следующим образом:

– длительность отрезков времени: век, год, неделя (*die Welt, das Jahr, die Woche*);

– циклические природные явления: лето, утро, день, вечер, ночь, полночь, пение петухов (*der Sommer, der Morgen, der Tag, der Abend, die Nacht, die Mitternacht, der Hahnenschrei*);

– циклические события человеческой жизни, связанные с приемом пищи: обед, ужин (*die Mahlzeit, das Mittagmahl; das Abendmahl, das Abendessen*);

– часовой отрезок времени: час (*die Stunde*);

– торжественный прием: брачный пир, брак (*die Hochzeit*);

– возрастной период жизни (возрастная градация): дети, дева, младший сын, старший сын (*die Kinder, die Jungfrau, der jüngere Sohn, der ältere Sohn*);

– время сбора урожая: жатва (*die Ernte*);

– длительность, не имеющую границ: вечность (*die Ewigkeit*);

– длительность: время (*die Zeit*);

– физиологическое существование человека: жизнь (*das Leben*);

– прекращение жизни: кончина (*das Ende*).

Например, в притче «О Сеятеле» только в Евангелиях от Матфея и Марка (Мф. 13:3–23, Мк. 4:1–20) в русском переводе вводится темпоральный объект «век», обозначающий длительный промежуток, а в немецком переводе используется лексема «*die Welt*»: А посеянное в тернии означает того, кто слышит слово, но забота **века** сего и обольщение богатства заглушает слово, и оно бывает бесплодно (Bei dem aber unter die Dornen gesät ist, das ist, der das Wort hört, und die Sorge **der Welt** und der betrügerische Reichtum ersticken das Wort, und er bringt keine Frucht) (Мф. 13:22). В Евангелии от Луки в этой же притче в русском переводе данный объект не эксплицируется, однако в немецком переводе употребляется лексема *das Leben* (жизнь): Was aber unter die Dornen fiel, sind die, die es hören und gehen hin und ersticken unter den Sorgen, dem Reichtum und den Freuden *des Lebens* und bringen keine Frucht (А упавшие в тернии, это те, которые слушают слово, но, отходя, заботами, богатством и наслаждениями житейскими подавляются и не приносят плода) (Лк. 8:14).

На сакрально-религиозном уровне поле хронологического видения представлено многократно повторяющимися этерральными (лат. *aeternus* «вечный») символами, которые соотносятся со сферой Божественного, Вечного, т. е. со сферой, со-причастной Высшей Трансценденции, и тематизируются следующим образом:

– сверхъестественные бесплотные существа: Ангелы, Ангелы Божии (*die Engel, die Engel Gottes*);

– творец всего сущего: Бог (*Gott*);

– связующее звено между реальным и трансцендентным миром: Слово Божие, Слово о Царствии (*das Wort Gottes, das Wort von dem Reich*);

– внеземное, райское пространство: Царствие (Царство) Божие, Царствие Небесное (*das Reich Gottes; das Himmelreich, das Reich*);

– человеческая природа Иисуса Христа: Сын Человеческий (*der Menschensohn*).

Прием повторения темпоральных и этернальных символов на житейском и сакрально-религиозном уровнях, на наш взгляд, обуславливает не только глубину духовного видения Наблюдателя и богатство ассоциативных связей, но и подчеркивает эсхатологическую (греч. *ἔσχατον* «конечный, последний») и телеологическую (греч. *τέλειος* «цель, конец, совершение, завершение») претативность (важность) определенного символа, события / момента, а в итоге всей хронологической картины видения евангельского притчевого дискурса [16].

Продемонстрируем второй этап перспективирования — угол видения, помогающий раскрыть механизмы хронологической картины видения. На лингвостилистическом уровне — это интерпретативная аспектуализация видения, которая приводит к индивидуальной спецификации хронологического видения.

В приведенном выше примере из притчи «О Сеятеле» (Мф. 13:3–23, Мк. 4:1–20) темпоральный объект «*век (die Welt)*» актуализирует семантический признак «*бренность временного / материального мира*». Так, в русском переводе данный семантический признак усиливается посредством постпозиционного употребления указательного местоимения *сей* в значении «этот» (века сего), в немецком переводе эта деталь отсутствует. Лексема же *забота (die Sorge)* подчеркивает житейскую деятельность, направленную на благополучие лишь в земном мире. Обращает на себя внимание и разница в количественном обозначении объекта видения в немецком переводе у двух евангелистов, которая, как нам кажется, выражает особенность угла хронологического видения на житейском уровне. В немецком переводе множественное число лексемы *die Sorge* (в рус. переводе: *забота*) *die Sorgen der Welt* в Евангелии от Марка создает эффект умножения суетливой деятельности в земной жизни: А посеянное в тернии означает того, кто слышит слово, но забота **века сего** и обольщение богатства заглушает слово, и оно бывает бесплодно (*die hören das Wort, und die Sorgen der Welt und der betrügerische Reichtum und die Begierden nach allem andern drin-*

gen ein und ersticken das Wort, und es bleibt ohne Frucht) (Мк. 4:18–19).

В евангельской притче «О неверном управителе» (Лк. 16:1–13) выстраивается бинарная оппозиция темпорального объекта «*век (die Welt)*» и этернального символа «*свет (das Licht)*»: ибо сыны века сего догадливей сынов света в своем роде (*denn die Kinder dieser Welt sind unter ihres gleichen klüger als die Kinder des Lichts*) (Лк. 16:8). Такая поляризация подчеркивает существование Иного / Вечного / бесконечного измерения бытия, наделенного Трансцендентным Светом. Кроме того, через прием антитезы проявляется отрицательная семантика темпорального объекта «*век (die Welt)*» «лишенный духовного света»: но теперь ваше время и власть тьмы (Лк. 22:53).

В притче «О плевелах» (Мф. 13:24–43) темпоральный объект «*век (die Welt)*» облагается семантическими признаками, связанными с «конечностью / преходящестью временного мира / земного существования»: жатва есть **кончина века** (*Die Ernte ist das Ende der Welt*) (Мф. 13:39); так будет при **кончине века сего**: (*so wird's auch am Ende der Welt gehen*) (Мф. 13:40). В обоих переводах употребляется слово высокого стиля *кончина (das Ende)*, что особо подчеркивает претативность рассматриваемого объекта «*век (die Welt)*». Однако в русском языке слово «кончина» имеет одно значение «*смерть*»⁵, в немецком — слово «*das Ende*» имеет несколько сем: 1. *a) последняя, самая внешняя часть пространства, поверхности, место, где пространство, поверхность не простираются дальше, где это не продолжается; б) последний момент, последняя стадия события; 2. (высок) смерть; 3. a) (разг.) кусочек (небольшой); б) (разг.) расстояние (довольно большое); в) последняя, крайняя часть*⁶. Как видим, в немецком переводе также манифестируется семантика «выход за границы пространства». Так, через прием повторения усиливается семантика «преходящесть земного существования»: человеческое время изображается как преходящий, конечный срок. Кроме того, в этом же фрагменте хронологическая перспектива оформлена через проспекцию (опережение, предвосхищение) как прием изображения будущего особого события (лат. *pro* «вперед» + *specto* «смотрю»), который

⁵ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Издательство АСТ: Мир и Образование, 2020. С. 246.

⁶ Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache, hrsg. v. d. Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften. URL: <https://www.dwds.de/wb/Ende> (дата обращения: 12.01.2025).

эксплицируется в грамматической форме будущего времени *so wird's <...> gehen (будет)*.

Продемонстрируем третий этап перспективирования — фокус видения, позволяющий усмотреть наиболее важные объекты текстохронологической картины видения. На лингвостилистическом уровне — это фокализация видения, которая приводит к хронологической акцентуализации и идеизации.

Темпоральные объекты на житейском уровне, обозначающие единицы суточного цикла и промежуток времени в 60 минут, выражают семантику «неожиданность, мгновенность», неоднократно повторяются как в пределах притчевой картины видения у двух или трех Евангелистов, так и в отдельных притчевых текстах одного Евангелия: «О благоразумном домоправителе» (Мф. 24:44–51, Лк. 12:41–48), «О десяти девах» (Мф. 25:1–13), «Об ожидании хозяина дома» (Мк. 13:33–37), «О бодрствующих слугах» (Лк. 12:35–40). Данные объекты фокусируют идею о наступлении некоего важного, духовного события для человека: ибо в который **час** не думаете, придет Сын Человеческий (Denn der Menschensohn kommt **zu einer Stunde**, da ihr's nicht meint) (Мф. 24:44); ибо, в который **час** не думаете, придет Сын Человеческий (Denn der Menschensohn kommt **zu einer Stunde**, da ihr's nicht meint) (Лк. 12:40). Как отмечает Н. Д. Арутюнова, в библейских текстах слова времени (время, день, час) употребляются в значении «срок» — время, уготованное для некоторого события [2, с. 52].

Более подробно рассмотрим третий этап перспективирования в притче «Об ожидании хозяина дома» (Мк. 13:33–37), поскольку в ней выявляются тонкие семантические аспекты хронологической перспективы [1]. Эффект мгновенности усиливается за счет употребления наречия *внезапно (plötzlich)*: вечером, или в полночь, или в пение петухов, или поутру, чтобы, придя *внезапно*, не нашел вас спящими (damit er euch nicht schlafend finde, wenn er plötzlich kommt, denn ihr wißt nicht, wann der Herr des Hauses kommt, ob am Abend oder zu Mitternacht oder um den Hahnenschrei oder am Morgen) (Мк. 13:35). Как нам думается, это свидетельствует об интерпретационном стигматоне, а точнее его разновидности стигмахроне или мгновении-времени (греч. *στίμη χρόνου* «миг, мгновение», букв. «укол времени»), как обозначении текстовой фигуры неожиданного перелома, сопровождающегося измененным состоянием времени [12, с. 413–440]. Происходит переключение фокуса с времени житейского на время ду-

ховное, т. е. указывается максимальная быстрота наступления значимого события для человека. «У Платона, <...> чуткого к тайне, мы находим замечательные мысли о том “внезапном”, которое, как он говорит, есть не время, а грань, и тем самым — прорыв в вечность»⁷. Ситуация *неожиданного и важного* поворотного пункта в духовной жизни человека фокусирует время как духовную деятельность, направленную на изменение «спящего» бытия (*schlafend*), так называемое «темпоральное поведение», что придает хронологической картине видения характер динамичности.

Время мыслится не просто как действие, но и как субстанция, находящаяся в распоряжении человека: Блюдите, бдите и молитесь: не встанте бо, когда время будетъ (Смотрите, бодрствуйте, молитесь, ибо не знаете, когда наступит это время) (Мк. 13:33). Совокупные семантические компоненты глагола **бдеть**⁸ в церковнославянском переводе (*‘бодрствование’, ‘провождение времени без сна’, ‘молитва’ ‘труд’ ‘усердность к работе’*) претативизируют время как духовную ценность, которым следует дорожить. Сравните в притче «О настойчивой вдове» (Лк. 18:1–8): Сказал также им притчу о том, что должно *всегда молиться и не унывать* (Er sagte ihnen aber ein Gleichnis darüber, daß sie *allezeit beten und nicht nachlassen sollten*) (Лк. 18:1). Здесь «темпоральное поведение» (*молиться и не унывать*) интенсифицируется за счет использования наречия с семантикой «постоянство» *всегда (allezeit)*.

В рассматриваемой притче «Об ожидании хозяина дома» (Мк. 13:33–37) фокусируется идея особенного события, особого времени, как открытия времени о самом себе: Если обратимся к греческому переводу (византийской традиции) данной притчи, то обнаружим, что слово время обозначено лексемой **καιρός** (греч. *надлежащая мера, норма, надлежащая пора, подходящее время, благоприятный момент, момент, удобное место, жизненно важный центр*⁹: βλέπετε ἄγρυπνεῖτε οὐκ οἴδατε γὰρ πότε ὁ **καιρός** ἐστίν (когда наступит это **время**) (Мк. 13:33). Совокупные семантические признаки (*‘благоприятный*

⁷ Лосский В. Н. Догматическое богословие. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vladimir_Losskij/dogmaticheskoe-bogoslovie/2 (дата обращения: 15.01.2025).

⁸ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., Т 1. А–З. 1863. С. 50.

⁹ Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/bolshoj-drevnegrechesko-russkij-russko-drevnegrecheskij-slovar/> (дата обращения: 13.01.2025).

момент', 'жизненно важный центр') претативизируют время как некое важное событие. Наступит не время, в котором мы находимся, а момент духовного определения, которое раскроет нам свою суть и суть всего того, что ему предшествовало, для чего было все то, что свершилось раньше до наступления этого времени. Так, время становится некой мерой духовной жизни человека, мерой обнаружения своей истинной сущности. Таким образом, в притче «Об ожидании хозяина дома» (Мк. 13:33–37) время акцентуализируется как духовное действие («темпоральное поведение»: *nicht schlafend, beten und nicht nachlassen*) и как важное мгновение, как нечто одноразовое свершение (*καιρός*). Полагаем, что фокусируется своего рода фундаментальное откровение о трансцендентной структуре хронологической картины видения.

Подчеркнем, что в притче «О смоковнице и всех деревьях» (Мф. 24:32–35; Мк. 13:28–31; Лк. 21:29–33) через лексико-синтаксический параллелизм и проспекцию на уровне нескольких Евангелий акцентуализируется идея «духовная вечность» этернального символа *слово Мое, Слово Божие, Слово о Царствии (das Wort Gottes, das Wort von dem Reich)*: небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут (Himmel und Erde werden vergehen; aber meine Worte werden nicht vergehen). Семантика глагола «*vergehen*» свидетельствует о непостоянном, динамическом, преходящем временном характере неба и земли как обозначение тварного бытия в противоположность вечному бытию «*nicht vergehen*» Слова.

Заключение

Анализ хронологической перспективы в евангельском притчевом дискурсе показал следующее. На этапе *поля* видения *глобализация* хронологической картины видения на лингвостилистическом уровне приводит к *тематизации* темпоральных объектов и этернальных символов.

На этапе *угла* видения аспектуализация хронологической перспективы на лингвостилистическом уровне приводит к *спецификации* темпоральных объектов евангельского притчевого дискурса. Мы обнаружили, что хронологическая перспектива в евангельском притчевом дискурсе рассматривается в нескольких *аспектах*: 1) *бренность видимого времени*; 2) *конечность видимого времени*. Приемы противопоставления, проспекции, повторения, постозиция указательного местоимения усиливают поляризацию человеческого времени и Вечности («*век сей*» — «*свет*»), при этом многослойная образная ассоциативизация способствует углублению хронологического угла видения.

На *третьем* этапе перспективирования *фокализация* на лингвостилистическом уровне приводит к *акцентуализации* темпоральных объектов и этернальных символов евангельского притчевого дискурса и *идеизации* хронологической картины видения. Приемы интерпретативного стигмахрона (мгновение-время), проспекции, лексико-синтаксического повторения и параллелизма придают хронологической картине видения динамичность и способствуют акцентуализации следующих идей: о наступлении некоего важного, одноразового события / времени (*καιρός*) для человека как открытие времени о самом себе; идея о времени как о духовном действии / «темпоральном поведении» (*nicht schlafend, beten und nicht nachlassen*); идея о духовной вечности этернального символа Слово Божие (*das Wort Gottes*).

Как показал проведенный анализ, для хронологической перспективы характерны универсальные лингвостилистические тенденции выражения в исследуемых переводах: обнаружены общие черты ее манифестации на фоне некоторых отличий, не играющих значимой роли, а лишь подчеркивающие определенные семантические компоненты.

Список источников

1. Алексеева Е. М. Дополнительные характеристики сакрально-религиозной интерпретации евангельской притчи [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики 2024. № 1. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=69341577> (дата обращения: 15.01.2025).
2. Арутюнова Н. Д. Время: модели и метафоры // Логический анализ языка. Язык и время. М.: Индрик, 1997. С. 51–61.
3. Бахтин М. М. Время и пространство в романе // Вопросы литературы. 1974. № 3. С. 133–179.
4. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 234–407.
5. Дымарский М. Я. Диалектика времени в тексте: элементы техники традиционного нарратива // Критика и семиотика. 2024. № 2. С. 11–29. DOI 10.25205/2307-1753-2024-2-11-29.

6. Лихачев Д. С. Внутренний мир произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74–79.
7. Логический анализ языка. Язык и время. М.: Индрик, 1997. 352 с.
8. Макарова В. А. Параллельное время как литема художественного времени литературного текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 4. С. 259–263. DOI 10.30853/filnauki.2019.4.54.
9. Марова Н. Д. Диалоги о перспективе текста. Алма-Ата: КазГУ, 1989. 94 с.
10. Марова Н. Д. Интерпретация текста как категория театации: в 2-х ч. Екатеринбург, 2022. Ч. 2. 444 с.
11. Марова Н. Д. Парадигмы интерпретации текста: монография: в 2 ч. Екатеринбург, 2006. Ч. 1. 209 с.
12. Марова Н. Д. Парадигмы интерпретации текста: монография: в 2-х ч. Екатеринбург, 2006. Ч. 2. 503 с.
13. Россия: изменяющийся образ времени сквозь призму языка. Репрезентация концепта времени в русском языке в сопоставлении с английским и немецким языками. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 472 с.
14. Тураева З. Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное. М.: Высшая школа, 1979. 219 с.
15. Успенский Б. А. История и семиотика: (Восприятие времени как семиотической проблемы) // Труды по знаковым системам. Вып. 855. Т. 23. Тарту, 1989. С. 18–38.
16. Фомин А. Г., Карачева Н. С. Принципы интерпретации библейских пророческих текстов // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 3 (485). С. 84–91. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-84-91.
17. Schmidt S. J. Gedächtnis-Erzählen-Identität // Mnemosyne. Formen und Funktionen der kulturellen Erinnerung / Hrsg. von A. Assmann, D. Harth. Frankfurt am Main: Fische taschenbuch Verlag, 1991. S. 378–395.

References

1. Alekseeva EM. Dopolnitel'nye harakteristiki sakral'no-religioznoj interpretacii evangel'skoj pritchi = Additional features of the sacral-religious interpretation of the evangelic parable [Electronic resource]. *Aktual'nyye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki* 2024;(1). Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=69341577> (accessed: 15.01.2025). (In Russ.).
2. Arutyunova ND. Vremya: modeli i metafory = Time: models and metaphors. *Logicheskij analiz yazyka. Yazyk i vremya.* = Logical analysis of language. Language and time. Moscow, Indrik, 1997. Pp. 51-61. (In Russ.).
3. Bahtin MM. Vremya i prostranstvo v romane = Time and space in the novel. *Voprosy literatury = Questions of literature.* 1974;(3):133-179. (In Russ.).
4. Bahtin MM. Formy vremeni i hronotopa v romane. Oчерки po istoricheskoy poetike = The forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics. *Voprosy literatury i estetiki = Questions of literature and aesthetics.* Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1975. Pp. 234-407. (In Russ.).
5. Dymarskij MYa. Dialektika vremeni v tekste: elementy tekhniki tradicionnogo narrative = Dialectics of time in the text: elements of the technique of traditional narrative. *Kritika i semiotika = Criticism and Semiotics.* 2024;(2):11-29. DOI 10.25205/2307-1753-2024-2-11-29. (In Russ.).
6. Lihachev DS. Vnutrennij mir proizvedeniya = The inner world of the work. *Voprosy literatury = Questions of literature.* 1968;(8):74-79. (In Russ.).
7. Logicheskij analiz yazyka. Yazyk i vremya = Logical analysis of language. Language and time. Moscow: Indrik, 1997. 352 p. (In Russ.).
8. Makarova VA. Parallel time as a liteme of artistic time in a literary text. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki.* = *Philology. Theory & Practice.* 2019;12(4):259-263. DOI 10.30853/filnauki.2019.4.54. (In Russ.).
9. Marova ND. Dialogi o perspektive teksta = Dialogues about the perspective of the text. Alma-Ata, 1989. 94 p. (In Russ.).
10. Marova ND. Interpretaciya teksta kak kategoriya teatacii = Interpretation of the text as a category of the- atation: in 2 Vol. Ekaterinburg, 2022. Vol. 2. 444 p. (In Russ.).
11. Marova ND. Paradigmy interpretacii teksta = Paradigms of text interpretation in 2 Vol. Ekaterinburg, 2006. Vol. 1. 209 p. (In Russ.).
12. Marova ND. Paradigmy interpretacii teksta = Paradigms of text interpretation in 2 Vol. Ekaterinburg, 2006. Vol. 2. 503 p. (In Russ.).

13. Rossiya: izmenyayushchij obraz vremeni skvoz' prizmu yazyka. Repräsentaciya koncepta vremeni v russkom yazyke v sopostavlenii s anglijskim i nemeckim yazykami = Russia: the changing image of time through the prism of language. Representation of the concept of time in Russian in comparison with English and German. Moscow, Rukopisnye pamyatniki Drevnej Rusi, 2012. 472 p. (In Russ.).

14. Turaeva ZYa. Kategoriya vremeni. Vremya grammaticheskoe i vremya hudozhestvennoe = Time category. Grammatical time and artistic time. Moscow, Vysshaya shkola, 1979. 219 p. (In Russ.).

15. Uspenskij BA. Istoriya i semiotika: (Vospriyatие vremeni kak semioticheskoy problemy) = History and semiotics: (Perception of time as a semiotic problem). *Trudy po znakovym sistemam = Works on sign systems*. 1989;855(23):18-38. (In Russ.).

16. Fomin AG., Karacheva NS. Principy interpretacii biblejskih prorocheskih tekstov = Principles of interpretation of Biblical prophetic texts. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2024;(3(485):84-91. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-485-3-84-91. (In Russ.).

17. Schmidt SJ. Memory-Telling-Identity. Mnemosyne. Forms and functions of cultural memory. Frankfurt am Main: Fische taschenbuch Verlag, 1991. Pp. 378-395. (In Germ.).

Информация об авторе

Е. М. Алексеева — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры профессионально-ориентированного языкового образования.

Information about the author

E. M. Alekseeva — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Professionally Oriented Language Education.

Статья поступила в редакцию 16.02.2025; одобрена после рецензирования 19.03.2025; принята к публикации 30.04.2025.

The article was submitted 16.02.2025; approved after reviewing 19.03.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 811.111:821.111.09

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-128-137

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ИМПЛИКАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ ДЖ. МАКГРЕГОРА)

Галина Игоревна Лушникова¹, Татьяна Юрьевна Осадчая²

¹Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия, lushgal@mail.ru, ORCID 0000-0003-1080-3184, SCOPUS Author ID: 57204798995

²Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия, osadchaya_ta@mail.ru, ORCID 0000-0001-8566-2529, SCOPUS Author ID: 57204808877

Аннотация. В статье рассматривается механизм возникновения имплицитных смыслов в художественном тексте. Традиционные теоретические положения об имплицитности дополнены и углублены практическим анализом, который демонстрирует тот факт, что в контексте художественного произведения импликации могут быть реализованы посредством нейтральных, стилистически немаркированных лексических единиц. Исследование проводится на материале коротких рассказов современного британского писателя Джона Макгрегора. Интерес ученых к исследованию способов создания имплицитного пространства в художественном тексте, а также недостаточная изученность произведений малой прозы Дж. Макгрегора в отечественной науке позволяют говорить об актуальности настоящей работы. Целью статьи является выделение в анализируемых рассказах маркеров импликаций, определение способов передачи имплицитных смыслов и текстовых импликатур произведений. Несмотря на то, что импликация открывает возможности различных интерпретаций, которые могут варьироваться в зависимости от тезауруса и воображения читателей, в статье подчеркивается, что любая версия толкований должна подтверждаться конкретными фактами текста — маркерами, сигнализирующими о наличии импликаций. Проведенный анализ позволил выделить в рассказах Дж. Макгрегора такие способы передачи имплицитных значений, как использование нормативных лингвистических единиц для импликации предшествования, включение в повествование парафраз, повтор единиц текста, создание смысловых лакун. Было также показано, что эксплицитная информация поверхностного уровня текста и имплицитная информация его глубинного уровня при наличии тесных взаимообусловленных связей значительно отличаются друг от друга. Различные способы создания импликаций способствуют генерированию текстовых импликатур, которые в процессе прочтения произведения интегрируются в сознании реципиента, что приводит к кумулятивному эффекту — в той или иной степени точной и полной интерпретации замысла автора.

Ключевые слова: интерпретация художественного текста, импликация, маркеры импликаций, способы реализации импликаций, лингвистические средства, художественный рассказ, Джон Макгрегор

Для цитирования: Лушникова Г. И., Осадчая Т. Ю. Лингвистические средства создания импликации в художественном тексте (на материале рассказов Дж. Макгрегора) // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 5 (499). С. 128–137. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-128-137.

Original article

LINGUISTIC MEANS OF CREATING IMPLICATION IN A LITERARY TEXT (BASED ON SHORT STORIES BY J. MCGREGOR)

Galina I. Lushnikova¹, Tatiana Iu. Osadchaia²

¹VI Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia, lushgal@mail.ru, ORCID 0000-0003-1080-3184, SCOPUS Author ID: 57204798995

²Sevastopol State University, Sevastopol, Russia, osadchaya_ta@mail.ru, ORCID 0000-0001-8566-2529, SCOPUS Author ID: 57204808877

Abstract. The article examines the mechanism of creating implicit meanings in a literary text. Traditional theoretical perspectives on implicitness are supplemented and deepened by a practical analysis, which demonstrates the fact that in the context of a literary work, implications can be realized through neutral, stylistically unmarked lexical units. The study is based on the material of short stories by a contemporary British writer John McGregor. Particular interest of scholars in developing implicit space of a literary text, as well as lack of research on J. McGregor's short stories in domestic literary studies, determine the relevance of this work. The purpose of the article is to highlight implication markers, to identify means of conveying implicit meanings and textual implicatures in the short stories under study. Despite the fact that the implication opens up the possibility of different interpretations, which varies depending on the reader's thesaurus and imagination, the article emphasizes that any version of interpretation must be confirmed by specific markers signaling the implication presence. The analysis of J. McGregor's short stories has made it possible to identify such methods of conveying implicit meanings as normative linguistic units implying precedence, paraphrases, text units repeating, and semantic gaps. It has also been shown that the explicit information and implicit information of a deeper text level, being closely and interdependently connected, differ significantly from each other. Various means of creating implications contribute to generating textual implicatures, which, within the process of reading, are integrated in the recipient's mind, which leads to a cumulative effect – a more or less accurate and complete interpretation of the author's message by the reader.

Keywords: interpretation of a literary text, implication, implication markers, means of implications, linguistic means, a short story, John McGregor

For citation: Lushnikova GI, Osadchaia TI. Linguistic Means of Creating Implication in a Literary Text (Based on the Short Stories by J. McGregor). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(5(499)):128-137. (In Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-128-137.

Введение

В современной лингвистике традиционно различают явный и потенциальный смысл художественного текста: «...уровень содержания, явных (эксплицитных) смыслов и уровень скрытых (имплицитных) смыслов, таких, как пресуппозиция, импликация и подтекст» [7. С. 145]. При этом неявный смысл характеризуется невербализованностью и наличием маркеров, которые указывают на то, что не вербализовано, но подразумевается. Другими словами, в художественном тексте четко выделяются два типа информации: эксплицитная и имплицитная, которая может быть получена из первой: «импликация в качестве процесса представляет собой мыслительную операцию по соотношению пресуппозиций высказывания, его буквального смысла, условий коммуникации и выведению на их основе имплицатуры» [15. С. 96].

Проблема имплицитности в художественном тексте становилась предметом исследования В. В. Виноградова, К. А. Долинина, И. В. Арнольд, М. В. Никитина, Б. А. Ларина, Е. В. Ермаковой, И. А. Шалудько и многих других ученых. По мнению исследователей, смыслы имплицитуются согласно формуле «если А, то Б», где А — единица текста, а Б — смысл, на который эта единица наводит: «...в тексте это может соответствовать выраженной или подразумеваемой связи антецедента (А) и консеквента (Б)» [1. С. 83]. Развивая данное положение, К. А. Долинин указывает, что имплицитное содержание высказывания формируется на основе тезауруса носителя определен-

ной культуры и языка: «в результате сообщение о факте А, связанном в действительности и/или в тезаурусе реципиента с фактами В, С, D и т. д., потенциально имплицитует последние в его сознании: А → В, С, D» [3. С. 38].

И. В. Арнольд полагает, что текстовая импликация отличается от других видов подразумевания и определяет ее «...как дополнительный подразумеваемый смысл, то есть вид подразумевания, основанный на синтагматических связях соположенных элементов антецедента» [1. С. 88]. По мнению исследователя, импликация может передавать не только определенное содержание, но и эмоциональный, экспрессивный и другие аспекты информации. Основное отличие импликации от подтекста, по формулировке одной из работ, посвященных данному вопросу, заключается в следующем: «импликация, в отличие от подтекста, смысл не меняет, а только дополняет и вводит элементы субъективной и эмоциональной оценки» [14. С. 150].

Теоретико-методологические основы анализа имплицитности текста

Имплицитность является предметом исследования ученых в течение нескольких десятилетий, существуют разные подходы к определению данного феномена, продолжают изучаться особенности функционирования имплицитности в различных типах текстов. Широкая общелингвистическая трактовка данного понятия рассматривает имплицитность как сложное лингвистическое явление, в котором проявляется «...создание

дополнительных семантических значений фрагмента текста, способствующих раскрытию скрытой информации как процесса построения имплицитного пространства того или иного эпизода» [11. С. 144]; как «...имманентное свойство текста, отражающее лингвистические закономерности формирования смысловой и синтаксической структур текстового целого» [6. С. 66]. В когнитивной лингвистике имплицитность определяется как «...формы мыслительной деятельности, связанные с жизненным и практическим опытом говорящего (фоновыми знаниями) или результатом логического мышления <...>, которые не проецируются в тексте полностью» [4. С. 58]. В психолингвистике предметом изучения являются различные стратегии воссоздания имплицитной информации, они рассматриваются как один из ключевых аспектов реконструкции реципиентом заложенных автором смыслов текста [6. С. 67].

С точки зрения стилистики декодирования (разделяющей идеи Х.-Г. Гадамера о диалоге автора с интерпретатором не вне, а внутри герменевтического круга) процесс воссоздания художественных образов в сознании читателя является важнейшим элементом передачи смыслов через художественное слово и проходит ряд этапов. Во-первых, встретив описание какой-либо жизненной ситуации, упоминание жестов, выражения лица, движений персонажей, изображение деталей интерьера, пейзажа, читатель воспринимает все эти образы с помощью органов чувств, точно так же как он воспринимает объекты, существующие в реальности. В своем воображении читатель может не только ярко и объемно видеть описываемых людей, предметы, элементы пейзажа, но и слышать голоса, звуки, чувствовать запахи, осязать поверхность вещей.

Следующим этапом становится восполнение пробелов, когда читатель дополняет образы теми деталями, о которых ничего не сказано автором, но которые неизбежно возникают в его сознании, поскольку связаны с ключевыми образами коннотативно и ассоциативно. Эти детали нередко более содержательны, чем те, что представлены в тексте эксплицитно. Реципиент выбирает наиболее подходящий / наиболее вероятный вариант интерпретации тех или иных деталей на основе их сравнения с существующей в его памяти моделью воспринимаемого образа. Полнота и точность воссоздания подтекстовой информации в сознании читателя зависит от объема и диапазона его ассоциативных связей, умения самосто-

ятельно дополнять информацию на основе логических умозаключений, навыков интерпретации художественного текста, желания прилагать интеллектуальные и эмоциональные усилия. Следующий этап декодирования — формирование у реципиента эмоционального отклика на воссозданные в воображении образы и осознание заложенных автором смыслов. Именно на данном этапе на основе сотворчества автора и читателя формируется семантическое пространство произведения.

В данной работе мы рассматриваем имплицитность, имплицитные смыслы как неотъемлемую черту художественного текста, которая способствует созданию его глубины и многозначности, открывает возможности различных интерпретаций, которые могут варьироваться в зависимости от тезауруса и воображения читателей. Более того, как указывают исследователи, «при каждом обращении к художественному тексту читатель может расставлять новые акценты, что неизбежно ведет к иному пониманию и свежим интерпретациям, далеко не всегда совпадающим с традиционными» [8. С. 71].

Однако эта многовариантность интерпретаций небезгранична, обладает определенными пределами. Любая версия толкований должна подтверждаться конкретными фактами текста — маркерами, сигнализирующими о наличии импликаций, и только выявление и анализ данных сигналов делает толкование текста доказательным и дает ему право на существование: «анализ текста как источника имплицитности предполагает выявление и типологию маркеров (знаков, индикаторов, актуализаторов и т. п.) имплицитности, которые указывают на наличие в нем скрытой информации» [2. С. 20]. В связи с этим, единицей имплицитного пространства художественного текста можно назвать текстовые импликации, которые можно определить следующим образом: «...отдельные топосы (общие тезисы), идеи, выводимые из текста в качестве выводов или складывающиеся из более мелких компонентов, например, символических образов, деталей, прецедентных единиц, говорящих имен и прочего, объединенных тематически или референциально» [17. С. 169].

Традиционно средствами, реализующими импликации и подтекст в художественном произведении, правомерно считаются стилистические приемы разных языковых уровней, поскольку главная задача любого стилистического средства — создание образности, а любой образ

многомерен, обладает разнообразными гранями, высвечивающимися в контексте конкретного произведения, а иногда в более широком контексте — литературы, культуры, исторической эпохи. Нисколько не оспаривая данного положения и не умаляя значимости стилистических фигур, следует сказать, что существуют и такие произведения литературы, в которых образность и импликации рождаются в результате экономного использования риторических средств и тропов, например, благодаря использованию (а также повтору, перефразированию) нормативных лингвистических единиц и одного из приемов компрессии — создания смысловых лакун.

Показательны в этом отношении рассказы современного британского писателя Джона Макгрегора, идиостиль которого характеризуется поиском необычного и по-своему замечательного в повседневных событиях: «attentive consideration is certainly a means of focusing the reader's interest in what would otherwise pass unnoticed and opening his/her eyes to the humbler forms of life and activities» [18] (изображение автором незначительных деталей концентрирует внимание читателей на тех моментах повседневной жизни, которые мы обычно считаем несущественными, либо вообще не замечаем) (*здесь и далее перевод авторов. — Прим. авт.*).

Материалом настоящего исследования послужили два рассказа автора — «That Colour» / «Тот самый цвет» и «French Tea» / «Французский чай». Выбор этих рассказов продиктован, во-первых, сходной тематикой — разные стороны жизни пожилого человека, во-вторых, использованием в них аналогичных механизмов создания имплицитных смыслов. Цикл «This Isn't the Sort of Thing That Happens to Someone Like You» (2012) / «Такое с тобой никогда не случится» [19], в который входят данные рассказы, не переведен на русский язык, поэтому знакомство с ним широкому кругу русскоязычных читателей еще предстоит.

Творчество данного писателя вызывает большой интерес у зарубежных критиков и литературоведов, но в отечественной филологии еще не становилось предметом широких исследований. Авторы настоящей работы обобщили результаты анализа произведений Макгрегора в ранее опубликованных статьях, посвященных ведущим специфическим чертам поэтики цикла его рассказов, а также особенностям реализации в них характерных черт спонтанной прозы [9; 10]. Интерес ученых к исследованию способов создания имплицитного пространства в художественном

тексте, с одной стороны, и недостаточная изученность произведений малой прозы Дж. Макгрегора в отечественной науке — с другой, обуславливают актуальность настоящей работы.

Целью данной статьи является выделение в исследуемых рассказах маркеров импликаций, анализ способов передачи имплицитных смыслов, определение текстовых импликатур (тематико-идейных смыслов) произведения.

Результаты исследования и их обсуждение

В рассказе «The Colour» на поверхностном уровне описан незначительный, даже тривиальный сюжет: муж моет посуду, жена сидит у окна и любуется осенним пейзажем. Они обмениваются краткими бессодержательными репликами. Фактически ничего не происходит, и повествование, на первый взгляд, не представляет никакого интереса. Весь интерес, смысл произведения содержится в имплицитной информации. На самом деле этот рассказ не о мытье посуды и даже не о красотах осени, а о немолодой супружеской паре среднего достатка, об их трогательных отношениях, чутком внимании друг к другу, о настоящей любви, которую они пронесли и сохранили через все совместно прожитые годы. Естественно, может возникнуть вопрос: как описание ничем не примечательного эпизода позволяет говорить о теме любви, о том, что главная мысль автора — о важности и ценности глубоких чувств, которые не могут разрушить ни годы, ни житейские трудности?

Рассмотрим способы передачи имплицитных смыслов в исследуемом рассказе Дж. Макгрегора.

Использование нормативных лингвистических единиц

для импликации предшествования

Одним из способов создания текстовой импликации в исследуемом рассказе является использование нормативных лингвистических единиц для импликации предшествующих рассказу событий. Анализируя текст другого фактического материала (произведения Э. Хемингуэя), Н. В. Насон отмечает, что «увеличение емкости сообщения происходит за счет событий и фактов, оставшихся за пределами текста, которые по времени предшествовали изложению. <...> Инициальное «that» можно считать свернутой фразой “тот, о котором речь шла ранее, тот, кто от нас отдален”» [12. С. 1–2]. В нашем случае сильная позиция рассказа, его заглавие — «That Colour», также указывает на импликацию предшествования. В частности, данную функцию выполняет местоимение ‘that’, являющееся в этом случае

антецедентом, контекстное значение которого — ‘тот самый [цвет], который мы часто вспоминаем, который так важен для нас обоих’. Интерпретация заглавия дает основание полагать, что персонажей связывают общие теплые воспоминания, а определенный цвет является своеобразным символом их чувств.

Включение в повествование парафраз

В тексте исследуемого рассказа есть маркеры, с помощью которых можно выявить дополнительный имплицитный смысл фраз. Автор не дает прямых описаний персонажей, не указывает их возраст, социальное положение, черты характера. Их портреты складываются из мелких деталей, рассыпанных по тексту. В данном случае можно говорить об использовании автором такого способа создания импликаций как перефразирование или парафразы, которую в этом контексте можно определить следующим образом: «парафразы понимаются как особый способ языковой реализации процесса дискурса, когда одновременно посредством экстралингвистических знаний и операций логического вывода происходит перекодирование одного понятия другими языковыми средствами при сохранении первоначального смысла» [5. С. 70].

Такие фразы текста, как ‘when we were young’ (когда мы были молоды), ‘she used to wear’ (она обычно носила), ‘she called it then’ (она так его тогда называла), являются парафразой выражения ‘we are not young any more’ (мы уже немолоды) и имплицитно сообщают читателю о пожилом возрасте персонажей.

Повтор единиц текста

Ряд лингвистических средств позволяет заключить, что это рассказ о любящих друг друга людях. К таким средствам относится, прежде всего, повтор разных единиц текста, являющихся в каждом случае антецедентом. Особенно часто повторяются личные местоимения ‘she’ и ‘he’ и их производные. В рассказе, объем которого составляет менее одной страницы, каждое из этих местоимений встречается более двадцати раз. Такой неоднократный повтор в столь кратком тексте рассказа выдвигает персонажей на первый план, подчеркивает их значимость. На фоне этого многократного повтора весомо и ярко звучит местоимение *we*, произнесенное всего один раз.

Примечательно, что без особой синонимической вариативности в тексте повторяются фразы, предваряющие прямую речь: ‘she said’ (повторено пять раз), ‘I asked’, ‘I told’, ‘I said’ (повторено пять раз). Такое отсутствие лингвистического разно-

образия, на наш взгляд, делает эксплицитное содержание текста рассказа невыразительным, даже бесцветным, в то же время высвечивает его имплицитное содержание — как ни парадоксально, незначительность обыденного эпизода углубляет главную тему произведения.

Необходимо сказать о повторе еще одной лексической единицы, которая играет важную роль в данном рассказе, это существительное ‘colour’. Уже то, что оно встречается в сильной позиции заглавия рассказа — «That Colour» — сигнализирует о его значимости. Кроме того, в тексте имеет место его повтор, это слово встречается пять раз, плюс его гипоним — наименование цвета (‘red’) — три раза. Оно сопровождается лишь такими определениями, как ‘beautiful’, ‘different’, ‘red’. Повтор данной лексической единицы и контекст рассказа способствуют тому, что стилистически нейтральное слово в тексте произведения приобретает коннотации и становится символом: «символизация является механизмом формирования текстовых коннотатов, которые имеют своим планом выражения текстовый денотат, а планом содержания — скрытый моделируемый смысл» [16. С. 42]. Можно предположить, что в рассказе речь идет не только и не столько о цвете осенних листьев, цвете юбки, которую носила в молодости его супруга и цвете ее волос. Огненно-красный, «очень красный» цвет (‘flame red’, ‘very red’) символизирует любовь между супругами. Именно цвет любви так трудно описать главной героине, о чем свидетельствуют следующие фразы текста: ‘it’s hard to describe’ (это трудно описать); ‘she was trying to describe’ (она пыталась описать). Единственное описание цвета, и то приблизительное, очень красивое и необычное, которое ей удается сформулировать, касается, на наш взгляд, цвета любви, его трудно выразимой сущности: «When you close your eyes on a sunny day, it’s a bit like that colour» [19. P. 4] (Если закроешь глаза, когда ярко светит солнце, немного похоже как раз на такой цвет).

Создание смысловых лакун

Прием создания смысловых лакун рассчитан на поиск читателем потенциальных смыслов, он подразумевает «...не только непосредственное восстановление всех невербализованных компонентов текстового содержания, но также одновременно осуществляемую их смысловую интерпретацию, т. е. извлечение (восстановление) имплицитного авторского содержания и смысла, приписывание восстановленному содержанию дополнительных новых смыслов и порождение реципиентами собственных личностных смыслов» [13. С. 225].

По словам исследователей, существует несколько стратегий воссоздания имплицитных смыслов: 1) механизм интеграции информации, когда реципиент создает новую информацию, интегрируя факты из текста и собственные знания (общепринятые, универсальные и/или полученные из личного опыта); 2) механизм трансформации, который предполагает генерирование логического заключения или вывода, который можно сделать на основании представленных фактов; 3) механизм дополнения, в рамках которого воссоздается и дополняется та информация, которая опущена в тексте [13]. Чаще всего, реципиент использует все три механизма, что соответствует так называемой компликативной реакции [6].

При интерпретации имплицитных смыслов данного рассказа мы следуем указанной выше формуле «если А, то Б»: если в тексте есть фраза ‘when we were young’ (когда мы были молодыми) (А), значит, автор представляет нам уже немолодую супружескую пару (Б); если герой ловит каждое слово, каждое дыхание своей жены: ‘I listened to her standing there. Her breathing’ (Она там стояла, а я слушал ее. Ее дыхание) (А), значит можно говорить о его чутком к ней отношении (Б). Другие приводимые заключения основываются на том же принципе. Можно сказать, что реципиент воссоздает имплицитные смыслы с использованием одной или более из трех описанных выше стратегий.

О чувствах персонажей друг к другу автор не сообщает прямо (данная информация является смысловой лакуной), о них говорят вкрапленные в текст детали. В рассказе говорится, что муж все время внимательно прислушивается к словам своей жены, следит за ее движениями, даже дыханием, что проиллюстрировано в примере, приводимом в предыдущем абзаце, а также в двух других фразах: «I stood still and listened»; «I heard her step away from the window, the way she does» [19. P. 3–4] (Я стоял и слушал; Я слышал, как она отошла от окна, как она обычно это делала). Он помнит цвет ее волос, юбки, и то, как она называла этот цвет (‘flame-red’ (огненно-красный)), что также красноречиво свидетельствует о его нежном к ней отношении. И, самое главное, в описываемом эпизоде показано, что муж постоянно находится рядом со своей женой, радуется каждому прикосновению, не устает слушать ее: «I <...> stood beside her. I felt for her hand and held it. I said, But tell me again» [19. P. 4] (Я ... стоял рядом с ней. Я взял ее руку в свою. Я сказал: Расскажи мне еще раз).

Еще одной смысловой лакуной можно назвать информацию о невысоком достатке супругов, об этом говорят детали, дающие представление об их доме: мы узнаем, что он расположен близко от дороги: ‘with the traffic’, причем настолько близко, что каждый раз сотрясается от проезжающих по ней машин: «A lorry went past and the whole house shook with it» [19. P. 4] (Проехал грузовик и весь дом затрясся). Вода в кране недостаточно горячая: «The water wasn’t hot enough» [19. P. 3] (Вода в кране была недостаточно горячая), по-видимому, из-за необходимости экономить средства.

Возраст персонажей — еще одна лакуна. Косвенно его характеризует предложение «These years get shorter every year» [19. P. 3] (Годы становятся короче), так как известно, что в старости людям кажется, что время летит быстрее. Подтверждением немолодого возраста служит и упоминание о больных суставах мужа: «My knuckles were starting to ache again, already» [19. P. 4] (Мои суставы снова начали болеть, уже начали), поскольку этот факт также является для читателя общежитским знанием.

Характеры героев созданы за счет нескольких смысловых лакун, обозначенных маркерами импликаций. Мы можем сделать вывод о романтической натуре женщины, на основании того факта, что она любит осеннюю природу, не обращая внимания на прозаичность, даже непривлекательность общей картины за окном, она повторяет несколько раз слова о своем восхищении листьями, их цветом: «It’s lovely, they’re lovely, that’s all»; «I could look at them all day, I really could» [19. P. 3–4] (Как красиво, листья очень красивые, это так; Я могу смотреть на них целый день, я несколько не преувеличиваю). У мужчины, напротив, прагматичный характер, читатель делает такой вывод, поскольку он не разделяет восторг и удивление жены по поводу красоты осени: «I asked why she was so surprised» [19. P. 4] (Я спросил, что ее так удивляет), объясняет эти обычные с его точки зрения природные явления реалистичными причинами, даже приводит некоторые научные данные по этому поводу: «... it was autumn, it was what happened: the days get shorter, the chlorophyll breaks down, the leaves turn a different colour» [19. P. 4] (... наступила осень, вот и все, что произошло: дни становятся короче, хлорофилл разрушается, листья меняют цвет). Он подчеркивает, что это происходит каждый год и, значит, здесь нечему удивляться: «I told her she went through this every year» [19. P. 4] (Я сказал ей, что это происходит каждый год).

В рассказе «French Tea» также наличествует два плана, два типа информации: эксплицитная и имплицитная. Сюжет посвящен незначительному эпизоду: посетительница рассказывает о том, каким должен быть настоящий чай и жалуется, что такой чай очень трудно найти где бы то ни было, кроме данного кафе. При этом имплицитная информация призвана сообщить читателю о душевном и эмоциональном состоянии героини. Автор использует те же способы передачи имплицитных смыслов, что и в проанализированном выше рассказе, за исключением парафраза, который в данном рассказе отсутствует.

Использование нормативных лингвистических единиц для импликации предшествования

В словосочетании ‘that woman’ (‘та самая женщина’), используемом в самом начале рассказа повествователем, которым является работник (или владелец) кафе, содержится импликация на тот факт, что эта женщина — постоянный посетитель кафе, по-видимому, всегда задерживается до самого закрытия, всегда ведет разговор то ли с окружающими, то ли сама с собой. Автор дает понять, что содержание монолога пожилой дамы практически неизменно, она повторяет одно и то же, на что указывают следующие слова ее единственного слушателя — работника кафе: «I could probably have said most of it word for word» [19. P. 116] (Я мог бы слово в слово пересказать все, что она говорила).

Повтор единиц текста

Повтор единиц текста разных языковых уровней можно считать характерным приемом автора. В данном рассказе встречаются повторы слов, словосочетаний, предложений, причем повторы эти многократны, утрированы. Самым частотным и вследствие этого самым заметным является повтор слова ‘tea’ как отдельной единицы, так и в составе словосочетаний — ‘a proper pot of tea’, ‘a proper cup of tea’, ‘a decent cup of tea’, ‘a cup of French tea’. В столь коротком рассказе это слово повторяется около двадцати раз. Кроме того, оно присутствует в заглавии рассказа, его сильной позиции — «French Tea». Некоторые предложения с этим словом повторяются почти дословно несколько раз, причем в ряде случаев непосредственно следуют друг за другом: «... she’s not getting a decent cup of tea. This is a decent cup of tea. This is a proper cup of tea» [19. P. 117] (...она не пьет приличный чай. Вот это — приличный чай. Вот это — настоящий чай.) На основании этого логично было бы предположить, что слово имеет особую значимость, выража-

ет главный смысл произведения, но смысл заключается не в чае как таковом, а в том, что он символизирует. В контексте данного рассказа — это символ того прекрасного, что было и что есть в ее жизни, хороший чай — это, по мысли автора, все, что у нее осталось в настоящем.

В рассказе имеет место и повтор синтаксических структур. Использование прошедшего длительного времени в нескольких предложениях с глаголами говорения (синонимический повтор) подчеркивает продолжительность действия — нескончаемого (по мнению работника кафе) потока речи героини: ‘She was talking on’, ‘She was saying’, ‘She’s talking to’. Данный прием является косвенным маркером, имплицитным ее возраст, так как по общему представлению некоторым пожилым людям свойственна чрезмерная разговорчивость.

Создание смысловых лакун

Автор не дает описания героини, однако несколько элементов текста являются маркерами, по которым можно сделать вывод о ее возрасте, семейном положении, бывших увлечениях, настроении. Так, предложения «I went to London once» (Однажды я была в Лондоне), «I went to France once» (Однажды я была во Франции) говорят нам о том, что женщина любила путешествовать, однако в настоящее время эти поездки, видимо, по причине ее немолодого возраста, отсутствия средств и, самое главное, желаний, уже не происходят. Она уже даже не может понять, зачем нужны эти путешествия, что подтверждают произносимые ею фразы: «All these people jetting off all over the place. <...> I don’t know what they think they’re going to find» [19. P. 117] (Все эти люди, которые путешествуют. Понятия не имею, что они пытаются найти).

К смысловым лакунам можно отнести и отсутствие экспликации главной идеи произведения, которая заключается в создании образа одинокой женщины. Про ее одиночество говорит, прежде всего, следующая деталь: каждый день она проводит много времени в кафе. Вероятно, она живет одна, не имеет близких друзей, кроме редких посетителей и работника кафе ей не с кем вести беседы. Краткая информация о ее дочери свидетельствует о том, что они не общаются, можно предположить, что между ними произошел разрыв, а может быть, никогда и не было взаимопонимания: «She’s off working in some country or other» [19. P. 118] (Она работает в какой-то стране), «She’s been gone nearly a year now and she’s barely even written. Don’t even rightly know where she is» [19. P. 118] (Она уехала

почти год тому назад и почти не пишет. Даже не знаю, где она). Еще одна деталь, говорящая о том, что мать и дочь — чужие друг другу люди, это отношение к важному в контексте данного рассказа напитку — правильному, настоящему с точки зрения матери чаю, который для дочери, судя по всему, не имеет особого значения.

Еще одной лакуной является отношение повествователя-рассказчика к главной героине рассказа. Ряд деталей являются маркерами импликаций: работник кафе терпеливо слушает ее или, по крайней мере, делает вид, что слушает, не торопит, лишь разными способами намекает, что пришло время закрытия. На основании этих деталей можно предположить, что он сочувствует пожилой женщине, готов и дальше общаться с ней, но дела и обязанности не позволяют ему этого сделать. Последнее предложение рассказа звучит оправданием: «But I had things to be getting on with» [19. P. 118] (Но у меня много неотложных дел). По сравнению с вселяющим надежду ‘but’ последнего предложения рассказа «That Colour» («But tell me again») это ‘but’ выражает глубокую грусть по поводу одиночества человека в пожилом возрасте.

Заключение

Короткие рассказы современного британского писателя Дж. Макгрегора «That Colour» и «French Tea» служат ярким подтверждением необходимости выявления и интерпретации имплицитных смыслов в художественном тексте, которые могут актуализироваться при помощи номинаций незначительных деталей, упоминания несущественных фактов, включения лаконичных реплик персонажей. Если таковые смыслы не будут вы-

явлены, имплицитная информация не будет декодирована, и весь глубинный смысл произведения останется для читателя закрытым. Установка на обнаружение имплицитных смыслов и их толкование имеет целью культивировать вдумчивое филологическое чтение.

В исследуемом рассказе замысел автора реализуется за счет следующих способов создания имплицитного пространства произведения: использования нормативных лингвистических единиц для импликации предшествования, включения в повествование парафраз, повтора единиц текста, создания смысловых лакун. Проведенный анализ показывает, что нейтральные с точки зрения стилистической окраски единицы художественного текста могут служить маркерами импликаций, образности, подтекста.

Различные способы создания импликаций способствуют генерированию неявных смыслов (текстовых импликатур), которые в процессе прочтения произведения интегрируются в сознании реципиента, что приводит к кумулятивному эффекту — в той или иной степени точной и полной интерпретации замысла автора. Текстовыми импликатурами исследуемых рассказов можно назвать тему любви, идею о важности сохранения глубоких чувств в браке, а также тему одиночества человека в пожилом возрасте.

Предложенные нами в данной работе интерпретации имплицитных смыслов произведений не претендуют на статус единственно возможных. При условии, что другие версии будут подкреплены доказательствами — конкретными текстовыми данными, они также имеют право на существование.

Список источников

1. Арнольд И. В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // Вопросы языкознания. 1982. № 4. С. 83–90.
2. Барышева А. И. Имплицитность в тексте и аспекты ее анализа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8–1 (50). С. 18–20.
3. Долинин К. А. Имплицитное содержание высказывания // Вопросы языкознания. 1983. № 6. С. 37–47.
4. Жарина О. А. Категория имплицитности как текстовая категория: когнитивный подход // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2008. № 3. С. 56–62.
5. Жарина О. А. Парафраза как синкретичный способ выражения имплицитного смысла // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11–2 (77). С. 69–71.
6. Кирсанова И. В. Имплицитность как характеристика текста и ее роль в процессах восприятия и понимания информации // Информационная структура текста: сб. статей. М.: РАН. ИНИОН, 2018. С. 64–73.
7. Лелис Е. И. Подтекст и смежные явления // Вестник Удмуртского университета. Серия История и Филология. 2011. № 4. С. 143–151.
8. Лелис Е. И. Узкий и широкий подходы к пониманию подтекста // Вестник Удмуртского университета. Серия История и Филология. 2012. № 2. С. 70–74.

9. Лушникова Г. И., Осадчая Т. Ю. Основные тенденции спонтанной прозы в рассказах Джона Макгрегора // Научный диалог. 2020. № 9. С. 250–264.
10. Лушникова Г. И., Осадчая Т. Ю. Своеобразие поэтики цикла рассказов в современной британской литературе (на материале рассказов Дж. Макгрегора) // Вестник Удмуртского университета. Серия история и филология. 2021. Т. 31. № 3. С. 628–634.
11. Магомедов Б. Б. Импликация в художественном произведении (на материале языка художественной литературы XX века) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 90. С. 143–146.
12. Насон Н. В. Некоторые средства создания импликации в произведениях Э. Хемингуэя // Евразийский научный журнал. 2021. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-sredstva-sozdaniya-implikatsii-v-proizvedeniyah-e-hemingueya> (дата обращения: 27.03.2024).
13. Пешкова Н. П. ИмPLICITность в тексте: препятствие vs. стимул и условие понимания // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 219–231.
14. Сермягина С. С. Ключевые вопросы методики анализа подтекста художественного произведения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4–4 (52). С. 148–154.
15. Умерова М. В. Импликация в семантической структуре текста // Вопросы филологических наук. 2010. № 6. С. 95–100.
16. Шалудько И. А. ИмPLICITное содержание художественного текста и проблема перевода // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2012. № 4. С. 39–45.
17. Шелестюк Е. В., Киль И. П. ИмPLICITное содержание текста и проблема его перевода (на материале трилогии «Вселенная Элдерлингов» Р. Хобб) // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 7 (453). Филологические науки. Вып. 125. С. 168–179.
18. Ganteau J.-M. Diffracted Landscapes of Attention: Jon McGregor's Reservoir 13 // Études britanniques contemporaines. 2018. № 55. URL: <https://journals.openedition.org/ebc/4802> (дата обращения: 27.03.2024).
19. McGregor J. This Isn't the Sort of Thing That Happens to Someone Like You: Stories. London: Bloomsbury, 2012. 272 p.

References

1. Arnol'd IV. Implication as a method of constructing a text and a subject of philological study. *Voprosy jazykoznanija = Topics in the Study of Language*. 1982;(4):83-90. (In Russ.).
2. Barysheva AI. The implicitness in the text and the aspects of its analysis. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Questions of theory and practice*. 2015; (8-1(50)):18-20. (In Russ.).
3. Dolinin KA. Implicit content of an utterance. *Voprosy jazykoznanija = Topics in the Study of Language*. 1983;(6):37-47. (In Russ.).
4. Zharina OA. The category of implicitness as a text category: a cognitive approach. *Izvestija Juzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki = Proceedings of Southern Federal University. Philology*. 2008;(3):56-62. (In Russ.).
5. Zharina OA. Paraphrase as a syncretic way of expressing implicit meaning. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Questions of theory and practice*. 2017;(11-2 (77)):69-71. (In Russ.).
6. Kirsanova IV. Implicitness as a text characteristic and its role in the process of information perception and comprehension. *Informacionnaja struktura teksta = Information structure of the text: collection of articles*. Moscow, RAS. INION; 2018:64-73. (In Russ.).
7. Lelis EI. The subtext and related notions. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija Istorija i Filologija = Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*. 2011;(4):143-151. (In Russ.).
8. Lelis EI. Narrow and broadside approaches to understanding of implied sense. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija Istorija i Filologija = Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*. 2012;(2):70-74. (In Russ.).
9. Lushnikova GI., Osadchaia TIu. The main tendencies of spontaneous prose in the stories of John McGregor. *Nauchnyi dialog = Scientific Dialogue*. 2020;(9):250-264.
10. Lushnikova GI., Osadchaia TIu. The short story cycle in contemporary British literature (based on the short stories by J. McGregor). *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija Istorija i Filologija = Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*. 2021;(31(3)):628-634. (In Russ.).

11. Magomedov BB. Implication in a fiction work. *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. A.I. Gercena = Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2009;(90):143-146. (In Russ.).
12. Nason NV. Some means of creating implication in the works of E. Hemingway. *Evrazijskij nauchnyj zhurnal = Eurasian scientific journal*. 2021;(10). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-sredstva-sozdaniya-implikatsii-v-proizvedeniyah-e-hemingueya>. (accessed: 27.03.2024) (In Russ.).
13. Peshkova NP. Implicity in the text: obstacle vs. stimulus and condition of comprehension. *Voprosy psicholingvistiki = Journal of Psycholinguistics*. 2009;(9):219-231. (In Russ.).
14. Sermjagina SS. Basic issues and strategy of subtext analysis. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University*. 2012;(4-4(52)):148-154. (In Russ.).
15. Umerova MV. Implication in the semantic structure of the text. *Voprosy filologičeskikh nauk = Philological Sciences Issues*. 2010;(6):95-100. (In Russ.).
16. Shalud'ko IA. The implicit content of a literary text and the problem of translation. *Vestnik Saint Petersburgskogo universiteta. Serija 9. Filologija. Vostokovedenie. Zhurnalistika = Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*. 2012;(4):39-45. (In Russ.).
17. Shelestjuk EV, Kil' IP. The implicit content of the text and the problem of its interpretation (case study of Robin Hobb's trilogy "Realm of the Elderlings"). *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2021;(7 (453)). *Filologičeskie nauki = Philological Sciences* (125):168-179. (In Russ.).
18. Ganteau J-M. Diffracted Landscapes of Attention: Jon McGregor's Reservoir 13. *Études britanniques contemporaines*. 2018;(55). Available from: <https://journals.openedition.org/ebc/4802> (accessed: 27.03.2024).
19. McGregor J. *This Isn't the Sort of Thing That Happens to Someone Like You: Stories*. London, Bloomsbury; 2012. 272 p.

Информация об авторах

Г. И. Лушникова — доктор филологических наук, профессор кафедры филологии и методики преподавания.

Т. Ю. Осадчая — кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и практики перевода и зарубежной филологии.

Information about the authors

G. I. Lushnikova — Doctor of Philological Sciences, Professor the Department of Philology and Methods of Teaching.

T. Ju. Osadchaia — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor Theory and Practice of Translation and Foreign Philology Department.

Статья поступила в редакцию 30.04.2024; одобрена после рецензирования 08.07.2024; принята к публикации 30.04.2025.

The article was submitted 30.04.2024; approved after reviewing 08.07.2024; accepted for publication 30.04.2025.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

**ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ЯЗЫКОВОГО РАЗВИТИЯ
TRENDS, PROBLEMS AND PROSPECTS
OF LANGUAGE DEVELOPMENT**

*Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 5 (499). С. 138–147.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025;(5(499)):138-147.*

Научная статья

УДК 1751.80

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-138-147

**РОЛЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ
В НОРМАЛИЗАЦИИ РУССКОГО ЯЗЫКА НОВЕЙШЕГО ПЕРИОДА**

Мимоза Теймуразовна Фахрутдинова¹, Лира Ильгизаровна Озтюрк²

¹Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, Казань, Россия, 79050384037@yandex.ru, ORCID 0000-0002-1895-3059

²Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова, Казань, Россия, liraoz@mail.ru, ORCID 0000-0002-0795-4099

Аннотация. Статья посвящена аналитическому описанию некоторых наметившихся в современном русском языке тенденций, которые, по мнению ее авторов, в будущем могут иметь распространение и потому нуждаются в спокойном, объективном и безоценочном изучении, проводимом в русле осмысления данных явлений с позиции ортологии. Цель, которая авторами статьи преследуется, заключается в попытке на примере конкретных языковых фактов не только указать на изменения в языке новейшего периода, происходящие на всех его уровнях и зарождающиеся в живой разговорной речи, но и обосновать прогнозируемость и закономерность некоторых трансформаций в дальнейшем. Это особенно актуально в связи с тем, что на протяжении всей истории становления языка нормализация всегда проходила в конфликте между теорией и практикой, и вопрос о том, нужно ли контролировать языковые процессы или следует безучастно наблюдать за их течением, полагаясь на естественную способность языка к саморегуляции, волновал как филологов, так и представителей широкой общественности. Сегодня динамика языкового развития, в том числе обусловленная разнообразными экстралингвистическими факторами, придала этому вопросу еще большую остроту, и многое из того, что еще недавно считалось вопиющим нарушением норм, закрепилось в речи и даже получило одобрение у специалистов — представителей академического сообщества филологов. Всё это свидетельствует, по мнению авторов статьи, о необходимости без предубеждения подвергать анализу текущее положение, сложившееся в речевой практике, и с учетом полученных выводов делать обоснованные лингвистические прогнозы относительно того, каким будет русский язык в будущем.

Ключевые слова: динамические процессы в русском языке, ортология, нормализация, лингвистическое прогнозирование, языковой стандарт, вариативность

Для цитирования: Фахрутдинова М. Т., Озтюрк Л. И. Роль лингвистического прогнозирования в нормализации русского языка новейшего периода // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 5 (499). С. 138–147. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-138-147.

Original article

**THE ROLE OF LINGUISTIC FORECASTING IN NORMALIZATION
OF THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE**

Mimosa T. Fakhrutdinova¹, Lira I. Ozturk²

¹Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russia, 79050384037@yandex.ru, ORCID 0000-0002-1895-3059

²Kazan Innovation University named after V. G. Timiryasov, Kazan, Russia, liraoz@mail.ru, ORCID 0000-0002-0795-4099

© Фахрутдинова М. Т., Озтюрк Л. И., 2025

Annotation. The article is devoted to an analytical description of some emerging trends in the modern Russian language, which, according to its authors, may become widespread in the future and therefore need a calm, objective and unbiased study. The aim pursued by the authors of the article is to try, using the example of specific linguistic facts, not only to point out the changes in the language of the modern period occurring at all its levels and emerging in live colloquial speech, but also to justify predictability and a pattern of some transformations in the future. This is especially relevant due to the fact that throughout the history of language formation, normalization has always been in conflict between theory and practice, and the question of whether it is necessary to control language processes or to indifferently observe their course, relying on the natural ability of language to self-regulation, worried both philologists and representatives of the general public. Today, the dynamics of language development, including those caused by various extralinguistic factors, have given this issue even greater urgency, and much of what was recently considered a blatant violation of norms has become entrenched in speech and even received approval from specialists — representatives of the academic community of philologists. All this indicates, according to the authors of the article, the need to analyze the current situation in speech practice without prejudice, and taking into account the conclusions obtained, make reasonable linguistic predictions about what the Russian language will be in the future.

Keywords: dynamic processes in the Russian language, normalization, linguistic forecasting, language standard, variability

For citation: Fakhrutdinova MT, Ozturk LI. The Role of Linguistic Forecasting in the Normalization of the Modern Russian Language. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(5(499):138-147. (In Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-138-147.

Введение

Охарактеризовать текущее состояние языка и спрогнозировать, каким он станет в будущем, что необходимо для понимания перспектив его развития в русле ортологии, невозможно вне контекста, представляемого движением теории и практики, в конфликте которых происходит формирование языковых норм. С одной стороны, стремление нормализаторов привести язык к стандарту и, с другой стороны, его функционирование в узусе определяют характер и активность тех динамических процессов в современном русском языке, результаты которых могут удивлять и даже настораживать. Эти процессы стремительны и не всегда контролируемы, что вынуждает лингвистов-ортологов задаваться вопросом о целесообразности научных изысканий, проводимых с целью понять, каким будет русский язык в грядущем. Мнения на этот счет поляризованы: от признания тщетности попыток предугадать языковые изменения до утверждения практически безграничных возможностей не только увидеть язык в далеком «завтра», но и вмешаться в конструирование нашей языковой перспективы.

Ни для кого не секрет, что язык постоянно изменяется, обновляется, пополняется, при этом бережно храня старое, как внимательный и бережливый хозяин. Язык современного общества значительно отличается от того, который функционировал буквально десятилетие назад, что демонстрируется в речи его носителей, в частности, в усилении разговорности и экспрессивности, а также в наметившейся тенденции к расширению

пределов литературной нормативности за счет пусть и не рекомендуемых, но все же представленных в словарях вариантов (например, *звОнит*). Всё это обосновывает необходимость тщательного исследования текущего состояния языка, проводимого на обширном материале, извлеченном из фактов актуальной речевой практики. Так, при изучении происходящих в русском языке изменений, имеющих принципиальное значение для решения вопросов нормализации, следует:

- 1) обращать внимание на функционирование русского языка как системы в реальном действии, на частотность тех или иных фактов;
- 2) исследовать дискурсивную практику, формируемую в разных сферах (в обиходе, в научных и художественных текстах, в СМИ, в интернет-коммуникации и т. д.) и кругах общения (речь ученых, писателей, актеров, предпринимателей, молодежи и т. д.);
- 3) выявлять факторы, влияющие на изменение языка: фактор личности говорящего/пишущего, фактор адресата, ситуации общения и т. д.;
- 4) всегда идти от фактов речи, не подгонять их под ту или иную придуманную концепцию или идею;
- 5) постоянно учитывать экстралингвистическое воздействие на речь.

Следует отметить, что, хотя изменения в языке заметны на всех его уровнях, тенденции в развитии речи, обслуживающей информационные реалии современного общества, часто не совпадают с представленными в школьных учебниках, ортологических словарях и справочниках. В аспекте ортологии, с опорой на исследования в которой

происходит нормализация, считаем необходимым обратить особое внимание на активные процессы, происходящие на фонетическом уровне, в письменной речи, а также в грамматике, в частности в словообразовании и синтаксисе, и лексике. Безусловно, представленные в статье факты не могут служить исчерпывающими обоснованиями наличия кардинальных изменений в русском языке на всех его уровнях. Однако нам представляется, что о наметившихся тенденциях, без учета которых нормализация была бы формальной, они свидетельствуют довольно убедительно.

Материалы и методы исследования

Более четверти века назад К. С. Горбачевич, размышляя о том, насколько резонно лингвистическое прогнозирование и не вызвано ли оно лишь «праздным любопытством», пришел к выводу, что выявление «наиболее вероятных форм выражения в будущем — это не отвлеченная схоластика, не гимнастика ума, а нужное дело, под сказанное самой общественной жизнью» [6, с. 70]. Ссылаясь на мнение историка русского языка А. А. Потебни о том, что понимание «откуда» может помочь узнать «куда» мы идем, К. С. Горбачевич указывал на «инерционность» языка как на один из аргументов в пользу необходимости прогнозирования и возможности доверять его результатам [6, с. 76]. Безусловно, этим не отрицается факт того, что всё живое не может быть статичным и проходит через стадии развития. Являясь в определенном смысле живым организмом, язык тоже подвижен, а экстралингвистический контекст, в котором осуществляется его функционирование, чрезвычайно пестр и изменчив, что отражается и на характере коммуникаций.

Так, отсутствие четких границ между книжностью и разговорностью стало результатом стремления носителей языка выражать свои интенции более быстро, просто, максимально экономя речевые усилия [12, с. 74], и это приводит не только к стилистической размытости как таковой, но и к значительным трансформациям на всех ярусах языка. Кроме того, смена фактуры речи современного русскоязычного человека, особенно молодого, происходит в условиях активизации сетевого общения, участники которого, нередко оставаясь анонимными, стремятся «донести нужную информацию на “понятном всем языке”» [15, с. 131]. Однако все равно эволюционирование языка не хаотично и не идет по пути кардинального нарушения преемственности традиций, следовательно, в аспекте нормализации разумное вмешательство в его регулирование, осно-

ванное на результатах ортологических изысканий и не вступающее в противоречие с реальной речевой практикой, лингвистам следует осуществлять постоянно.

Цель, которую ставят перед собой авторы статьи, заключается в попытке на примере некоторых языковых фактов, свидетельствующих о происходящей на фонетическом, грамматическом, лексическом уровнях динамике, показать, что изменения в русском языке новейшего периода нельзя игнорировать или рассматривать как нарушения норм. Многие из того, что лингвистам, особенно пуристически настроенным, некогда признавалось недостойным, сегодня закрепились и доказало свою жизнеспособность. Это значит, что инновации в устной и письменной речи должны спокойно, взвешенно, без предубеждения анализироваться с учетом особенностей текущей внелингвистической обстановки, чтобы приблизить нас к пониманию, каким будет или может быть язык в будущем. Материалом для анализа послужили данные, приводимые современными языковедами, а также результаты личных наблюдений авторов, полученные в ходе подготовки практикумов по ряду лингвоориентированных вузовских дисциплин. В числе методологических инструментов исследования можно выделить описательный, диахронический, а также прием интерпретации представленных в статье языковых фактов, анализируемых в аспекте сложившейся на текущий момент экстралингвистической ситуации.

Акцентологические смещения и редукция гласных в устной речи

Как известно, язык — это системно и логично организованная совокупность единиц различных уровней. Следовательно, какое-либо изменение в ней может стать одновременно и причиной, и следствием новых языковых процессов, при этом естественной средой, в которой они зарождаются, является живая речь его носителей. В качестве наглядного примера можно привести колебание в ударении у существительных мужского рода, обозначающих некоторые понятия в сфере компьютерных технологий. Так, слово *бот*, активно используемое в профессиональной среде, указывает на любопытное явление: наделение языковой единицы *бот* в значении «специальная программа» новой для нее грамматической категорией — одушевленностью. Полагаем, в этом прослеживается связь с внеязыковой реальностью: боты создаются и постоянно совершенствуются таким образом, чтобы данные

программы были максимально полезными и удобными для пользователей, а способы взаимодействия с ними — естественными и похожими на межчеловеческие коммуникации, то есть боты фактически становятся не *чем*, а всё больше *кем*. И если пока морфологическая норма в языке не сложилась, то в речевой практике варианты *запустить новый бот/ нового бота* сосуществуют параллельно, следовательно, тенденция к одушевленности проявляется уже довольно отчетливо. Поскольку именно коммуникативный аспект предопределяет возникновение целого ряда лингвистических феноменов [10], можно предположить, что в итоге за словом *бот* закрепится категория одушевленности, как это произошло с лексемами *кукла* и *робот*, а ударение в падежных формах множественного числа сместится на окончание.

Изменение акцентологического облика слов в профессиональных жаргонах — распространенное явление: *кранЫ, лифтЫ*. Аналогичная ситуация, хотя и с другим окончанием, в словах: *текстА, фильтрА*. Это наглядный пример живой истории языка, когда изменение зарождается и происходит на наших глазах. По нашему мнению, насыщение речи профессионализмами и ее активная жаргонизация вызваны тем, что в контексте современных реалий человек много времени уделяет работе, следовательно, элементы профессионального дискурса сначала проникают во все сферы его жизнедеятельности, а затем — в СМИ, в язык официальных документов и пр. В этих условиях закрепление некогда внелитературного ударения как допустимого варианта или нормы (*договорА, шрифтЫ*) не является редкостью, что может привести к перестройке в некоторых сегментах акцентологической системы русского языка. На данную тенденцию указывал А. А. Зализняк, отмечавший, что она становится закономерностью, когда смещение ударения на окончание во множественном числе происходит у тех слов, где в единственном числе ударение неподвижное на основе. Так язык стремится противопоставить грамматическое значение с помощью произношения: если ударение падает на основу, то единственное число, если на окончание — множественное [8, с. 72]. Например, в некоторых современных орфоэпических словарях у слова хор отражен такой переход: формы множественного числа *хОры, хОрам* и *хорЫ, хорАм*. По нашим наблюдениям, быстрее новые акцентологические смещения появляются именно в профессиональной речи, потому что в ней активнее и чаще такие слова произносятся.

Еще одна любопытная тенденция исследуется известным современным лингвистом И. Исаевым, специалистом в области диалектного вокализма и консонантизма, заместителем директора по науке Института языкознания РАН. Он отмечает, что две степени редукции гласных (ударный, первый предударный, последующие предударные и все заударные звуки) имеют тенденцию к упрощению и превращению в первую степень (ударный и шва-образный звук во всех других позициях). Если в количественном составе (пять фонем по Московской фонологической школе и шесть (со звуком «ы») в Санкт-Петербургской фонологической школе) уже изменений не предвидится, то упрощение отражается в качественном составе гласных звуков [9, с. 16].

Обратимся к вопросу использования шва-образного звука в современном русском языке. Шва (от ивр. שָׁוָה [ʃ'va] — ничто) — гласный звук среднего ряда среднего подъёма. В транскрипции МФА обозначается символом [э]. Этот гласный звучит во многих языках в безударной (слабой) позиции, а в некоторых — и в ударной. Например, безударные гласные (кроме ближайших предударных) имеются в словах *корова* [kə'rovə], *собака* [sə'bakə], *молоко* [mələ'ko]

И. И. Исаев отмечает тенденцию к превращению гласных в вокализованные прокладки и в качестве примера указывает на тексты песен современных рэперов [9, с.19]. По нашему мнению, в потоке речи активно тяготение к консонантности, поскольку произнесение согласных, в отличие от гласных, более существенно для конструирования слова. Так, указанный лингвист приводит транскрипцию слов без гласных с твердыми согласными [т_п_р] и мягкими [т'_п'_р']. Очевидно, что функциональная нагрузка гласных падает, поэтому в безударной позиции уменьшается количество звуков. В итоге они сводятся к шва-образному звуку: *вода* [вэда] и *Красноярск* [крэснэйарск].

Следует отметить, что тенденция графической фиксации слова только буквами, обозначающими согласные звуки, активно распространяется и на письмо в неформальной сфере: *пжлст* (пожалуйста), *крч* (короче) и т. д. В сетевом общении, одно из свойств которого — это краткость выражения при информационной насыщенности, деградация гласных особенно заметна, к тому же зачастую она создается нарочито как способ привлечения внимания, в частности в никнеймах звезд, например, как в фамилии рэпера Антона Прокофьева — anton_prkfv.

Таким образом, фонетическая система русского языка подвергается качественным изменениям в области гласных. Так, образовался дисбаланс: в безударных позициях звуки, обозначаемые буквами А и О, а также Е и И, слились. Можно лишь предполагать, сольется ли последняя подобная пара У и Ы. Эти звуки в безударной позиции будут напоминать нечто похожее на современную фонему болгарского языка Ъ (неогублённый гласный заднего ряда средне-верхнего подъёма) или эстонскую фонему, графически изображаемую буквой Õ, которая обозначает характерный эстонский гласный [ɤ], отдалённо напоминающий русский звук Ы с некоторой примесью Э. Кроме указанных новаций, на фонетическом уровне можно отметить и тенденцию к стяжению звуков. Этот фонетический сдвиг заметен в неформальной устной речи, например, в произношении слов *будет*, *ходит*, *едет* — [буит], [хоит], [йэит] и под. Также получило распространение и тяготение к консонантности рисунка высказываний в устной речи. Как было указано выше, это особенно заметно в творчестве рэперов, что может стать образцом для подражания молодежи.

Изменения в письменной речи

Необходимость тщательного исследования «теоретических вопросов письма как способа функционирования языка возрастает в пору активных социальных изменений. В эти периоды испытывается на прочность сама система письма, ее адаптационные возможности. А выбранная стратегия нормирования проверяется на фундаментальность основополагающих принципов и их адекватность в новых условиях» [3, с. 13]. Так, в современном русском языке сложности вызывает написание букв «е» и «э» в корне заимствованных слов. В правиле много исключений, и варианты каждого нового заимствования обусловлены колебанием между «э» и «е». Даже если иноязычное слово уже давно освоилось в русском языке, его производные не застрахованы от неверного написания. Поэтому наряду с *риелтором* появляются *риэлторские* услуги. Иногда ошибка попадает в книжные тексты, например, фильм про супергероя называется «Бэтмен: Долгий Хэллоуин», в то время как название праздника по-русски следует писать через «е».

Одна из причин, почему там, где отчетливо слышен звук [э], возникает буква «е», заложена в истории языка. Буква «е» закрепилась в алфавите гораздо раньше соперницы. В исконно русских словах перед звуком [э] всегда был мягкий

согласный, и буква «е» стала обозначать эту мягкость, как в словах *лес* и *сестра*. При этом в заимствованиях до XVIII в. ее писали даже после твёрдых согласных. Потом исконно мягкие «ш», «ж», «ц» отвердели, но буква «е» осталась на месте, например, в словах вроде *шесть* и *цепь*. Получилось, что её начали писать и после твёрдых, и после мягких согласных. Так стали возможны современные *индекс* и *коттедж*.

Анализ всей совокупности языковых элементов, на основании которых возможно реконструировать представления о норме, необходимо проводить с учетом того, что представляли собой центр и периферия книжности в контексте той или иной эпохи. Они выявляются через понимание языковой правильности теми, кого принято считать авторитетами в области филологических знаний для своего времени [1, с. 2]. В эпоху начала формирования литературного языка таковым следует признать М. В. Ломоносова. Возвращаясь к истории буквы «э», попавшей в русский алфавит в 1708 г., когда была принята гражданская азбука, отметим, что ученый был в числе тех, у кого она вызывала отторжение. Тем не менее в указанное время букву «э» все же использовали в заимствованиях после гласных, хотя и весьма нерегулярно, в частности в словах *поэт* и *диета*.

Со временем проникновение в русский язык иноязычных заимствований привело к тому, что исключений становилось больше, например, слова *мэр*, *сэр*, *пленэр* и *мэтр* (чтобы отличать от меры длины *метр*). В относительно недавнем прошлом в этот перечень вошли *рэп*, *рэкет* и пр. То есть чем больше заимствований в условиях нарастающей лингвистической глобализации появлялось в русском языке [2], тем больше исключений фиксировали словари: *фэнтези*, *хетчбэк*, *сэндвич*, *лэптоп*.

В настоящий момент отмечается общая тенденция писать заимствования с буквой «е», чтобы не увеличивать количество слов-исключений, но, с другой стороны, традиция использования «э» тоже сохранилась. Поэтому, например, слово *кешбэк* попало в справочники именно в таком виде. При этом лингвисты, ссылаясь на объективную неустойчивость графической передачи и несложившуюся нормативность в отношении иноязычных неологизмов, в случаях, когда появляются сомнения и сложности, рекомендуют проверять написание по словарю. Например, на академическом ресурсе «Академос» Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Его главное преимущество перед другими

лексикографическими источниками, в частности традиционными печатными, в том, что словарь «Академоса» формируется на живом языковом материале, ежегодно обновляется. Например, в 2022 г. были зафиксированы слова *джетлаг* и *покерфейс* с буквой «е», а в декабре 2023 г. ресурс пополнился более чем 60 новыми статьями, в числе которых слово *датасет* тоже с буквой «е». Кроме того, можно воспользоваться информационно-поисковой системой «Орфографическое комментирование русского словаря», где расположены объяснения написанию тех или иных сложных случаев. И хотя пополнившие ресурс недавно слова не всегда оперативно становятся предметом орфографического комментирования, некоторые рекомендации могут служить поводом для проведения аналогии. Так, слово *рэкет* снабжено справкой о том, что буква «э» используется в ограниченном ряде иноязычных слов.

Грамматический уровень: инновации в словообразовании

Нельзя не заметить, что «для современных словообразовательных процессов в русском языке характерны высокая интенсивность и гибкость» [13, с. 122]. В качестве подтверждения можно указать на тенденцию, объясняемую в том числе и экстралингвистическими причинами, — образование деминутивов, приводящее к активному использованию носителями языка уменьшительно-ласкательных суффиксов. В последнее время деминутивы широко распространились в самых разных текстах в интернете, что вызывает раздражение как у некоторых специалистов, так и читателей или слушателей. Но слова в уменьшительно-ласкательной форме в языке существовали всегда, и в настоящее время они выполняют важные функции:

1) служат средствами общения между детьми и родителями, и именно эта сфера является источником роста деминутивов: *смеська, укольчик, глазки, сыночек, доченька* и т. д.;

2) в неформальном общении взрослые люди используют слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами для выражения положительных эмоций, настройки собеседника на позитивное восприятие информации, для маркировки различных чувств и выражения отношения к людям ближнего круга: *денечек, бережок, любимка, печалька*;

3) для создания благоприятно-доверительного тона общения, в частности в официально-деловой сфере, предупреждения конфликтов,

чтобы привлечь внимание собеседника, вызвать его расположение и пр.: «Мне бы *салончик* автомобиля почистить», «Давайте обсудим эту *проблемку*», «Вам какое *маслице* нужно?», «Номер *телефончика* дадите?» и т. д.

В современном русском языке как первичные, так и вторичные (суффиксально удвоенные) деминутивы характеризуются широким функциональным диапазоном — от способности использоваться для обозначения реальных размеров (ср. *машина* — *машинка*, *комната* — *комнатка*, *книга* — *книжечка*) до выражения многообразных эмоционально-оценочных нюансов и возможности выполнять номинативную или, напротив, чисто фатическую функцию, служить знаками неформального, неофициального общения. Преимуществом редуцированных деминутивов и, следовательно, основанием для активного функционирования моделей деминутивной редукации является их выразительность и более успешное, в сравнении с первичными деминутивами, сопротивление процессам десемантизации, постоянно осуществляющимся в данном лексико-словообразовательном сегменте.

Лексика русского языка как наиболее поддающаяся изменениям сфера

Наибольшее количество изменений можно отметить на лексическом уровне. По мнению специалистов, а также самих носителей языка, обусловлено это стремительным пополнением русского языка иноязычными словами. И какие бы опасения на этот счет ни высказывались, непреложен факт того, что контактирование между народами приводит и к языковому взаимодействию. Так, в упомянутой выше статье К. С. Горбачевич утверждает, что «ревнителю языковой чистоты» в своем стремлении оградить русский язык от «засорения... иностранными словами» не учитывают естественности и неизбежности заимствования, а любая «замкнутая национальная культура проигрывает в своем развитии» [6, с. 75]. Русский язык был всегда открыт заимствованиям, а в настоящее время «глобализация и интенсивная интернационализация многократно усилили воздействие... английского языка на другие национальные языки» [13, с. 118]. Именно англицизмы сегодня составляют значительную часть заимствований: *тренд, блог, дедлайн, чайлдфри, лайфхак*.

Следует отметить, что представляет интерес и то, каким образом происходит грамматическое освоение англицизмов. Как и в вышеописанных случаях, наиболее наглядно это прослеживается

в профессиональной речи. Так, лексема *тима* с ударением на А используется в языке геймеров вместо слова команда, но если в английском языке *team* — слово мужского рода, то в русском оно приобрело грамматические характеристики существительного женского рода [7, с. 213]. То же самое происходит со словом *голда*, что в переводе с английского значит «золото». Первоначально слово *голда* употреблялось лишь в сленге геймеров, где обозначало игровую валюту, на которую можно было покупать различные предметы и создавать улучшения для персонажей. Позже слово распространилось в молодежной среде и стало обозначать золотые украшения, золотые монеты и вообще всё золотое.

Трансформации в синтаксисе

Англицизмы ведут за собой рост аналитизма в грамматике. Возможное увеличение числа языковых единиц, в которых эта тенденция станет очевидной, прогнозируется исследователем М. Т. Фахрутдиновой, имеющей большой профессиональный опыт общения с самыми разными носителями русского языка. Так, в одной из своих статей она указывает на преимущество аналитических моделей. Действительно, *фитнес-инструктор* гораздо короче словосочетания *инструктор по фитнесу*. Подобная тенденция наблюдается и в конструкциях, содержащих имена собственные, типа *Абязов-фест* и *Хиллари-эфф-фест* [16, с. 139].

Фраза «*Можно, пожалуйста?*» также активно используется представителями молодого поколения. Лингвисты И. В. Высоцкая и О. И. Северская отмечают, что это калька с англоязычной конструкции *May I please* (*Могу ли я? / Могу я...*), которая поначалу переводилась на русский «как положено» [4, с. 226].

Еще одна распространенная конструкция: «*Я понял (сказал, решил...) ТО, что...*», где слово «то» в связке с глаголами мысли, чувства, речи избыточно, его не всегда нужно употреблять перед придаточным предложением с союзом «что». Во многих случаях наличие местоимения «то» является ошибкой, которую довольно часто допускают в современной устной и письменной речи, при этом не только в разговорной. Попытки выявить причины такой синтаксической громоздкости привели авторов статьи к выводу, что в числе прочего это может быть вызвано скудностью словарного запаса и отсутствием лингвистического вкуса у некоторых носителей языка, а ввиду распространенности подобной конструкции и действия механизма аналогии прогнозы на ее устраи-

вание пока несостоятельны. Однако нельзя допустить, чтобы данный языковой факт стал нормой, это один из тех случаев, когда необходимо пристальное наблюдение со стороны лингвистов и речевая дисциплина самих носителей языка.

Заключение

Итак, динамические процессы в языке неизбежны, а с девяностых годов двадцатого столетия вследствие нарастания глобализации, в том числе культурной, их темп заметно ускорился [14]. Изменения в социальной сфере, в политике и экономике, появление новых технологий, активность международных контактов — вот далеко не полный перечень тех причин, которые принято называть экстралингвистическими. Но и в самой природе языка, как у всего живого, заложено важное свойство — переходить в своем развитии из одной стадии в другую. Следовательно, «язык должен меняться, и он меняется. Более того, запаздывание изменений приносит обывателям значительное неудобство... Но и очень быстрые изменения могут мешать и раздражать» [11, с. 8]. Потому важно помнить, что процессы эти при всей их динамичности и способности идти по непредвиденному сценарию все же могут прогнозироваться и развиваться в определенном русле, а потому следует, с одной стороны, не попустительствовать им, с другой — не мешать их естественному ходу, чтобы русский язык сохранил свою красоту, самобытность, способность служить средством для выражения самых разных мыслей.

Анализ общих тенденций в области языковых преобразований позволит не только установить причины вариативности в речевой практике, раскрыть связи между тем, как меняется наша действительность и каким образом это проецируется на язык, но и сформировать более развернутое представление о процессах, с одной стороны, происходивших в истории языка и, с другой — характеризующих его современное состояние, что чрезвычайно важно «для теории и практики перевода, лексикографии, стилистического анализа текста и т. п.» [5, с. 5]. В статье мы попытались объяснить механизм формирования некоторых языковых изменений, которые в той или иной степени интенсивности происходят на всех уровнях языка и в последующем могут стать нормой. Так, нововведения обнаруживаются в вариантности ударений и синтаксических конструкций, в проникновении иноязычных лексических единиц и в способе их встраивания в грамматическую систему русского языка. Принимая во внимание

тезис о том, что предсказываемые лингвистами изменения в языке не всегда будут обязательными к исполнению в речи, все же позволим себе считать прогнозирование в лингвистике не только возможным, но и в целях сохранения экологического благополучия языка необходимым.

Таким образом, среди активных процессов в современном языке, ортологический анализ которых необходим в целях его нормализации, на уровне грамматики выделяются стремление к аналитизму и адаптация к внутренним нормам языка, на лексическом уровне — интернационализация, усиление иноязычного влияния и понятийно-концептуальное обновление. В устной речи частотным можно назвать акцентологические смещения, признаваемые в настоящее время

допустимыми вариантами, а также редукцию гласных и тенденцию к стяжению звуков, в то время как в письменной — минимизацию употребления буквы Э, очевидно, так и не ставшей для русского языка «родной», и распространившуюся в сетевом общении традицию графической передачи слова только обозначающими согласные звуки буквами. Каким будет наш язык через 10–20 лет, представить сложно, но уже понятно, что необходимо, с одной стороны, повышать уровень речевой культуры общества и, с другой — продолжать теоретические изыскания, основанные на живом языковом материале, дающем лингвистам весьма развернутую картину относительно прогнозов на будущее русского языка в аспекте его нормализации.

Список источников

1. Бабаева Е. Э. Книжный язык Петровской эпохи и его типы в представлении Ф. Поликарпова. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1988. 250 с.
2. Банщикова М. А., Орешко В. М. О процессах лингвистической глобализации и интернационализации в современном обществе // Вопросы прикладной лингвистики, 2014, № 15–16. С. 10–17.
3. Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Теория и практика нормирования русского письма. М.: ООО «ЛЕКСРУС», 2016. 424 с.
4. Высоцкая И. В., Северская О. И. «Можно, пожалуйста, ...» как речевая формула «новейшей русской вежливости» // Сибирский филологический журнал. 2019. Вып. 3. С. 225–233.
5. Гак В. Г. Языковые преобразования. Книга 1: Некоторые аспекты лингвистической науки в конце XX века. От ситуации к высказыванию. Кн.1. Москва: Либроком, 2018. 368 с.
6. Горбачевич К. С. Дано ли нам предугадать? (О будущем русского языка) // Русистика. 1990. № 2. С. 70–80.
7. Гурчиани М. Т. О генеалогической классификации новообразований иноязычного происхождения в русском языке и особенностях их семантической ассимиляции // Вестник Чувашского университета, 2009. № 1. С. 212–214.
8. Зализняк А. А. Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь. 2-е изд., расширенное и переработанное. М.: Языки славянских культур, 2019. 872 с.
9. Исаев И. И., Корчинский А. В. Фонетика русского рэпа: об одной лингвистической и художественной тенденции // Русская рок-поэзия: текст и контекст: сборник научных трудов / Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург. 2020. Спецвыпуск. Рэп: филологический ракурс. 138 с.
10. Клушина Н. И. Стилистика публицистического текста. М.: Флинта, 2019. 241 с.
11. Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. Москва: Языки славянских культур, 2007. 229 с.
12. Озтюрк Л. И. К вопросу о соотношении нормативности и вариантности в современном русском языке // Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук. 2022. № 12. С. 73–77.
13. Осетрова О. И., Хусаинова Д. В. Интернет-коммуникация и интернациональный морфемный фонд // Современные исследования социальных проблем. Том 14, № 4, 2022. С.117–124.
14. Скороходова Е. Ю., Щеголева М. М. Роль и употребление неологизмов в современных СМИ // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 5. С. 73–78.
15. Файзуллина Э. Ф. Речевая компетентность как основа коммуникативной культуры сотрудников ОВД // Язык в национально-культурном ракурсе: теория и практика. Сборник статей. Под общей редакцией Л. А. Мардиевой, Т. Ю. Щуклиной. Казань, 2019. С. 130–134.
16. Фахрутдинова М. Т. Функционирование неологизмов IT-сферы в русском языке новейшего периода (на материале текстов электронных СМИ) // Филология и культура. 2021. № 1 (63). С. 138–141.

References

1. Babaeva EE. Knizhnyy yazyk Petrovskoy epokhi i ego tipy v predstavlenii F. Polikarpova = The book language of the Peter the Great era and its types in the representation of F. Polikarpova. M.: MGU im. M.V. Lomonosova. 1988. 250 p. (in Russ.).
2. Banshchikova MA., Oreshko VM. O protsessakh lingvisticheskoy globalizatsii i internatsionalizatsii v sovremennom obshchestve = On the processes of linguistic globalization and internationalization in modern society. *Voprosy prikladnoy lingvistiki = Issues of applied linguistics*. 2014;(15-16):10-17. (in Russ.).
3. Beshenkova EV, Ivanova OE. Teoriya i praktika normirovaniya russkogo pis'ma = Teoriya i praktika normirovaniya russkogo pis'ma. M.: OOO «LEKSRUS». 2016. 424 p. (in Russ.).
4. Vysotskaya IV, Severskaya OI. «Mozhno, pozhaluysta, ...» kak rechevaya formula «noveyshey russkoy vzhlivosti» = “Can I please ...” as a speech formula of “the latest Russian politeness”. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal = Siberian Philological Journal*. 2019;(3):225-233. (in Russ.).
5. Gak VG. Yazykovye preobrazovaniya. Kniga 1: Nekotorye aspekty lingvisticheskoy nauki v kontse XX veka. Ot situatsii k vyskazyvaniyu = Language transformations. Book 1: Some aspects of linguistic science at the end of the XX century. From situation to statement. Moscow: Librokom. 2018. 368 p.
6. Gorbachevich KS. Dano li nam predugadat'? (O budushchem russkogo yazyka) = Are we given to predict? (About the future of the Russian language). *Rusistika*. 1990;(2):70-80. (in Russ.).
7. Gurchiani MT. O genealogicheskoy klassifikatsii novoobrazovaniy inoyazychnogo proiskhozhdeniya v russkom yazyke i osobennostyakh ikh semanticheskoy assimilyatsii = On the genealogical classification of neoplasms of foreign origin in the Russian language and the peculiarities of their semantic assimilation. *Vestnik Chuvashskogo universiteta = Bulletin of Chuvash University*. 2009;(1):212-214. (in Russ.).
8. Zaliznyak AA. Drevnerusskoe udarenie: Obschie svedeniya i slovar'. 2-e izd., rasshirennoe i pererabotannoe = Old Russian accent: General information and dictionary. 2nd ed., expanded and revised. M.: Yazyki slavyanskikh kul'tur = Languages of Slavic Cultures. 2019. 872 p. (in Russ.).
9. Isaev II, Korchinskiy AV. Fonetika russkogo repa: ob odnoy lingvisticheskoy i khudozhestvennoy tendentsii. Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst: sbornik nauchnykh trudov = Phonetics of Russian rap: about one linguistic and artistic trend. Russian rock poetry: text and context: collection of scientific papers. Ural'skiy gosudarstvennyy pedagogicheskii universitet. Ekaterinburg. 2020. Spetsvypusk. Rep: filologicheskii rakurs = Ural State Pedagogical University. Yekaterinburg. 2020. Special edition. Rap: a philological perspective. 138 p. (in Russ.).
10. Klushina NI. Stilistika publitsisticheskogo teksta = The style of the journalistic text. M.: Flinta. 2019. 241 p. (in Russ.).
11. Krongauz M. Russkiy yazyk na grani nervnogo sryva = The Russian language is on the verge of a nervous breakdown. Yazyki slavyanskikh kul'tur = Languages of Slavic Cultures. Moscow. 2007. 229 p. (in Russ.).
12. Oztyurk LI. K voprosu o sootnoshenii normativnosti i variantnosti v sovremennom russkom yazyke = On the question of the ratio of normativity and variation in the modern Russian language. *Uspekhi gumanitarnykh nauk = Modern Humanities Success*. 2022;(12):73-77. (in Russ.).
13. Osetrova OI, Khusainova DV. Internet-kommunikatsiya i internatsional'nyy morfemnyy fond = Internet communication and the International Morphemic Fund. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem = Modern Studies of Social Issues*. 2022.;14(4):117-124. (in Russ.).
14. Skorokhodova EYu, Shchegoleva MM. Rol' i upotreblenie neologizmov v sovremennykh SMI = The role and use of neologisms in modern media. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk = Current problems of the humanities and natural sciences*. 2016;(5):73-78. (in Russ.).
15. Fayzullina EF. Rehevaya kompetentnost' kak osnova kommunikativnoy kul'tury sotrudnikov OVD = Speech competence as the basis of the communicative culture of police officers. Yazyk v natsional'no-kul'turnom rakurse: teoriya i praktika. Sbornik statey. Pod obshchey redaktsiey LA Mardievoy, TYu Shchuklinoy = Language in the national-cultural perspective: theory and practice. Collection of articles. Under the general editorship of L.A. Mardieva, T.Y. Shchukina. Kazan', 2019. pp. 130-134. (in Russ.).
16. Fakhrutdinova MT. Funktsionirovanie neologizmov IT-sfery v russkom yazyke noveyshego perioda (na materiale tekstov elektronnykh SMI) = The functioning of neologisms of the IT sphere in the Russian language of the latest period (based on the material of electronic media texts). *Philology and Culture = Filologiya i kul'tura*. 2021;(1(63)):138-141. (in Russ.).

Информация об авторах:

М. Т. Фахрутдинова — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и языкознания.

Л. И. Озтюрк — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и языкознания.

Information about the authors

M. T. Fakhrutdinova — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Language and Linguistics.

L. I. Ozturk — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Language and Linguistics.

Статья поступила в редакцию 16.09.2024; одобрена после рецензирования 09.01.2025; принята к публикации 30.04.2025.

The article was submitted 16.09.2024; approved after reviewing 09.01.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-148-156

ФЕМИНАТИВЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА

Анна Владимировна Крылова¹, Гульнара Франгилевна Кудинова²

¹Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа, Россия, annakrilova2024@yandex.ru

²Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются причины развития языка и тенденции языковых изменений, характерные для современности. В контексте мирового общественного развития находит свое отражение дискуссионная тема феминативов профессиональной деятельности, являющаяся одним из основных интересов данной публикации. Целью исследования является определение ключевых движущих сил, воздействующих на процесс изменения языка, а также изучение феминативов как части лексики, являющейся сегодня принимаемой обществом только отчасти, в то время, как изменения, происходящие в ряде развитых и развивающихся стран, приносят с собой запрос на закрепление в языке большего количества женских профессиональных наименований. В статье сформулированы основные языковые и коммуникативные тенденции, характерные для нашего времени: стремление к краткости и информативности, смена приоритетов при общении, измененное выражение эмоций и др.; рассмотрены негативные и позитивные аспекты функционирования феминативов с учетом обозначенных реалий. Актуальность рассматриваемой в статье темы не подлежит сомнению, поскольку проблема феминативов остается одной из наиболее обсуждаемых в лингвистике. Результатом исследования становятся выводы о положении феминативов в современной языковой реальности в частности, о том, что возникновение женских профессиональных наименований является закономерным следствием происходящих в обществе изменений. Феминативы становятся востребованной частью языка, выполняют важные функции, отвечают запросам общества и отражают современную реальность. При этом некоторые из них имеют долгую историю, а другие находятся на стадии формирования, например, существуют в разговорном языке в виде основ с различными суффиксами «женскости». Дискуссии на тему правомерности той или иной разговорной формы феминатива не могут быть пресечены посредством директивного навязывания нормы со стороны компетентных организаций, поскольку формирование, путь и востребованность данных лексических единиц в отдельных языковых системах может значительно отличаться. Теоретическая и практическая значимость работы определяются возрастающим интересом к гендерным исследованиям в области языка в последнее время, где она может представлять пользу для каждого, кто интересуется данной тематикой.

Ключевые слова: динамический процесс, изменение языка, тенденция, феминатив, феминитив

Для цитирования: Крылова А. В., Кудинова Г. Ф. Феминативы профессиональной деятельности в контексте современных тенденций развития языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 5 (499). С. 148–156. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-148-156.

Original article

NOMINA FEMININE OF PROFESSIONAL ACTIVITY IN THE CONTEXT OF MODERN LANGUAGE DEVELOPMENT TRENDS

Anna V. Krylova¹, Gulnara F. Kudinova²

¹Akmulla Bashkir State Pedagogical University, Ufa, Russia, annakrilova2024@yandex.ru

²Akmulla Bashkir State Pedagogical University, Ufa, Russia

Abstract. The article discusses the reasons for the development of language and the trends in language changes that are characteristic of the modern world. Within the context of global social development, the discursive topic of feminizing professional activity is reflected, which is one of the main interests of this publication. The aim of the research is to

© Крылова А. В., Кудинова Г. Ф., 2025

determine the key driving forces influencing the process of language change, as well as to study feminized nouns as part of the lexicon that is only partially accepted by society today, while changes occurring in the world bring about a demand for incorporating more female professional terms into the language. The article formulates the main linguistic and communication trends characteristic of our time: the desire for brevity and information content, changing priorities in communication, altered expression of emotions, etc. Negative and positive aspects of the functioning of feminatives are considered, taking into account the identified realities. The relevance of the topic discussed in the article is beyond doubt, as the issue of feminized nouns remains one of the most discussed in linguistics. The results of the study lead to conclusions about the position of feminized nouns in modern linguistic reality, in particular, that the emergence of female professional terms is a natural consequence of the changes occurring in studied languages. Feminized nouns become a sought-after part of the language, fulfill important functions, respond to societal demands, and reflect the modern reality. Some of them have a long history, while others are in the stage of formation. For example, they exist in colloquial language in the form of stems with various feminizing suffixes. Discussions on the legitimacy of a particular colloquial form of feminative cannot be suppressed by imposing norms from competent organizations, as the formation, trajectory, and demand for these lexical units can vary significantly in different linguistic systems. The theoretical and practical significance of this work is determined by the growing interest in gender studies in language in recent times, where it can be beneficial to anyone interested in this article.

Keywords: media communication, dynamic process, language change, trend, feminative, nomina feminine

For citation: Krylova AV, Kudinova GF. Nomina Feminine of Professional Activity in the Context of Modern Language Development Trends. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(5(499):148-156. (In Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-148-156.

Введение

Язык — это сложная, динамичная система, находящаяся в постоянном процессе развития. Любой язык подвержен изменениям по ряду внутренних и внешних причин. Среди ученых, внесших значительный вклад в разработку материалов по вопросам языковых изменений могут быть названы: Ф. де Соссюр, Н. Хомский, У. Лабов, К. Фосслер и др. Изучение феминативов относится к области гендерной лингвистики, интерес к которой в нашей стране зародился несколько позднее, чем на Западе. Первые работы отечественных исследователей, посвященные изучению данной языковой области, начали появляться во второй половине XX в. основополагающими стали труды следующих видных ученых: И. Ф. Протченко, Н. А. Янко-Треницкой, Н. М. Шанского, Ю. С. Азарха, Е. А. Земской и др.

Востребованность дальнейших исследований в области гендерных наук подтверждается интересом общественности к гендерной тематике, а также разработкой инициатив российской власти, связанных с поддержкой женщин [15. С. 35]. Актуальность исследования феминативов в различных аспектах их реализации обусловлена постоянным развитием коммуникационной среды и активным употреблением данных лексических единиц преимущественно, в разговорной речи и в условиях интернет-коммуникации.

Целью данного исследования является рассмотрение феминатива как неотъемлемой части языка, изучение его в контексте изменений, происходящих с языком. Задачи исследования могут

быть сформулированы следующим образом: выявить основные причины и ведущие тенденции изменений живого языка в современных реалиях; определить понятие феминатив; сформулировать общие выводы, касающиеся обоснованности употребления феминативов в развивающихся языковых системах. Гипотеза исследования заключается в том, что феминативы являются востребованной частью лексики, а их создание и развитие не противоречит естественным векторам трансформации языка, наблюдаемым сегодня. Новизна данной работы состоит в изучении феминатива через призму сформулированных авторами тенденций изменения языка.

Методы и материалы

В качестве источников информации было изучено более двадцати крупных отечественных и зарубежных публикаций. Исследования в области гендерной и социолингвистике предполагают использование общих и частных научных методов, в том числе, таких как анализ, интроспекция и логическое сопоставление.

Результаты и их обсуждение

Живые языки, широко используемые в наше время, не могут существовать вне изменений, происходящих в обществе. Они подвержены обновлениям на всех своих уровнях, благодаря чему остаются востребованными по сей день. Изменения каждого отдельного языка происходят в соответствии с его внутренними логическими и структурными особенностями. Язык подвергается изменениям в связи с тем, что развитие общества в социальном, технологическом,

историческом и других планах имеет колоссальное значение, что отражается на всех сферах действительности.

Под живыми языками в лингвистике понимаются разговорные языки, принадлежащие определенной общности и используемые носителями этого языка на постоянной основе: в повседневной речи и различных видах деятельности. Происходящие в живом языке изменения неразрывно связаны с социальными, географическими, политическими и культурными факторами. Изменение языка происходит неравномерно, скачкообразно и проявляет себя наиболее ярко на лексическом уровне. Новые слова и понятия, входящие в язык, как правило, происходят из сферы технологий, науки и культуры, в то время, как базовый пласт понятий, составляющий ядро языка, практически не меняется. Изменения языка — разносторонний процесс, в котором наряду с пополнением его состава новыми словами, происходит расширение значения или редуцирование уже имеющихся слов и понятий.

Наиболее важными движущими силами в упомянутом процессе являются:

- 1) экономия языковых средств — стремление достичь цели коммуникации с наименьшими временными и ресурсными затратами;
- 2) аналогия — уподобление наиболее частотным элементам языковой парадигмы;
- 3) языковые миграции — включение в язык заимствованной из других языков лексики, грамматических структур и морфологических особенностей [9. С. 125].

Как отмечает А. В. Архангельская, в период существенных сдвигов в системах языков, большинство ученых ставит перед собой задачу зафиксировать происходящие изменения, описать их и объяснить динамику тектонических изменений языковой системы, а «факторы языковой динамики обычно понимаются как стимулы к развитию и обогащению языка, как явления, способствующие языковому развитию, как движущие силы языкового прогресса» [1. С. 3]. Изучение динамических процессов, происходящих в языках — востребованное направление, не теряющее своей актуальности ввиду постоянных изменений границ научных изысканий. Среди исследователей, занимающихся изучением процессов языкового изменения в славистике, могут быть названы Н. С. Валгина, Н. Ф. Клименко, М. А. Кронгауз, Г. П. Нецименко, А. Г. Широкова, В. В. Усачёва, Н. Б. Мечковская и др. В ходе исследований по данной тематике ученые приходят к выводу,

что не все языковые изменения можно расценивать как положительно влияющие на систему и структуру языка. Исследование динамических процессов языка представляется перспективным с принятием во внимание большого количества несогласующихся друг с другом объективных языковых и неязыковых факторов, с учетом специфики и предрасположенностей каждого из рассматриваемых языков, что является действительно сложной задачей.

Число вопросов, не имеющих однозначного ответа и остающихся дискуссионными, постоянно пополняется. К ним относится, например, проблема использования феминативов (феминитивов) в разговорном языке и отражение изменившейся языковой действительности в официальном обращении. Границы обсуждаемой нами лексико-семантической группы варьируются в зависимости от вида исследования, сводясь к широкому или узкому пониманию термина. В широком смысле, к феминативам относятся лексемы категории *nomina feminina* (производные от мужских, наименования лиц женского пола), *nomina agentis* (наименования деятеля), *nomina attributiva* (название носителя признака) и различные наименования по родству, происхождению, принадлежности к той или иной национальной, социальной, возрастной группе и др. [2]. Согласно определению, сформулированному Т. К. Жорж «феминитив, обозначающий профессии, социальную принадлежность — лексический неологизм женского рода, образованный и парный соответствующему существительному мужского рода» [7. С. 356].

Использование феминативов позволяет «увидеть» множество женщин, деятельность которых не ограничивается только домашним хозяйством; женщин, строящих свою карьеру в различных сферах, ранее доступных только для самореализации представителей мужского пола. Борьба с дискриминацией женщин в деловой сфере продолжается сегодня в разных языках и происходит неравномерно. В то время как один язык демонстрирует слабое внимание к процессу «включения» феминативов, другой язык сначала приходит к необходимости сделать женщин «видимыми» и равноправными с мужчинами, но потом и отказаться от лингвистических разграничений профессий по половому признаку. Выбор в пользу разных вариантов обращений и их функциональность зависит от политики каждого конкретного государства.

В рамках данной работы мы предпринимем попытку охватить проблему феминатива

профессиональной деятельности в контексте современной языковой действительности. Обозначая основные тенденции, которые, по нашему мнению, стали основой процесса быстрой смены языковых реалий, рассмотрим, насколько органично или чужеродно, выглядит в них феминатив.

1) Стремление к краткости и информативности

Эта тенденция отчетливо прослеживается на всех уровнях взаимодействия и в ситуациях самой различной важности: от официальных встреч глав государств до повседневного общения рядовых граждан. Этикет повседневного общения упрощен, он претерпевает значительные изменения. Карантинные меры и изоляция в связи с появлением новой коронавирусной инфекции усилили социальное дистанцирование. Все чаще отдается предпочтение не личной встрече, а общению в соцсетях, где краткость обусловлена самим форматом взаимодействия.

Использование слов со значением женскости при официальном обращении в русском языке, на сегодняшний день, не является нормой, в отличие от немецкого и французского языков, где феминизация лексических наименований и употребление их на равных с мужскими обозначениями поддерживается законом. В отечественной документации используются слова в мужском роде¹ с редкими исключениями (например, «акушерка») или во множественном числе². Универсальные наименования для лиц обоих полов соответствуют критерию краткости и содержат необходимое значение. Большинство феминативов-профессий в русском языке представляют собой наименования для женщин, образованные от слов мужского рода путем присоединения суффиксов –к, –ш, –ниц, –чиц/–щиц, –х, –ин/–ын, –н, –есс и др. В этом смысле, добавление суффиксов женскости к профессиям с практической точки зрения, представляется излишним. При этом, использование феминатива может способствовать стремлению к краткости (например, космонавка вместо женщина-космонавт). Бывают случаи, когда информация о гендерной принадлежности специалиста имеет значение (например, «гинекологиня», «массажистка» и др.). Востребованность феминативов, в особенности, неодеживатов, в коммуникации с прагматической

целью указания на пол лица, характерна для разговорной речи и общения в интернет-среде [8. С. 140].

2) Смена приоритетов при общении

На первый план выходит стремление достичь максимального понимания собеседников по рабочим вопросам, что подразумевает сокращение ритуальности, витиеватости и многослойности смыслов, подтекста сказанного. Выбор средств для осуществления успешной коммуникации базируется на достижении структурности, четкости повествования, информативности, объективности, максимальной доступности. Язык важен, в первую очередь, как инструмент. Певучесть звучания и красота выражаемых мыслей становится менее востребованными. Данная тенденция отчетливо прослеживается, например, в современной литературе, в сравнении с произведениями авторов прошлого века.

Относительно нормы, касающейся новых приоритетов в сфере общения, выступает учет гендерной принадлежности лица, к которому обращаются. Данная тенденция изначально предполагала включение форм женского рода для наименований профессий, титулов и званий, т. е. тех областей, в которых женская роль традиционно оставалась на периферии. Так, начиная с 1980 г., в Германии, Австрии и Швейцарии принимались законы и выпускались административные постановления, указывающие на обязательность использования гендерно-чувствительного языка, включающего феминативы на официальном уровне. «Целью этих реформ стало достижение лингвистического равноправия гендеров, то есть отказ от общего мужского рода. В 1980 г. немецкое гражданское уложение было дополнено положением о необходимости размещения вакансии для обоих гендеров (без дискриминации или предпочтения отдельного гендера)» [3. С. 23]. Во франкоговорящих странах, приблизительно в это же время, начинался собственный процесс феминизации языка, выразившийся, в большой степени, как «противостояние» правительства страны и Французской Академии. Бурные обсуждения, связанные с попытками сделать женщин, занимающих высокие должности и посты, равными мужчинам и лингвистически видимыми, продолжаются до сих пор. Французский язык, как и немецкий, располагает всеми необходимыми возможностями для образования феминативов, такими как изменение артикля, присоединение суффиксов и окончаний, согласование прилагательного и причастия с существительным.

¹ Единый квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и других служащих (ЕКС, 2019), URL: ЕКС (bizlog.ru).

² Общероссийский классификатор занятий (ОКЗ, 2021), URL: ОКЗ (classifikators.ru).

Сегодня Французская Академия далеко ушла от некогда резко консервативных взглядов, но она признает тенденцию к сопротивлению некоторым отдельным формам, преимущественно женским вариантам профессий, находящимся на вершине социальной лестницы. Причина данного явления в том, что некоторые формы пока еще непривычны французскому обществу. В своем документе от 2019 г., посвященном теме феминативов профессиональной сферы, Французская Академия формулирует эту мысль следующим образом: «Академия считает, что можно предусмотреть все изменения, направленные на то, чтобы признанное ныне место женщины в обществе признавалось и в языке, при условии, что они не противоречат элементарным правилам и основам языка»³.

Инициатива по содействию в достижении языкового гендерного равноправия в разных странах продвигается ООН. Актуальные рекомендации по «продвижению гендерного равенства посредством языка до 2030 г.»⁴ представлены для нескольких языков. Сам документ представляет собой свод рекомендаций и стратегий для того, чтобы учитывать любого человека, никого при этом не выделяя и не исключая. Еще одним влиятельным руководством по языковой политике является «справочник НАТО по инклюзивному языку», выпущенный Канцелярией специального представителя генерального секретаря по вопросам женщин, мира и безопасности⁵.

Позиция западных стран по вопросам реализации гендера в языке, где с помощью феминативов подчеркивается стремление к снижению дискриминации женщин, заключается в закреплении феминатива как нормы на всех уровнях коммуникации, несмотря на непривычность и неблагозвучие некоторых форм.

³ Académie française (2019) La féminisation des noms de métiers et de fonctions. Rapport adopté le 28 février, 6. URL: http://www.academie-francaise.fr/sites/academie?francaise.fr/files/rapport_feminisation_noms_de_metier_e_t_de_fonction.pdf

⁴ ONU Femmes (2020) Rédaction inclusive Promotion de l'égalité des sexes par le biais du langage, URL: unwomen.org/sites/default/files/Headquarters/Attachments/Sections/Library/Gender-inclusive%20language/Guidelines-on-gender-inclusive-language-fr.pdf

⁵ Manuel de l'OTAN sur le langage inclusive (2020). Le Bureau de la représentante spéciale du secrétaire général de l'OTAN pour les femmes, la paix et la sécurité. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pictures/images_mfu/2021/5/pdf/210514-GIL-Manual_fr.pdf

3) Измененное выражение эмоций

Общение в мессенджерах и социальных сетях производится посредством передачи информации в виде короткого текста, реплики или голосового сообщения. Во время общения голосовыми сообщениями собеседник считает интонацию и способен, в большинстве случаев, распознать эмоции говорящего без труда. С короткими же текстовыми сообщениями передача интонации и чувств говорящего осуществляется с помощью смайлов и эмодзи. Использование таких визуальных знаков помогает избежать неверной трактовки написанного. Таким образом, для передачи мысли и чувства больше не требуется наличие большого числа определений и средств художественной выразительности.

В контексте рассматриваемой нами проблематики и вышеупомянутой тенденции возникает вопрос о том, позволяет ли феминатив передать эмоциональный посыл говорящего. Ряд исследователей [12; 13] отмечает, что использование феминативов ограничено ввиду присущей многим из них негативной стилистической нагрузки. Тем не менее исследования феминативов в современном русском медиапространстве [5] подтверждают как актуализацию уже существующих наименований, так и активное создание неологизмов. Последние исследования показывают, что феминативы-неологизмы, появившиеся позднее (например, стримерша, тиктокерша, айтишница) воспринимаются коммуникантами как стилистически немаркированные, а вот феминативы-субдериваты (авторка, психологиня, редакторка) часто имеют определенную стилистическую окраску [8. С. 79]. Предполагаем, что то, как будет воспринято то или иное слово зависит, в большей степени, от говорящего и реципиента, а точнее, от их точки зрения и обсуждаемой ситуации в целом. Феминатив может использоваться как быстрый способ донести информацию с положительным или отрицательным, а также провокативным подтекстом.

4) Изменение качества на фоне высокой конкуренции

В наше время существует огромное количество печатных издательств и изданий, интернет-ресурсов, телевизионных и персональных каналов, личных аккаунтов публичных персон и блогов. Все они борются за внимание потенциального зрителя, слушателя, подписчика. Конкуренция в сфере СМИ достигла невероятных масштабов. Положительным моментом здесь является разнообразие и широкий выбор: каждый человек

сможет найти для себя тот источник информации, который ему подходит. Отрицательным последствием такого положения дел является снижение качества выпускаемого контента. Стремление обозреть новости как можно скорее, выпустить больше материала, заполучить внимание публики любыми доступными способами приводят к падению качества продукции. Заметно снижена планка требований к выпускаемому материалу, общество становится менее притязательным. Средства массовой информации широко используют нечестные приемы привлечения внимания: броские, провокационные заголовки часто не соответствуют действительности. Наблюдается широкое использование сниженной, жаргонной и просторечной лексики в попытке «быть ближе» к потребителю. Все это приводит к образованию и распространению многочисленных ошибок в сфере, где они недопустимы.

Согласно одному из исследований [11], наиболее распространенными являются: ошибки в склонении числительных; наличие составляющих канцеляризма, устарелых клише; скудный словарный запас, отсутствие синонимов, тавтология и плеоназмы; использование сленга, просторечных слов; повсеместность иностранной лексики и др. Колмакова В. В. отмечает, что «в конце прошлого столетия ещё печатались молодежные издания, занимающиеся повышением уровня образования читателей. В наше время же увеличилось количество изданий, основанных на рассмотрении информационно-развлекательных тем, как музыка, мода, спорт, светская жизнь» [11. С. 14]. Грамматические и пунктуационные ошибки встречаются в книгах и газетах.

Феминативы, в особенности те, которые имеют непривычное звучание, воспринимаются теми, кто настроен консервативно, как ошибка и даже «уродование» языка. Согласно опросу Superjob, крупного IT-сервиса по поиску работы и сотрудников, современные феминативы (например, режиссерка, авторка) вызывают у 63 % россиян отрицательные эмоции и сопровождаются комментариями: «ухо режет»; «коверкает русский язык»⁶. Активное использование в речи и нейтральное восприятие более характерно для уже «прижившихся» наименований, таких как певица, учительница, писательница и др. [14. С. 263].

⁶ Superjob (2023) Новые феминативы больше всего раздражают женщин. URL: Новые феминативы больше всего раздражают женщин. Исследовательский центр портала Superjob.ru (дата обращения: 19.07.2022).

При всей своей неоднозначности и нестабильности в образовании неологизмов, использование феминатива может помочь избежать ошибок с грамматической точки зрения, а также не допустить искажения смысла. Л. Чуковская писала, что «моя врач велела» звучит «невыносимо — наподобие «моя грач прилетела»⁷. В книге «Как называются женщины» приводятся следующие слова психолога Адрианы Имж: «Сравните два высказывания: «Ш. Бюлер описывает пять фаз развития» или «Шарлотта Бюлер описывает пять фаз развития». Если вы говорите, что разницы нет, то вы даже не представляете, сколько раз эта знаменитая женщина-ученая «меняла пол» в тех случаях, когда ее имя сокращалось до Ш., — потому что ученый по умолчанию «он» [16. С. 274].

5) Смена авторитетов

Не так давно язык книг, газет, телевидения соответствовал определенным требованиям и являлся эталоном грамотного использования языковых средств; служил понятным и доступным ориентиром. На развитие языка оказывали влияние признанные поэты и писатели, выдающиеся публичные личности. Сегодняшняя действительность характеризуется значительным ускорением ритма жизни, сосуществованием противоречивых форм и норм. Необходимо быстро «переключаться» между несколькими вариантами; осваивать различные стили, от делового до молодежного, чтобы понимать и быть понятым. Авторитетами для нового поколения являются блогеры.

Исследователи медиа-дискурса отмечают, что «большинство изданий все же стремится использовать существительные женского рода... лишь малый процент СМИ по-прежнему использует мужские формы, употребляя глаголы с указанием женского рода. Наблюдается стремление избегать подобных конструкций» [13. С. 129]. Анализ видеоконтента на YouTube показывает борьбу двух тенденций: феминизации и маскулинизации. Следование тому или иному пути в выборе языковых средств связано с отношением автора видео к феминизму [10].

б) Темпы развития технологий и экономики

Язык пополняется иноязычными заимствованиями в связи с принятием в обиход новых технологий, товаров и услуг. Данная тенденция пересекается с указанной нами в п. 2, поскольку построение связей между странами в информационной,

⁷ Чуковская, Л. К. (1996) Моя грач прилетела. URL: <https://www.chukfamily.ru/lidia/prosa-lidia/stati-prosa-lidia/moya-grach-priletela?ysclid=lw8xx28vql134745398> (дата обращения: 19.07.2022).

правовой, торгово-экономической и других сферах является взаимовыгодным и требует «точек соприкосновения», общепринятого понятийного аппарата для успешного осуществления сотрудничества [4. С. 304]. Использование в международной коммуникации гендерно-нейтральных и женских наименований для профессий является важным, поскольку согласно цели западных языковых реформ, содержит в себе посыл о важности каждого человека, независимо от половой и гендерной принадлежности.

Заключение

Вопрос о рациональном использовании феминативов остается открытым и сегодня. Говоря о происходящих в языке изменениях, в частности, о возникновении феминативов, и анализируя это относительное языковое новшество в контексте факторов, влияющих на язык, а также учитывая обозначенные нами выше тенденции, можно сделать следующие выводы:

1. Появление феминативов в профессиональной сфере является закономерным следствием исторических, политических, культурных и социальных изменений, произошедших в обществе и отразившихся в языке.

2. Возникновение дискуссий по проблематике, непрекращающийся интерес общественности и поиск различных путей приемлемого решения вопроса об использовании феминативов свидетельствуют о потребности в дальнейшем изучении данной части лексики.

3. Обозначенные тенденции изменения языка в большей или меньшей степени взаимосвязаны с частотой использования, восприятием и принятием феминативов общественностью. Адаптация к новым словесным формам должна происходить естественным образом, производиться согласно ведущим языковым принципам, с учетом потребностей и предпочтений конкретного общества. Феминатив воспринимается обществом неоднозначно, зачастую, как излишество или нечто неорганичное, тем не менее именно за счет данных лексических единиц может быть доступно разрешение грамматического или смыслового противоречия. Посредством включения феминативов-профессий в лексику на более высоком уровне могут быть созданы условия для обеспечения «видимости» трудящейся женщины. Использование феминативов профессиональной деятельности принято во многих странах (в частности, немецко- и франкоговорящих). Особенности образования феминных наименований в том или ином языке имеют важное значение при осуществлении международной коммуникации.

Таким образом, подтверждается гипотеза о том, что феминативы представляют собой востребованную область лексики, а их употребление и развитие не противоречат естественной трансформации языка в условиях современной действительности.

Список источников

1. Архангельская А. В. К вопросу о подходах к сопоставительному лингвистическому описанию динамических процессов в современных славянских языках // *Opera Slavica*. 2013. Т. 23, № 4. С. 1–16.
2. Беркутова В. В. Феминативы в русском языке: лингвистический аспект // *Филологический аспект*. 2019. № 1 (45). С. 7–26.
3. Бровина Н. А. Феминитивы в Интернет-коммуникации (на основе анализа социальных сетей в России и Германии): Выпускная квалификационная работа: направление 45.04.02 «Лингвистика» / СПб. гос. ун-т. СПб., 2021. 62 с.
4. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по филол. направлениям и специальностям. М.: Логос, 2003. 304 с. (Учебник XXI века).
5. Гузаерова Р. Р., Косова В. А. Специфика феминитивов в современном русском медиапространстве // *Филология и культура*. 2017. № 4 (50). С. 11–15.
6. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд., испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
7. Жорж Т. К. Феминитив: лингвистический аспект и проблема перевода // *Преподаватель XXI век*. 2018. № 4–2. С. 356–363.
8. Замышляева Ю. С. Функционирование феминитивов в современной коммуникации: прагматический и стилистический аспекты: специальность 5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика»: дис. ... канд. филол. наук / Челябинский гос. ун-т. Челябинск, 2023. 194 с.
9. Звегинцев В. А. Теоретические аспекты причинности языковых изменений // *Новое в лингвистике: сб. ст.: пер. с англ. и фр. Вып. 3 / сост., ред. и вступ. ст. В. А. Звегинцева*. М.: Изд-во иностр. лит., 1963. С. 125–143.

10. Козьякова О. А., Кочева О. Л. Гендерный аспект языка блогосферы // *Russian Linguistic Bulletin*. 2022. № 1 (29). С. 126–130.
11. Колмакова В. В., Федоненко К., Савельев Т. Влияние СМИ на речевую культуру // *Молодой ученый*. 2016. № 7–4 (111). С. 14–17.
12. Назарова Е. М. Функционирование феминитивов в текстах традиционных СМИ // *Наука сегодня: фундаментальные и прикладные исследования: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Вологда, 25 сентября 2019 г.): сб. тр. / Научный центр «Диспут». Вологда: Маркер, 2019. С. 55–57.*
13. Самойленко Н. С., Стекленева А. А. Феминитивы как инструмент гендерной дифференциации в СМИ // *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики*. 2019. № 2 (33). С. 126–132.
14. Фуфаева И. В. Как называются женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция. М.: АСТ: CORPUS, 2020. 300 с. (Primus).
15. Хоткина З. А. Российским гендерным исследованиям 30 лет: ретроспектива и перспективы // *Женщина в российском обществе*. 2020. № 2. С. 26–37

References

1. Arhangel'skaja AV. K voprosu o podhodah k sopostavitel'nomu lingvisticheskomu opisaniju dinamicheskikh processov v sovremennyh slavjanskikh jazykah = On the issue of approaches to comparative linguistic description of dynamic processes in modern slavic languages. *Opera Slavica*. 2013;23(4):1-16. (In Russ.).
2. Berkutova VV. Feminatives in the russian language: linguistical aspect. *Filologicheskij aspekt = The Philological Aspect*. 2019;(1(45):7-26. (In Russ.).
3. Brovina NA. Feminitivy v Internet-kommunikacii (na osnove analiza social'nyh setej v Rossii i Germanii) = Feminatives in Internet communication (based on the analysis of social networks in Russia and Germany): Final qualifying thesis: direction 45.04.02 "Linguistics". Saint-Petersburg, 2021. 62 p. (In Russ.).
4. Valgina NS. Aktivnye processy v sovremenном russkom jazyke = Active processes in modern russian: a textbook for university students studying in philological fields and specialties. Moscow: Logos, 2003. 304 p. (Uchebnik XXI veka). (In Russ.).
5. Guzaerova RR, Kosova VA. Specificity of feminine nouns in modern russian media. *Filologija i kul'tura = Philology and Culture*. 2017;(4 (50):11-15. (In Russ.).
6. Zherebilo TV. Slovar' lingvisticheskikh terminov = Dictionary of linguistic terms. Nazran': Pilgrim, 2010. 486 p. (In Russ.).
7. George TK. Gender marking in job titles: linguistic aspect and problem of the translation. *Prepodavatel' XXI vek = Teacher of the XXI century*. 2018;(4-2);356-363. (In Russ.).
8. Zamyshljaeva JS. Funkcionirovanie feminitivov v sovremennoj kommunikacii: pragmaticheskij i stilisticheskij aspekt = The functioning of feminatives in modern communication: pragmatic and stylistic aspects: specialty 5.9.8. "Theoretical, applied and comparative linguistics": dis. ... Candidate of Sciences (Philology). Cheljabinsk, 2023. 194 p. (In Russ.).
9. Zvegincev VA. Teoreticheskie aspekty prichinnosti jazykovyh izmenenij. In: *Novoe v lingvistike: sbornik statej. = Theoretical aspects of the causality of linguistic changes. In: New in linguistics: collection of articles. Issue 3. Moscow:, 1963. P. 125-143. (In Russ.).*
10. Kozyakova OA, Kocheva OL. Gender aspect of the language of the blogosphere. *Russian Linguistic Bulletin*. 2022;(1 (29):126-130. (In Russ.).
11. Kolmakova VV, Fedonenko K, Savel'ev T. Vlijanie SMI na rechevuju kul'turu = The influence of mass media on speech culture. *Molodoj uchenyj = Young Scientist*. 2016;(7-4 (111):14-17. (In Russ.).
12. Nazarova EM. Funkcionirovanie feminitivov v tekstah tradicionnyh SMI. In: *Nauka segodnja: fundamental'nye i prikladnye issledovanija = Science today: fundamental and applied research: proceedings of the international scientific and practical conference (Vologda, September 25, 2019): collection of works. Vologda: Marker, 2019. P. 55-57. (In Russ.).*
13. Samoilenko NS, Stekleneva AA. Feminatives as a tool of gender differentiation in the media. Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki = Current Issues of Modern *Philology and Journalism*. 2019;(2 (33):126-132. (In Russ.).
14. Fufaeva IV. Kak nazyvajutsja zhenshhiny. Feminitivy: istorija, ustrojstvo, konkurencija = What are women called. Feminatives: history, device, competition. Moscow: AST: CORPUS, 2020. 300 p. (Primus). (In Russ.).
15. Khotkina ZA. 30 years of Russian gender studies: retrospective and perspectives. *Zhenshhina v rossijskom obshhestve = Woman in Russian Society*. 2020;(2):26-37. (In Russ.).

Информация об авторах

А. В. Крылова — аспирант 4 курса.

Г. Ф. Кудинова — научный руководитель, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка, теоретической и прикладной лингвистики.

Information about the authors

A. V. Krylova — 4th year graduate student.

G. F. Kudinova — Scientific Supervisor, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Russian Language, Theoretical and Applied Linguistics.

Статья поступила в редакцию 10.06.2024; одобрена после рецензирования 29.07.2024; принята к публикации 20.12.2024.

The article was submitted 10.06.2024; approved after reviewing 29.07.2024; accepted for publication 30.04.2025.

Вклад авторов: А. В. Крылова — разработка концепции, изучение информации, проведение исследования, подготовка и редактирование материалов статьи; Г. Ф. Кудинова — разработка концепции, утверждение окончательного варианта статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: A. V. Krylova — concept development, studying information, conducting research, preparing and editing article materials; G. F. Kudinova — development of the concept, approval of the final version of the article.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 81.371

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-157-164

ДИСКУССИИ О КВАЛИФИКАЦИИ ТЕРМИНОЛОГИИ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Чжао Тэнтэн¹, Александра Анатольевна Миронова²

¹Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия, 1120812739@qq.com, ORCID 0009-0003-7832-6131

²Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия, mironovaaa@susu.ru, ORCID 0000-0001-5910-8567

Аннотация. Статья посвящена истории становления терминологии как самостоятельной лингвистической дисциплины в китайской лингвистике. Делается подробный анализ изучения понятия «термин», делается обзор научных подходов к языку специальности и научным понятиям. В данной статье основное внимание уделяется созданию терминологии в Китае, начиная с записей исследований древней научной и технической терминологии, изучения современной теории перевода научной и технической терминологии и заканчивая содействием государства развитию терминологии после образования КНР. Описывается развитие китайской терминологии с точки зрения теоретического и практического исследования. Анализируется взаимовлияние работ русских лингвистов в области терминологии, рассматривается процесс заимствований терминов. Делается аргументированный вывод, что в современном Китае терминология — это комплексная и развивающаяся дисциплина. Доказано, что разработка китайской терминологической системы в разных науках имеет большое значение для развития многих научных знаний, включая философию и социальные науки. Систематизация терминосистем порождает новые концепции, новые категории и новые понятия, которые могут отражать практику и теоретические инновации социализма с китайской спецификой. Введенные в оборот китайские термины легко поддаются изучению, понятны и принимаемы международным научным сообществом. Выделение терминологии как лингвистической науки содействует построению системы профессионального дискурса, усиливает влияние международного научного общения. Показано, что формирование терминологии как науки в Китае имеет долгую историю, но в целом развитие нового научного направления началось сравнительно поздно.

Ключевые слова: китайский язык, терминология, термин, номенклатура

Для цитирования: Тэнтэн Ч., Миронова А. А. Дискуссии о квалификации терминологии как самостоятельной лингвистической науки в китайском языкознании // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 5 (499). С. 157–164. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-157-164.

Original article

DISCUSSIONS ON THE QUALIFICATION OF TERMINOLOGY AS AN INDEPENDENT LINGUISTIC SCIENCE IN CHINESE LINGUISTICS

Zhao Tengteng¹, Alexandra A. Mironova²

¹South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia, ORCID 0009-0003-7832-6131, 1120812739@qq.com

²South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia, ORCID 0000-0001-5910-8567, mironovaaa@susu.ru

Abstract. The article explores the history of the formation of terminology as an independent linguistic discipline in Chinese linguistics. It provides a detailed analysis of studies concerning the concept of “term,” along with an overview of scientific approaches to the language of specialization and scientific concepts. The focus lies on the development of terminology in China, beginning with early investigations into ancient scientific and technical terminology, progressing through contemporary theories of translating specialized terms, and culminating in state-supported initiatives following the establishment of the People’s Republic of China. The growth of Chinese terminology is discussed from both theoretical and practical perspectives. The reciprocal impact of Russian linguists’ work in

© ТЭНТЭН Ч., МИРОНОВА А. А., 2025

the area of terminology is examined, alongside the process of term borrowing. A substantiated conclusion is drawn affirming that, in present-day China, terminology represents a multifaceted and evolving discipline. It is argued that the advancement of the Chinese terminological system across diverse fields of science plays a pivotal role in fostering numerous areas of scholarly inquiry, encompassing philosophy and social sciences alike. Systematic structuring of terminological frameworks generates novel concepts, categories, and notions capable of reflecting extensive practices and theoretical breakthroughs intrinsic to socialism with Chinese characteristics. Newly coined Chinese terms prove accessible, comprehensible, and widely embraced by the global academic community. Establishing terminology as a distinct branch of linguistic science enhances the construction of a discursive framework, thereby bolstering China's standing in international dialogue. Although grounded in solid historical foundations, the overall progression of terminology commenced comparatively later than other disciplines.

Keywords: Chinese language, terminology, term, nomenclature

For citation: Tengteng Zh, Mironova AA. Discussions on the Qualification of Terminology as an Independent Linguistic Science in Chinese Linguistics. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(5(499)):157-164. (In Russ). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-499-5-157-164.

Введение

Теоретические терминологические исследования в Китае прошли путь становления через три исторических периода: от изучения теории научного и технологического перевода, описания онтологии терминологии до систематического, всестороннего представления о языке науки и техники с упором на ее репрезентативные характеристики. Бурное развитие новых технологических сфер деятельности человека, трансформация уже существующих порождает все новые термины, зачастую являющихся синонимами к имеющимся лексемам. Кроме этого распространение китайских технологий и способов строительства, новых архитектурных решений, появление инновационных материалов, существование совместных проектов Китая и России по возведению промышленных, торговых, жилых объектов разного типа обуславливает трудности при восприятии технической документации, договорных документов, паспортов объекта из-за наличия большого количества разных терминов для обозначения одного предмета, неадекватного перевода специальных слов с русского на китайский и наоборот. Все это доказывает **актуальность** сравнительно-сопоставительного изучения терминосистемы в сфере строительства и архитектуры как одной из важных сторон жизни современного индустриального человека. Для этого сначала необходимо рассмотреть существующие подходы к терминологии как самостоятельной науке в китайской лингвистике в диахронно-синхронном аспекте.

Цель исследования заключается в описании процесса развития китайской терминологии, анализ научных дискуссий о ее статусе с точки зрения теоретических и прикладных исследований.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что результаты работы вносят вклад в теорию терминоведения.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования итогов наблюдений в пополнении мирового глобального терминологического аппарата, так как термины и номенклатурные понятия должны трактоваться единообразно, независимо от территории использования.

Материалы и методы исследования

Для анализа этапов развития терминологии как науки от момента появления до сегодняшнего дня, выявления острых проблемных вопросов в работе был применен описательный метод.

Этапы развития терминологии как науки в китайском языкознании

I. Исследование терминологии в Древнем Китае

Древняя китайская наука и техника были очень развиты и занимали достойное место в истории науки и техники. От периода Чуньцю (770–476/403 гг. до н.э.) и Сражающихся царств (476/403–221 гг. до н.э.) до династий Цинь и Хань, на протяжении почти тысячи лет, через процветающий период, во времена династии Тан и вплоть до династии Сун многие научные и технологические отделы формировали свои собственные системы терминов. Многие дисциплины превзошли западные, достигнув в то время вершины мирового уровня. Как отметил английский учёный Джозеф Нидэм (Joseph Needham, 1900–1995), известный британский историк науки: «С третьего по пятнадцатый век нашей эры Китай поддерживал уровень научных знаний, который был далеко за пределами досягаемости Запада... Многие из его изобретений и открытий намного превзошли современную Европу. В частности, четыре великих изобретения Китая представляют собой славную главу в древней китайской культуре и науке» [4].

Структура древнекитайских научно-технических терминов в основном формировалась по правилам китайского языка, поэтому системно

представляют его особенности. Большинство терминов состоит из одного или двух слогов, они лаконичны и в то же время понятийно глубоки. Некоторые слова, словосочетания или фразы точно отражают принцип дифференциации понятий, четко отличают одну вещь от другой и выражают характеристики и свойства вещей. После тысяч лет эволюции и развития китайская научно-техническая терминология унаследовала и развила черты традиционной науки и техники, сформировав уникальный языковой стиль, который точно транслирует современные научные концепции и выделяется среди языков мира.

Согласно исследованиям китайских лингвистов, в «Ши Цзин» («诗经» «Книга песен») эпохи Западной Чжоу содержится более 600 отрывков, связанных с химическими знаниями. В текстах встречается множество терминов, таких как:

1) *бронза* — существует более 200 стихотворений, связанных с бронзой, которые можно условно разделить на две темы: понимание бронзы как элемента и ее широкое применение;

2) *олово* — используется для предотвращения коррозии металлов.

3) *алкоголь* — о его происхождении и развитии [7].

Многие аргументы в главе «Сюньцзы Чжэнмин том» («荀子 正名篇»), работа известного мыслителя Сюньцзы (荀子 Сюньцзы (313–238 гг. до н.э.)) конца периода Сражающихся царств, связаны с вопросами терминологии. Он выдвинул предложение о «создании названий для обозначения реальности» (制名以指实). Ученый обоснованно считал, что именованье должно основываться на фактах: «Одни и те же вещи должны называться одинаково, разные вещи должны называться по-разному» (同则同之, 异则异之). Также были предложены понятия «общее имя» (共名) и «вымышленное имя» (别名). Общее имя эквивалентно вышестоящему понятию, вымышленное имя эквивалентно подчиненному понятию. Понятие «великое общее имя» (大共名), которое выше общего имени и имеет наибольшее расширение, и термин «великое вымышленное имя» (大别名), которое ниже вымышленного имени, имеет наибольшее расширение, также были предложены мыслителем. Такая концепция представляет собой многоуровневую систему понятий как терминологическую систему, аналогичную той, которая предлагается современной терминологией.

В плане выражения имен Сюньцзы также предложил концепции «единого имени» (单名) и «комбинированного имени» (兼名), выступил за то, чтобы именованье фокусировалось на двух клю-

чевых точках: «метафора» и «достаточность». «Метафора» означает понимание, а «достаточность» означает полнота. Эти идеи Сюньцзы очень вдохновляют сегодняшних исследователей терминологии. Он является пионером в теоретических исследованиях терминологии в Китае [1].

«Эр Я» («尔雅») времен ранней династии Хань — самая ранняя монография в Китае по объяснению слов, представляющая собой толковый словарь. В книге представлены термины из различных дисциплин, в том числе гуманитарных, прикладных и естественных наук. Книга состоит из девятнадцати томов (текущее издание), классифицированных и расположенных следующим образом: «Ши Гу» («释诂», 古今异言, 解之使人知也. «Объяснение древности», различные слова в древности и современности, делать объяснения чтобы люди поняли); «Ши Янь» («释言», 《释言》与《释诂》无异, 也是以通语易词解释古语、方言及疑难词语. «Объяснение слов» не отличается от «Объяснение древности», также толкуются древние слова, диалектные, показывается образование сложных слов путём простыми словами); «Ши Сюнь» («释训», 主要训释的是描写事物情貌的叠音词或联绵词. «Объяснение по замечанию» — дублированные слова или сложные слова, описывающие внешний вид вещей); «Ши Цинь» («释亲», 研究亲属关系的专著和总表. «Объяснение родства» — монография и общая таблица по исследованию родства в Китае); «Ши Гун» («释宫», 体现了古人对“宫”的独特定义, 其词条释义又展现了古人设置室内所注意的祭祀、养生、光线等问题. «Объяснение дворцов» отражает уникальное определение «Дворца» древними, и его записи показывают вопросы, на которые древние обращали внимание при обустройстве внутренних помещений, такие как жертвоприношения, сохранение здоровья и свет); «Ши Чжи» («释器», 主要讲述了关于木豆等生活常见物品的称呼. «Объяснение посуды» — говорится о названиях обычных предметов в быту). «Ши Юэ» («释乐» — Объяснение музыки), «Ши Тянь» («释天» — Объяснение неба), «Ши Ди» («释地» — Объяснение земли), «Ши Цю» («释丘» — Объяснение холма), «Ши Шань» («释山» — Объяснение горы), «Ши Шэй» («释水» — Объяснение воды), «Ши Цао» («释草» — Объяснение травы), «Ши Му» («释木» — Объяснение дерева), «Ши Чун» («释虫» — Объяснение насекомых), «Ши Ю» («释鱼» — Объяснение рыб), «Ши Няо» («释鸟» — Объяснение птиц), «Ши Шоу» («释兽» — Объяснение зверей), «Ши Чу» («释畜» — Объяснение домашнего скота) и т. д.

Анализ содержания книги показывает, что большинство рассматриваемых единиц относится к характеристикам науки и техники, а также наименованиям предметов отдельных областей знания. Каждое такое наименование отражает определенные концепции и обладает собственной концептуальной системой, демонстрирующей глубину и широту человеческого мышления той эпохи.

Например, во времена династий Цинь и Хань в китайский язык было заимствовано большое количество научных и технических терминов из языков Индии и стран Западного региона. Например, «глазурь» (琉璃 Люли) происходит от санскритского слова «veluriya», которое изменилось с «veluriya» на «luri», а затем с «luri» на «luli» (琉璃). Параллельно появляется большое количество собственно китайских терминов в таких трудах, как «Баопуцзы Сяньяо Пянь» (《抱朴子 仙药篇》) Гэ Хуна (葛洪) из Восточной династии Цзинь, «Чжуйшу» (《缀术》) Цзу Чунчжи (祖冲之) из Южной и Северной династий, и «Шуйцзин Чжу» (《水经注》) Ли Даюяня (酈道元) из династии Северная Вэй.

Шэнь Ко (沈括) из династии Северная Сун в своем труде «Мэнси битань» (《梦溪笔谈》) создал множество терминов по физике и геологии. В эпоху династии Мин в книге «Нун Чжэн Цюань Шу» (《农政全书》) Сюй Гуанци (徐光启) ввел в научный оборот систему терминов по сельскому хозяйству, почво- и водосбережению. «Тянь Гун Кэй У» (《天工开物》) Сун Инсина (宋应星) западные ученые называют энциклопедией китайской науки и технологии. В «Бэн Сао Ган Му» (《本草纲目》) Ли Шичжэня (李时珍) применяются сотни названий растений и минералов. Начиная с конца династии Мин и начала династии Цинь, индустрия перевода научных и технологических текстов процветала. Китайские и иностранные ученые работали вместе, чтобы перевести и составить ряд работ по астрономии, математике, физике, горному делу, металлургии, физиологии, биологии, картографии, химии. В научный оборот проникают западные научные и технологические знания. Соответственно, заимствуются и термины в разных сферах наук.

II. Исследование терминологии в период новой истории в Китае

В «Китайско-английском словаре, часть III» в главе «TERM», составленном британским миссионером Робертом Моррисоном (Robert Morrison, 05.01.1782–01.08.1834) в 1822 г., мы видим следующие слова: «A term or particular

name or expression, 名字眼» (Термин или определенное имя или выражение, имя именования). В середине XIX в. британский врач Бенджамин Хобсон (Benjamin Hobson, 1816–1873 гг.) упоминал проблему терминологии в нескольких книгах, знакомящих китайцев с западной наукой, но он не привел китайских названий соответствующих терминов. «Сборник словарей» Куан Цичжао (邝其照) — самый ранний англо-китайский словарь, составленный самими китайцами. Две версии были опубликованы в 1868 и 1875 гг., но в обеих версиях термин (term) был просто переведен как «Цзы» (Слово). В 1898 г. газета «Циньби» (《清议报》) опубликовала статью под названием «Общество согласия Японии и Цинь» (《日清协和会》), в которой впервые встречается понятие «академический термин» (学术语). «Академический термин» (学术语) заимствован из японского языка «学术語» (がくじゆつご). Год спустя, в 1899 г., слово «атрибутив» снова появилось в газете «Циньби», и его значение было очень близко к пониманию «терминологии». В 1902 г. Чжан Бинлинь (章炳麟) работал в издательстве Лян Цичао (梁启超) в газете «Синьминь Цун» (新民丛报馆) в Японии и перевел книгу под названием «Социология». В предисловии к этой книге он упомянул слово «терминология». Из этого следует, что, во-первых, «терминология» происходит от японского слова «術語 (じゆつご)». Во-вторых, с тех пор слово «терминология» постепенно стало чаще встречаться в китайской литературе.

В «Очерке грамматики китайского языка» Ху Ши использовал слово «терминология» шесть раз, и его значение ничем не отличается от того, которое используется сегодня. Это показывает, что значение слова уже было зафиксировано в то время. Кроме того, мы также заметили, что в дополнение к «терминам» в то время также появились и другие связанные слова, такие как: академический язык (学语), научные существительные (科学名词), язык для специальной цели (专门语), академические термины (学术用语) и специализированные термины (专门用语). Интересно, что понятия «язык для специальной цели», «академический термин», «специализированный термин» пришли в китайский из японского языка.

После победы Синьхайской революции (辛亥革命) и дальнейшего распространения научных и технических знаний пересмотр предмета и задач терминологии становится еще актуальнее. В 1919 г. был создан Комитет по рассмотрению

научной терминологии, а в 1923 г. было опубликовано «Краткое изложение терминологии по минералам, горным породам и геологии» (《矿物岩石及地质名词辑要》). К 1931 г. было рассмотрено в общей сложности 14 разделов по различным дисциплинам терминов, все из которых были черновиками. В 1928 г. в университетах функционирует Комитет по унификации переводов, а в 1932 г. начинает работать «Национальное бюро компиляции и переводов» (国立编译馆), ответственное за пересмотр научной и технической терминологии по всей стране. При поддержке Министерства образования состоялось дискуссионное совещание, были переведены термины по астрономии, физике, математике и приведены к единообразию. В 1933 г. сформулированы принципы химической номенклатуры. В 1934 г. опубликованы проект физической номенклатуры и проект астрономической номенклатуры. В 1935 г. издан проект математической номенклатуры. В 1936 г. одобрен проект минералогической номенклатуры. В 1939 г. завершен проект метеорологической номенклатуры. Список терминов опубликован в 1934 г., пересмотрен в 1937 г. и увеличен до 7000 записей в 1940 г. К концу 1949 г. составлено около 50–60 проектов терминов по различным дисциплинам, включая петрологию, географию населения, электротехнику, механику и т. д.

Кроме того, в период с 1908 по 1915 гг. китайские ученые завершили составление «Цьюань» (《辞海》) в четырех томах, а в 1936 г. они также завершили составление «Цыхай» (《辞海》) — энциклопедии слов и иероглифов в трех томах. Эти два основных словаря содержат большое количество научных и технических терминов и дают им определение.

III. Исследование терминологии после образования КНР

Хотя терминологические исследования имеют долгую историю в мире, терминология как дисциплина в современном понимании сформировалась лишь в 1930-х гг., а ее знаковые работы впервые были опубликованы в Австрии. Рождение Нового Китая способствовало бурному развитию науки. В стране хорошо осознают важную роль естественнонаучной терминологии в развитии науки и техники. 6 апреля 1950 г. Центральное народное правительство приняло решение о создании Рабочего комитета по унификации академической терминологии (学术名词统一工作委员会), назначив Го Можо председателем. Комитет состоял из пяти рабочих групп по на-

правлениям исследований: естественные, общественные науки, медицина и здравоохранение, текущие события, литература, а также искусство. Китайская академия наук руководила группой ученых естественных наук, сфера деятельности которой включала астрономию, математику, физику, химию, зоологию, ботанику, геологию, географию, геофизику, инженерию и агрономию и т. д. Было привлечено 150 исследователей, среди которых были известные ученые: Янь Цзыци (严济慈), Хуа Логен (华罗庚), Цянь Саньцян (钱三强), Фэн Дэпэй (冯德培), Мао Ишэн (茅以升), Лу Шусян (吕叔湘) и др. В 1956 г. Государственный совет передал эту работу Китайской академии наук и создал Терминологическое бюро (名词室) при Комитете по составлению и изданию, которое отвечало за пересмотр и унификацию национальной естественнонаучной терминологии. В период Культурной революции работа по пересмотру терминологии была полностью прервана. В 1978 г. Китайская академия наук председательствовала при создании Национального комитета по рассмотрению терминологии естественных наук, за которым последовало создание Комитета по рассмотрению терминологии физики, Комитета по рассмотрению терминологии математики, Комитета по рассмотрению терминологии химии, Комитета по рассмотрению терминологии астрономии, Комитета по рассмотрению терминологии метеорологии.

К 1980-м гг. терминология на Западе превратилась в комплексную дисциплину, объединяющую множество дисциплин. По наблюдениям Фэн Чживэя, значительного прогресса в терминологии добились Испания, Франция, Канада, Германия, Австрия, Италия, Россия, Южная Корея и др. [1, с. 38]. В апреле и октябре 1985 г. Национальный комитет по проверке терминологии естественных наук (теперь именуемый «Национальным комитетом по проверке научной и технической терминологии», сокращенно «Национальным терминологическим комитетом») и Национальный технический комитет по стандартизации терминологии (теперь именуемая «Национальным техническим комитетом по стандартизации языка и терминологии») совместно выпустила регламентирующие употребление терминов документы. Комитет отвечает за разработку руководящих принципов, политики, принципов и планов в области научной и технологической терминологии в Китае; организацию обзора, публикации, координации и продвижения терминологии в различных дисциплинах

науки и техники; осуществление обмена и координации научных и технологической терминологии по всему Тайваньскому проливу и в регионах, говорящих на китайском языке; а также должен унифицировать работу; организовать исследования в области научной и технологической терминологии и академические обмены в стране и за рубежом.

В 1988 г. в соответствии с международным стандартом ISO/TC 37 был разработан национальный стандарт «Общие принципы и методы установления терминологии» (《确立术语的一般原则与方法》) (GB 10112-1988). В соответствии с изменениями в международных стандартах были сформулированы «Принципы и методы терминологической работы» (《术语工作原则与方法》) (GB/T10112-1999) (GB/T10112-959) (GB/T10112-2019) для регулирования и руководства национальной работы по стандартизации терминологии. Эксперты и ученые из различных дисциплин Китая могут принимать активное участие в работе Международной организации по стандартизации (ISO), особенно в деятельности 37-го Технического комитета (ISO/TC 37, принципы терминологии и координация). В этом процессе, с одной стороны, китайские учёные активно участвовали в разработке и пересмотре международных терминологических стандартов, а с другой стороны, внедряли в Китае международный опыт стандартизации терминологии. В Китае также начали распространять иностранные терминологические теории и методы описания, анализировать их сочетание с китайской терминологией. Исследовательская группа под руководством Чжэн Шупу (郑述谱) завершила два крупных исследовательских проекта Ключевой исследовательской базы гуманитарных и социальных наук Министерства образования, а именно «Исследование теории и практики русской терминологии» и «Исследование теории иностранной терминологии», что открыло путь для введения русской терминологии в отечественное научное сообщество и периода теоретических достижений в иностранной терминологии [13]. Характерными примерами являются перевод и издание монографии Дж. Рондо (G-Rondeau, Канада) «Введение в терминологию» Лю Гана и Лю Цзяня в 1985 г.

У Фэнмин задает новый виток дискуссии о терминологии как науки, предлагая свое понимание понятия: «Терминология — пограничный предмет между естественными и социальными науками; она тесно связана с лингвистикой, фонетикой, так-

сономией, информатикой, логикой и онтологией и является «глубоким и обширным» предметом» [10, с. 39]. В ней конкретно обсуждаются концепции терминов в различных дисциплинах, классификация концепций, принципы, эволюция и стандартизация наименования терминологии и т. д.

В 1997 г. Фэн Чживэй (冯志伟) опубликовал «Введение в современную терминологию» (《现代术语学引论》), которое стало первым систематическим теоретическим трудом по терминологии в Китае. В книге изначально была построена базовая система китайской терминологии и предложены оригинальные теории, такие как «закон экономического формирования терминологии» и «теория потенциальной двусмысленности» [2]. В 2011 г. Чжэн Шупу (郑述谱), У Ликунь (吴丽坤), Мэн Линся (孟令霞) и др. перевели и издали монографию С. В. Гринёва (Россия) «Терминоведение» (《术语学》) [12]. В 2009 г. У Ликунь (吴丽坤) написал «Исследование русской терминологии» (《俄罗斯术语学探究》), а в 2021 г. Е Цисун (叶其松), Чэнь Сюэ (陈雪) и Ли Хайбинь (李海斌) составили «Избранные переводы классических трудов по русской терминологии» (《俄罗斯术语学经典论文选译》), и другие результаты были опубликованы один за другим [3, 6, 11]. Хэйлуцзянский университет имеет сильную позицию в области исследований русского языка и находится на переднем крае исследований терминологии и подготовки талантов в области терминологии. Соответствующие специалисты уделяют большое внимание исследовательским областям лексикографии и терминологии, занимаются исследованиями терминологии в течение длительного времени и опубликовали ряд результатов [8].

В 2004 г. Национальный терминологический комитет совместно с Хэйлуцзянским университетом, Национальным языковым комитетом, Институтом языкознания Китайской академии общественных наук и другими учреждениями и организациями провели первый «Семинар по построению китайской терминологии», чтобы изменить отсталую ситуацию по освещению вопросов терминологии. С тех пор изучение китайской терминологии стало организованной, сознательной, систематической и академической деятельностью с широким участием экспертов и ученых [9]. Начиная с 2004 г., благодаря четкому планированию и продвижению Национального терминологического комитета, а также широкому участию и продвижению экспертов в различных областях на основе их профессиональных знаний и рабочих потребностей, терминологические

исследования постепенно вступили на путь устойчивого развития.

За 19 лет, с декабря 2004 г. по ноябрь 2023 г., было успешно проведено десять семинаров по построению терминологии; кроме того, было проведено четыре «Терминологических семинара для перевода» с целью удовлетворения особых потребностей переводческой работы. Среди вышеупомянутых научных конференций четыре являются международными научными семинарами. Хэйлунцзянский университет и Институт русского языка Российской академии наук также совместно провели три «Международных научных семинара по терминологии и познанию». Эти конференции оказали большое влияние на сообщество специалистов по китайской терминологии. В частности, это сыграло положительную роль в продвижении теоретических и прикладных исследований Китая в области терминологии, построения и развития дисциплины, а также позволило работам Китая в области терминологических исследований получить признание и положительную оценку со стороны международных коллег и постепенно занять место в международной терминологии [5].

Результат

Обзор научных теорий и подходов к понятию «термин», «терминология» на протяжении истории лингвистической мысли в Китае позволил сделать следующие выводы с опорой на итоги работы ученых. На наш взгляд, емким и наиболее точным является определение термина, данное Чжу Вэйхуа: «Термин — это однозначное слово, используемое в определенной профессии, которое в основном сохраняет свое профессиональное значение даже тогда, когда оно появляется в других специальных профессиях или в повседневном языке» [14]. Смена научных парадигм в XXI в. расширяет представление о термине как языковом символе научных понятий, который однозначно выражает определённую концепцию. Терминология же изучает создание, развитие и применение терминов, включая терминологические концепции, системы классификации, принципы (правила) наименования, нормы эволюции,

законы распространения. Спецификой представляется именно наличие тесных метапредметных связей лингвистики, логики, информатики и коммуникации. Вводится понятие «специальный язык», который определяется как совокупность языковых средств, используемых людьми, занятыми в определенной профессиональной сфере, для достижения взаимопонимания и общения, характеризующийся высокой степенью стандартизации. Он состоит из специализированной лексики в профессиональных областях, общеязыковой лексики со специальными значениями и общеязыковых языковых компонентов. Специальные языки не имеют своих собственных уникальных грамматических правил. Все правила словообразования и построения предложений следуют грамматической системе общего языка. Их особенность заключается в высокой или низкой частоте использования определенных грамматических правил специального языка на всех языковых уровнях, а именно фонемном, морфемном, грамматическом, лексическом, синтаксическом (построение фраз и предложений).

Заключение

Следует отметить, что тысячелетняя практика функционирования китайской терминологии сформировала базовую исследовательскую парадигму для построения самостоятельной дисциплины — китайской терминологии. Создание самостоятельной дисциплины начиналось с осознания проблем понимания информации в точных науках и выработки исследовательских традиций использовать соответствующие концепции и теории для выражения и обобщения практики китайской терминологии, разработки теории терминоведения и формирования дисциплинарной терминологической системы. Как современная наука, привнесенная с Запада, китайская терминология все еще имеет много аспектов, которые необходимо улучшить и обогатить на дисциплинарном уровне. Несомненно, важно усилить изучение иностранных теорий терминологии и дисциплинарных систем, а также внимательно следить и понимать развитие науки за рубежом.

Список источников

1. 冯志伟, 《术语研究的历史和现状》, 教育部语言文字应用研究所, 2008, 第352页
2. 冯志伟, 现代术语学引论(增订本) [M]. 北京: 商务印书馆, 2011.
3. 龚益, 《社科术语工作的原则与方法》, 全国技术名词委, 2020-10-29.
4. 李约瑟, 《中国科技技术史》, 第一卷总论第一分册, 中国: 科学出版社, 1975.
5. 刘青, 《中国特色术语学研究历程回顾》, 中国科技术语, 2024年第26卷第1期
6. 裴亚军, 《中国术语学学科建设的回顾与思考》, 北京: 《中国科技术语》杂志社, 2023年第25卷第1期, 第4页 (15)

7. 田育诚, 李素贞 《《诗经》一书中的化学史料》, 松辽学刊自然科学版第1期, 1983 年
8. 王琪, 中国科技术语, 2021年, 第23卷, 第4期.
9. 魏向清. “中国术语学”的名实之辨与学理之思[J]. 中国科技术语, 2021(2):3-10.
10. 吴凤鸣, 《一门新兴的交叉学科—术语学 (发展历史及现状)》, [J]. 中国科技术语, 1985-12-15, 39页.
11. 吴凤鸣, 《我国自然科学名词术语研究的历史回顾和现状》, 北京: 《中国科技术语》杂志社, CN 11-5554/N, 1985-06-15.
12. 吴丽坤, 孟令霞, 郑述谱 《术语学》格里尼奥夫(俄罗斯) 著, 2011.
13. 郑述谱, 术语学论集 [M], 商务印书馆, 北京: 2014.
14. 朱伟华, 自然科学术语研究, 3 (2), 1987, 11页.

References

1. Feng Zhiwei. The History and Current Situation of Terminology Research, Institute of Language and Literature Application of the Ministry of Education, 2008, p. 356. (in Chinese).
2. Feng Zhiwei. Introduction to Modern Terminology (Revised Edition) [M]. Beijing: Commercial Press, 2011. (in Chinese).
3. Gong Yi. Principles and Methods of Social Science Terminology, National Technical Terminology Committee, 2020-10-29. (in Chinese).
4. Joseph Needham. History of Science and Technology in China. Volume 1, Part 1, General Introduction, China: Science publisher, 1975. (in Chinese).
5. Liu Qing. A Review of the Research Process of Chinese Terminology. *Chinese Scientific and Technological Terminology*. 2024;26(1)5. (in Chinese).
6. Pei Yajun. Review and Reflection on the Construction of Terminology Discipline in China. Beijing: *China Science and Technology Terminology Magazine*. 2023;25(1)4(15). (in Chinese).
7. Tian Yucheng, Li Suzhen. Chemical Historical Materials in the Book of Songs. *Songliao Journal, Natural Science Edition*. 1983;(1). (in Chinese).
8. Wang Qi, Chinese. *Science and Technology Terminology*. 2021;23(4):5.
9. Wei Xiangqing. The Distinction between Name and Reality and Academic Thinking of “Chinese Terminology” [J]. *Chinese Scientific and Technological Terminology*. 2021;(2):3-10. (in Chinese).
10. Wu Fengming. A New Interdisciplinary Discipline — Terminology (Development History and Current Situation) [J]. *Chinese Science and Technology Terminology*. 1985;(12-15):39. (in Chinese).
11. Wu Fengming. Historical Review and Current Situation of Research on Natural Science Terminology in my country. Beijing. *China Science and Technology Terminology Magazine*, CN 11-5554/N, 1985-06-15. (in Chinese).
12. Grinev-Grinevich SV. Terminology [M]. Zheng Shupu, Wu Likun, Meng Lingxia, etc. trans. Beijing: The Commercial Press, 2011. (in Chinese).
13. Zheng Shupu, Collection of Terminology [M], Commercial Press, Beijing: 2014. (in Chinese).
14. Zhu Weihua. *Research on Natural Science Terminology*. 1987;3(2):11. (in Chinese).

Информация об авторах

Чжао Тэнтэн — аспирант кафедры русского языка как иностранного.

А. А. Миронова — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка как иностранного.

Information about the authors

Zhao Tengteng — postgraduate student, Department of the of Russian as a Foreign Language.

A. A. Mironova — Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Russian as a Foreign Language.

Статья поступила в редакцию 27.01.2025; одобрена после рецензирования 30.03.2025; принята к публикации 30.04.2025.

The article was submitted 27.01.2025; approved after reviewing 30.03.2025; accepted for publication 30.04.2025.

Вклад авторов: авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.